

Ю.М. Осипов

СОΦΙΑΣΟΦΣΚΙΕ ΤΕΤΡΑΔΙ

(He)Υλένые записки

Москва

2018

ББК 65в
О 74

Редакторы: Е.С. Зотова, Т.Г. Трубицына
Дизайн: А.В. Осипова

О 74 **Осипов Ю.М.**
Софиасофские тетради. (Не)Учёные записки. — М.:
ТЕИС, 2017. — 477 с.

ISBN 978-5-7218-1422-8

Непреднамеренные размышления о главном, что может волновать непредвзятого вдумчивого читателя: о человеке, бытии и истории, о современном мире и переменах в нем, о России и ее судьбоносном самоопределении, о слове, мысли и мудрости, о неизвестном и трансцендентном, об Ином.

(©) Ю.М. Осипов, 2018

*Безумие правит миром, его
тревожит и гонит вперед,
страдание же прощает
и хранит.*

*Россия — тайна, подле-
жащая лишь тайному
саморазрешению!*

(Не)Учёные записки

Записки эти, конечно, учёные, но при этом и... *неучёные* — *учёно-неучёные*, поскольку выходят за рамки обычной учёности, обязанной университетскому образованию и главенствующему стилю науки, и вторгаются в *заучёность* — как раз туда, где господствуют интуиция, озарение, откровение, где возможен даже прямой контакт с *Софией Премудростью Божией*, или же с *мудростью мудрости, перво-мудростью, протомудростью*, в общем — с *Господом Богом Творцом!*

Тетрадь первая

1

Всё вокруг, что *есть*, оно, безусловно — есть, но, во-первых, совсем *не такое*, каким является перед взором человека и каким человеку кажется; во-вторых, одновременно есть и не есть; в-третьих, есть, но лишь рядом, около, вместе с тем, что не есть, что не является и не кажется, что даже и не бытует.

Бытие — вовсе не всё, что вокруг, ибо есть ещё и *небытие* — *Небытие*, которое не только не менее, а, может, и более значимо, чем Бытие.

Как же ему — Небытию — не быть более значимым, если человек его не только не видит, но ничего явного о нём не знает, хотя кое о чём и догадывается.

2

Не Небытие уходит в Бытие, а как раз Бытие уходит в Небытие, откуда, кстати, и приходит. Бытие смертно, как и «рожда-тельно», а Небытие — вечно; Бытие — событие (*со-бытиé* — с Небытием), а Небытие — вроде ничто, пустоты, нуля; в Небытии ничего не происходит, ибо там лишь... «одно», «сплошнота», «темень». И, однако, оттуда-то всё и идёт, всё Бытие, всё то, что — *есть!*

Не «Есть» определяет себя, а «Не-есть» определяет «Есть», отчего «Есть» всегда и «(Не)Есть».

Понимание Бытия возможно лишь с учётом Небытия, то бишь как... *(Не)Бытия!*

При этом Небытие не только и не столько вне Бытия, сколько в самом Бытии, ибо без присутствия Небытия в Бытии никакого Бытия попросту быть не может.

Бытие питается Небытием, поддерживая свои предметность, амбицию и временность.

А где, между прочим, он — созидающий аттрактор, дающий конструкцию Бытия и несущий необходимую для этого негэнтропийную интенцию?

Как раз *там* — в Небытии!

Среди Небытия.

3

Аттрактором тут служит... *Дух Божий*, пронизанный инициацией и промыслом Божиим — мыслью Божией; *Бог* — творец, создатель бытия, мира, человека; но Бог — из *Иного*, среди *Великого Неизвестного*; Он здесь, но Он... *оттуда!*

4

Создав человека, Бог создал *Мир!* До человека никакого мира не было, ибо не было кому из мира увидеть мир, обозначить его и присвоить, — только тогда *Нечто* стало *Миром!*

Только человек, созданный Богом по своему подобию — с *сознанием*, хотя и не божеским, но всё-таки с *сознанием* — этим иномирьем в зёмном мире, мог превратить немотное нечто в текстовый мир и читать этот мир, его пошагово распознавая, мало того — шаг за шагом и переделывая.

Созданный по подобию Божию, человек тоже ведь *творец*, хоть он и не Бог Создатель, творящий прямо из ничего; человек лишь пересотворяет сотворённое, ему милостиво данное, хотя и делает это не без участия творящего *Ничто*.

5

Кажется, что человек со своим сознанием — элемент сего мира, продукт природы и только природы, что он вершитель самого себя. Но это не совсем так, если совсем не так! Человек в силу своего сознания — не только пришлец в мир, но и пришлец в природу, хотя природа и стала животворящим лоном для человека.

Природа сотворяла — причём явно не по своей воле! — человека, сотворяла как живой организм — до момента обретения человеком сознания.

С момента обретения сознания человек уже сам по себе *творец* — и мира, и природы, поначалу как их читатель и «обзывать», а затем и как описатель и преобразователь — того же зёмного пока ещё мира, как и пока ещё доступной человеку природы.

6

Сознание — вовсе не средство выживания, для чего достаточно инстинкта и первичного разума, а очаг *миротворения* — не божеский, конечно, но вполне и *пара*-божеский.

Сознание — вовсе не только отражение мира, его зеркальное осознание, это и творческое осознание мира; не выживательная лишь, а вполне созидательная тяжба с миром; вроде бы встроенное в мир, — пусть, как кажется, лишь в зёмный, — сознание противостоит миру — как миру одновременно родному-де и немало при этом чуждому; сознание — не от мира сего, а от мира иного, который и не мир вовсе, а *Иное*, оно же и *Ничто*!

7

Пра-человек, или *пара-человек*, став собственно человеком, эволюирует дальше, превращаясь в другого человека, с другим сознанием, даже и с другой внешностью; по ходу своего бытия и эволюции человек познаёт мир, его осознаёт и осознанивает, присваивает и переделывает, создавая и свой — уже априорно человеческий — мир, как раз тот самый — *искусственный* (*арт-мир*).

Эволюция сия выглядит *само-эволюцией*, что в некоторой мере и так, но... не реализуется ли при этом и некая *программа*, заложенная в сию эволюцию, делающая эту последнюю немало и производной? Сама вроде бы, да вот и не сама!

Иномирная программа, реализуемая в зёмном (этом, нашем, сем) мире.

Не крутовато ли, а-а?!

8

Природа не могла ни с того, ни с сего задать от себя программы, направленной против самой же себя, как не могла она по своей воле и умению произвести на свет сознание — это прозрачное из духа криптооблачко посреди вполне явленного в материи и камне мироздания!

Где оно — сознание, на каком-таком свету, в каком-таком мозгу, в каких-таких нейронах и телесных частичках?

Да, мозг — есть, а вот та же душа? Она вроде бы тоже есть, но при этом и не есть — не так ли? И сознание точно так же: вроде бы есть оно и в то же время — не есть! Потёмки! Ну и, опять же — иное, ничто, что-то явно уже несусветное!

Допустим, что и частичка (та же нано), но *смысл-то* в ней откуда?

9

Сознание — *целый мир*, — что «у» и «в» особи, что «у» и «в» сонме особей, что «у» и «во» всех особях сразу, — от одного человека до всего человечества, от беспредельной корпускулы сознания до целостной и, разумеется, необъятной его сферы — *ноосферы*.

Строго говоря, это вовсе и не мир как некая явленная определённость, а всюю и неясное, насыщенное чем-то сокровенным, безграничное *поле* (среда, сфера, пространство), в котором творится человеком всё, что ему угодно и как ему угодно, кроме, разумеется, атрибутивно Божиего, то бишь творится совсем не по-Божиему, ибо человек — не Бог, хоть и какое-то Ему подобие.

Сознание — *могущественнейшая творческая сила*! Обладая такими орудиями творчества, как слово, мысль, образ, идея, память, проект, сознание способно не только на познание мира и выдвигание знания о нём (осознание себя и мира и осознание мира и себя), но и на созидание того, чего в мире нет, что приходит из Ничто, надо полагать, и из Иного, конечно же, созидание не фотографическое, не адекватное, — не *того*, что *там* (где одна сущая полнота!), а чего-то своего, здешнего, зёмного, но... всё-таки в чём-то непременно *иного*, не этого, ранее не бывшего и в окаёмах сих не бытующего.

10

Реализация сознания — как собственная, так и, надо полагать, ему извне заданная — *реализация иного!* — как раз того, что промыслительно задумано, но что и не соответствует в целом этому задуманному.

Изначальный проект не может не корректироваться, искажаться и переосмысливаться сознанием, ибо оно ведь по подо-

бию и само необъятно мыслит, ища выхода из мирового тупика и природной западни, — как раз туда — в Иномирье, откуда и пришло.

Природа — мать, она же и тьма, а вот отец — Бог, он же и свет!

Вперёд-назад к *Свету* — такова завидно-незавидная судьба человека, ибо он не отсюда, а оттуда, и поход этот как раз и есть само человеческое бытие, его — человека — история.

Дерзость тут или нет — вопрос! — но иного пути у человека нет: зачем же тогда ему *сознание*?

11

Дерзость! Та самая, которой нет ни у одного живого существа, даже и весьма разумного, вроде обезьяны и дельфина, ибо нет ни у кого, кроме человека, страшно-счастливой *ноши* в виде сознания. Сознание открывает, окрыляет, ошарашивает, бьёт! Что это вообще такое: осознавать свою ограниченность во времени (от рождения до смерти) и в пространстве (зёмная резервация)? Смерть делает человека не так живым, как всего лишь проживающим, а лучше сказать — переживающим; не существующим раз и навсегда, а всего лишь экзистенирующим; не полноценным вовсе, а исходно весьма ущербным.

Сознание рано или поздно сходится со смертью в смертельной схватке: кто кого?

И ежели сознание не одолевает смерти, то оно реагирует на сей прискорбный факт, обращаясь к самому себе — живому: дерзость, безмерность, жестокость!

Не так уж грешен первозданно человек, как неизбывно в изначалье поражён, да не грехом как таковым, а осознанием какой-то великой сакральной беды-обиды: за что, для чего, до каких же пор?

12

Творчество спасает! Любое! Не один вовсе труд, который ведь и калечит, и мертвит, а именно творчество, которое, правда, тоже калечит и мертвит, но иначе: через неопиcуемый восторг («Ай да Пушкин!»). Тварь отвечает творчеством! Вызов? Разумеется, ибо тут не жалкое выживание, а пересотворение данного твари мира и сотворение своего собственного, пусть и ограниченное, пусть и с неизвестным, но зато... бесконечно манящим концом!

Зачем человеку тот же космос, в котором жить нельзя; зачем современник идёт уже не на космический риск, а на... *невозврат* из космоса на Землю? Слышите, господа, на НЕВОЗВРАТ!

13

Отсюда и стремление не только продлить зёмную экзистенцию, а и вообще от неё избавиться, перейдя к бессмертному существованию, разумеется, вовсе и... не зёмному, а то ли космическому, то ли какому-то вообще иномирному.

Сознание превосходит самоё себя, ибо оно не что иное, как... *самосознание* — великая нематериальная, неземная, иноприродная сила!

Окончательное обустройство сознания на планете, именуемой по-русски в противовес космосу-«Небу» — «Землём», не предусмотрено метафизисом человека, и, воспользовавшись физикой (наукой), человек длит свой грешный метафизис, причем длит прямо туда — в запределье, не забывая, конечно, и о своём безгрешном-де физисе, неустанно ожидающем физического бессмертия.

Да-а, были какие-то *пред-бытие с пред-историей*, не исключая и куда-то вдруг исчезнувших *прото-цивилизаций* — то ли внеземных пришельцев, то ли несусветных гигантов, то ли попросту богов, потом как будто бы пошли наше *бытие с нашей историей*. Много было такого бытия и немало, надо полагать, такой истории, не слишком человеком и осознанных. В сердцевине же сего бытия и его истории — *хозяйство*. Не экономика вовсе, а именно хозяйство, то бишь *жизнеотправление*.

С чего-то надо было человеку начинать: с того же потребления всего и вся из дарованного природой — не брезгуя и себе подобными (каннибализм), непрерывно и тяжело трудясь не без случайного первичного творчества. Всё ради жизни, ради выживания — наиболее сильных, конечно! Возникло и уже совершенно идеального свойства хозяйствование, связанное с нематериальным обустройством бытия; пошли мысли, идеи, ментальные конструкты; возникли принципы, правила, верования.

Стала фактом не одна лишь *материальная*, но и *идеальная* культура: сказания, образы, мифы, рисунки, знаки.

И что было всего важнее: двинулось вперёд сознание, обогащаясь своим собственным идеальным материалом, усложняясь, совершенствуясь.

Случился и первый выплеск *цивилизации*. Возникли *социум* и *государственность*. Утвердилась *иерархия*: элита и плебс, между которыми управленцы и мастера, явился и *закон*.

Явились знахари, колдуны, ведуны, как и жрецы, мачи, волхвы, в общем — мудрецы, философы, интеллектуалы, мыслители. Пошли в ход духовные практики, обряды, учения, религии: чего только не создал человек творческий, а может — лишь воспроизвел, — кто знает?

15

И всё бытие, всё хозяйство, вся история, всё творчество — в борьбе человека с человеком, племени с племенем, класса с классом, народа с народом, государства с государством. Соперничество, войны, самоуничтожение. *Всеобщее внутрочеловеческое насилие!*

16

Человек как сам над собой... великий *насильник!* Любопытно! Насилие как средство, принцип и образ человеческого бытия. Ничего себе: человек — всеобщий, сквозной, круговой ... *насильник!*

Первое, что этот страннейший курьёз объясняет, — присутствие человека (и *прото*-человека тоже) во враждебном ему мире, необходимость борьбы с этим миром, а заодно и другим человеком — за пропитание, за жизнь, за продление своего бытия. Заложено, как у любого зверя, — и всё тут, а сам человек — *зверь*, но вот почему же и против... *самого себя*... этот зверь?

17

Да, соперничество, да, нехватка пищи, да, борьба за существование, но ведь не только же: что-то здесь явно коренное, исходное, неизбывное.

Всё бытие человека, вся его история, да и почти всё хозяйство тоже — красноречивые свидетельства онтологической зверскости человека.

Легче всего обвинить человека в отпадении от Бога, в его союзе с дьяволом, в первородном грехе, но ведь есть же она — вся эта зверскость, есть — изначально была и до сих пор бытует!

Можно свалить всё на животность человека, его материальность и физичность, на плотоядность, на хищность и т. д., но ведь зверскость-то эта направлена и на человека же, причём не исчезла она ни во вроде бы гуманистическую эпоху, ни в нынешнюю годину потребительного изобилия, круговой защищённости от невзгод, чуть ли не тотального благополучия!

18

Сотворение человека шло, видно, не из глины вовсе, а из живого материала, причём, увы, и звериного тоже. Разного, конечно, но... *из него, из него — из живого*, вполне и зёмного. Недаром люди, племена, народы каким-то непонятным образом смахивают на... тех или иных животных, в том числе и простейших. А племенные тотемы в виде того или иного животного, а зверосущные образы, символы, прозвания, навешанные на особей, племена, народы, а откровенные указания на происхождения от животных, зверей, тех же яростных хищников. Вопросы, вопросы! И не надо сие родство человека с животным миром списывать на примитив предков, их природопоклонство, их де язычество, на исходную некультурность: они-то ведь лучше знали о своей «конгениальности» всякому зверью — как раз по причине своей близости к первоначалам.

19

Сознание вовсе не убавило в человеке зверскости, наоборот — даже усилило, обогатило, расцветило, превратив примитивную животную зверскость в зверскость одухотворённую, изобретательную, изощрённую. Надо ли поминать здесь тюрьмы, пытки, казни, ту же Святую Инквизицию, да и американский Голливуд с некоторой частью того же текущего российского телевидения? А разнообразнейший «духовный» терроризм, включая и «музыкальный»?

Осознанное, осознаниенное и сознательное зверство, — каково, а-а? Причём высоко-де-культурное, вроде того же раскованного «современного искусства» или нынешней истошной «литературы».

20

Зверь, конечно, да вот совсем и не простой зверь, а с соответствующим, знаете ли, экстрафовическим сознанием и очень большим звероугодным размахом. Божий-де человек, распявший на кресте, ничтоже сумняшеся, даже самого Сына Божиего! И нет всему этому никакого удовлетворительного объяснения, кроме... его отсутствия, кроме, следственно, и тайны: человек должен за чем-то пожирать (буквально и иносказательно) другого человека!

Наказание, испытание, сортировка — кто знает?

Загадка! А что на свете не загадка, не тайна, не темень?

Страшно, очень страшно, слишком страшно! А что делать? Есть ли рецепты? Так ведь есть реальная история наказаний, насилий, тюрем, казней — с одной стороны, как и увещеваний, запретов, морали, культуры, как и тех же религий — с другой, причём история совсем и не маленькая, очень даже большая, а зверство всё там же — от потаённых глубин сознания (подсознания) до поверхностной поведенческой симптоматики.

21

Так задуман был кем-то таким зверем человек или же сам стал таковым? Вопрос! А ответ тут, видно, один: и то было и есть, и это!

Странно, не может же такого от самого творения вполне быть, а потому всё-таки *сам*, сам он... греховодник, ну, на крайний случай, соблазнённый на великий грех дьяволом, этим улыбочивым наставничком. А вот и нет! Было, было ведь, ибо выбор

был сделан ещё там, по выходе из самой Бездны, по её превращении в явленный мир, при первом же появлении всего живого. Чей это был выбор: творца или твари? Выбор, конечно, поневоле, ибо то не выбор был, а, скорее, неотвратимость — совершенно и трансцендентная. Так что не творцом и не тварью, а самой по себе реальностью, точнее, *прото*-реальностью, — разумеется, в совершенно *ином* образе-исполнении, не нашенском.

22

Задача сознания — унимать собственную зверскость, но, увы, не до конца, ибо какой же тогда прогресс, какое движение вперёд, какое сопротивление этому миру, какое стремление к миру иному?

Сознание само по себе — не зверскость, но вот зато зверскость — в сознании, — тут сам чёрт голову сломит!

Возрают: но ведь есть солидарность, дружба, любовь, совсем и не зверскость, а, наоборот... э-э... *высокая человечность* (?). Есть, конечно, но, во-первых, не без всё той же зверскости, во-вторых, рядом с нею, с родимую — со зверскостью. Любовь — налево, зверскость — направо, да и сама любовь... э-э... какая-то страшная... не звериная, быть может, но вовсе и не незвериная — от любви до ненависти даже не шаг, а совсем незаметное мгновение, которое, кажется, и есть иной раз в некотором ракурсе и сама жизнь!

23

Вот где хозяйство, так хозяйство: в области зверскости и антизверскости, в сфере любви и... антилюбви! Человек — ты... зверь, сознание — ты... бездна, любовь — ты... э-э... возможная невозможность и невозможная возможность — *обманка*!

И что же?

Как жить-то... э-э... «по-человечески»?

Как?

Только через осознание своей изначальной, органической зверскости и понимание борьбы с ней, если не преодоление, то хотя бы связывание, конвертирование в какую-никакую мораль, кооптирование в пристойность, и не одними, увы, примерами и увещеваниями, но и... *насилием* — то ли ненавистническим, то ли любовным, но... *спасительным!*

Спасительная идеально-нравственная насильническая культура!

Чем не хозяйство, а-а?

24

Насилие — жуть вроде бы, гадость, мерзость, да вот и... благодеение тоже! «Повивальная бабка» не одной истории, а и самого человека, его сознания, человеческого бытия вообще. Преодоление зверского начала в человеке, его «неразумности», через вполне и зверское над зверочеловеком насилие! И со стороны кого: зверя или не зверя? Тут уж любой разум стынет, не говоря уже о душе и сердце, едва только разум вдруг о чём-то таком помыслит, а душа с сердцем внезапно обратятся к сему неблагоприятному и обычно непроговариваемому вопросу.

Признавать ли насилие за благо? Нельзя, как будто бы, да вот либо приходится, либо же оно и без всякого признания есть благо — насилие ведь и само благополучно вершится.

Смешно, конечно, лицемерно и глупо, ибо вся жизнь человеческая есть то или иное насилие — *вся!*

Что над собой, что от других, что над другими, что от природы, что над природой, что от обстоятельств, что над ними, что надо всем, знаете ли, миром.

Насилие — не роскошь, это — необходимость, что отрицать, конечно, можно, а вот обойтись без чего нельзя. И кто бы-

вает при случае самым-самым среди человекoв насильником? Как раз насилie-то громче всех и отрицающий!

25

Насилie не отрицает *морали*, оно её даже утверждает, но и непременно... обходит. Где тут границы? Их нет! В том-то и дело, что нет, как нет вообще никаких границ ни в самих психосоциальных веяниях, так и в любых когнитивных суждениях — нигде!

Ни социальная реальность, ни сознание, ни мысли, ни то же творчество не знают никаких заведомо жёстких границ, хотя и имеют границы гибкие, подвижные, размытые, дискретные, дырчатые, прозрачные, в общем — *безграничные!*

Метафизис — не физис, тут ведь господство воли, неопределённости, беспределья.

А человек ведь зверь не по одному лишь своему физису (организму), но и по метафизису тоже (уму с душой). Само сознание держит в себе зверя! Это как же? А вот так — держит, и всё!

Сознанию очень неуютно в природе, на планете Земля, в месте своего внезапного рождения и неуместного пребывания, — оно и бунтует, не находя выхода, обрушивая гнев свой не только на природу и окружающий мир, но и на самого себя. А каким же вообще тогда быть сознанию и как себя проявлять в чуждом ему витакриптоконтексте, а-а?

Тетрадь вторая

1 (26)

Против зверства человеческого — *культура*, она же при этом и за немалое *насилие*, за которое, надо заметить, и *цивилизация*, хотя она немало и против насилия.

Счастливы люди, коллективы, сообщества, социумы, в которых возникает и воспроизводится, пусть и сложный, почти и не выразимый, *баланс* между насилием и ненасилием, между зверскостью и «человечностью», между любовью и неприязнью. Это случается там и тогда, где и когда личное и общественное сознание находят что-то вроде *золотой экзистенциальной середины*, обеспечивающей воспроизводственное, а то и развитийное *благополучие* — в самом субъекте, в его бытии, в его хозяйстве, пусть и благополучие подвижное, вариативное, изменчивое.

Да, такое и впрямь бывает, но, увы, локально и временно!

Зверскость с насилием *фундаментальны*, а всё им противоположное — *нет!*

2 (27)

Беда!

Может, и беда, но куда ж от неё, ежели сознание в чуждой ему среде, да и само себе оно чуждо, ибо ничего из главного оно не знает, ни к чему конечному не приходит, как не знает оно себя самого и к самому себе тоже ведь не приходит.

Пора уж понять, что мир окружной вовсе не такой уж и мир (как смирный мир, определённый, прочный, точный), а какой-то, знаете ли, — *(Не)Мир*, то бишь вроде бы мир и в то же время и не мир — вибрирующий, блуждающий, неопределённый, а главное — не опорный, какой-то играющий, ускользающий, убегающий. Даже физис не до конца точен, а лишь отдельными параметрами-приманками, позволяющими человеку что-то делать, созидать, творить, но ведь в итоге-то и... *незнамо что!*

А уж ежели обратить свой взор на метафизис — там вообще сплошная произвольность, замешанная на «безотходной» трансцендентности!

Беда тут неоглядная да круговая безысходность!

3 (28)

И человека никакого нет вне всего этого *безобразия*, ибо сознание человеческое возможно только в таком вот *безобразном мире* и только таким вот *безобразным образом*, ибо в противном случае ни жизни, ни хозяйства, ни творчества, ни стремления — как раз к *Иному...* через... *иное!*

По-зверски? И по-зверски тоже, пожалуй что, и в первую очередь. Причём снизу доверху, по всей вертикали и по всей иерархии, как и по всей горизонтали тоже, во всех порах бытия, причём самая большая зверскость и самое большое насилие чаще всего на краях и случаются — в самом низу и на самом верху, как и на одноуровневых экстремумах, а крайности, как известно, сходятся.

4 (29)

Сознание не просто творит все эти безобразия, оно знает, что иначе нельзя и никогда иначе не будет, пока есть человек как... *человек!*

Поведенчески-деятельный спектр сознания велик, ох, как велик, фактически и безграничен. И перегородок тут никаких: то ли это, то ли то, а может — и третье, вообще какое-то «иксовое». Всё переливается, перемещается, смешивается, незаметно замещается, прячется, приставляется, прикрывается. Зверскость сознания куда сложнее и пластичнее зверскости организма: изощрённый метафизис — не чета простоватому физису!

Сознание склоняется именно к *своей* зверскости, не физической вовсе, а как раз метафизической, в сердцевине которой не что иное, как... *ложь*!

Ложь! Великое изобретение, а может, просто обрётённое сознанием великое благо.

Ложь обычно в выгоду, но ведь и во спасение тоже: *экзистенциальная* тут связка!

Вполне опять же *фундаментальная*!

5 (30)

Именно ложь порождает *правду*, точнее — её необходимость и поиск, и обретение, а не наоборот. В основании всё-таки ложь, а правда... э-э... всего лишь... незаконнорожденный принудительный фантом — не более того!

Где она — правда, какая она, а вот ложь — точная, тучная, жирная — и она повсюду! Да и что есть в реальности правда, а что ложь, да и почему же ложь... не правда, а правда, увы — не ложь? Ложь — постоянная спутница для экзистенции, а правда — редкое в ней исключение, очень мало кому, как водится, и нужное.

Ложь — мир, сотканный из антимира, а правда... э-э... некий «антимир» в мире, хотя всё должно быть как будто бы наоборот.

Ложь — очень богатый на смыслы (они же и антисмыслы) сель, вполне и субстанциальный, правда же — никакой не поток

и, тем более, не субстанция, а так — невзрачный постоянно пересыхающий ручеёк.

«Жить не по лжи!» — это как же?

А по правде разве можно жить?

Очень это занимательная вещь — *ложь*!

И очень это невнятная вещь — *правда*!

6 (31)

Ложь — это не неправда, это — «тварь», выдающая себя за правду. Неправда, она и есть неправда, а вот ложь... э-э... это уже чуть ли не сушая правда, — поди-ка различи!

Мир человеческий полон лжи, он ею живёт, а вот держится он всё-таки правдой, как раз той самой, что скрыта, не видна, не обозначена, а... *есть*!

Правда трансцендентна, а вот ложь — имманентна. Тайна ведь не во лжи, хотя эта последняя и врёт, и искажает, и прячется, и прикрывается; тайна как раз в правде — попросту обе они — тайна и правда — не высовываются. Правда может стоять даже за обильной ложью, а вот ложь за правдой, коли уж это правда — никогда!

Ложь — вот она, на виду, лезет в глаза, в уши, в мозг, а правда... нет, она не выпирает, по большей части молчит, но не потому что скромна и тиха, а потому что в противном случае она и не правда. Слово изречённое есть ложь! Крепко сказано, вовсе и не случайно, ибо правда по преимуществу не на языке, а там — в дебрях стеснённого ложью сознания.

7 (32)

Есть жизнь (бытие) внешняя, полная суеты, неблагоприятностей и всякого безобразия, а есть жизнь внутренняя, закрытая, по-своему и тeneвая, но где всё главное как раз и творится. Наверху, к примеру, вершится революция, а там, внизу, в недрах, соверша-

ется какой-то иной судьбоносный для жизни-бытия ход, с революцией вовсе и не совпадающий.

Факт — ещё не правда, ибо правда тут — вовсе не сам факт, а то, что *за* этим фактом, а вот *что* же там — ещё разгадывать надо, не избегнув и кое-какой, может, и немалой, лжи.

Вообще любая трактовка — уже ложь, хотя и может казаться вполне адекватной объекту толкования правдой, да и сам объект может быть тоже замешан на кое-какой лжи: а ложь способна вполне сносно трактовать и... саму ложь.

Есть, конечно, практика, опыт, факты — что-то там подтверждающие, а что-то и отвергающие, но... игра тут всё-таки — *игра*, а не прямое отображение реальности. Игра в ложь... ради даже и кое-какой... э-э... правды!

Правда есть, но она по преимуществу скрыта (тут ведь и вопрос её безопасности, сохранности, вообще её в яви и на свету присутствия), более того — она часто неизвестна, неведома, трансцендентна.

Ну и загвоздочка!

8 (33)

Нуждается ли сознание в правде? Да, нуждается. Но ещё более оно нуждается... во лжи. Факт! Разумеется, в удобной лжи, приемлемой, хотя и не обязательно в утончённой, иной раз и весьма грубой. Почему же? А как быть сознанию среди и в среде трансцендентности, когда и само сознание трансцендентно? И никакой заведомой правды — ни о себе, ни о мире, а уж тем более об иномирье — сознание не знает!

Вот она — ложь во спасение! Как и движение лжи через саму себя к... правде, как и вынужденное пользование ложью — в борьбе-то смертельной за правду!

И ложь сосредоточивается в сознании, и объёмлет его, и подчиняет, отчего и явление лживого сознания — человека, пле-

мени, даже и народа. Ложь помогает, лечит, удовлетворяет, но и спасает. Отсюда и феномен *субстанциальной лжи* — вполне и *бесовской!*

9 (34)

Феномен беса! О-о, это вовсе не «хухры-мухры», это — серьёзно! Беснующееся и обесновывающее сознание. Во все не такое уж и патологическое. Просто отдавшееся лжи, что называется, с потрохами, но уже не карнавальной лжи, не смехотворной, не весёленькой, а реальной, действенной, злотворной.

Бес, может, и где-то там — в иномирье, но он и здесь, да и не так среди людей, как прямо в них — в людях. А уж в отдельных экземплярах прямо-таки с перебором.

Бесовеки! И факт, и реальность, и сила.

«Бес попутал!» — недаром, ох, как недаром!

Да ладно бы лишь попутал, когда можно и откреститься, а то ведь всюду они — *бесы*, ещё и наверху, ещё и во власти, ещё и при деяниях, в том числе и вполне, знаете ли, исторических.

10 (35)

Не прост человек со своим сознанием, ох, как не прост: видимость вроде бы одна, а нутро — совсем другое; опять же не обязательно, что врёт или делает гадость вполне осознанно — во вред кому-либо и чему-либо, а так — само собой отчего-то вдруг получается!

А сколько бесовеков в искусстве, в литературе, в mass-media! Кишат! И дерзают, и резвятся, и тиранят!

Здесь не так патология, как... сущность, от которой никак и никуда не уйти. Здесь ведь *другой*... э-э... человек, он же и *бесовек*; иной, знаете ли, мир, хоть и наш, зёмный; иное воплощение сознания, вполне почему-то и... *приветствуемое*.

И как *это всё* понимать? Необходимость беса, бесовека, бесовства?

Разве лишь трансцендентно, то бишь без объяснения, если только не принять во внимание самого феномена сознания — *иномирья в сеюмирье!*

Нужен ведь бес: для творений, для насилия, для лжи, для перемен, для переворотов, для революций, для бунтов, для войн, для замешательств и помешательств, для ликвидаций, убийств и самоубийств, да мало ли ещё для чего, — *нужен!*

Как же иначе быть... *Процессу?*

11 (36)

Обобщённо говоря, человеку и его зёмному бытию свойственно нечто тёмное, тяжкое, страдательное, лукавое, нехорошее, гибельное, как бы и не человеческое, но лишь... *как бы*, ибо что же тут всего человечнее — то, что *за*, или то, что *против*, а уж оправдать (слышите, *о-правд-ать!*) можно всё, что угодно, как угодно представить, в чём угодно и кого угодно убедить, ибо... *сознание...* это, знаете ли...?!

Всё это... э-э... негативное (?) обобщённо именуется у человека — *злом*.

Зло! Это не имя, не категория, не лживое утверждение, а *реальный феномен*, не избегающий ничего в жизни, ни одной её фиброчки, ни одного её проявления. Зло повсюду и всегда, за исключением мгновений, точек, вспышек, протечек его противоположности — *добра!*

Зло и добро! Они вместе, они неразлучны, они друг другу нужны. Зло — всеобъемлющая, весьма и прочная, субстанция, добро — в эту субстанцию частичные и временные вкрапления, иной раз и немалые, даже и большие. Зло — облачность, добро — разрывы (лакуны) в этой сплошной облачности.

Выходит, что зла гораздо более, чем добра? Возможно! Нет, дело вовсе не в том, чего тут больше, а чего меньше. Зло — исходное основание, добро — корректирующая зло во зло добавка. И добро тут всё-таки... сильнее зла, что не значит, что удачливее.

До сих пор?

Да, конечно, ибо... *сознание* тут всю работу, а не бессознательная машина.

Понять бы, господа, что же это такое — *сознание*?

12 (37)

Сплошное добро только там — в загробном мире, по смерти, во мгле, где ничего *такого* (*зёмного*) не происходит. А здесь, на Земле, на Свету, в мироздании, всё так вот — со злом в обнимку — у сознания и происходит, ибо само сознание — изначальное зло, долженствующее в итоге борьбы зла со злом полниться добром, но лишь полниться, господа, а не заменить зло добром.

Добро бытует в сознании, но сказать, что сознание и есть добро — кто осмелится, кроме... э-э... не будем об этом... ежели говорить правду в миру позволено лишь юродивым, но лишь для того, чтобы правду их либо выдать немедленно за ложь, либо же изобретательно ложью же и перекрыть!

Э-эх, святая простота! Лучше вообще ни о чём таком не думать, а ежели и слегка юродствовать, то культурненько, ироничненько, глуповатенько.

13 (38)

Сознание — зло! Ну и заявочка! А что, милостивые государи, разве оно... *добро*? Да, конечно, от матери к дитяти много льётся добра, но ведь и зла выливается немало, а что говорить о «коммуникациях» тех же хозяев с рабами, управителей с управ-

ляемыми, колонизаторов с аборигенами, а также о разных там «соседушках», «родственничках», «коллежичках», хотя... всё вроде бы с ними по-доброму, ровненько, даже и миленько, прямо как у Моцарта с Сальери, точнее — у Сальери с Моцартом, конечно же, с учётом важности лично для Пушкина сей многозначительной выдумки.

Может, вспомнить тогда об Освенциме, освобождённом-де «украинскими войсками», а-а?

Сознание... разве не зло?

О-о, стоит ли доказывать столь очевидное?

Да, есть в сознании и добро, но... при тщательном воспитании добра, к нему прямому и жёсткому, иной раз и беспощадному, понуждению, можно даже сказать — при вдалбливании добра в умные-де людские головушки, да ещё и с неопределённым для «глупого» воспитателя результатом. А если учесть, что благими намерениями устлана дорога в ад, то не адом ли является пронизанная не так добром, как практически *субстанциальным злом*, зёмная людская «жисть»?

14 (39)

Зло редко оборачивается добром, хотя даже это имеет место, а вот добро почему-то почти непременно оборачивается злом: платить людям приходится более всего не так за зло, ими другим людям причинённое, как за добро, ими ради людей содеянное, в особенности же за искреннее, сердечное, добровольное.

Отчего же так?

А всё оттого, что никакого другого варианта в зёмном аду и быть не может!

Злая плата за добро! Есть ли ещё где-нибудь во Вселенной что-либо подобное?

Сознание — никакой не рай, это — ад, в особенности ежели заглянуть в него поглубже, — о-о, там столько всего, там такой, знаете ли, адок, что и самому чёрту мало не кажется!

Нет никакой победы добра над злом, нет и никогда не будет, пока есть человек, жизнь, сознание, ибо ежели всё это есть, то есть и непрерывная и непобедная борьба добра со злом, в которой только один победитель — бытие человеческое!

15 (40)

Однако выход был всё-таки найден сознанием и жизнью (хозяйством!) в своеобразном *компромиссе* между злом и добром, пусть и неопределённом, подвижном, дырчатом, ибо ежели зло и только зло, то тогда только смерть, а добро без зла — лишь невозможность добра, да и тоже смерть. Так что борьба тут, но при этом и некий союз, основанный на вполне добротном взаимопонимании. Удивительно, а... факт!

Ни зло не может без добра, ни добро не обходится без зла, а потому вот такие злодобрые, или же доброзлые, культуры, цивилизации, государства, в общем — дуальное бытие человека, его сознания.

Свобода и насилие, любовь и ненависть, порядок и беззаконие — и никуда не деться от этой дуальности, вполне и *сакральной!* Нет, это не простое, невинное и мирное сосуществование антиподов, тут злая, она же и добрая, вынужденность — осознанная и не очень, — так уж у раба Божиего получается. Непрерывное, так сказать, перетягивание каната — что в сознании, в том числе и вполне неосознанно, что в самом уже внешнем бытии — как бы и объективно.

Не для благополучия вовсе создан человек, как и не ради человека и его благополучия Каин расправился с Авелем, а для... *работы* — сакрально-исторической, трансцендентно-имма-

нентной, известно-неизвестной, а главное — тягостной, страдательной, ненавистой.

Для... *ра-бо-ты!* А какая работа без обилия зла и лишь толики добра? Поймём же это, наконец!

16 (41)

И вовсе не для работы ради простого выживания в природе, как это выходило у Авеля, а и для *сверх-выживательной* и *сверх-природной* работы — целеположенно, целостно и результатно творческой. В этом-то и состоит главная загадка человека, его сокровенная тайна — в *творческой внеприродной работе*, переходящей и в самую настоящую, вполне и бессовестную (по Каину) *демиургию*.

И всё это заслуга *сознания*, весьма, знаете ли, и бессознательного, и дерзкого, и злого! Какое-такое может стать неизбывное творчество *при* и *в* сознании добреньком, покладистом, рассудительном, как и вообще какое-такое передовое сознание без бессознания, дерзости, зла?

Интересно, не правда ли? Тут ведь и насилие надо добавить, и жестокость, и... зверскость (это об учёных-то и изобретателях!), наконец и саму неистребимую ложь, бытующую разумеется, во благо.

Каково, а-а!

17 (42)

Никакая гуманная идеология не ставит перед собой задачи полной и окончательной гуманизации человека, хотя иной раз и немало этому споспешествует, ибо у человека совсем другие — не обыденные и не обывательские — задачи, вполне и героические, и титанические, и, о ужас! — *демонические* — переделать данный человеку мир, преобразовать его, *пересотворить*, созда-

вая на Земле и в космосе мир другой, не этот, вполне уже и *искусственный* — *ноо-мир*, *арт-мир*, *ино-мир*!

И что же для этого надо? А всё... всё, что в бытии, истории, процессе: и выживание, и культура, и цивилизация, и государство, но при этом и дифференциация, и иерархия, и эксплуатация человека человеком, и неравенство, а также насилие, жестокость, зло, ну и, само собой, ложь, — так-то!

Добро, братство, любовь — хорошо, но, увы, в меру, в меру-у... ибо никакого тогда движения вперёд — в *иное*, *неизвестное*, *иноприродное*, а пожалуй что — в *иномирное*!

18 (43)

Зачем счастливому земноприродному человеку несусветные пирамиды, Вавилонская башня, бесчисленные храмы; зачем загадочные мифы, философии, религии; зачем вообще точные знания, наука, техника; зачем та же потрясная экономика с её лукавыми деньгами, ценами, капиталами, кредитом, с её пламенеющим благоносным золотишком?

Ведь бытовал же в природе сначала зверочеловек, потом человекозверь — общинник, соплеменник, кровник, да и до сих пор бытует в глухих местах сузившейся донельзя земли, ан-нет, выскочил-таки из плотного природного пленения, над природой воспарил — горожанин, цивилист, государственник, господин, как и раб тоже, но... *творец, творец, творец!*

Творец!

А войны для чего? Разумеется, для захвата всякой добычи, включая пленных для еды или рабской, включая женоматеринскую, доли; для обретения территорий с их природными богатствами и покорённым населением, в поте лица своего трудящегося во благо завоевателей не без услужливого участия родных управителей-предателей; для поддержания цивилизаций, го-

сударств, неравенств, иерархий, эксплуатаций. Но не только, совсем даже не только!

Для чего ж ещё?

19 (44)

Для него, родимого, для *творчества*, для *демиургии*, для движения в *иное*, для *прогресса* и *процесса*. Вроде бы не думалось об этом, хотя... гигантские пирамиды, донебесная башня, высоченные храмы, но всё-таки до поры до времени как-то не думалось, во всяком случае, реалистично, пока не явились в христианской Европе алхимики, книгочеи, писатели, а потом и реформаторы с протестантами, ну и масоны тоже, а рядом и за ними капиталисты, предприниматели, банкиры, а где-то, уже рядками, и учёные, и научники, и естествоиспытатели, и изобретатели — явные, так сказать, *творцы*.

Тут-то всё и началось!

Хозяйство! Да вовсе не простое, не выживательное, не строго и в меру необходимое, в общем — не авельское, а... творческое, беспредельное, прогрессное, то бишь совершенно каинское. Этакое *супер-хозяйство*: вроде бы ещё обыденное, потребительное, обогатительное, гедоническое, но... уже и сильно *демиургическое, сверхприродное, суперискусственное*.

На поверхности — одно, а внутри-то — совсем другое! Два потока хозяйства: 1) явный, обыденный, потребительный, тривиальный, скучный и 2) неявный, телеологический, непотребительный, дерзновенный, захватывающий, волнительный. Хорошо вроде бы знаемый и будто бы вполне осознаваемый этот второй поток, да не очень-то и знаемый, вовсе не так уж и осознаваемый: куда, зачем, до каких конечных (либо бесконечных) свершений и пределов (либо же беспределья)?

20 (45)

Знал ли передовой европеец — последователь загадочного, бунташного и неистового Леонардо, куда и зачем идёт, что творит, к чему же придёт? Вряд ли. А знал ли это сам Леонардо? Здесь даже не загадка, а... *тайна!* Великая тайна творения и пересотворения, никому из Леонардовых последышей так и не открытая.

Недаром, ох, как недаром, бежал Леонардо из родной страны к заграничному королю-диссиденту, как и вовсе не случайно король этот прикрывал беглеца-новатора, да и умер Леонардо там — в изгнании-укрытии — тоже ведь не очень-то случайно!

Осталась от Леонардо лукавая улыбочка Джоконды, как потом остался в людском воображении лукаво высунутый язычок великого физика-релятивиста.

От знания ли улыбочка эта с этим-то язычком или же от незнания, кто ж знает?

От предчувствия чего-то несусветного или же от уже видения этого несусветного?

21 (46)

Гуманизм! Европейский гуманизм! Вполне и *антихристов*, ибо иначе — ни полноценной экономики (вместо и ради хозяйства как такового), ни науки с техникой, ни прогресса с процессом, ни *нового мира* — *ноо-мира*, *арт-мира*, *ино-мира*.

Опора человека тут уже не на Бога, а на самого себя; не на Природу, а на своё воображение; не на Традицию, а на Новизну.

Не на полноту, а на её нехватку; не на насыщенность, а на пустоту; не на имеющееся, а на недостающее.

Что же недоставало человеку?

Кажется, что чего-то вроде бы человеческого, отчего и *гуманизм*, за которым было скорее человекопризнание, чем челове-

колюбие, а на самом-то деле, как оказалось, человеку недоставало чего-то *сверх-, за-, пост-*человеческого: через преобразование физиса посредством науки, техники и гуманитарной идеологии вперёд к какому-то новому, уже и подчинённому самому человеку, метафизису — десакрализованному, зёмному, своему.

Тут и новая идеология явилась, расправившаяся в меру сил, наглости и вздорности с устаревшей и мешавшей человеку деятельному не слишком деятельной религией; философия обратилась к физису, материи, творчеству и прагматике, а политэкономия — к потребностям, потреблению, производству и производительности. Там и там в основе и результате удовлетворение, что вроде бы и не плохо, но вот от чего же?

22 (47)

От необъятности, неуёмности и изобретательности сознания, от всемогущества человека, труда и творчества, от разошедшейся людской демиургии.

Факт! Даже не удовлетворение, а самая настоящая эйфория: чего только не наделал амбициозный, восторженный и агрессивный европеец, ставший затем ещё и американцем!

Создал-таки полномасштабный, вездесущий и бескрайний искусственный мир — АРТМИР!

Сбылась многовековая мечта человека-каиниста: на грешной планете Земля возник антиприродный и антисакральный, сугубо-де человеческий, мир, отличившийся не только тьмами благ, мегаполисами, инфраструктурой и техникой, а и величайшей в истории человекоубийственной войной, обычно делимой на две мировые, не говоря уже о братоубийственных революциях и кровавых «гражданских» междоусобицах.

Артмир и уникальные по артсредствам *арт-*войны!

Какая-нибудь дрезденская бомбардировочная вакханалия или же одноразовые ядерные удары по японским городам — не

только не шутки, а самые настоящие апокалиптические... э-э... дыры!

Дыры в Бытии и Истории, в Жизни и Смерти, в Сознании и Бессознании, в Природе и Ноосфере, в самой даже Криптосфере.

Именно дыры, разумеется — *чёрные!* И без всяких уже ка-вычек! А то всё гуманизм, законность, демократия, наука, что там ещё, может... *любовь?*

23 (48)

Какая такая любовь, ежели кругом соперничество, вражда, агрессия, насилие, террор, война?

Не *мир-мир* ведь кругом, а *мир-война!* Как был миром-войной, так и остаётся, разве лишь ещё больше в нём стало лжи и лицемерия, той же плутократической изошрённости, даже и лукавого изящества, если не изящного лукавства.

Достигнутое экономико-технологическим европеизмом материальное благополучие не сделало ни человека, ни народы, ни цивилизации добрее, честнее, лучше, наоборот, усилилось стремление к господству одних над другими (конечно же, передового-де меньшинства над отсталым-де большинством), а также возросла тяга к научно оправданному и вполне уже простительному уничтожению одних другими (как раз тоже «отсталого» большинства «передовым» меньшинством).

Война идёт совсем не простая, даже не очень-то и военная («гибридная»-де), но она идёт, разгорается, выдавливая из бытия остатки гуманности, добра, милости, чести, поощряя в человечестве *экзистенциональное безрассудство*, непременно перетекающее во вполне уже *субстанциональное безумие*, абсолютно равнодушное ко всему, кроме возможно более гедонического пребывания остаточного человекообразного существа на совсем уже чуждой ему и сильно на него «раздражённой» несчастной планете.

24 (49)

Прелюбопытнейшая вещь (от вести): *благополучие не просто не для блага человека, оно для него губительно!*

Любовь, о которой заботится та же религия, — вовсе не благополучие, это — не что иное, как стойкое и достойное по стилю от него спасение, что даёт человеку шанс быть и оставаться собственно человеком, хотя, надо признать, маловато тут бывает любви и человечности.

Любовь к ближнему хоть и не исключена, но явно уже не в великом почёте: буйство тут если не ненависти, то уж убийственного безразличия — к другому. Другой уже не друг (*друг-ой*), хотя, быть может, и не враг, — другой уже просто никто, во всяком случае — лицом к лицу.

Уж не наказание ли тут Божие?! Тогда за что? Не так даже за демиургическую гордыню, как, видно, за попытку увернуться от экзистенциальной страды.

Худо — есть человек, благополучно — нет его!

Вот и вся тут недолга!

25 (50)

Есть такое понятие — *апокалиптика!* Однако это не только понятие, а и онтологическая принадлежность реального бытия — всего сразу, не только живого с его смертью, не только и человеческого.

Фундаментальное неблагополучие, как и непрерывное уничтожение, включая и самоуничтожение. Наличие всяких «анти» и в них всяких вольных и невольных *сходов* (сбросов, падений, срывов). Одна энтропия чего стоит: вот уж где апокалиптика так апокалиптика, причём даже без всебеспощадной всемирной

катастрофы, а вследствие тихой и постепенной диссипации, рассыпания, самоисчезновения.

Нечто вольным ходом в ничто — вот вам и апокалиптика!

Снижение уровня, деградация, опустошение.

Ну и смерть, конечно, болезни, то же старение — всё туда же.

Война!

Террор!

Да и сама по себе не слишком-то и выносимая квазилюдская жизнь. Страды, драмы, трагедии. Однако и комедии тоже. Карнавалы, вакханалии, мистерии.

А разве искусство, литература, mass-media; культура, спорт, медицина; религия, философия, наука; как и всё хозяйство, вся экономика, всё производство, да и всё потребление тоже — разве всё это не апокалиплично?

Где её нет — *апокалиптики*? Она, увы, везде: в семьях, коллективах, учреждениях; в государстве, цивилизации, империи; в сообществах, сектах, даже и в церкви.

Кажется, что можно уйти от тотального апокалиптического наваждения, отгородиться от него, куда-нибудь спрятаться. Нет, нельзя, совсем нельзя, ибо бытие исходно и фундаментально именно таково — оно — *апокалиплично*, да и сам человек как раз первый и самый последовательный *апокалиптик* среди бытия и есть!

Тетрадь третья

1 (51)

Смысл Бытия — в бытии, а вот *мета*-смысл Бытия — не в бытии вовсе, но и не в небытии, а в чём-то ни Человеку, ни Природе, ни Космосу не известном.

Метасмысл человека, его сознания, не в человеке и не в сознании, а в чём-то... *ином*, опять же никому, кроме разве Господа Бога, совершенно не известном.

Что может быть важнее, сильнее и интереснее сего странного и довольно-таки страшного умозаключения?

Вроде бы — какая разница, ведь всё равно ничего неизвестно, неясно, непостижимо!

Какой-то выхолощенной, а потому и отталкивающей получается сия мифология!

Ан-нет, не так всё тут просто, ибо сия мифология не от умственной праздности и душевной лености, а от великой неразгадываемой загадки — *Тайны Мировской*, диктующей уму и душе неизречимые разрешения, как бы и безответные, совсем не достойные научно-обыденного ума, привыкшего, отключив душу, всё лишь сугубо физически видеть, слышать и ощущать, ничего из невидимого, неслышимого и неоощуяемого, включая и саму душу, не замечать и даже нарочито не признавать.

Итак: Бытие есть бытие, как и при этом небытие тоже, но, оказывается, оно ещё и *ино*-бытие, «X»-бытие, которого вроде бы нет, но которое всё-таки... *есть*!

2 (52)

Живём вроде бы, но, выходит, не то что не живём, а как-то иначе и для иного... э-э... *существуем*... э-э... *не существуя!*

Вот-те на-а!

Нашенское бытие в каком-то там ещё Бытии, а то и вообще это вовсе не то бытие, которое нашему сознанию упорно представляется.

Однако согласимся, что иначе и быть не может: какое такое изолированное от... э-э... всей Вселенной нашенское бытие?

Бытуем, но что из того?

Ответа человек не знает, но зато хорошо знает, что есть и оно — *Неизвестное Бытие*, в котором человек тоже участвует и ради которого он в общем-то и бытует.

Для обыденного человека, в том числе и для всезнающего ученого, это ничего не значит, а вот для изощрённого метафизика это значит очень и очень многое: не только открывается бытийная относительность нашенского бытия, его ограниченность, а и какая-то его особая *вселенская значимость*, гарантированная как раз обобщающей всё и вся *неизвестностью*.

3 (53)

Вдумаемся в *это*: человек — не человек; природа — не природа; мироздание — не мироздание!

Всё — *другое!*

И ради этого *другого* всё и творится — и то, что называется мирозданием, и то, что называется природой, и то, что называется человеком, но и то, конечно, что делает человек — выживая, думая и выдумывая, дерзая и творя.

И как тут человеку неосознанно («интуитивно») не взбеситься?

Жить ради... смерти, а смерть при этом нисходит на человека ради... чего-то совсем другого — уже и не нашенского.

Как тут не отчаяться, как не сойти с ума, как не «ссуицидничать»?!

Выручают необходимость, неизбежность, нужда; выручают заботы, преодоления, тщета; выручают труд, работа, творчество; выручают переходы, бегства, переселения; выручают авантюры, набеги, войны; выручают насилие, стойкость, беспощадье, но главное — выручают идеология, слово, мудрость (сказания, нравования, мифы, философии, религии), а ещё более — *вера!*

Ну и ложь, конечно.

Не знающему точно и полно *ничего из всего*, человеку ничего не остаётся, как только верить: в себя, во всё окружающее, в слово, в ту же ложь, ну и в богов, в инопланетян, в атлантов, как и в единого Бога тоже.

И человек во всё это верит, чем и спасается!

Не *знание веры*, заметим, тут в приоритете, а как раз... *вера в знание*, пусть и не совсем в знание, а лишь в его подобие, но какая разница: вера в знание — *сила!*

4 (54)

Однако есть ещё одна вера — в... *незнание*. Она не на переднем плане, — как та же вера в то же знание, — но она ведь тоже есть.

И тоже выручает страждущего знания человека.

Вера в... ИНОЕ!

Особого рода эта вера — самая что ни на есть и спасительная!

Нет никакой необходимости в мифологическом представлении данной веры — во *что?!*

Вера сия не для обыденного сознания, даже и подёрнутого некоторой мудростью, вообще не для убеждённых знатоков чего-

либо, она за пределами любого расхожего знания, любого догмата, даже и самого утончённого, — и назначение её совсем в другом, не в мифе, имитирующем знание, а как раз в осознанном признании незнания, то бишь не в знании, а в *при*-знании, но при этом не в *пред*-знании, а как раз в *после*-знании.

Речь тут не о каком-то высшем знании, а о *мета*-знании, выходящем за пределы любого известного знания, но не переходящем при этом в совсем уж немотное незнание.

5 (SS)

Смешны упорные попытки трактовать бытие и ту же историю по обозримым фактам, конкретным событиям, фиксируемым разумом процессам; бытие и история вовсе не обозримы, не конкретны, не фиксируемы; их как бы и *нет*.

А почему? Да ведь смыслы у реальных бытия и истории совсем иные, не такие, какими их представляет феноменальная конкретика, даже и обобщённая, систематизированная, логично обустроенная.

Мало того, что смыслы где-то там — внутри, что они эзотеричны и скрыты от дознавателя, что их самих по себе как бы и нет, что они все даже не в бытии и истории, а всего лишь в сознании, причём в его откровенчески-трактовочной «части», важно ещё иметь в виду, что вся смысловая нагрузка реальности вообще не сводится к этим метафизическим смыслам, обнаруживаемым так или иначе сознанием и в нём не без робости гнездящимся, а полнится *иными* смыслами, сознанию вообще не известными — не метасмыслами даже, а уже некими *сверх*- или *вне*-смыслами — *запредельными смыслами*, а может, уже вовсе и не смыслами, а чем-то и взаправду ИНЫМ.

Не об этих ли запредельных смыслах пёкса мудрый Соломон, выказывая свою горечь от знания, сомнения и незнания?

Но есть ли оно — удовлетворение от полного незнания, кроме лишь от его признавательного восприятия как всего лишь чего-то *иного*?

6 (56)

Непростой вопрос, но... разрешимый, но не ответом на него, а как раз через уклонение от сего ответа.

Нет здесь никакого сносного ответа, хотя есть от него вполне привлекательное уклонение.

Творится по жизни *что-то* с участием человека, его сознания, — и это *что-то* не просто с неведомыми человеку мотивом и концом, но и в неведомой человеку и его бытию... э-э... «реальности», точнее — *нереальности*, которая не нечто и не ничто, но которая всё-таки есть, хотя и есть неведомо где и как. Слово-блудие? Не скажите, ибо здесь ведь не слово, а его — слова — имитация, так что ежели и «блудие», то другое — *за-словесное*.

Слово тут вообще не при чём — там ведь *Иное*, не обособленное и не прочитываемое, а вот бессловесье явно уже тут как тут, как раз то самое — родственное мудрому молчанию мудрых из мудрых. Мудрость не терпит словопрений. А потому остаётся лишь немотное понимание, посещающее лишь единиц даже из сонма мудрецов.

И какое при этом обогащение в... э-э... «мировосприятии», когда мир вовсе и не мир, а какая-то неведомая «матрёшка» (или та же китайская мудрёная конструкция из костяных шариков, оказывающихся под ножом искусного резчика один внутри другого).

7 (57)

Для обыденного, в том числе и онаученного, ума, какое-нибудь *это* есть не что иное, как *это*, и всё. Для метафизика лю-

бое *это* есть как *это*, так и *неэто* — сразу. А вот в случае с иным *это* есть *это* и *неэто*, погружённые в ничто, или же наоборот, на (или за) ничто как бы держащиеся, но при том условии, что ничто здесь не пустота, а... полномочный источник, но не этого и не неэтого, а чего-то за ними или в связи с ними... э-э... «бытующего».

Речь у нас идёт о некоем *за-мирье*, если не «зазеркалье», где никаких *это* и *неэто* нет, но зато есть стоящая за ними... *истина*, как раз та самая — *неизвестная*.

Есть известные якобы истины, или уж охотно принимаемые за таковые, а есть, оказывается, и *неизвестные истины*, куда более при этом истинные, чем как будто бы известные истины.

Разумеется, мы тут печёмся не так о физисе мироздания, как о его метафизисе, в особенности, мироздания homo-социального.

Где она — истина, если на поверхности всего лишь мерцающие «агенты» истины, в глубине — ускользающие её образы, а сама истина не просто сокрыта, а вообще где-то *там*, куда не достаёт не то что острый глаз, но даже и прихотливое воображение человека?

Вот и приходится сознанию обходиться по преимуществу своими, немало и выдуманными, истинами, однако понимая, как большое исключение, что истина-таки есть, но, увы, в полном для человека недоступье.

8 (58)

У нашего земно-космического мира есть начало и есть конец, ибо сам этот мир не от сего мира, а от другого, который и не мир вовсе, а некий *за-мир*, о котором сознанию — в отличие от сего мира — и сказать-то нечего.

Не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что начало и конец сего мира, как и само бытие, обязаны сознанию: есть

сознание — есть и мир, нет сознания — нет мира! Честь открытия и закрытия сего мира принадлежит не только замирию, включая и иной мир, человеком лишь эзотерически как-то различаемый, но и сознанию, которое, строго говоря, как раз и есть *иной мир* в этом мире.

Недооценка сознания — беда человека, хоть и разумного, но не очень при этом думающего, а непонимание иномирности сознания — сушая для него трагедия, правда, легко выворачивающаяся в комедию: человеку ведь очень нравится быть перед самим собой таким дурачком-простачком, а перед непостижимой им Вселенной — шутом гороховым, — иначе как же ему — *смертному* — жить, творить, благоденствовать?!

Всё, чем владеет человек — в сознании и от сознания, а последнее — *бездна*!

Так человек ли владеет сознанием или же сознание владеет человеком — вопрос!

Человек ли — властелин над бездной или же бездна властвует над человеком?!

9 (59)

Званных много, знатоков всяких хватает, а вот призванных... весьма уже маловато, а уж избранных (понимающих!) — единицы, что, наверное, вполне и оправданно: кто ж тогда в космос охотно полетит, а кто и в саму бездну без всякой охоты заглянет?!

Разум не ухватывает всей реальности, хотя подавляющее людское большинство, а можно сказать — *все* из людей, цепляются за разум, им живут, что делается, в общем-то, совершенно оправданно и вполне правильно. Однако разум, если он вообще есть, только часть сознания — ловкая, вёрткая, дерзкая, но не главная. Всё основное где-то *за* разумом, а то и *вне* разума, к чему как раз и тяготеют несчастные единицы-избранники.

Мудрецы они вроде бы, но не только, скорее — посвящённые, хотя и это не всё, точнее же — обречённые: видеть, понимать, страдать, но не столько страдать от увиденного и понятого, сколько от обыденного непонимания со стороны даже... э-э... вроде бы в азарте и призванных. Соломон страдал не от увиденного и им понятого, а от своего рокового одиночества — вполне и законного: *что, кому, зачем?*

Как объяснить, что происходящее вокруг зависит не столько от самого этого происходящего, сколько от непроисходящего; что не получается что-то важное вовсе не потому, что плохо делается, а потому что не скоррелировано с неизвестностью; что ведёт себя человек отвратительно нередко не по своей злой воле, а по хотению той же преисподней, в нём и гнездящейся; что случайность вовсе и не случайность; что та же явная-де закономерность — никакая и не закономерность; что предвидеть вообще мало что можно, но не потому, что невозможно, а потому, что не надо, ибо всё свершающееся в реальности — деяние не только самой этой реальности; что бытие сильно зависит и весьма определяется не то что небытием, а каким-то другим «бытием»; что сказка, миф, чудо реальнее самой что ни на есть реальности, ибо обязаны тому, чего в текущей реальности нет, но что на неё влияет, и т. д. и т. п.

Что, кому, зачем?

Здесь даже не скорбное одиночество мудреца, а живое заклятье ему, ибо хоть иной раз и вопрошают, обращаясь к мудрецу, и ответа даже жаждут, а вот ответа его не слушают или не слышат, а ежели что-то вдруг и услышат, то категорически не приемлют, энергично и безапелляционно опровергают, ну а самого мудреца рано или поздно — в заслуженный расход.

Слава, слава честной обыденности — этому великому гаранту человеческого жизнеспособия!

10 (60)

«Не верь глазам и ушам своим!» Кажется — одно, на самом же деле — другое, а ежели об истине — так и вообще... нет... не третье вовсе, а... Х-какое-то, что ещё разгадать надо, да не очень-то и рационально, то бишь рассудительно, а как-то самой собой — откровенчески, нередко и внезапно, без всякого на то заведомого намерения.

Сознание, включая и сверхсознание (к небесам), и подсознание (к чреву), так вот и творит — само по себе, но не всякое вовсе частное сознание, а либо на то урождённое, либо к этому как-то подготовленное. Один из путей — большая, освоительная и размыслительная работа сознания: это, это, это, но при этом и не это, не это, не это, а в итоге — заход в запределье!

Однако одной работы тут мало: потребно... *предназначение*, дающееся вовсе не только рождением, а и самую загадочной судьбою.

Судьба! О-о, какая же она дерзкая, рьяная, пьяная! Ни понять её, ни зацепить, ни повлиять на неё. Что и понятно, ибо судьба, как и сознание — не от мира сего. Всё решается не здесь, а там, а где — неизвестно. Догадываться чуть-чуть можно, а вот знать — нет!

Бытие ведь потому и бытие, что не только оснащено (эзотерически), но и окутано (экзотерически) неизвестностью; прими во внимание эту неизвестность и станет... нет, не легче, а... спокойнее, точнее... «стойчее», однако и зримее, и понятнее, и прозорливее; признай неизвестность и потечёт не знание как таковое, а лишь признание тебя самого от... *чего-то*, а может, от *кого-то*, но зато какое важное признание — *спасительное!*

11 (61)

Почему же спасительное?

Само осознание неотмирности сего мира, его непознаваемой основы, присутствия *в* мире и *за* (*над*, *под*) ним фундаментальной неизвестности, вполне и творческой, позволяет сознанию не только занять *иной* взгляд на мир и самого себя, но и учитывать постоянное влияние на мир и его движение нефизической трансцендентной силы, ему — этому миру — неподвластной, а потому и воспринимать реально вокруг происходящее как происходящее не только по мотивам и велению *этого* мира, но и мира *иного*.

Имеет место явное обогащение представления о текущем мире, позволяющее не только смотреть на мир, его ближайше познавать и на него ловко воздействовать, но и слушать мир, улавливая не только коротковолновые звуки от его поверхности, но и длинноволновые голоса от его глубин (что верхних, что нижних), испытывая перед ними сакральное благоговение и переживая вдохновляемый неизвестностью вещей страх.

Бытие-хозяйство-история делается, безусловно, человеком, оно и само как-то вершится, однако ещё и таинственно «чем-то-кем-то» творится — как раз неизвестностью.

Любое конкретное событие одновременно ещё и компонент, или же соучастник, другого события — *метасобытия*, имеющего место как бы внутри реального процесса, но в то же время оказывающегося агентом и сподвижником некоей отдалённой неизвестности, вполне трансцендентных веяний, зовов и импульсов.

Содеяно человеком что-либо, а почему и для чего — не очень-то и известно; произошло что-то, а вот что же и почему — сказать отчего-то затруднительно; случилось что-то, а вот объяснить, что тут к чему никак почему-то не получается.

Каждодневное бдение человека вроде бы понятно и довольно-таки объяснимо, но зато по выходе умозрительно чуть-чуть за пределы текущего обыденного (аналитически, размыслительно, познавательно) тут как тут и они — необъяснимость и непонятность.

Тогда где более бытует человек — в понятности и объяснимости или же в непонятности и необъяснимости?

12 (62)

Современному образованному и вроде бы вполне просвещённому человеку кажется, что он бытует в достаточной понятности и довольной объяснимости, хотя он — упорный научник, экспериментатор и дознаватель — уже явно упёрся в грань, за которой стоит даже не вероятность, а самая что ни на есть... *тайна*, причём совершенно для научника невозможная и необъяснимая.

Чем выше, глубже и дальше в познании, тем меньше знания, понимания и объяснения.

Факт!

Человеку познающему доступны лишь бытийная поверхность, явная явленность, выпирающая конкретность, да и доступны лишь условно (*у-слов-но*) — в слове, языке, образе, но никак не в полноте истины. Всё остальное — неявное, неконкретное, глубинное — лишь угадываемо в меру человеческого воображения, а более всего просто человеком признаваемо (*при-зна-ваемо* — *при* знании, *около* знания, *на пути* к знанию). Не знание тут как таковое, а лишь его образный заместитель. Всё дело в делах познания и знания не в чём ином, как в *образе образа*, а частенько и в отсутствии какого-либо образа — в *безобразности* (незрячей и глухой, но всё-таки чувствительной, хваткой, восприимчивой — шестым чувством, интуицией, ничем).

13 (63)

В признании человеком *трансцендентности* очень, надо заметить, большой толк: знаешь, что не знаешь, а вроде бы... зная — вооружён — против неполноты, неожиданности, внезапности, коварства, своеволия, опрометчивости, наивности. Реальность, не говоря о скрытой в ней и за ней ирреальности, аналогична *игре* — что индивидуальной, что коллективной, что массовой.

Игра — не просто отвлечённое развлечение, это — часть реальности, «слепок» с неё, её модель. Тот же футбол — реальность, образ реальности, её, знаете ли, концепт. Только глупцы думают, что это развлекательно-отвлечательное зрелище, вполне и пустое, а это... это сама реальность и есть: исходно определённая, но при этом и совершенно неопределённая, делаемая, своевольная, видимая, скрытая, в чём-то предвидимая, но вполне-то ведь непредсказуемая. Говоря, что это всего лишь игра, не учитывают, что это и сама реальность, лишь выраженная в славной потешной форме. Тот же карнавал или та же спортивная борьба без правил куда ближе к реальности, чем обычно полагают мало что в реальности улавливающие люди. «Вся жизнь — театр!», но ведь и «Весь театр — жизнь!».

Вот и искусство заглянуло в иные веси: Кандинский, Малевич, Пикассо... Мазня, безобразность, безобразие! Но... всё тут как раз то, что внутри бытия, его чреве, но и за бытием, что ближе к бездне и что всю безобразно и безобразно, что непонятно и что необъяснимо. Глупые люди всю любят сим отталкивающим и при этом магически завораживающим *анти*-искусством, то восхищаясь им, то на него ворча, а надо бы не любоваться им, а думать и думать, но не над написанным (намалёванным), а над тем, что *там* — *внутри* и *за*, что в самом бытии,

но не так уже в яви — снаружи, как в нави — в скрытых недрах бытия.

Да ладно бы лишь где-то присутствует трансценденция, а то ведь и... *работает!*

Работающая трансценденция! Ни указать на это, ни обосновать, ни в этом убедить: всё тут тщетно, — нет, видите ли, никакой трансценденции для образованцев-просвещенцев, хоть и «ходят» они, уныло восторгаясь, на Кандинского, Малевича и Пикассо, хоть и врут себе старательно, невольно от этого и бесясь.

14 (64)

Люди, в особенности академически образованные и насквозь просвещённые университетами, любят конкретные причины конкретных следствий. Наполеон Бонапарт-де «лажанулся» потому-то; Пушкин-де погиб потому-то; Гитлер-де начисто проигрался потому-то; СССР-де рухнул потому-то и т. д. и т. п. Правильно, конечно, делают, хотя конечной неоспоримой истины так и не находят: много ведь всего, ещё и в сложнейшем переплетении, а что-то самое-самое никем из сих самоуверенных «судей» вообще не замечается. Трактовки, версии, споры, дискуссии — до бесконечности: не полная бессмыслица, пожалуй, но и никакая не великая «смыслица»!

А есть ведь такой феномен, как *causa sui* — *сама себе причина*, говорящий о том, что в самих бытийно-исторических событиях-происшествиях как раз и сидят причины как их появления и свершения, так и их завершения и гибели. *В самих же этих событиях-происшествиях!* Они, эти события-происшествия, должны были в какой-то момент непременно случиться, обязательно своё отработать и себя израсходовать, непременно затем и исчезнуть.

Не отрицая влияния на то или иное событие-происшествие любых внешних обстоятельств (причин) — с момента возникновения (рождения) через совершение (жизнь) до момента завершения (смерти), отметим при этом главную роль самого же этого события-происшествия на свою же собственную судьбу — с учётом внутренней (эзотерической) обусловленности события-происшествия, восходящей непосредственно к *метабытийной трансценденции*.

Причина события возникает вместе с событием и в нём самом из... *ничто!*

Ничто рождает — ничто и погубляет!

Фатальность? Нет, не фатальность, хотя она тоже старательно работает, а лучше бы сказать — не одна лишь фатальность, раз уж... *сама себе причина*, следственно и... *сама себе судьба*, а потому и... *сама себе фатальность!*

15 (65)

Ага-а, *промысел?*

Да, промысел, но вот чей?

Верующий человек ответит — Господа Бога Творца, и правильно сделает. Но не только и не столько, ибо между событием (как и вообще реальностью) и тем же Богом лежит ирреальность, в среде которой многое что творится, находя выражение и в самой конкретной реальности, как раз и пронизанной услужливо ирреальностью (тем же духом).

Промысел в основе фатален, но не настолько, чтобы не дать событию-происшествию, его причине, его алгоритму, его провалу, исчерпанию и концу известной самостоятельности — так называемой *свободы*.

Почему? Потому что без свободы, без воли, без произвола никакому событию-происшествию и не статья.

Была ли возможность Бонапарту ещё поцарствовать в им захваченной и объединённой Европе; Пушкину ещё пожить и написать разные вещие тексты; Гитлеру погосподствовать над всё той же Европой; СССР'у не развалиться и ещё побыть на планете Земля?

Сегодня мы знаем, что нет, не было такой возможности ни у одной из отмеченных данностей.

Однако в момент их — этих данностей — бытия такая возможность всё-таки не исключалась, но... при других — этих данностей — реализациях, чего всё-таки не стряслось.

Вина тут промысла или же самой-себе-причины?

Кто ж из смертных это знает?

Промысел сходится с самой-себе-причиной дважды, или в двух точках — рождения события (данности) и его (её) смерти, а между рождением и смертью события (данности) велика роль его (её) собственной причины.

Отсюда и сама-себе-судьба: навстречу промыслу или против него, как и в понимании самой-себе-причины, так в её непонимании.

Только кажется, что Бонапарт, Пушкин, Гитлер и деятели СССР что-то такое и впрямь понимали, точнее — признавали за неодолимость, вряд ли — ими всеми двигали более иллюзии, чем реалии, ибо в противном случае — никаких вообще выдающихся, не говоря об исключительных, реалий у них бы не случилось.

16 (66)

Не надо ревностным обыденцам и слишком уж образованным умникам упрекать великих творцов в иллюзиях, им следовании, ибо иллюзии как раз и есть их — этих творцов — сама-себе-причина и сама-себе-судьба, тем более что иллюзии — посланцы и выражения работающей на любого творца трансценденции, называемой иначе *промыслом*.

Как ещё передать творческому сознанию замысел, рвение и тот же восторг от им же содеянного? Да никак иначе, кроме как через иллюзии (видения, ощущения, переживания).

Иллюзии! Великое достояние человека, его сознания, однако вовсе не все иллюзии, далеко не все, да и не у каждой особи, не у всякого коллектива, да и не у любого народа. Здесь тоже ведь исключения: иллюзии иллюзиям — рознь!

Есть иллюзии, что, знаете ли, реальнее самой реальности, как раз те самые иллюзии, которые движут вперёд бытие, хозяйство, историю, самого человека.

Иллюзии — ирреальность, но в то же время — *другая реальность*, причём не просто ирреальная, а и невозможная, рискованная, страшная, иной раз и убийственная, но активная, действенная, бодрящая, как и, в том же обломовском варианте, прямо наоборотная. *Обоюдоострое оружие сознания!*

Судьба — иллюзия, однако в чём-то непременно и достижимая, пусть и не в полной своей полноте.

Вызов судьбе — тоже ведь иллюзия, да и почему же всегда и обязательно недостижимая?

17 (67)

Без иллюзий нет сознания, нет жизни, нет творчества. Иллюзия — как раз само сознание и есть — как ведущее вперёд, к новизне, к иному, как и уводящее в сторону, искажающее, запутывающее, а то и погибельное.

А есть ли в сознании что-нибудь, кроме иллюзий? Если по Соломону, то ничего другого и нет, ибо сознание ведь из слов, образов, галлюцинаций. Разве есть какой-то другой материал для сознания, кроме иллюзорного?

Нам ответят, что есть, — есть, мол, фактическое, опытное, обыденно повторяющееся, научно обоснованное, в общем — так или иначе достоверное (*досто-вер-ное*) знание, в которое можно

верить и которое в основном-де и наполняет сознание. Спорить не будем, хотя и знаем, что всё это достоверное знание — не более чем устоявшаяся иллюзия, как бы и преодолевающая саму себя, становясь уже не иллюзией, а... *достоверным-де фактом*. Конечно, это так, ибо иначе ни сознания, ни жизни, ни хозяйства, ни устойчивой красоты с неуступчивым безобразием.

Сознание превращает иллюзию в достоверный факт, но, тем не менее, насовсем иллюзию не устраняет, которая всё-таки и между фактами, и за фактами, и вне фактов.

Сознание бежит от иллюзий, устремляясь де к фактам, но тут же вновь прибегает к иллюзиям, в особенности к новым, необычным, экстравагантным.

Иллюзия — не аберрация вовсе, это — норма, хотя тут всего вольготнее бывает разным аномалиям, аллюзиям и безмериям. Иллюзия — связь сознания с трансценденцией, то бишь с иным миром, — как же этому последнему тогда внедряться в сознание, если не через посредство иллюзии, а-а?

Да и как построить промыслительно ту же заказную судьбу без иллюзий, их постоянного перебора?

Как вообще жить, ежели сама жизнь — *иллюзия*?

18 (68)

Иллюзия плодотворна и спасительна, но и вредна, и смертоносна. И как же удаётся сознанию бытовать в иллюзиях и с ними справляться — пусть и не всегда, пусть и не со всеми?

Сознание мирится с иллюзиями и с ними же борется, всё время ища золотую середину между иллюзией и фактом, между иллюзией и реальностью, между иллюзией и верой, между иллюзией и правдой. Это не просто, зачастую и тщетно, но всё-таки возможно. На помощь приходит *сама себе причина* — *causa sui*, которая и ведёт бесконечный диалог (спор) с иллюзиями, прощаясь с одними и... тут же выдвигая другие.

Человек не может не предвидеть течения своего бытия, не ставить перед собой целей, не рассчитывать своё будущее.

Тут господство *виртуальности* — как возможной возможности, хотя за каждой из этих возможностей скрывается непременно и невозможность.

Ну а иллюзии тут как тут: мечты, планы, недостижимые цели. Однако полно и вполне выполнимого, почти что и не иллюзорного, как раз обыденного, естественного, ходового.

Свершаемость намерений — не критерий ли для оценки иллюзий в возможной их человеку покорности? Почему нет, вполне замечательный критерий реалистичности иллюзий, их покорности сознанию и самой текущей реальности. Но всё это лишь в пределах общей иллюзорности бытия, не препятствующей и его — бытия — реальности... вполне и иллюзорной.

19 (69)

Иллюзия — важнейшее достояние сознания, хотя и первейшее доказательство его... *тщеты*. Увы, но это так! Ах, Соломон, Соломон, мудро поставивший и ловко снявший очень уж скользкую и небезгорькую проблемку.

Зачем тогда сознание, зачем бытие, зачем все эти иллюзии, зачем и такая тщета? Тут мудрый Соломон пасует, уходит в тень, исчезает.

Иллюзия! И сам мудрый Соломон всего лишь иллюзия. *Иллюзия иллюзии!*

Жутко! Тогда в каком мире (или немире) бытует (или не бытует) человек со своим иллюзорным и тщетным сознанием?

Нет, не в материальном, не в вещественном, не в предметном, хотя вроде бы в таком тоже, а более всего в мире (или немире) *ином* (или неином).

На помощь человеку и сознанию приходит *словесная догматика*, полная точных, незыблемых, правдивых (хотя при этом

и неточных, и зыблемых, и ложных, даже и лживых) *утверждений* (у-твержд-ений), то бишь приходит словесно-смысловая *твердь*.

И спасает тем самым сознание, его поддерживая, укрепляя, пролонгируя.

Но это лишь для жизни, выживания, воспроизводства. Пословицы, поговорки, сказки, мифы, концепты. В общем — *слово*, которому человек прежде всего и верит, не веря, разумеется, ни одному гуляющему по сознанию слову.

Слово изречённое, по тому же Соломону, есть ложь! Нет, конечно, не ложь как таковая, а... иллюзия, однако признаваемая по необходимости за факт, даже за истину, вроде бы лишённых, как водится у людей, иллюзий.

Иллюзия спасает иллюзию!

20 (70)

Человек цепляется за материю, за вещь, за предмет, мысленно внедряя всё это в своё иллюзорное сознание, оно же и бессознание.

Ценность для человека там — во внешнем сознанию мире, а сознание человеческое должно лишь этому внешнему миру усердно служить. Так является человек-вещь, и никаким другим он быть, увы, не может. Данью ему — замещённое вещью сознание, а уделом — именно человек-вещь.

Вещный мир — вещное сознание!

И какая же тут разница между какой-нибудь низкой-де старухой-процентщицей и утончённым аристократом, коллекционирующим какой-нибудь редкий антиквариат: да *никакой!*

Человек не может оторвать своё сознание от вещи; он и идеальную начинку сознания воспринимает как вещь; он себя воспринимает как вещь, разве лишь живую, если не прямо животную.

Так называемая гуманитарная наука лишь способствует сему незамысловатому самовосприятию, отрывая человека от духа, идеи, трансценденции, не говоря уже о Боге.

Остекляненное сознание: твёрдое, прозрачное, пустое, нередко дерзкое, но никогда не дерзновенное, хотя частенько и очень наглое.

Стёртое сознание, двумерное, плоское. А всё это от иллюзий материализма, витализма, эволюционизма.

Человек без иллюзий — не человек!

Баста!

21 (11)

Сознание всё из «иллюзий как иллюзий» и «иллюзий как реалий», хотя и, само собой, «реалий как реалий» и «реалий как иллюзий» тоже.

Между собственно иллюзиями и собственно реалиями непрерывная борьба, а само сознание есть безграничное борческое поле, на котором, помимо мирских согласий между иллюзиями и реалиями, вспыхивают и вполне ожесточённые сражения.

Сознание не может без иллюзий, но оно не может и без реалий, как не может обойтись и без компромисса между тем и другим. Сей *компромисс* — важнейшая способность сознания, позволяющая сознанию быть, действовать, идти вперёд!

Как это делается? Через пробы и ошибки, через страдание и боль, тщету и кровь, хотя мгновениями и через какое-то внезапное взаимное согласие, даже и озарение.

Главное, что это всё есть и происходит как бы само собой, хотя и не без очевидных напряжений, тяжких ударов и невозполнимых потерь.

Сложный, удивительный по своей утончённой трансцендентности, механизм: сколько иллюзий и сколько реалий, сколь-

ко переходов одного в другое, сколько единений и сколько разрывов!

А сколько борьбы между самими же иллюзиями и самими же реалиями! Какие-то из них зачем-то утверждаются, какие-то почему-то не замечаются, а какие-то решительно отбрасываются, что не мешает возникать уже новым иллюзиям и новым реалиям, заполняющим бытие вплоть до уходящих в неведомую даль горизонтов.

22 (72)

Дело не только в том, что сознание рождает иллюзии и ими живёт, оно ведь получает ещё и иллюзии извне, из окружающего мира. Последний вовсе не так устойчив и правдив в своих состояниях и информативных посылах. Само полное иллюзий сознание бытует ещё и в весьма *иллюзорном мире*, в особенности, конечно, живоносном. Кругом ведь не сумма даже, а безграничная тьма фикций, искажений, неожиданностей, невозможностей. Достаточно представить себя на мгновение в каких-нибудь джунглях, даже и городских, например, нью-йоркских, чтобы ясно осознать всю реальную иллюзорность (неправдивость) окружающего человека мира.

Сегодня атмосфера — одна, завтра — другая; солнце то есть, то его нет; погода почти непрерывно меняется: то она одна, то другая; а взять то же море — одна ведь переменчивость.

Это вовсе не ложь со стороны природы, планеты, мироздания, хотя для человека это какая-то постоянная... э-э... неопределённая лжа, совсем не свободная от исходной и переменной иллюзорности.

Да — реалии, да — объективность, да — неизбежность. Но никак не ясность, не устойчивость, не понятность.

Познание мира важно для человека, как и умение с миром экзистенциально общаться, как-то воспринимать переменчивый

на глазах мир, в котором не только одно нечто чередуется с другим нечто, а в котором любое нечто ещё и сопрягается с никакими... *ничто*.

Мир пред человеком вполне лицедеен, — и человеку приходится иметь дело с этим лицедейным, играющим, ускользающим от сознания и осознания миром, в составе которого и столь же неопределённое, подвижное, переменчивое сознание, тоже ведь вполне лицедейное.

Брать с собой, выходя из дома, зонтик или не брать — мелочь вроде бы житейская, а в ней-то как раз и отражается вся замысловатая игра между переменчивым миром и недоумевающим сознанием!

23 (73)

Выходит, что и внешний для человека мир полон иллюзий, не только прикрывающих реальность, но и её реализующих. Как только докопались физики до частиц, как и оказались перед загадкой — что это, если не... *ничто*? Частица уже иллюзорна. А нано? Это-то что, если уже не полная иллюзия? Да и всё остальное физическое, даже вроде бы явное: энергия, сила, то же движение? А время с пространством, что это, а вся вообще Вселенная? Это физикам со своим неопределённым физисом уже не по себе, а как быть тем же мудрецам со своим уже постфизическим метафизисом?

Где она — правда, — что в слове, что в политике, что в той же экономике? Смешно, не правда ли, ставить сам вопрос о правде мироздания, да ещё и в метафизической сфере!

Что ж, выходит, что никакой правды вокруг и впрямь нет? И, конечно, правда-то есть, но вот... среди и под прикрытием... неправды, а то и попросту лжи. Гнусное заключение, не правда ли, вполне и убийственное!

В метафизисе, в особенности хомо-социальном, полно всяческих иллюзий, т. е. искажений, неясностей, прикрытий, фальшивок, имитаций, симулякров, фейков. Это надо чётко и мужественно осознавать, не строя себе никаких иллюзий, как и признавать — можно ли установить в этаким-то метафизисе некое «царство правды»?

Нет, нет и нет!

И вовсе не по чьему-то злому умыслу, а по самому что ни на есть «порядку вещей» (от вести): вещь ведь подаёт сознанию не себя, а всего лишь *весть* о себе, как и то же, к примеру, слово, а потому что тут недоумевать и злиться — реальность преспокойно «врёт», сознание беспокойно «обманывает», ну а вероподобная убеждённость прямо-таки злобно «клеветает»!

24 (74)

В общем — *игра*, игра *без правил*, хотя и с кое-какими ограничениями и неодолимостями, а потому от неё и увлекательно людям, и забавно, и жутко!

Игра в, за и против жизни; игра в, против и за смерть.

Экзистенция!

И кажется человеку, что он-то и есть основной игрок среди всей этой онтологической неопределённости, что он много чего знает, понимает и умеет, что он своим чудесным сознанием всю гасит неопределённость, даже её, пожалуй, себе и подчиняя.

И не хочется человеку-игроку думать, что на свете есть и другие игроки, ему не слишком известные, а потому и для него как бы не существующие.

О-о, какое заблуждение ренессансного человека, переставшего верить и в Бога, и в чёрта: Бог-то может и простить за неверие в Него, а вот чёрт... чёрт сразу берёт глупца за загривок: «Ты... *мой!*».

А что есть чёрт?

Нет, это не безобразное существо с хвостом, рожками и копытцами, вовсе нет, это просто... уютная преисподняя в самом же человеке, его сознании-подсознании, но... не свободная от экзистенциально-трансцендентальных влияний... уже настоящей мировой преисподней. Малая личная бездна сходится тут с большой мировой бездной через посредство некой средней — как бы и ноосферной.

Сказки, скажут нам, глупые сказки, хотя ведь вокруг в реалиях столько реальной чёртовой бездны, а в людях столько реальной бездной «преисподности», что дух, и так весь завихренный, захватывает!

И не верится, что такое вообще возможно: нелюди, твари, гады! Откуда, почему, для чего?

Раз есть, значит — *надо!*

Сражение-то человек ведёт сам с собой очень и очень серьёзное, причём именно *сам с собой*: человек сражается со зверем в себе самом, а зверь-то подпитывается всякими энергиями-информациями, человеку и не очень-то известными, а потому и держится, и процветает, и чуть ли не победу регулярно одерживает.

Босх, Брейгель, Гойя, Гоголь, Ницше, М. Булгаков, Д. Андреев, Г. Климов.

Зря что ли мужики по линии обнаружения чёрта и просвещения людского старались?

25 (75)

Освобождение от иллюзий — великое благо, не освобождающее, правда, насовсем от иллюзий и не снимающее по их поводу скорби, но делающее человека перед иллюзионной паутиной всё-таки хоть как-то защищённым.

Сброс иллюзий — спасение!

Однако на место отверженных иллюзий приходят, увы, другие, но уже как бы более оправданные, может, и не надолго

приходят, но всё-таки приходят и даже выручают на какое-то время очарованного ими иллюзионера.

Люди обычно ищут непосредственные причины и следствия происходящих с ними и вокруг них событий, столь же непосредственно трактуя и сами эти события. И невдомёк им, что здесь более как раз опосредованности, уходящей вглубь, ввысь, вдаль, а главное — в неочевидность, в неизвестность, в трансцендентность. И не помогают людям ни их личный опыт, ни точные-де знания, почерпнутые из учебников и энциклопедий, ни даже строгие-де научные исследования.

Людям обычно кажется — особенно в случае тех же больших неурядиц, революций, кризисов, поражений — что кто-то чего-то недопонял, недоучёл, недоделал, не исполнил (это какие-нибудь годуновы, николаи вторые или даже ленины со сталинами, не говоря уже о брежневых и горбачёвых), и хотя это и во многом так, но это не только не всё, но вовсе и не главное.

Многим же — очень уж образованным — кажется, что всё дело в объективных-де законах, но... что это за законы такие, да и откуда они: кто их создаёт и утверждает, как их познать и соблюдать, да и надо ли это делать, ежели это объективные-де законы, которые всё равно и сами себя непременно проявят, о себе заявят, действие которых никак ведь не остановить?

Да-а, неровна поступь бытия-истории, вполне и неумолима, если не роковá, хотя есть и «ошибочные» деяния людей, и «неправильная» жизнь народов, и «плохая» власть, но при всём при этом есть ещё *что-то*, что, собственно, и ведёт человека, его бытие, его историю, но что никак не подпадает под квалификацию пресловутых, неизвестно откуда берущихся, объективных законов.

Надо бы здесь умникам всех мастей чуть-чуть подразобраться, однако, как водится — одна тут напраслина!

Ах, люди-люди, где же вы?

Тетрадь четвертая

1 (76)

Люди непрерывно творят своё бытие-историю, в особенности с момента выхода человека мыслящего на объёмное осознание протекающего бытия-истории и с обретением человеком конструктивным (каинистом) возможности целостного устройства бытия-истории по своему собственному усмотрению. Сознательное творение сочетается с бессознательным, умное с безумным, обыденное с исключительным, житнетворное со смертоносным — неизбежная тут гуляет *апокалиптика!*

Выдумывают, делают, ошибаются, терпят поражения, одерживают победы.

Однако заметим: бытие-история идёт и своим ходом («ходом вещей»), причём настолько *своим*, что не столько даже восхищает бытийно-исторического человека, сколько его обескураживает.

Делается «людьми» вроде бы одно, а выходит, увы... *другое*. Причём и делается-то часто не очень-то ладно, стройно и красиво, а вовсю и нелепо, небрежно, коряво. Не так уж рационален, расчётлив и эффективен человек творящий, допускающий немало ненужной суеты, небезобидных ошибок, вредной кутерьмы, пренебрегая нормой, порядком, ладом.

Речь, конечно, о хомо-социальной сфере, гуманитарной, хотя и не без учёта сферы материальной, технической.

Ничего удивительного, что вовсе не всё человеком задуманное фактически исполняется, как и не всё реально достигнутое соответствует априорно потребному.

Большие миры — большие и неурядицы!

2 (77)

Течение бытия-истории на то и течение, чтобы, оставаясь достаточно независимым и самовольным, диктовать свои реальные ходы и текущие результаты самому же бытию-истории. Что бы человек ни делал, течение всё равно остаётся течением, вбирающим в себя всё возможное и невозможное, при этом текущим, как видно, и по своему собственному «хотению».

Здесь не объективные закономерности в почёте, а сам бытийно-исторический поток, который что-то и кого-то несёт, что-то и кого-то выносит, что-то и кого-то уносит, что-то и кого-то поглощает.

Сталин, Рузвельт, Черчилль, Муссолини, Гитлер, Франко, де Голль.

Да, они делали бытие-историю, а бытие-история «делала» их: как раз неся, вынося, унося, поглощая.

А что же они совершали, эти и им подобные персонажи: то, что им самим хотелось, или же то, что от них требовало бытие-история? Скорее, всё-таки второе. И делая то, что требовалось, хотя вроде бы и по-своему, они и становились великими действующими фигурантами бытия-истории, вроде бы на него немало влияя, а может... и не очень!

Тут величайшая проблема: человек — бытие-история, бытие-история — человек, кто или что тут значимее?

Наш ответ: бытие-история, его поток, который не просто ведь поток, вроде водяного, а поток сознания, ноосферы, энергий, информации, идей, акций, реакций, деяний, процессов, жизни, смерти, тех же людей-обывателей и тех же людей-вождей, в об-

щем — насыщенный, негэнтропийно-энтропийный, выворотный, дискретный, круговой, плавный, вихревой, бурный, а в целом — имеющий *что* самому себе сказать, предложить и для себя же сделать.

«Ход вещей» сильнее «хода человека»!

Как же это выходит, что поток, о котором речь, «думает», «решает», «вершит»?

Лучше всего сей поток уподобить некому безграничному, но весьма целостному *сознанию*, а для сугубых «материалистов» — бесконечному, но при этом тоже целостному *мозгу*. Тогда всё становится на свои места: «общемировой разум», «планетарное сознание», «большая когнитивная машина» (вроде мега-ЭВМ).

Мировой поток, он же и ход мира!

3 (78)

Утверждая, что бытийно-исторический поток сам по себе сильнее человека, мы имеем в виду, что, несмотря на все проективные усилия человека, бытие-история способно выдавать такие свои разрешения, которые никак человеком не предусматриваются, а ежели и как-то предполагаются, то либо совсем не так, как надо бы, то бишь ошибочно, либо вроде бы и так, как надо, но всё равно как-то не так — искажённо.

Бытие-история непременно творит само и творит что-то не просто своё, но и что-то совсем другое, часто и противоположное, а лучше сказать — *иное*, вовсе не то, чем живёт в потоке бытия-истории и чего добивается бытийно-исторический человек.

Несмотря на мощнейшие сотворительные возможности, которыми располагает ныне человек (наука, техника, информатика, мощнейшие производительные силы, целостный искусственный мир, овладение земной природой, всепроникающая цивилизация), бытие-история всё равно выдаёт то, чего человек не очень-то хо-

чет, о чём вовсе не думает, а нередко и то, что для человека вообще оказывается полной неожиданностью — этаким «шоковым сюрпризом»!

Всегда зачем-то происходит самое невероятное и всегда почему-то внезапно!

Построя своё бытие и делая свою историю, человек-демиург имеет дело с не очень-то покорным объектом, который можно и за лукавого *крипто*-субъекта принять. Сколько у человека-демиурга разочарований, потерь, тщеты, жертв, а сколько он получает от бытия-истории неожиданных ударов, препятствий, ловушек, ну и неожиданных уроков тоже! Тут ведь не взаимная работа, а ожесточённая борьба — человеческой тщеславно-суетной демиургии с реальным, вполне и самоуверенным, бытийно-историческим потоком.

Любопытно, не правда ли?

С одной стороны, змий-актор, а с другой — змий-ре-актор, и бесконечная межзмиевская война!

4 (79)

Но это не всё, ибо оба змия не свободны от *Иного*, от той же *Великой Неизвестности*, от *Бога Создателя*, а всё это не просто есть, но и есть в качестве тоже акторов и реакторов, так или иначе влияющих на ход всего бытийно-исторического процесса.

Как же? Да как угодно! Уже самым зёмным проектом, который ведь не от Земли, а на Земле, точнее — на некой планете, на каком-то из космических тел, на некоем «Ноевом» шарообразном ковчеге. Раз уж поехали, то едем, пусть и с известной свободой, но ведь и с многими ограничениями, со скрытыми ориентирами, с возможно-невозможными иллюзиями, со всякими там баснословными виртуалиями, а потому едем если уж и не по колее, которой нет и быть не может, то уж по какой-то невидимой лучевой дорожке — точно! Едем, не зная ни проекта-замысла, ни

зачем и ни, собственно, куда, — так что почему же тогда не быть импульсам, побуждениям и пинкам извне — незаметным, невероятным, внезапным, сильным, то ли предусмотрительно заложенным в путевой луч — «дорожную карту», то ли осмотрительно вдруг кем-то или чем-то попущенным?

Самоуверенные ученые ничего *такого* не признают, ибо не видят ничего подобного, не слышат, не подмечают, зато верующие земляне, признающие Иное, коими тоже ведь пруд пруди, замечают, что-то *этакое* признают, стараясь его — эту «вещную вещь» — как-то учитывать в своём житии-бытии, ожидая от неё в общем-то *всего* и потому не слишком опрометчиво по жизни демиургуя, обходясь более всего проверенной традицией.

В научных трактатах, конечно же, нет места ничему трансцендентному, хотя реальное бытие таковым буквально переполнено (не замечают!), а вот в сакральных писаниях указаний на работающую трансценденцию сколько угодно, ибо она действительно есть и на самом деле всю работу.

5 (80)

Устроителям человеческого бытия и творцам зёмной истории, в особенности великим, амбициозным и агрессивным, очень не нравится, когда результирующая их деятельные усилия реальность свидетельствует вдруг либо о чём-то другом, к чему они вовсе не стремились, часто и прямо противоположном, либо, увы, об обидном для них конечном поражении, когда реальное бытие-история прямо-таки ниспровергает их удачливую вроде бы поначалу демиургию.

Понять сих «удачников» можно и даже нужно, памятуя при этом, что ничего в бытии-истории не проходит бесследно, а следы на то и следы, чтобы, часто оставаясь по ходу незамеченными, определить характер возникающего бытия и конфигурацию текущей истории.

Здесь всё в такой «тишине» бытия-истории, в такой его глубине, что трудно, почти что и невозможно определить, почему текущее бытие-история именно *такое*, а не какое-нибудь другое: а ведь всё удачное и неудачное, что уже было, что состоялось, вовсе не забывается, более того, всё оно всегда *тут*, хотя и чаще всего анонимно, искажённо, завуалированно, образно, метафорично, сомнительно, мифично, в общем — *загадочно!*

Для недогматического мыслителя-обозревателя вся эта бытийно-историческая данность очень важна и интересна, но не ради того, чтобы разгадать её затейливую сотворительную формулу, а ради глубокомысленного признания её — этой формулы — «неразгаданности», а потому и ради всего лишь ею большого умо-сердечного восхищения.

Да, конечно, можно признать за закон бытия-истории хорошо известный жизненный цикл: рождение чего-то, его расцвет и затем умирание, хотя может стать и совсем по-другому — без всякого расцвета и умирания, а с внезапным исчезновением в пучине небытия; за закон можно признать вообще любую цикличность, хотя циклы скорее вольные «путанники», чем строгие «законники»; тем же экономистам приятно признавать за законные те же периодические кризисы в экономике, хотя они не такие уж периодические и не такие уж неизбежные, а главное — нередко вполне осознанно, то бишь и «незаконно», провоцируемые.

Тут всё-таки не так законы наличествуют и действуют, как в том же физическом мироздании, как нестрогие и не-совсем-обязательные принципы бытия-истории, которые могут срабатывать, а могут и не срабатывать, а ежели уж срабатывают, то вполне и по-разному. Здесь не так априорный закон в приоритете, который бытие-история обязано-де выполнить, как сложение в потоке бытия-истории ряда сходных обстоятельств и процессов, даже вроде бы и повторяющееся, но зато каждый раз уникальное.

Закон — это закон, а тут, понимаешь ли, чуть ли не сплошное беззаконие!

6 (81)

Не законы правят людским земным миром, а как раз беззаконие!

Человеческое, бытийно-историческое, трансцендентное!

Представьте себе, господа, что мир гуманитарный управляем-де физическими (или парафизическими) законами, на чём гуманитарная наука всё ещё упорно настаивает, и получите, господа, всё что угодно, кроме человека и социума, бытия и истории, слова и смысла, культуры и цивилизации. Даже в армии, как известно, полно всякого «бардака», даже в тюрьме его хватает, а что говорить об обычном жизнеотправлении вполне несуразного, но такого при этом изворотливого землянина?

Беззаконие — закон бытия человека, реализации его сознания, ноосферы, всего и иного.

Ну-у и заключеньице!

А разве не так?

Да, конечно, кое-какие общежитейские законы у землян есть — как институции человека для человека, кое в чём и кое-кем они даже соблюдаются, кое-кто следит за их соблюдением, кое-кого постигает кара за их несоблюдение, но... разве всё вокруг у землян и в самом деле совершается по этим, ими же — землянами — установленным законам, в прямом соответствии с ними, да и сами эти затверждённые законы разве точны, определённые, неязвимы?

Законы в цивилизованном бытии необходимы, но так ли уж они безупречны, так ли уж безукоризненно соблюдаются, все ли аспекты бытия затрагивают, все ли житейские поляны покрывают, да и что творится меж законами, рядом с законами, по поводу законов — уж не беззаконие ли?

Житие человеческое не может без правил, принципов и законов, но оно не может и без стихии, произвола, беззакония.

Но дело на сегодня даже не в этом, ибо это и так ясно, а совсем в другом — в безумном наступлении на метафизическую сферу не просто тупого обывательства, а вполне уже научно обоснованного, хотя и не менее при этом тупого, физикализма, усиленно ныне подкрепляемого математизмом, информатизмом, кибернетизмом, как и всяким вообще технологизмом, не исключая и новейшего цифрового менеджеризма.

Это есть наступление вовсе не закона на беззаконие, а выдуманного беззакония на вполне естественный закон метафизического (читай, сакрального!) бытия человека!

Страшно, но факт!

7 (82)

«Законом» более или менее вольного бытия-истории является как раз *беззаконие*, но не в смысле игнорирования принципов и ограничений, сопровождающих бытие-историю, а в смысле отсутствия каких-либо «железных законов», навязывающих себя бытию-истории, ибо бытие-история есть не соблюдение-несоблюдение «законов», а, пусть и не совсем свободное, во многом и вынужденное, *творение* бытия-истории: человеком, «ходом вещей», неизвестностью (трансценденцией).

Не сто́ит бытие-историю уподоблять машине, механизму, организму, ловко упакованной в саму себя системе и т. д., ибо в таком разе не было бы никакого бытия-истории, а была бы лишь твердь в пустоте, или же, наоборот, пустота в тверди.

Онаучивать бытие-историю — не более чем плести научный миф о реальности, вовсе и не научной!

Бездна, из которой вышло бытие со своей историей, не покидает насовсем бытие-историю, хотя оно и противостоит бездне, наоборот, сидит в бытии-истории, не только гарантируя ему сво-

боду выражения, но и само его существование (само- и несамореализацию).

Бытие-история — более *импровизация* в содружестве и в борьбе с бездной, чем исполнение строгого плана, причём импровизация тройная: «человеков», «вещей» и трансценденции. Нет, не в исполнении строгого плана иномирья тут дело, а в исполнении некоего, вовсе и не строгого, иномирного проекта, причём в весьма вольной его интерпретационной реализации — с неизвестным до конца результатом!

Разумеется, есть рамки, пути-дорожки, вехи, но... есть и идущий по своему усмотрению путник — человечество, прокладывающий себе дорогу сквозь неизвестно-известную ему среду, вовсе для него и не дружественную.

8 (83)

Иномирье не ведёт сего путника прямо к цели, которую, может, и само не знает, как и не навязывает путнику какого-то единственно верного способа движения, которого, возможно, тоже не знает — здесь, скорее, некая большая земно-космическая одиссея, сопровождаемая душераздирающей имманентно-трансцендентной мистерией, в которой не последняя роль принадлежит и самой что ни на есть бесовской вакханалии.

Иначе, увы, нельзя!

Одиссея, мистерия, вакханалия!

Однако и само по себе *бытие-история*, которому ближе как раз беззаконие, чем «законие».

Именно поэтому иномирье и участвует в зёмном бытии-истории — как постоянно в нём присутствуя (дыры, пустоты, неопределённости, вероятности, случайности, необъяснимости), так и целенаправленно на него влияя извне (внезапные, неожиданные, невероятные происшествия, перемены, повороты, вырывы, вывороты, скачки, срывы и т. п. «вещи»).

Учёный мир, европросвещенчески образованный, не только не признаёт присутствия *иного* в зёмном бытии-истории, но и всячески склоняет человека к убеждению, что ничего, кроме материи, вещества и предметов, в мироздании и в природе нет и быть не может.

Что ж, всякому умнице — *умное!*

Однако им и только им выдуманное и заученное — ради собственной слепоты!

А ведь слепота эта вовсе не случайна: как же тогда преобразовать всё и вся, как демиургировать, самоотверженно идя *от природы к неприроде?*

Чувствуете, господа, трансцендентную метафизичность самой что ни на есть нетрансцендентной физики!

9 (84)

Как работает трансценденция? По-разному, очень по-разному, в том числе и совершенно трансцендентно, так сказать — *конспиративно*.

Да, она стимулирует, направляет, воодушевляет, разочаровывает человека работающего, строящего, творящего, демиургующего.

Творчество ведь всегда... из *ничего*. Ну и творческие неудачи оттуда же, точнее, туда же. В бытии сидит небытие, поглощая бытие, как и оснащая его... *ничем*. Как раз тем самым ничем, из которого и вырастает творчество.

Но есть что-то, что работает, не проходя через сознание человека, во всяком случае — легально, осознанно, на свету. Сознание ведь — та ещё темень, она же и бездна. Так что ежели бездна с бездной сходятся, то жди неожиданного, невероятного, внезапного, нередко и сокрушительного.

Кто из великих чего-то подобного не дождался — хоть при жизни, хоть уже после смерти?

О-о, эта вездесущая, неистребимая, суесветная *тицета*!
Бац, и ничего нет, точнее, есть, но только одно — *ничто*!
Прямо туда всё и проваливается — в *бездну*!

А *что* из бездны? Верно, *дух*! Он же и *вещая субстанция*, разливающаяся по всему миру, включая и антимир; по всему бытию, включая и небытие; по всему сознанию, включая и бессознание.

И работает себе, работает, однако в случае бытия-истории делает это либо умами и руками человека, либо через импровизационное поведение самого бытия-истории, либо же, не оставаясь нейтральной, вмешивается сама.

Круто! А что в этом мире жизни и смерти не круто?

10 (85)

Трансцендентно-имманентная субстанция, она же и «энерго-информационная», хотя и не физическая, меняет своё состояние, по-всякому вибрируя, где-то сгущиваясь и накапливаясь, а где-то, наоборот, диссипируя и разряжаясь, чем создаёт некий общий фон для бытия-истории, как и производит локальные на него воздействия — «импульсируя», «выстреливая», «атакуя», а также «улавливая», «утягивая», «абсорбируя». Тут-то и передаются команды на перемены в бытии-истории, творимые в реалиях усилиями людей, «вещными» потоками и выплесками трансценденции.

С такой картинкой не может согласиться просвещенчески обточенный ум, что и понятно, но кто из образованных умников объяснит, почему это вдруг в 1812 г. православная Москва была сдана врагу, а в 1941 г. Москва, уже большевистская, врагом не была взята; отчего разразилась Великая Смута начала XVII в. и почему вдруг в России явился неистовый перестройщик царь Пётр; зачем произошла в России сокрушительная революция 1917 г. и почему случилась гнуснейшая «реформация» 1990-х?

Разумеется, всякие тут объяснения возможны, и они всегда есть, однако почему-то всегда неполные, предвзятые и намертво дискуссионные, но никак не ясные, чёткие и окончательные. Всегда остаётся *нечто*, что в силу некоего таинственного *ничто* внутри и вокруг себя оказывается, как назло, необъяснённым.

Ладно бы великие исторические события разгадать до конца невозможно, а то ведь и простейшую цену на товар образованные умники толком объяснить не могут, ибо, будучи *самой-себе-ценой*, цена всегда и непременно содержит в себе никак рационально не фиксируемый момент (долю), восходящий (-щую) к какому-либо произвольному, если не трансцендентному, моменту-фактору (наобумному, нахаловскому, бандитскому, властному, но... либо очень уж необходимому, либо просто удачно какому-то вдруг выпавшему).

А разве можно до конца объяснить поведение любого человека, страны, государства? Везде присутствует он — этот лукавый трансцендентный момент-фактор, делающий бытие своёвольным, загадочным, конспиративным, необъяснимым, ну, и неисправимым тоже.

11 (86)

Это только кажется, что всё дело в сложности и непознании бытия, что никаких нематериальных и невидимых субстанций нет и быть не может, что задача тут лишь в системном изучении и полноценном объяснении происходящего, хотя, заметим особо, подавляющая часть гуманитарных «научных концепций» вообще не определима вполне и достаточно точно, отчего и живёт в сопровождении постоянного о самих себе недоумённого вопрошания и профессионального по поводу себя дискуссионного гвалта.

Нет, нет и нет! Ум лишь блуждает в ментальных потёмках, а его выкладки не просто относительны и не полны, но и частенько вообще не имеют отношения к действительности.

Однако, ум ведь работает, творит, созидает? Именно так: работает, творит, созидает — да и не что-нибудь, а реальность, не имея о ней достоверного представления и не ведая, что же он в конце концов с ней вытворяет.

Тут и любопытная когнитивная «загогулина»: *не зная, знает, а зная — не знает!*

И это вовсе не слабость ума, а его великое достоинство — действовать в неизвестности, в темени, при дефиците информации и нехватке знания.

Почему же? Из-за схождения воедино в фокальной точке не просто известности и неизвестности, имманентности и трансцендентности, а сразу трёх «Т»: *трансценденции Ума, трансценденции Бытия и трансценденции Иного.*

Человек делает то, что сам по себе он делать не может; бытие бытует так, как само по себе оно бытовать не может, и виною всему тут... *сознание*, погружённое во вселенскую трансцендентность, в Иное.

Ничего себе! Сознание?!

Да, именно так: ничего другого тут нет, никак не наблюдается и в общем-то не ожидается.

Сознание вовсе не свойство высокоорганизованной материи, а атрибут вселенской трансценденции, совмещённый с высокоорганизованной материей — с мозгом прежде всего. И сам этот мозг есть не более чем *материализованная трансценденция*, в мозгу сидящая и работающая, однако в связке с бытийной и внебытийной трансценденциями.

12 (87)

Вот и новый, скажут нам, миф, вполне надуманный и ничем достоверным не обоснованный. А мы и не против мифа, ибо знаем, что человек, его ум, его душа способны вообще-то лишь на мифы, однако... не достаточно ли реалистичный у нас получается миф, а-а?

Наш мир — не только *сей* мир; в нём сидят и *другие* миры — те же *преисподний* и *небесный*; однако в нём незримо присутствует и *иной мир*, уходящий в неведомую даль — в абсолютную трансцендентность; союз с иным миром даёт сему миру способность к бытию и жизнедеятельности, мало того — к творчеству, к созиданию того, чего в сем мире нет, но при этом иной мир как бы аргументирует сей мир, контролирует и ведёт, служит ограничителем и препятствием. Очень уж не проста и лукава сия трансцендентная *полилектика*!

Вот тут-то и возникает большая смысловая заковыка: что нужно более всего иному миру от сего мира — сам сей мир или же какой-то *иной мир*, однако непременно сотворённый человеком, причём сотворённый в значительной мере (*sic!*)... *вопреки* собственно иному миру, хотя и не без его помощи и участия?

Вопрос из вопросов!

Устремлённый в своём творчестве *от природы к неприроде*, *от мира сего к миру иному*, человек-демиург, создаёт какой-то не-вселенский мир, который мы пока называем *арт-миром*, искусственным миром, уже совершенно человеческим по своему исходу.

Вполне возможно, что Господь Бог Создатель желал бы получить от человека что-нибудь другое, вовсе не то, что создаёт демиургирующий человек, но... раз уж он создаёт в окружении Иного и при его — этого Иного — участии такой вот арт-мир, то, следовательно, если и не в угоду Богу Творцу, то хотя бы по Его попущению. А может, и в угоду, почему нет?

13 (88)

Метабытие с метаисторией — не совсем бытие с историей, а то, что реализуется хотя и вместе с бытием и историей, но как-то им вопреки, хотя и не обязательно прямо наперекор, скорее, вне их, за ними, как бы рядом с ними, внутри — не в отрыве от них, но и не в полном с ними слиянии.

Бытие-история — одно, метабытие-метаистория — значительно *другое!*

Здесь не так деяния людей и улавливаемые и ведомые ими реальные процессы, как неизвестно откуда берущиеся события, состояния, образы поведения, как и столь же таинственные обусловленности, препятствия, ограничения, как и вольности тоже, и стихии, и вихри, а главное — выходящие за пределы упругой и в общем-то понятной человеку обыденности глубинные смыслы, или *метасмыслы*, с обыденным ходом бытия-истории особенно и не связанные.

Аналитическая наука нередко выходит на метауровень, но либо трактует свои соприкосновения с ним как случайные и в принципе для реальности невозможные, либо вообще считает такого рода «открытия» не заслуживающими пристального внимания.

Не то *метафизика*: она не только признаёт бытийный метауровень, но и пытается заметить и обозначить всё в нём происходящее, как раз и почитая его — это происходящее — за главное в бытии-истории.

Наука многое фиксирует, кое-что объясняет, но проходит как раз мимо главного, чего видимо (фактически) вообще-то не зафиксировать и чисто умственно (аналитически) просто так не заметить и не уразуметь.

И что тут важно иметь в виду: метафизика не даёт ожидаемых обыденностью, включая и науку, ответов — ясных, понят-

ных, демонстрационных. Здесь господствуют намёки, образы, метафоры, прикидки, недоговорённости, а скупые словесные выплески непременно сопровождаются бессловесным вчувствованием, вдумыванием, вменением.

Тут ведь дело не так в учёных-аналитиках, как в мудрецах-эзотериках, путь которых к знанию хоть и открыт, но никому, включая и самих этих мудрецов-метафизиков, *неведом*.

14 (89)

Тонкая это «материя» — *метафизика!*

Попробуй-ка разберись с незримым и упорно ускользающим; это тебе не с фактами работать; тут ведь не факты важны, хотя они и всюду учитываются, а *скрытые интенции скрытого мира*.

Да и сама метафизика бывает разная — как близкая к текущей обыденности, так и удалённая от неё, а то и вообще от обыденности надёжно сокрытая.

Неизвестно откуда и зачем явился человек со своим обожествлённым сознанием; неизвестно куда и зачем идёт человек, а ведь он, в отличие от других животных, не просто ходит — по земле, а именно... *идёт* — *исторически идёт*, от поколения к поколению, держа лишь один самый судьбоносный и самый при этом роковой азимут — *от природы к неприроде*, то бишь от себя вроде бы ещё человеческого к чему-то... э-э... для себя же *пост-человеческому*, а лучше бы сказать — уже и *не-человеческому*.

Итак: *человек ниоткуда и в никуда!* Интересно, не правда ли? Тогда кто же *он* — человек — человек или не человек, точнее, не такой уж он и человек, а что-то (кто-то) другое (другой), а-а?

Не слабый вовсе вопрос, а ведь вполне и... *законный!*

Метафизика — Страх Божий!

15 (90)

Человек много знает о себе и об окружающем его мире, хотя и не знает главного: ни того, кто (или что) он, откуда вышел и куда идёт, что творит, как и не знает достоверно, что есть такое мир, зачем он и тоже откуда вышел и куда идёт. Всё, что человек знает о мире и о себе, это не более чем его — человека — *гипотеза*, хотя и подсказанная, надо полагать, откуда-то извне.

Гипотеза! Да что гипотеза — вполне себе и *ложь*, лишь выдаваемая человеком за правду.

Однако вполне спасительная ложь, как раз та самая, без которой человеку со своим сознанием попросту никуда. Ах, это сознание, какая же это безразмерная неприятность! Сознать, что ты *никто*, *ниоткуда* и *никуда*; что ты явно не отсюда и идёшь явно в не сюда; что ты обречён на бесконечную кровавую тяжбу с миром и с самим собой; что как особь ты безусловно смертен, да и не как особь тоже; что тебя ждёт неминуемый конец — *Конец Света*; что есть что-то, что здесь, с тобой, но что при этом не здесь и не с тобой; что тело твоё тленно, а дух вроде бы вечен (тогда зачем тебе тело?); что есть вопросы (точнее, вопросы есть!), а ответов на них нет; что ты более зверь, чем собственно человек, и т. д. и т. п. В общем, ничего утешительного, если бы не чаемое человеком метафизические нечто, совершенно при этом и мифотворческое.

Жить, конечно, занимательно, но... *зачем?*

Явно не по человеческим же соображениям, а по каким-то иным — *не от мира сего*.

Бытование-то здесь, а мотив сего бытования — оттуда, из Иного.

Вот-те на!

Одно дело — выживание (понятно!), другое — поиск и созидание комфорта (тоже вроде бы понятно), совсем другое — *де-*

миургическое пересотворение мира и самого человека ради чего-то иного (не так уж сильно понятно, но кое-как воспринять всё-таки можно).

Запределье — вот что влечёт человека, чем он творчески вдохновляется и к чему практически стремится.

Хотя там — в запределье — ничего ведь собственно человеческого!

16 (91)

Вырваться из *этого* мира в мир *иной*. Разве не так? Так! А почему? А потому что у человека две родины: одна здесь, на Земле — материнская, а другая там, в Ином — отцовская. Вот и выходит: *от Матери к Отцу!*

Пребывание человека на Земле, в этом мире — временное пребывание, не дающее человеку, несмотря на постоянные попытки, обустроиться на вечные века на Земле, в *этом* мире.

Дело не в том, что мир сей плох, недружелюбен, невыносим, хотя и такое есть, а в том, что наличие сознания — сигнал к присутствию в сем мире... *иного мира*, к которому сознание, будучи само иномирным, не может не быть устремлено. Сознание ведь не для благого устройства человека на планете, хотя он этим и усердно занимается, вполне, кстати, и вынужденно. Сознание, будучи не от мира сего, рвётся вон из сего мира, временно устраиваясь в нём только ради конечного вырыва из него, хотя сознание всего этого и не осознаёт, во всяком случае — в полноте душевной.

Разумеется — Циолковский, В. Вернадский, Тейяр де Шарден, Н. Фёдоров, Рерих, Ж. Верн, Уэллс, И. Ефремов, кто там ещё, не говоря о религиях и древних преданиях, однако в целом человечество поглощено обыденностью и знать ничего *такого* не должно, да и не хочет.

Обыденность — великолепное целебное средство от жгучего метафизического страха!

Наука, кстати, тоже.

Мудрость — ах, эта мудрость! — никуда ей не уйти от сих тревожных умозаключений, разве лишь в сомнение, скепсис, тишину, а то и в долгое молчаливое отчаяние. Что, собственно, она и делает — вослед незабвенному Соломону.

17 (92)

Сам по себе человек не может ни выскочить из своего физического тела, ни расстаться со своим метафизированным сознанием. Что дано, то дано, а уж что не дано, то не дано!

Однако кое-какой выход был сознанием найден: сначала в ходе обычного выживания, затем в поиске комфортного (жизнепособительного) бытия, а потом и в процессе дерзкого демиургирования.

Что же это за выход?

Человек обратил свой актуальный взор к *нечеловеческим факторам*, которые долгое время просто споспешествовали человеку в его жизнеотправлении, труде и творчестве, а потом вдруг стали самодовлеющими, со временем подчинившими себе человека, его бытие.

Что это за факторы?

Не поверите, господа, но это всего лишь *техника* (в широком смысле), *наука* (тоже в широком смысле) и *деньги* (в их собственном смысле). Именно эти факторы, точнее, их использование человеком, обеспечили сначала беспредельность, а затем и кое-какую запредельность человеческого хозяйствования и бытия. С участием сих квазисакральных вещей и под их властью человек смог, создавая всё более сложный, масштабный и целостный *искусственный мир*, обеспечить вырыв в некое *иное бытие*, пусть пока ещё и зёмное, ближнекосмическое, но всё-таки

уже не кем-то человеку данное, а человеком взятое, им самим созданное, *своё!*

Вот она — настоящая историческая и всесветская революция, которую совершил *человек хозяйствующий* (трудящийся, творящий, демиургирующий) — *выворачивание* бытия-истории *из себя... ради себя*, — а теперь, уже не раз и сам вывернувшись, человек таковым вот — *вывернутым* — и бытует, ожидая какого-то уже не частичного и не этапного, а вполне себе *целостного и конечного, вполне уже довывернутого, вселенского конца*.

18 (93)

Конец сей неизбежен, ибо человек, ведомый соответствующей креативной идеологией (масонской, надо полагать, как ранее жреческой, трисмегистской, гностической), вышел уже за пределы естественного мира и погрузился по уши в *арт-мир*, сам становясь *арт-существом*, этому арт-миру безнадежно адекватным.

Нет, не надо вовсе ждать уже запроецированной поголовной чипизации людей, не только дополняющей сознание, но и его успешно замещающей, ибо превращение человека в *пост-* и *псевдо-*человека с перспективой выхода на *ино-*существо уже идёт полным ходом, чему виной прежде всего такие «штучки», как компьютеризация, информатизация, оцифровывание всего и вся, интернетизация, мобильная телефонизация, вообще любая технизация людского бытия с любой технологизацией сознания, сопровождаемые упрощением и опустошением сознания, его «беспамятством», десоциализацией, дегуманизацией, как и любыми иными «прогрессивными переменами».

Всё! Человек, влекомый антихристовой Европой и вполне уже бесовской Америкой, не свернёт с этого превращенческого пути и пройдёт его до конца. Нет, вовсе не обязательно, что до Конец Света, хотя это вовсе не исключено, а до конца своего из-

начального человеческого образа и соответствующего этому образу исходного природного мира.

Только чудо может заставить евроамериканца, включая и иные «передовые» народы, уже подвергшиеся тотальному реформатированию со стороны ЕвроАмерики, свернуть с этого последнего в истории человека пути, однако чудо это вряд ли свершится в мире, замещающем исходный сакрально-человеческий метафизис на сфабрикованный человеком-демиургом бездуховный технозис.

Изгнание из университетов сначала богословия, затем метафизической, а потом и научной философии, как и нынешняя атака на предметные теории в угоду беспредметной математике, уже дорого обходится передовой Западной цивилизации — тотальным расчеловечиванием и последовательным рассознанием, так что возврат к человеку и человеческому миру уже не представляется на Западе достаточно вероятным, даже при признании острейшей в том потребности и возможности свершения совсем уж невероятного на данном направлении чуда.

19 (94)

Как же *всё это* произошло и могло ли не произойти?

Нет, не могло не произойти, ибо это не желание, не выбор, а... *предназначение*, заложенное *там*, а не здесь, а *здесь* лишь ловко исполняемое.

Да, самые-самые древние идеологии (египетские, вавилонские, восточные) работали, судя по тем же пирамидам, Вавилонской башне или Великой китайской стене, на движение человека куда-то вперёд, ввысь, в запределье, доказывая оное устремление необыкновенными техно-строительными достижениями, совершенно нечеловеческими и совершенно бессмысленными — в аспекте выживания, комфорта и даже необходимого житейского прогресса.

Чистая тут, знаете ли, метафизика, никак не подчиняющаяся простой логике и обыденным критериям насущного бытия.

Человека уже давно не устраивает его зёмное бытие — то ли ему кара, то ли его карма, то ли просто ему испытание (чей-то эксперимент). Человек рвался в иной мир не только идейно (верою), но и материально (созиданием). Рвётся, отступает, жертвует собой, терпит поражения, одерживает победы. Отсюда и история с Атлантидой, и повествование о Вавилонской башне, и легенда об Икаре, и миф о Прометее, как и, разумеется, мифы об атлантах, гераклах, одиссеях, в общем — об идущих вперёд, о героях и сверхчеловеках, о вершителях несусветных чудес.

В какой-то исторический период гуманитарная идеология — в образе тех же мировых религий — если и не была против некоторого материально-технического прогресса, но никак не стояла за его расцвет и взлёт, — и гигантские проекты с героическими свершениями как бы ушли в прошлое, не возобновлялись, служа лишь прекрасным поводом для великих исторических преданий.

Тот же Восток, добившись немалых знаниево-технических достижений, не преминул уклониться от большого материального прогресса, почувствовав, надо полагать, сильнейшую от него угрозу — с неизвестным результатом и явно роковым концом.

Но вот однажды на историческую арену вдруг вышла обновлённая христианством и оплодотворённая Средневековьем ренессансная Европа — амбициозная, деятельная, инициативная, агрессивная (как раз та, что ныне именуется более всего Западом, хоть теперь и вкупе с США и иными европоследователями).

Вот тогда-то всё и началось!

20 (95)

Да, в итоге западноевропейской идеократической *Реформации*, позволившей отойти от заветов Христа и обратиться к по-

сулам и интенциям *антихриста* (вдобавок ещё и Каина!), в Европе пошёл *экономико-техно-научный хозяйственный прогресс*, приведший в итоге, не без острой и затяжной борьбы, кризисов, войн и обильных жертв, к созданию *нового мира* — искусственного, неприродного, незёмного, как бы и *антимира*, в который в конце концов и погрузился европейский человек-демиург, в нём торжественно, удовлетворенно, хотя и не без растущей тревоги, всю теперь и бытуя.

Почему именно Европа вырвалась на демиургический простор? Надо полагать, из-за *свободы выбора*, данной ей попервах Христом — идти за ним или не идти! Долгое время вроде бы шла, но всё-таки изменила сему пути, встав на совсем иной путь — уже путь *антихриста*. Для Европы вышло так, что Христос, сам того не желая, а потом и не ведая, обеспечил победу, пусть и исторически временную, как раз антихриста. Европейец кинулся построить Царство Божие на Земле, переделывая с помощью денег, науки и техники, ну и всестороннего насилия тоже *данный* человеку мир и превращая его в мир им — человеком — *взятый*.

Подвиг, конечно, но... *какой*?!

Европейец освободился не только от *тенет природы*, но и от *опеки сакрала*, превратившись в земно-обыденного естествоиспытателя, архитектора и демиурга.

Вот он — истинный смысл Ренессанса и Просвещения, вызволенных разного рода устроителями бытия человеческого: от тамплиеров с алхимиками через философствующих масонов до жадных колонизаторов и буйных революционеров, а также сосредоточенных вроде бы на делах земных и обыденных разного рода мастеров, научных, техников и предпринимателей.

Так или иначе, но Европа стала очагом и полем для безудержного хозяйственного, включая идеологическое, культурное, социальное и личностное, демиургирования.

Обратим на это особое внимание: очагом *безудержного* и, как видим, *вполне целостного хозяйственного демиургирования!* Мало того, ещё и столь же безудержного распространения сего нового мироустроения на весь зёмный мир посредством идейно-культурных проникновений, интервенций, колонизаций, агрессивных, войн, вообще всякой экспансии, включая сделанные революции и приделанные реформы. В итоге мир получил *демиургическую европеизацию*, которая доминирует в мире до сих пор, лишь приняв облик евроамериканизма. Демиургическая колонизация мира со стороны Запада активно продолжается, обретая новые формы, слова и оправдания.

Демиургический империализм — явление вовсе не только прошлого, но и самого что ни на есть настоящего!

21 (96)

Обратим также внимание на мощнейшую *демиургическую энергию*, вполне и негэнтропийную, вырывающуюся вот уже полтысячелетия из самоуверенной и беспокойной Европы, а последние пару сотен лет из последыша Европы — деловитой самолюблённой Америки. Полтысячелетия! С экспоненциальным прогрессом, изменившим зёмное бытие настолько, что теперь уже на Земле *два мира* — *всё-ещё-природный* и *уже-навсегда-неприродный*, естественный и искусственный, данный и взятый, обоженный и сугубо уже человеческий.

Грандиозно!

И где теперь мифы об атлантах, вавилонянах-башенниках, икарах и прометеях, гераклах и искателях золотого руна, если не в тёмных текстовых недрах весьма уже запылённых библиотек? А ведь все эти мифы, как и многие другие сказочные-де сюжеты уже реально воплощены, или будут вскоре воплощены, в новую — евроамериканскую, а теперь и в евроамерикоазиатскую, включая и российскую — реальность. Все эти и им подобные

мифы (сказки) превзойдены человеческой демиургией, все! Это очевидно и не требует никакого экспертного разбирательства. Иное дело — источник демиургической энергии, а с ней и творческих замыслов, смелых проектов, бурной деятельности.

Хорошо сказать: деньги, наука, техника, но ведь и на том же Востоке всё это так или иначе было, однако только в Европе, а именно в Западной Европе, возник мощный, самоуверенный и весьма уже окаянный демиургический очаг.

Думается, что негэнтропийный генератор евроамериканского творческого очага, хоть и не минует сферы евроамериканского сознания, но находится всё-таки где-то за пределами этой сферы, но не в евроамериканской ноосфере, а где-то подальше, повыше, поглубже — где-то в... *Ином*.

Промысел, Провидение, Неизвестность избрали для исполнения сей вселенской (средивселенской) миссии именно евроамериканца, к данной миссии исторически весьма и подготовленного: деньги с экономикой и капитализмом — от финикийства; наука — от древнего жречества, от Трисмегиста, от тех же гностиков, от древних греков и средневековых алхимиков, от тех же масонов; техника — от древних и средневековых строителей пирамид, храмов, акведуков, от металлистов, оружейников, мореплавателей, создателей тех же колесниц. А вот историческая имперская амбиция — от *Древнего Рима и возрождённого папством имперского духа всё того же, хотя и вроде бы нового, Рима*.

22 (97)

Человеческий ли это замысел-проект — *демиургический*? Вроде бы человеческий, но не животнo-человеческий, а духовно-человеческий, хотя в основе своей сей проект более физический, чем метафизический (метафизика здесь лишь в оправдание физики, материальности, вещественности, предметности). Однако

сам-то замысел-проект — чисто *метафизический*, несмотря на всю свою внешнюю физичность.

Всё так или иначе восходит (или упирается) к (или в) европейскому(ий) метафизису(ис), сложившемуся(ийся) вроде бы самостоятельно, но всё-таки при несомненном интенциональном влиянии иномирья. Евроамериканец ведь так до сих пор и не знает в полном и конечном (вроде пресловутого гамбургского) счёте, *что* же и для *чего* он на самом деле демиургически вытворяет.

Да, многое было оговорено, обосновано и одобрено европейским Просвещением, бодрствующем на планете и поныне, хотя уже и не столь вразумительно, достойно и величаво, как было когда-то — при его рождении и в его расцвет. Этим-то Просвещением и был утверждён новый для человечества идейно-творческий концепт — *гуманизм*, оповестивший о наступлении и нового исторического времени — *пересотворительного*. Но вот главного всё-таки не удалось высветить Просвещению: зачем же всё это? А ведь совсем не слабенький вопрос, ибо всё творилось в Европе вроде бы ради человека, пусть и нового, но... тягостная индустрия, хаотичный искусственный мир, жуткие мировые войны, ужасная атомная бомба — всё вроде бы людское, хотя и боготорческое, но всё, как оказалось, и античеловеческое!

Вот-те на: просвещенческий гуманизм оборачивается вдруг самым гнусным *фовизмом* (дикостью, зверскостью), хотя бы тем же европейским фашизмом, который все просвещённые говоруны сейчас самозабвенно осуждают, обходя столь же самозабвенно тот же не менее гнусный и зверский американский *либерализм*, зовущий-де к свободе, а строящий как раз мир глобального всемирного рабства.

Торжество просвещённого демиургизма и накат на человечество порождённого Просвещением экзистенциального негативизма!

23 (98)

Гуманизм — опора на человека и только человека, но никак не на Природу и Господа Бога; обращение человека в *человека-демиурга*; строительство человеком-демиургом нового мира для себя, причём мира-де всеобщего человеческого благополучия.

И многое, заметим, человеку в его западном образе-концепте так или иначе удалось — вплоть до создания *мира благополучия*, разумеется, по преимуществу пока лишь для Запада — мира так называемого «золотого миллиарда».

Да, не обошлось и не обходится до сих пор без эксплуатации человека человеком, без колониальной эксплуатации Западом всего мира, без эксплуатации той же природы, над нею безбрежного насилия, но задуманный Европой человеческий-де мир был всё-таки построен, хотя, быть может, и не достроен, но в основном, тем не менее, создан — сначала индустриальный, потом нео-(или пост-)индустриальный, а главное — искусственный, неприродный, хотя и паразитически надстроенный над природой, с ней даже снисходительно, вполне и по-господски, экологично-де взаимодействующий.

Гуманистический мир!

Однако никак не народный, не социабельный, не соборный. Это мир — *иерархическая пирамида*, в рамках которой все деловые и успешные — наверху или повыше, а все неделовые и неудачливые — внизу или пониже. На самой вершине — поднебесные правители, целый класс правителей: пока ещё вроде бы умных, весьма подготовленных, будто бы знающих, что к чему, умеющих владеть, властвовать и даже вести вперёд. Под правителями — не одни лишь ведомые ими вслепую населенские массы, но и служащие правителям менеджеры, эксперты, идеологи, научники, спецы, армейцы, «силовики», журналисты, дипломаты, артисты, шоумены, в общем — разного рода профессионалы,

прорабы, мастера, да мало ли ещё кто. В самом же низу, конечно — трудящиеся массы, по преимуществу трудящиеся не на себя, хотя частично и на себя, а на них — на всех, которые выше. Есть в пирамиде и криминальный элемент, удел которого не только будоражить общество, держа его в напряжении и в страхе, как и сидеть вынужденно по тюрьмам, но и... господствовать, быть наверху, мало того, среди самых уважаемых господ, не исключая и чрезвычайно популярных правителей.

24 (99)

Классика! Классическая цивилизационная пирамида, не менее, кстати, доминационная и эксплуатационная, чем любая восточная — деспотическая-де. Никакой всамделишной демократии (народовластия-де!), зато хватает элитократии, плутократии, олигархократии, того же авторитаризма, как и диктата, хотя и не в тех откровенных формах, что на Востоке. Что действительно есть на Западе, так это социальный лифт, хотя и затруднительный, обусловленный, ограниченный, приспособительный, карьерный, «сделочный», продажный. В целом же пирамида себя умело держит и безостановочно воспроизводит. Да, можно подняться снизу наверх, пусть и не массово, как можно и упасть сверху вниз, пусть и исключительно, но пирамида, построенная по жреческо-масонским идеократическим лекалам, незыблема (во всяком случае — пока!).

Считается, что ничего лучшего, чем такая вот социальная пирамида, человеком-конструктором не создано. Возможно! Что бестолку оспаривать хорошо скомпонованное и эффективно практикуемое. Да, разумеется, не сильно-то она гуманистическая — эта пирамида, совсем не демократическая, вовсе не либеральная, но... гибкая, ловкая, действенная. Именно она, эта самая пирамида, дала, вооружившись экономикой, капиталом, наукой, техникой, тем же империализмом с его насилием, войной и коло-

ниализмом, небывалый по достижениям экспоненциальный прогресс, выведя человечество из собственно зёмного бытия к бытию *сверх-зёмному*, мало того, ещё и хлеба обильные дала, и кров, и одежды, и тепло, и зрелища... о-о!.. ещё и доступный многим бесцельный, но вдохновенный туризм по всему зёмному шару! А ТВ, а интернет, а бодряя музычка, а «битлы», а футболчик... чем-только не одарила человека сия лукавая пирамидка — ПИРАМИДА!

И ведь факт: ничего лучшего, увы, и впрямь не изобретено. Попытались было в противовес сей пирамиде социализм соорудить, этакое соборное общество равных, а на деле-то вышла... всё та же пирамида, правда, ещё более деспотическая, вполне и азиатская, совсем не гибкая и не ловкая, а так... туповато-инертная, не слишком и долговечная — рухнула, не дотянув и до сотни лет своего тернистого и терпкого бытия.

Великий инквизитор, где ты? Как раз там, на самом верху пирамиды, в поднебесье, где всё самое главное из мыслимого, как и немислимого тоже, как раз и творится — не без учёта, конечно, *метафизического иного!*

25 (100)

Прогресс на то и прогресс, чтобы стать непременно *империалистическим*: рост, развитие, расширение, всеохват, вездесущество, безграничность, могущество, а потому и непрменная агрессивность, экспансия на весь планетарно-космический мир, вполне трансисторическая амбиция. Поначалу, конечно, сам европеец показал себя геополитическим, геоэкономическим и геокультурным империалистом, а потом, уже по раскатыванию во все стороны европейской цивилизации, уже и сам прогресс стал империалистом, таща за собой и беспокойного от прогресса европейца.

Войны, колонизации, революции, кризисы, вообще всякие потрясения, сопровождавшие движение Европы и осваиваемого ею мира к новой — прогрессивной-де — жизни, так или иначе сделали своё дело: Европа съевропеизировала мир и, опершись на состряпанные под себя неугомонные Соединённые Штаты Америки (чисто еврамасонский проект), двинулась, сама синтегрировавшись после кровопролитнейшей внутриевропейской войны (XX в.), на строительство *Всемирной Пирамиды* с вершиной в виде *ЕвроАмерики* и примкнутых к ней избранных сателлитов (вроде Канады, Австралии, может — Японии, что, пожалуй... и вряд ли!).

Европейский ренессансно-просвещенческий, он же антихристианский, он же атеистический, он же в широком смысле масонский проект вышел в ходе своего исполнения за пределы Европы, а потом и Америки, не остановился в подопечных Европе странах-колониях, а, охватывая весь мир, обратился в *глобальный проект*, в свете которого замаячила уже *Всемирная Пирамида*, однако, несмотря на огромные в сем деле достижения, не нашедшая полной реализации на начало XXI в., хотя вроде бы и избавилась она от альтернативной себе пирамиды — социалистической, правда, тоже европейской по происхождению, но... то ли на всякий случай, то ли и взаправду антиэкономической, а может, даже и антипрогрессной (?).

Тайна тут за семью печатями, но... разве уже не срываемых поочерёдно шаг за шагом мировой побудительной практикой, а-а?

Тетрадь пятая

1 (101)

Азиатские бытийно-исторические проекты (они же и варианты) оказались на века примороженными, — вперёд вышел в таком разе *европейский проект*, возникший в среде христианской цивилизации, однако густо замешанный на антихристовой составляющей христианского проекта, а ныне достигший мироглобального уровня реализации.

Речь идёт об экономическом — с частной собственностью, капиталом и наёмным трудом, — индустриальном (ныне нео- или пост-индустриальном), научно-техническом, целостно прогрессном проекте, именуемом также гуманистическим, либеральным, демократическим, как и попросту *европейским* (или *западным*).

Альтернативный ему проект, тоже по рождению европейский, но уже называвшийся *социалистическим* (с приоритетом общественно-трудового начала и равенства всех перед всеми, включая и присвоение благ), приказал долго жить поначалу в самой же Европе с его превращением там в фашистский проект, потерпевший насильственное крушение в результате развязанной им же самой большой евромировой войны, а затем и в России-СССР с превращением социалистического проекта в сталинскую тотально-этатическую реальность с последующей её самоликвидацией посредством «добровольного» и мирного развала СССР, международной соцсистемы и вообще всего мирового антиевроамериканского движения, идеократично вдохновлявшегося

именно социализмом, по большей части уже в коммунистической интерпретации.

Почему Европа всё-таки выдвинула именно два фундаментальных стратегических проекта: как принято обычно говорить — *капиталистического* (буржуазного) и *социалистического* (пролетарского)?

Тут, конечно, одна из тайн метаистории: один проект исходил из соперничества людей, коллективов, государств, а другой, наоборот, — из солидарности людей, коллективов, государств. Оба проекта были в основе антихристианские, атеистические, хотя и с разной степенью богоборческого и христорборческого азарта. Один проект «сидел» на деньгах, благоволил частной, экономической и предпринимательской инициативе, как и гражданским свободам, другой же базировался на коллективистском безденежном бытии и тяготел ко всеобщему соподчинению.

Новейшая философия и родившаяся ради обоснования сих проектов *политическая экономия* оправдали и тот, и другой, устроив и большую идеологическую склоку как между самими проектами, так и меж сторонниками каждого из них.

Соответственно проектам случились и реальные революции, покончившие прежде всего со старыми европейскими монархиями и с природно-сакральными цивилизациями (кроме Востока, где всё пошло сложнее, путаннее и неоднозначнее): путь к будущей всемирной глобализации был так или иначе открыт, а победа в межпроектном соперничестве досталась-таки на настоящий момент капитализму, а не социализму.

2 (102)

Поначалу ренессансно-просвещенческая Европа, совершив прежде всего идеологическую (религиозно-антирелигиозную) революцию, можно сказать, что и культурную, ряд политических революций, а также экономическую, производительную и науч-

но-техническую революции, пошла по первому — капитало-буржуазному — варианту исторического движения и нараставшего прогресса, как раз тому самому варианту, который и стал собственно европейским, а затем и евроамериканским.

Однако Европа вдруг породила ещё один вариант — социалистический (коммунистический), который, оставаясь по происхождению альтернативно-европейским, вошёл в реальную историю несколькими образами-потоками: европейским социал-демократическим; европейским коммунистическим; советским коммунистическим (сталинским); европейским социал-фашистским; азиатским коммунистическим.

Так или иначе на место «частности» была поставлена «общественность» (от коллективистской до тоталитаристской через корпоративистскую).

Здесь можно до одурения спорить, — и социалисты всех мастей между собой упорно до умопомрачения всё ещё спорят, — но суть состояла всё-таки более в приоритете «социальности» над «приватностью», чем «труда» над «капиталом», что и продемонстрировала фактическая историческая реальность.

Откуда вдруг взялся сей акцент на «социальности», мало того, ещё и на «труде», да ещё и труде «свободном» — от насилия, эксплуатации, капитала и даже денег?

Как чьё-то лично-субъективное чаяние — понятно, но ведь же и как мощное массово-историческое движение, переворачивавшее мир и немало его изменившее — вот уж вопрос, так вопрос!

3 (103)

Оказывается, есть антихрист, антихрист и антихрист, то бишь антихрист многолик, и каждый оттуда же — из христианской-де Европы, из всё того же упорного гностического масонства, точнее — *европейского мирового архитекторства*.

Антихрист-Каин-Архитектор!

Тот же капитализм, конечно, хорош, но он... *не всё!* Антихрист идёт дальше капитализма, не только предоставляя блага (хлебы) людям труда, но и мобилизуя их на воистину великие дела — совместные, общие, гигантские. Одних предпринимателей при всей их энергической инициативности тут всё-таки мало-вато, нужны ещё и мощные усилия организованных сверху и снизу очень больших трудовых масс. Так возникает «социализм», будто бы противостоящий «капитализму» — сначала на бумаге, потом в речах и лозунгах, на митингах, собраниях и уличных демонстрациях, затем на баррикадах, в революциях и, наконец, в широкой государственной практике.

«Капитализм», «социализм», «фашизм», «глобализм», что там ещё — не более чем идеологические прикрытия главного бытийно-исторического — *человеческого демиургизма*. Там и там... *рабство* — что денежное, что трудовое, что кабальное, что управленческое, однако — *рабство*, хотя уже и не ради выживания и стабильного жизнеустройства, а ради *трансгрессивного демиургизма*, устремлённого к Иному и в Иное, а по сути-то — в неизвестность!

Вот так: не верь ни глазам своим, ни ушам, даже и мозгам своим не верь, ибо провозглашается зачем-то и откуда-то одно, делается вокруг совсем другое, а сотворяется в итоге уже третье — не то что никем не предусмотренное, а вроде бы даже кем-то и заказанное.

Кем же?

И снова неразрешимые вопросы: кто, как, с какой целью?

Вроде бы тут явно видится чей-то *проект*, лишь прикрытый учением об объективном-де прогрессе, тогда чей же он — сей проект, и откуда?

Ах, эти жрецы египетские со своим Гермесом Трисмегистом, ах, эти пифагорейцы, ах, эти гностики-всезнайки, ах, эти

тамплиеры-альбигойцы, ах, эти *винче*-носцы, они же возрожденцы, ах, эти масоны-архитекторы, они же просветители рода европейского, ах... ах... ах... и для чего же они вообще были, есть и, надо полагать, ещё побудут?

Код да Винчи! А коды уважаемых Трисмегиста, Пифагора или Херама? Разве этих кодов не было и нет, разве не от них — этих кодов — безудержное стремление к пересотворению мира, к неприроде, к иному?

4 (104)

Сознание человеческое, будучи всё-таки иноприродным, если не просто неотмирным, должно было рано или поздно сфокусироваться раздумчиво и вообразительно на *Тайне Мира*, причём сделать это не так уж и явно, а в соответствии с онтологической Тайной Мира — вполне (или в основном, или в главном) тоже достаточно тайно! Что болтать среди профанов о какой-то там Тайне Мира, почувствованной очень уж исключительными особами — *посвящёнными*, коли профаны всё равно ничего не поймут, не примут, непременно всё опошлят, оболгут, высмеют, усердно и осудят, а то ещё и распнут тех же несчастных демиургов.

Не исключено, что сама мысль об ином мире, с ним родстве человека и о движении человечества к Иному, была дадена человеку, введена в его сознание, встроена в ноосферу откуда-то *извне*, но, как водится, человеку лишь показалось, что это *его* мысль, хотя, быть может, сознание изначально было сориентировано на рождение в нём сей самой главной из главных крамольных мыслей. На то и цивилизации, и жречество (в широком смысле), и храмы, и моления, ну и трансзабвения тоже, в общем — духовно-идеальная жизнь свободного сознания немногих избранных, а лучше сказать — *единиц*.

Откровение! Конечно, — откровение, что ж ещё? То ли как чего-то восприятие, то ли как чего-то обретение, то ли как чего-то «воровство» — неважно, главное — состоявшееся! Давно уже, но... не умирает ведь закодированная концепция, не исчезает — наоборот, работает — упорно и непрерывно, да не как в каком-нибудь НИИ, а как... в самой, знаете ли... *Бездне!*

И после этого-де Бытие-История — не Бытие-*мета*-История, а сознание с его деяниями — не *мета*-сознание, что оно — *нетрансцендентно*, а-а?

S (105)

Сознание ведь не только в человеке и среди людей (над ними) — ноосферно, оно и там тоже — в Ином, хотя и не так, как здесь, в зёмном мире. И ничего нет удивительного ни в обращении сознания к Иному — даже и к совершенно неведомому иному — совсем уж трансцендентному. Как же было зёмному сознанию, во всяком случае — высокого разряда, не заметить присутствия Иного как в этом мире, так и в самом же сознании, а следовательно — не попытаться осмыслить этот мир вместе с этим же сознанием как *мета*-мир и *мета*-сознание, выходящими за собственно зёмные, тутошные, видимые пределы? Как было не уловить, что мир зёмный гораздо более самого себя — как явленно-го, а сознание куда как обширнее того, что явно сидит в человеке и даже в зёмной ноосфере?

Мир наш — совсем не только наш мир — как таковой, это ещё и не наш мир, и наш мир всего лишь компонент какого-то иного мира, как раз человеку-то и дадён, человеком хорошо замечаемый, но вовсе не сводящийся, как кажется человеку, к себе самому.

Наш мир — не просто часть метамира, это ещё и часть, реализующаяся именно в метамире и именно благодаря ему.

И рождается *знание в знании* — эзотерическое, сокрытое, тайное, которое оказывается достоянием немногих и руководством для избранных.

Никто вокруг толком не знает, почему, зачем, откуда сие особое знание, но оно есть, оно служит, оно работает и, заметим, *из поколения к поколению!* Поколения приходят и уходят, а знание остаётся, оттачивается, обогащается и... действует.

6 (106)

Знание сие не хорошее и не плохое, это просто знание, конечно же — *сверхзнание*, — прямо из области общечеловеческого незнания, с моральной точки зрения в основе своей нейтральное, ибо в противном случае оно остановилось бы, замерло, исчезло. Вполне волевое знание, очень даже настырное — непреложное, непререкаемое и... беспощадное. И никаким иным оно быть не может — здесь ведь не зёмная судьба зёмного человечества, а *сверх-зёмная*, то бишь в чём-то важном и *сверх-человеческая*.

Сверх-судьба!

А раз так, то и имеют место и кое-какие *сверх-свершения*, которым подчинены все видимые, фиксируемые, широко обсуждаемые, хотя нередко и малопонимаемые, события, происшествия, процессы, подвижки, сдвиги, перемены, вполне объёмные (целостные) превращения.

Кажется, что тут некое *само-движение*, объективный ход вещей, само-по-себе развитие, но почему же тогда остановили сие прогрессивное-де движение некогда способные к нему цивилизации вроде китайской и индийской? И только этногетерогенная, но в то же время идеологически достаточно гомогенная, европейская цивилизация пошла на это, правда, лишь в союзе с антихристом (о сатане мы уж тут помолчим).

Выходит, что здесь сказалась не одна концентрация сверхзнания, но и некая динамическая сила, замешанная на огромной воле — то ли очень расчётливой, то ли крайне опрометчивой.

В любом случае сказалась *свобода* — перед Иным и за Иное, а следственно, и свобода демиургирования.

Ответ тут, видимо, в трёх ипостасях Европы: 1) в римской агрессивной имперскости, 2) финикийском агрессивном экономизме и 3) антихристовом агрессивном идеологизме, пробудивших и использовавших каждая по-своему *неограниченный науко-технологизм*.

7 (107)

Европе было суждено пуститься по пути в общем-то секулярного, атеистического и вполне антиприродного прогресса. *Свобода от тенет Природы и опеки Сакрала!* И гигантский результат, достигнутый не одной творческой и производительной работой, но и войнами, революциями, колонизациями. А результат этот, во-первых — невообразимая экспонента развития и, во-вторых, возникновение целостного неприродного мира, освоившего и даже покорившего всю Землю (пусть ещё и не до конца) и ставшего для человека уже искусственным лоном бытия (пусть и на базе природы, правда, весьма уже полонённой и усердно передуваемой).

Европа перелилась со временем в США и другие «белые» колонии вроде Канады и Австралии, прихватив и таких «восточников», как Япония или та же Южная Корея.

В принципе Европа везде, что означает не только присутствие повсюду Европы (как, к примеру, её присутствие в той же России), но и действительную *европеизацию мира*.

Агрессивность Европы — не агрессивность Чингисхана или Тамерлана, это не просто захват территорий ради ресурсов, включая рабов, эксплуатации покорённого населения и накопле-

ния присваиваемого богатства, нет, это (нравится кому-то или нет) настоящее *преображение* зёмного мира, достижение им нового качества — *европейского!*

Европеизм — вовсе не что-то очагово-территориальное, это в первую очередь смысло-качественное. В Европе возник **Новый мир**, из Европы он и излился на весь планетарный мир, сделал и весь мир новым. Те же «Великие географические открытия» не так, собственно, геотерриториальные открытия, даже не так колониальные обретения, как процесс качественного освоения европейской цивилизацией всего мира, его *европеизации*.

8 (108)

То, что произошло в ренессансно-просвещенческой Европе и случилось затем со всем миром, ещё ведь толком и не осмыслено. Империализм империализмом, войны войнами, захваты захватами, колонизации колонизациями, а главное-то в *преображении мира*. Европейский Модерн — это вам не разлитый по миру статуарный Премодерн, это уже и в самом деле целостная переделка бывшего мира и рождение нового мира, да ещё какого — *искусственного!*

И это не какое-то там объективное превращение, обязанное развитию-де производительных сил, это прежде всего исполнение **Великого Проекта**, который, судя по всему, ещё и не закончен, ибо должен он дойти до своего и вообще бытийного предела, а предел этот хоть, быть может, и близок, мало того, уже при дверях, но он ещё не достигнут.

Финансы, капитал, труд, наука, техника, образование, секулярные идеологии, право, демократия, армии, пираты, конкистадоры... сделали своё дело, но... в лоне *Великого Проекта*, на пути его реализации, в соответствии с его чаяниями.

Да, это не технический проект, не биологический, даже и не сугубо социальный — это *мировый проект*, бытийный, экзи-

стенциальный, вполне, кстати, и *хозяйственный*, если под хозяйством понимать не домоводство и даже не производство как таковое, а, как минимум, жизнеотправление в целом и, как максимум, отправление всего человеческого бытия (как бы и *мироотправление*).

Все великие преобразователи бытия человеческого — не кто иные, как *великие хозяйствующие субъекты*, пусть иной раз и всего лишь (!) идейно-духовные.

А уж акторы (язык не поворачивается называть их «авторами») Великого Проекта — тем более!

9 (109)

А как же самотечение бытия, самореализация истории, действие тех же «объективных законов»? Разве всего этого нет?

Есть, конечно, хотя бы первое и второе, а вот что касается третьего, как раз того, к чему привык образованный по-университетски ум, то тут не так уж и просто, ибо наличие ограничений, принципов, зависимостей, даже повторений ещё не значит наличия неких «законов», которым человечеству приходится волей-неволей следовать.

Да, могут проследиваться некие, скажем так, закономерности, они же и подтверждаемые практически устойчивые, схожие или необратимые процессы, но это совсем не доказательство наличия какого-то причинного «закона», скорее это показатель возникающего в движении и переменах аналогичного чему-либо фактологического следствия.

Человеческий мир настолько стихийен, разнообразен и своен волен, что сам он вряд ли имеет какие-то обязательные для него законы бытия, кроме, конечно, биологических, но зато он имеет возможность себя реализовывать соответственно проективным возможностями сознания — СОЗНАНИЯ!

Тут лучше говорить, наверное, не о «законах», а неких потребностях, требованиях, императивах и даже инвариантах Бытия-Истории, которых ему так или иначе не избежать — во всяком случае, до какого-то момента.

Не следует ни на миг забывать о творящем сознании, его своеволии и поразительных возможностях, в особенности ежели сознание выходит, как это произошло в Европе, за рамки природной детерминации и освобождается из-под надзорной опеки сакрала.

Сознание считается с ограничениями и обстоятельствами, с той же своей недостаточностью и даже слабостью, но сознание, ведомое сверхсознанием избранного (почему же не Промыслом?) «малого народа» или же «передовой элиты», имеет возможность действовать и творить, творить и действовать, реализуя свою *великую проективную и созидательную способность*.

10 (110)

Своеволие сознания, в особенности элитарного — великая вещь! Достаточно указать на Гермеса Трисмегиста, Леонардо, Маркса или того же Циолковского, а что говорить о таинственных создателях и непреклонных адептах Великого Проекта?

От природы к неприроде!

К какой же такой *неприроде*?

Известно ли это когда-то было великим проектантам и остаётся ли для них известным и сейчас? Вопрос!

Может, не так уж и было известно, хотя... те же предвидения, пророчества, утопии, как и те же сказки, говорящие то ли о прошедшем будущем, то ли о будущем прошедшего — сбывается ведь всё, ими поведенное, и даже более того!

То ли уже что-то было где-то в космосе, то ли где-то такое бытует, то ли и в самом деле должно случиться на той же Земле, которая, быть может, и не Земля вовсе, и не планета, и не... а

так — место реализации то ли *их* плана, то ли *нами* вдруг сочинённого проекта, то ли *кем-то* нам подсказанного пути — тайна!

Важно, что какой-то план, судя по многому, есть, он исполняется, и исполнение его достигло больших высот — как раз тех самых, когда не говорить обо всём этом уже нельзя, когда демиургический оптимизм сменился великой озабоченностью (уже *субстанциальной!*), когда хочется спросить у себя: «Что же *это* и что же *дальше?*», а ответ получить немедленно. О всеобщем экзистенциальном пессимизме мы уж помолчим — не до него!

Да, ученые и «прогрессисты» отвергнут любые разговоры о каком-то там таинственном «плане», о чьём-то тайном «проекте», ибо их *этому* не учили, наоборот, учили *не этому* (ни в каком случае!), хотя все они — неосознанные исполнители как раз всего этого явленного в реалиях плана-проекта, хотя при этом и не такого уж явно когнитивного.

Ладно, пусть это «объективный процесс бытия-истории», стимулируемый желанием человека жить получше и подольше, но... зачем же тогда выход за пределы живой природы и заход в тот же безжизненный космос? Откуда и зачем это яростное, вполне и рискованное демиургическое устремление — «к» и «в»... *Ничто?*

Никакого «Ничто» нет, скажут нам знатоки всего и вся, а есть лишь строительство подходящего для человека Нового мира — не более и не менее!

Однако так ли это?

11 (111)

Алхимики, тамплиеры, масоны, просвещенцы выдвинули как бы ни с того, ни с сего идею строительства Царства Божиего на Земле. Допустим — это так. Но почему вдруг сознание, якобы возникшее в результате самоэволюции материи и природы и яв-

ляющееся всего лишь продуктом высокоорганизованной материи, идёт дальше материи и природы, устремляясь не просто в неведомое, а... в *иное*, как раз в то, чего нет и быть не может в земно-космической материально-природной среде?

Есть тут и кое-что другое: почему это вдруг построенное человеком-демиургом Царство Божие оказывается, во-первых, явно нечеловеческим (мегаполисы, сложнейшая инфраструктура, машины, автоматы, компьютеры, сети, бесконечные провода, эфир, интернет и т.д.), а во-вторых, всё более и более значимо... *анти-человеческим*?

Почему это Новый мир не просто против человека, уже весьма сходящего от него с ума, а против даже самого *феномена человека*, то бишь выступает за *полное отрицание* сего образчика самодостаточного-де натурализма?

Человек, вedomый некой демиургической криптоэлитой, построил мир, отрицающий человека как феномена бытия, мироздания, Вселенной, — и это, знаете ли, не пустые слова: нынешний Постмодерн — лишь прелюдия ко *вселенской «оптимизации» человечества*.

Человеческая — а может, уже и нечеловеческая, с явным уже привкусом античеловечины — демиургическая мистерия в полном разгаре!

Новый мир, точнее — Новейший мир, требует и новейшего человека, а может — уже и попросту ультрановейшего человекообразного существа — кто знает?

И работа сия незримая, хоть всюю вроде бы и видимая, всецело идёт: с одной стороны, явное расчеловечивание человека, а с другой — трансгрессивная замена человека каким-то иным существом — *от человека через чиповея к киборгу!*

Антропологическая революция, однако не так меняющая сознание, как его уже... отрицающая.

О-о, совсем и нешуточная разыгрывается... э-э... новая «оптимизация» человечества, а-а?

12 (112)

Отмена человека!

Не слабо, не правда ли?

Отчего же вдруг такая крутая, всю и человеконенавистническая, загогулина?

Да, совсем недавно, ещё в середине прошлого XX в., об этом и речи не было, зато сегодня... о-о... уже нельзя обойти сию затейливую тему — тему, как минимум, трансформации человека, сравнимой с переходом от неандертальца к кроманьонцу, и, как максимум, трансгрессии человека в иное, пусть и человекообразное, существо (при условии выживания чего-нибудь «человеческого» на Земле).

Сегодня уже ясно, что человеком построен *свой* целостный мир, разумеется — *искусственный* — *арт*-мир. Сей замечательный во всех отношениях мир требует и адекватного себе человека, или же уже *пост*-человека — *арт*-человека, или же *арт*-существа в образе человека, а то и просто по его отдалённому подобию.

И самое поразительное, что такого рода трансмутация человека уже идёт, в особенности в передовом Западном мире, где широко и активно наличествуют суперразвитая научно-техническая система (она же и сеть); современное искусство (совершенно уже искусственное и давно уже ставшее антиискусством); тотальная обработка сознания видимым и невидимым образом в сторону безродного и бесприродного человека-автомата; господствующая над словом цифра (не только оцифренные деньги, но и всё вообще вокруг оцифрованное); сама-себя информация, оторванная от реальных объектов и лишённая внутренних смыслов; поверхностно-функциональная осведомлён-

ность человеческой-де особи вместо глубокого воззренческого знания, питающего человеческую личность; отчуждённый по сути от объекта воздействия функциональный менеджеризм вместо органичного предмету управленческого воздействия управленчества и т. д. и т. п.

Научно-технический прогресс в сочетании с антиискусством и аудиовизуальной обработкой сознания сделали своё то ли уж совсем чёрное, то ли уж чересчур осветлённое дело: западный человек уже явно выделяется среди землян своей... искусственной неземностью, но, правда, ещё не лучистой космичностью.

Неземный продукт Земли!

Научно-технический без отягощающего груза духовности и мешающих пут земности полуискусственный... э-э... получеловек!

И это только начало, ибо впереди ещё тотальная чипизация, геноптимизация и конечная типологизация (рождение *типа*) человека (от кроманьонца к... ?.. и далее к... ?..).

13 (113)

Долгое время наука с техникой занимались природой, её переделыванием и покорением, а теперь они занялись самим человеком, мало того — не одним его физисом (телом, мозгом), но и его метафизисом — сознанием, ноосферой, что как раз и особенно важно (как и занимательно, хотя и очень и очень страшно).

Воздействие на сознание, его обработка (родительская, школьная, вузовская, медийная, литературная, «искусствовенная») — не новость и уже вовсе не главное. Теперь даже не психическая обработка, а, знаете ли, вполне себе реальное... *замещение сознания... э-э... бессознанием* — это для масс, а вот для элит... э-э... *суперсознанием* (необыкновенным по логико-механическим возможностям).

Начали с *пересотворения мира* (демиургии), а продолжаем уже *пересотворением человека* (хомоургией)! Всё меняется, если не исчезает, в человеке и в социуме, теряя коренные истоки, мотивы и смыслы, и обретая... не более, чем поверхностные «человекоподобные» функции. Но самое поразительное здесь: не только человек уже не нужен, но даже и его какое-либо *существенное* подобие!

Феномен человека то ли под большим вопросом, то ли уже под роковой гильотиной.

Чуть ли не самоприговор!

А может, и самый что ни на есть настоящий, откуда-то вдруг свалившийся, приговор, причём без суда и следствия — что-то вроде *супостатного*!

Чем дальше, тем интереснее!

Что же рождается в лоне Постмодерна, если не попросту *ультрапостмодерн*? Не тот ли самый-самый из «Модернов», который и доведёт дело до логического конца — в феномене человека, того самого осознаниенного существа, которое идёт осознанно и упорно почему-то прочь от самого же себя.

Занятно!

14 (114)

Нелегко человеку быть... *человеком*, очень нелегко, почти что и невозможно. Зверем — да, уродом — пожалуйста, ничевоком — нет проблем, а вот ЧЕЛОВЕКОМ! — тут ничто не помогает, ни воспитание с заклинаниями, ни увещевания с наказаниями, ни тюрьмы с казнями.

Речь, разумеется, не обо всех человеках, даже не о большинстве, хотя... как посмотреть — на те же делишки, поступки и кое-какие мыслишки, — дело тут не в органической порочности человека, а в тяжко переносимой им экзистенции, — и виноват ли тут сам человек али не виноват — не так уж и важно!

Нет у человека согласия ни с окружающим миром, который он тщится переделать, ни с себе подобными, которых он то ли любит, то ли ненавидит, во всяком случае не особенно чтит, ни с самим собой, пытаясь и себя зачем-то переделать — преобразовать во что-то иное.

А то, что кто-то, когда-то, где-то и как-то решил вдруг идти, трудясь и творя, за пределы — природы, физиса и даже доступного человеку метафизиса, то что из того — процесс тут, развитие, прогресс, а куда и к чему всё это приведёт — кто ж знает?

Сей по виду, духу и сути как бы не очень радостный прогноз можно не только не принимать во внимание, но даже объявить его не то что утопией, а попросту бредом — вроде ницшеанского или кафкианского (кстати, славянских корней мужики!), да и забыть про него. Мало ли на свете негативных мифов, ужасных сказок и «чёрного юмора»!

Тут, правда, есть одна немаловажная загвоздочка — сама реальность и непредвзятый на неё взгляд. Что мы видим, если не предел, порог, обрыв? Разве происходящее вокруг не апокалиплично? Разве безумие ныне не субстанциально и не тотально? И разве сознание не опустошается, не худеет, не темнится, не портится, не мрёт?

Конечно, не у всех, совсем даже не у всех, но ведь и не у немногих, — явленьице-то массовое, да и сверху оно истекает — от элит, от избранных-де, — тут, пожалуй, задумаешься, дивясь разным пророческим сказкам, мифам, речениям, текстам. Ах, эта Библия — сокровенная и откровенная, вовсю и промыслительная!

15 (115)

Сознание! Тяжко, неудобно, неумогу ему в *этом* мире, и рвётся оно вон из него, причём не простое сознание, а... *сокровенное!*

К тому же ещё европейское — христианско-антихристианское, но при этом и древнеегипетское, вавилонское, античное, ну и гностическое тоже, и эзотерическое, и то же маонское.

Сегодня под пересотворение попал уже сам человек: человек пересотворяет человека, ну и самого себя тоже. Считается, что алхимия-де в прошлом — ничего подобного, она здесь, и она в полнейшем расцвете!

Всякое может теперь произойти — в эпоху геномной и нанной инженерии — *всякое!* И никакой гарантии, что случится преобразование, а вот то, что на человека снизойдёт не желаемое им во все превращение — факт! Ах, эти таинственные лаборатории, ах, эти закрытые клубы, ах, эти конспиративные совещания, ах, эти криптопроекты!

Ерунда, скажут нам учёные умники, полная чепуха, а мы только пожмём молча плечами да бровью незаметно поведём: что говорить-то? Разве сегодняшние политические акторы, они же и актёры, похожи на деятелей совсем недавнего прошлого (даже всё ещё называемого послевоенным времени): где они — Рузвельты, Сталины, Черчилли, де Голли? Нет их уже, нет, и не будет, ибо мельчает человек, суживается сознание, усыхает интеллект, глохнет личность. А ведь речь как будто бы об исключительно значимых исторических, социальных и хозяйствующих субъектах, созидателях, вершителях судеб людей, народов, всего мира. Смешно как-то, не правда ли? Суэта, сумятица, лёгкость и тёплость вокруг как раз те самые — Валтасаровы!

Америка (США) впереди и в центре, она несётся, сломя голову, во что-то иное, не замечая, что несётся она уже над разверзшейся бездной; Европа упирается, но, влекомая Америкой, уже на краю сей не проглядываемой бездны; Китай хитрит, надеясь заполнить собой сию ненасытную бездну и вытащить себя в светлое будущее; Индия терпит, полная бездного знания и не-

бездной надежды на Царство Иное; мусульмане поднялись вдруг, вступив в сражение чуть ли не со всем миром, вряд ли осознавая всё неоднозначное значение их умно-безумной затеи; другие зёмные племена мало что знают и понимают, надеясь более всего на удачу да на более-де знающих передовых-де поводырей.

16 (116)

Мир в жутком движении, и творится в нём фактически ведь неизвестное, и стремится он тоже к фактически неизвестному. Не удаль здесь вовсе, а слепота, глухота и отчаяние, хотя... как посмотреть на сие безумное действо — раз, вот и ты... в дамках!

В бытии-истории всё самое судьбоносное, поворотное, «скачковое» происходит как самое невероятное и происходит всегда внезапно.

Планируют, делают, побеждают и вдруг — несуразица, провал, поражение! Почему же это — ни с того, ни с сего, зачем, ради чего?

Да, Великий Проект всюду осуществляется, но уже не столько как явно человеком-демиургом осознаваемый, а потому и сознательно исполняемый, сколько посредством своеговольного авторитарного и безостановочного *самодвижения*, пусть и корректируемого демиургическим сознанием, но вряд ли уже способным его радикально изменить, отведя человечество от прельстительной бездны.

Поздно, господа алхимики, уже поздно, проект вырвался на волю и сам уже всюду диктует, что делать его актерам, лишь делающим вид, что они всё ещё всерьёз управляют проектом.

Нет, они уже не управители, а всего лишь исполнители — безумные и отчаявшиеся. Они ничего такого уже не знают и вырваться из этого ничегонезнания уже не могут. Тут и в самом деле что-то вроде Валтасарова пира — разгульного, весёлого, жуткого!

И хотя в передовой части планеты вроде бы сплошное благополучие, большой комфорт, славная житейская суета, но и... бессознательная тревога, скрытая вибрация, мутное беспокойство, а главное — оцепенелое ожидание пришествия *рокового неизвестного!*

П (П)

Самая передовая ныне в каиновском аспекте страна — США, эта законно-незаконнорожденная дочь каиновской Европы, прежде всего, конечно, англо-саксонской. Созданная с «чистого листа» в итоге расправы с местными аборигенами (авельянцами!), страна эта сегодня не просто самая передовая, но и самая как будто бы могущественная, а потому и страна — мировая госпожа и вездесущая-де воительница, охваченная в лице её финансово-архитекторской элиты комплексом вождельного ею мирового вождизма.

Оснований для такого самочувствования и поведения предостаточно: мировые деньги с глобальными финансами; большая наука с техникой; неоиндустриализм с высокими технологиями; отлично оснащённая, хотя и не самая боеспособная армия с многочисленными по миру опорными базами. Богатство, богатство и ещё раз богатство!

Империализм, насилие, диктат — всё это не более чем пустые слова для Америки, ибо для неё главное — господство над миром любой ценой, оплачиваемой, конечно, не Америкой, а этим самым миром, причём господство, приносящее неременный доход и, знаете ли, очень даже большой доход!

Мир не просто под Америкой, а Америка над миром, нет, тут всё гораздо интереснее — мир всю обязан Америке, а Америка ничем миру не обязана, кроме разве ретивого исполнения ею Великого Проекта — то ли нужного миру, то ли ненужного, но так или иначе миру навязанного, включая и саму Америку.

Амбиции Америки не так от её могучих-де сил, как от её проектно-реализаторской миссии: Америка брошена англосаксонской Европой в пекло Великого Проекта как его главный двигатель, а весь остальной мир, включая даже европейский, — всего лишь для сего двигателя смазка и топливо.

Какой же великий проект без большого труда, высокого творчества, обильных жертв и нескончаемых жертвоприношений?

18 (118)

Америка возникла как бы в чистом поле, с листа, по масонскому, как минимум, замыслу и проекту. Это вовсе не древняя, не корневая, не историческая страна, это молодая страна-проект, сделанная страна, матричная страна.

И не просто так Америка выдвинулась на передний план, хотя и затратила немало своих трудовых и творческих сил, правда, всё более завозных, импортных, извнеших. Весь мир делал Америку, включая и африканских рабов, да и сейчас мир успешно поддерживает Америку, пусть не так уж и добровольно, как и вовсе не по любви.

В Америке нет единого этноса, даже симбиоза коренных этносов нет, зато там сплошные американцы, как бы по ведущему образу англосаксы, европейцы, но уже без коренных европейских культурно-исторических и социально-моральных вериг.

Любопытнейшее это образование — *Америка*, некий иной, хотя и полностью сфабрикованный, мир, вроде бы зёмный, но вовсе не земной, совершенно искусственный, этакий вполне себе реальный *арт*-мир.

Вот где и кто строит истинное Царство Божие на Земле, оно же и Храм человеческий, как и Земля обетованная. На основе частной собственности и предпринимательской инициативы, капитала, науки и техники, индустрии, как и, разумеется, денег, де-

нег и денег, но... по плану, по плану, по плану, разумеется, неведомому, что как раз и важно умникам всех мастей иметь в виду.

Чистейший продукт Модерна, Нового времени, прагматизма, позитивизма, материализма и даже той же политэкономии. Великолепно исполненный, причём не сам по себе, а вполне проективно и вполне поднадзорно.

Ради исполнения столь замечательного проекта были не только утеснены иные бытийные варианты, вроде тех же восточных, но и заметно отодвинуты, если не устранены, да и сейчас отодвигаются и устраняются, любые перспективные конкуренты, включая и европейских.

Где теперь великие Англия, Франция, Германия, в каком положении тот же Европейский союз, да зачем он был вообще создан, и почему его вдруг покинула Англия?

Величайшая тут имеет место *геостратегия*, за которой скрываются чуть ли не всё современное прошлое мира, его постсовременное настоящее и возможное ультрапостсовременное будущее!

Воспринять бы, да и понять кое-что исключительно важное, если не прямо *экстраординарное!*

19 (119)

Бытие делается, история делается, настоящее делается, хоть и при том, что бытие, история, настоящее и сами всю делают. Тут не так управление управляемым объектом, как ориентация движения объекта через сам объект, ибо объект — сфера сознания, сознаниевое поле, мир сознания, сознаниевая планета. А раз так, то влияние на сознание как сознание вообще, или всеобщее сознание, и есть бытийно-историческое управление объектом, его «умом», «душой» и поведением.

Влияние, конечно, концептуально обоснованное, в соответствии с концепцией движения объекта к какой-то определённой цели — с сопротивлением, колебаниями, срывами, но... к цели. Так образуется *телеология бытия-истории* — из исходной концепции, поставленной цели и субъективно направляемого движения, но при этом непременно и из самодвижения.

Ничего в общем-то особенного, кроме разве одного — кто же тут концептуирует, ставит цель и направляет движение бытия-истории?

Как кто — элиты! А среди элит — суперэлиты. А там, глядишь, уже маячит призрак и самого «мирового правительства».

А почему нет? Везде ведь социохозяйственные пирамиды, без которых ни цивилизаций, ни социума, ни управления, ни общего движения вперёд. Достаточно упомянуть, к примеру, папский Рим, Британское королевство или тот же «Интернационал». Всё одно: центр, концепция, управление, цель, достижение цели. Разве не так? И почему же не быть скрытым центрам, теневым, закулисным, ни себя, ни своих намерений, ни даже достижений не афиширующих?

Но дело не в этом, не в самом по себе управлении, а в возникающих как бы ни с того, ни с сего *идеологиях и культурах*, подчиняющих себе общее сознание и его целеположенно ведущим. И самое значимое здесь в том, что любые действительно ведущие идеологии и культуры, а в их среде и государства, и всякие там организации, и так называемые общественные движения, просто так не возникают и не получают признания (вплоть до яростного поклонения), а являются с участием активного и хорошо отомобилизованного элитарного сознания.

20 (120)

Капитализм обычно преподносится как стремление к барышу через вложение денег и извлечение денежных доходов.

Однако капитализм, а точнее — то, что называется капитализмом, вовсе не только это, если в главном вообще не это: капитализм — *возможность безудержной и беспредельной демиургии*, стимулирующей деловое творчество и эксплуатирующей любое количество потребного для этого заинтересованного в самом себе труда.

Капитализм утвердили и прославили не так для стяжания богатства, как для того, что стало называться *научно-техническим прогрессом*, ведущим к созиданию *иного мира* прямо на нашей грешной Земле (*от природы к неприроде!*).

Ещё интереснее получилось с социализмом: его придумали, утвердили и прославили (сначала как идеологию) вовсе не для обеспечения всеобщего благоденствия трудящихся, а для их мобилизации на решение совсем иных задач, им — трудящимся и их вождям — попросту неведомых.

Капитализм и социализм из одного демиургического гнезда! Из того же, кстати, откуда и Европа с Америкой в их модерновой интерпретации. *Капитализм и социализм — родные братья!* Правда, затеявшие по-родственному большую бытийную свару — по поводу собственности и богатства, но... что было ведь и не главным ни для капитализма, ни для социализма.

Оба понятия — капитализм, социализм — выдуманные и достаточно надуманные понятия, что-то отражавшие из реальности, но по большей части отражавшие самих себя, как раз то, что было в них неприметно идеологически вложено.

Да, сам по себе феномен возрастания денег, вложенных в дело — как раз феномен капитала, отрицать не приходится, но ведь важно замечать и кое-какие иные фундаментальные мотивы сего феномена, бывшего уже ренессансно-европейским — как социально-переустроительный мотив, так и иномирно-демиургический.

Капитал — мощнейшее преобразовательное средство, ежели соединить его с неограниченным демиургизмом, хотя и весьма рискованное — корысть, она и есть корысть!

21 (121)

Капитал немедленно показал себя как, с одной стороны, деятельное, изобретательное, вездесущее явление социохозяйственной жизни, а с другой — как явление корыстное, жёсткое, агрессивное, беспощадное. Деньги не пахнут! Капитал быстро показал своё своеволие и амбициозное желание перестраивать бытие и цивилизацию непосредственного под себя. Джинн, выпущенный из европейской христианско-антихристианской бутылки, быстро распространившийся, во многое проникший и многим овладевший.

Европа вдруг оказалась капитализированной, подчинённой деньгам, однако деньгам всюю работающим, творящим, куда-то ведущим. А деньги — вещь, эфир, субстанция, — и европеец вдруг стал *человеком экономическим*, однеженным, стоимостным, счётно-решающим, но при этом и особенно деятельным, инициативным, находчивым, креативным. На свет появился *человек креативный*, причём уже *сам по себе* креативный.

И стал для начала сносить всё подряд: архаичное-де, устаревшее-де, ему-де мешающее и вообще не нужное.

Традиционная Европа, её цивилизация, её дух не могли с этим смириться, и пошло-поехало сопротивление — не победное вовсе, но и не совсем уж пораженческое. В итоге государства, культура, мораль приняли капиталистический (буржуазный) характер, но сохранили не то чтобы самостоятельность от капитала, но некую свою самость — зависимость цивилизации от капитализма, а точнее бы сказать — *экономизма*, оказалась значительней, но не полной. Грубая, безапелляционная и бессловесная метафизика капитала не смогла одолеть не менее безобразной

метафизики цивилизации — пришлось пойти обеим сторонам на компромисс, не требующий нарочитого превосходства какой-то одной из слившихся в гетерогенное целое сторон.

Так или иначе, но возникла *Новая Европа*, в которой нашлось место и бодрому капиталу, и «успокоительной» цивилизации — хоть и «прокуренной» едким капиталистическим (экономическим) чадом.

22 (122)

Бытие, однако, шире и глубже, сложнее любой цивилизации, любого конкретного способа хозяйства, любой культуры.

Это всегда важно иметь в виду, а потому капитализм капитализмом, как и Европа Европой, а феномен человека-человечества — феноменом человека-человечества, выходящим за пределы любого конкретного жизнеустройства.

Христианизированный трудящийся европеец, пусть и весьма уже секуляризованный, не мог не восстать против бессовестной и безудержной эксплуатации со стороны капитала. Резистантное стремление трудящихся масс не могло не быть услышанным, подхваченным, идеологически оформленным и организационно канонизированным частью элиты, в том числе правящей и даже буржуазной.

Протест трудящихся против капитала вылился в движение, идеологически оформленное как «социализм-коммунизм».

Движение снизу оказалось слившимся с ведением его сверху, приняв при этом, как минимум, амбивалентный характер: «за» и «против», причём в дополнение к этому ещё и с амбивалентными «за» и «против» как таковыми.

С одной стороны — *движение*, а с другой — *проект*, причём с неоднозначными «за» и «против» — на любой вкус!

Революционное направление стремилось к уничтожению капитализма и вообще всякой эксплуатации человека человеком;

реформистское направление довольствовалось компромиссом с капиталом: пусть будет, но с «человеческим лицом». Как видим, тут и категорическое «против», и умеренное «за».

Явился и другой «социализм», стремившийся не более и не менее, как подчинить капитализм «социальному» государству, заодно подчинив ему и трудящихся.

Были выдвинуты как идея «диктатуры пролетариата», так и идея «социальной демократии», но несколько позже — идея «диктатуры партии», или «фашизма», переросшая кое-где в идею «диктатуры нации», или «национал-социализма».

В общем, целый набор «социализмов», включая и «коммунизм» — как наиболее последовательный-де «социализм» (общество труда без каких бы то ни было эксплуататоров).

Расцвели, короче, все социалистические цветы, давшие со временем очень разные, как правило, далёкие от цветочных идеологием реальные плоды.

23 (123)

Да, Европа, освобождаясь от преמודерновых архаизмов вроде римского папства, монархий и феодализмов, дала сначала простор капиталу, но, освободив работника от собственности и личных зависимостей, дала и работнику, осознавшему всю прелесть дикого капитализма, поднять свой голос в защиту себя и против действовавшего капитала.

И тут важно поведение европейской демиургической элиты. Она быстро сообразила, что, во-первых, надо пойти навстречу трудящимся и ослабить гнёт над ними капитала; во-вторых, подвесить над капиталом «страшилку» в виде «социалистической революции», весьма укротив амбиции капитала по овладению бытием и управлением всем и вся; в-третьих, использовать «движение» в иных целях, им — этим движением и его вождями — не слишком и осознаваемых.

Последнее тут как раз и самое интересное: восстания, перевороты, революции, даже и войны, ну и, само собой — эксперименты.

Итак, с одной стороны, буча, или, как сейчас принято говорить, хаос, а с другой — новое проектирование с использованием энергии восстающих и, тем не менее, работающих масс.

Европа времени пробуждения «социализма-коммунизма» — Европа уже своего всеобщего кризиса, требовавшего перемен уже в противную Ренессансу и Просвещению сторону, т. е. как бы и антиевропейскую.

Правящей элите (криптоэлите) нужно было что-то с кризисной Европой делать, расшатывая модерновую композицию и переходя к новой, ещё не совсем и понятной.

«Движение» работало как на расшатывание Европы, так и на её преобразование. Для элиты желанным было то и другое, но... не в ущерб же взлелеянной ею Европе!

Использование «движения» требовало меры и контроля над ним, что и было сделано в конце концов утверждением в Европе своего — европейского — «социализма» и переориентацией радикального направления на Германию с её кайзером и на Россию с её Николаем II Романовым.

24 (124)

Бытие-история — вещь не только не простая, но и достаточно загадочная и своевольная. Социальная инженерия возможна, но... с достаточно неопределённым, хотя и весьма при этом определённым, результатом.

США, пережив гражданскую войну в пользу Проекта, развивались и усиливались. Ставка со стороны криптоэлиты, её самой влиятельной части, давно уже была сделана на США, а теперь, в момент кризиса Европы, ещё более усилена. Теперь проект существовал и исполнялся с присутствием в нём США. Хотя пока и не под их водительством.

Европа же была брошена в горнило переделки, в чём довелось участвовать и «социализму-коммунизму», но не так уже своей лояльной Европе частью, как новой, крайне амбициозной и весьма враждебной Старой Европе радикальной частью, принявшей образ «фашизма».

Европа представляла собой не просто целый, а запутаннейший клубок противоречий, не находивших разрешения: новое против старого; «демократии» против монархий; труд против капитала; свободное предпринимательство против монополий, промышленники против банкиров; нации против наций; анархисты против государства и т. д. и т. п.

Наследные Рим, финикийство и христианство против своих явных и неявных противников-отрицателей!

Общее состояние Европы было настолько болезненным, что, несмотря на внешнее благополучие, Европа жаждала, во многом и трансцендентно, вполне этого не осознавая, какой-то большой перемены, однако, что тоже не слишком осознавалось, ценой, увы, многосторонней катастрофы.

Радикальную социалистическую революцию в пользу трудящихся евроэлита смогла не допустить и от Европы отринуть, как погасив её в пламени большой европейской войны, так и переместив её очаг в Россию, но на радикализацию самой евроцивилизации ей пришлось-таки пойти, что и выразилось не только в общеевропейских войнах XX в., но и в феномене европейского диктатурного фашизма.

25 (125)

С фашизмом ведь тоже всё было неоднозначно и противоречиво. Фашизм — совсем не локальное, а в общем-то общеевропейское явление, призванное не допустить развития никакого неконтролируемого движения снизу, прежде всего социалкоммунистического, как и не допустить чрезмерного усиления капитала, но в то же время обеспечить переход к диктатурному

тоталитаризму, способному то ли вытащить Европу из трясины кризиса и неразрешимых противоречий, то ли, наоборот, окончательно похоронить её как многонациональную и полицентровскую Европу, создав на её месте какую-то новую империю (очередной Новый Рим).

Большие исторические процессы вообще многозначны, неопределённые, своевольны. Ими не то что нельзя управлять, но управлять можно лишь с той или иной степенью вероятности.

Новая, т. е. современная, Европа подошла к своему завершению, впадала в долгосрочный системный кризис и должна была как-то перестраиваться, что могло происходить в раздираемой межстрановым империальным соперничеством и нарастающей классовой борьбой Европе только в чередующихся потрясениях, среди которых история выбрала войны, революции, диктатуры, вообще разное насилие.

Хаос не хаос, но уж общеевропейский пожар — точно!

Затушить пожар было невозможно, да и не нужно. Пришлось с пожаром смириться, а вот управление пожаром и среди пожара оставлено не было — к чести европейской элиты, может, только, как обычно, какой-то её малой части, к которой, надо полагать, принадлежал и тот же славный Уинстон Черчилль.

Большая геостратегическая игра, в которой нашлось место не одним государствам, но и капиталу, и труду, и тому же «социализму», и тому же фашизму, ну и, естественно, армиям, точнее, вооружённым народам, беспощадно колошматившим друг друга, пережигая неразрешимые противоречия и неизлечимые недуги Европы.

Нет, уважаемые господа, это вовсе не шахматная партия, — отнюдь! — это вполне невозможная игра без правил, хаотичная игра, безднная, но, тем не менее, ведшаяся — что-то вроде безумной военной игры, когда все воюют, не видя толком друг друга и не представляя ни структуры войны, ни её хода.

Тетрадь шестая

1 (126)

И вот тут нужно непременно вновь принять во внимание *Соединённые Штаты Америки (Америку)* — эту и в самом деле *Новую Европу*, не обременённую традицией, историей, культурой, набравшую за XIX — начало XX в. мощный исторический ход и устремившуюся — ведая про то или нет — к мировому первенству.

В этом движении к мировому первенству Америке могла помешать только тоже набиравшая тогда ход Российская империя, но она была вначале втянута в кровопролитную европейскую войну (1914—1918), а потом, уже в 1917 г., поражена в самое сердце поначалу вроде бы либерально-буржуазной, а затем и диктато-«социалистической»-де революцией.

США смотрели на Европу не столько как на соперника, сколько как на отходящий в сторону, а то и в небытие, но всё ещё буйствовавший остаток большой новой истории. Нельзя сказать, что Европа не была нужна Штатам — как мать, как колыбель, как родной дом, но... лишь в покровительственном подчинении своей набравшей силы «дочурке».

Так, собственно, и случилось: США вовсе не пытались ослабить кризис Европы и как-то «разрулить» противоречивую ситуацию, они не только допустили все постигшие Европу катаклизмы, но и, кажется, их потихоньку стимулировали, а потом, поучаствовав дважды в европейских войнах, стали главными бе-

нефициарами панъевропейского кризиса, мало того, установили над Европой вкупе со своей близкой родственницей-предком Великобританией покровительственную опеку и выверенный контроль.

Так новейшая европейская Европа попала под влияние, если не под власть, новой американской Европы.

Очень любопытно, не так ли?

Великий Проект, о котором шла речь выше, созрел в Европе, её захватил и под себя до поры её перестраивал. Вылившись за пределы самой себя, Европа обрела вдруг возможность строительства как бы чистой, не обременённой никаким тормозящим и мешающим историческим грузом Европы, что как раз и случилось в так называемой Северной Америке, на другом континенте, по ту сторону Атлантики, на противоположном берегу Великого океана.

И эта новая американская Европа, вытянув соки из старой Европы и поставив её фактически на колени, хотя и не в качестве раба, а в роли, так сказать, первого вассала, установила свой протекторат над европейской Европой и устремилась на всех парах к всемирному лидерству.

Тут важна одна деталь: США оказались очень кстати для исполнения Великого Проекта — как раз в функции его основного материала, центральной лаборатории и главного толкача, что и произошло с момента утраты сей почётной функции старушкой Европой.

Заметим!

2 (127)

Бытие-история Европы — запутаннейший клубок, который ни распутать, ни разложить на части, ни представить системно, да и вообще толком не понять. Столько всего было и есть в Европе,

что сам чёрт пасует перед сим воистину заслуженным бытийно-историческим феноменом-субъектом!

Идеи, замыслы, движения, деяния — во все стороны, да не то что света, что само собой разумеется, а и самой по себе Европы — этого *необыкновенного бытийно-исторического очага событий, происшествий, катаклизмов и перемен!*

Европа — ментально-практический прорыв в невозможное на Земле. Именно Европа, отнюдь не благочестивая и не благостная, взяла на себя миссию дерзкого прорыва к зёмной, а может, и внезёмной неприроде, к выдуманному, сделанному, искусственному миру — *арт-миру*.

И путь в этот арт-мир не только не был усыпан розами, он оказался не просто тернистым, а во всех отношениях и ужасным: эксплуатации, бунты, войны, революции, жертвы, реки крови!

Путь импульсивный, вихревой, откатный, со взлётами и падениями, победами и поражениями, созиданиями и крушениями, выворачиваниями и переворачиваниями, вовсе не прямой, а очень и очень «крученный», однако — *целеустремлённый!*

Тут обращает на себя внимание одно интересное явление, которое можно было бы назвать *историческим казусом*, когда что-то задуманное и вроде бы выполняемое вдруг внезапно обрывается и переходит во что-то другое, даже и прямо противоположное.

Яркий пример этому — феномен Наполеона Бонапарта: антимонархическая французская революция — революционный генерал — антиреволюционный император — гибель новой французской империи — контрреволюционная реставрация бывшей монархии.

Казус тут за казусом, да и сам феномен Наполеона Бонапарта воспринимается, скорее, как *великий исторический казус*, не так ли?

И Европу не понять без таких вот казусов, среди которых и поражающий воображение казус «социализма-коммунизма», как и потрясающий воображение казус того же «еврофашизма».

3 (128)

Вот и США — тоже ведь *своеобразный исторический казус*: сначала европейская колония в Северной Америке-де, потом освободившаяся от метрополии свободная страна, полная авантюризма, энтузиазма и созидания, а с течением времени... покорительница самой своей матери — Европы.

Чем не казус?

Хотя, конечно, как посмотреть: ежели в плане Великого Проекта, то... Европа должна была уступить первенство Америке, войдя в образование, которое уместно определить сейчас как *ЕвроАмерика* (точнее бы — *АмерикоЕвропа*, или даже *Амерона*, но... как-то уж очень неблагозвучно это звучит по-русски).

Так что вроде бы и не казус тут, но... если вспомнить о европейских войнах XX в., ставших мировыми, то напрашивается как раз именно казус — ба, вот и Европа уже и не Европа, а так себе — суб-Европа!

Опять же нынешний Европейский союз — казус или не казус? И да, как будто бы, и нет. История, конечно, покажет, тем более, ждуть, кажется осталось недолго. Зато выход Великобритании из ЕС — явный уже казус! И как же иначе *такое-то* вообще трактовать?

ЕС возомнил себя империей (очередное воспоминание о Риме), бросился имперски расширяться, не только разделавшись с Югославией и приняв в себя бывшие соцстраны с бывшей советской Прибалтикой, но и вмешавшись в Северную Африку, разорив ту же Ливию, мало того — опрометчиво залез... на Украину... чего делать было уж никак нельзя!

Ну а раз империя, то почему бы этой «империи» не попри-
нимать в себя и «новых варваров» (не в негативном смысле, хотя
ежели... террористов, то!..).

Вот вам и новый исторически казус, вполне и европейский!

А сама по себе Европа с высоты XXI в. — не казус ли? Нет,
конечно, вся она — вроде бы не казус, но... почему же при этом с
учётом всех её некультурных перемен и не казус?

Сколько всего «прогрессивного» сделано Европой для ми-
ра, причём с планетарной европеизацией мира, пусть и не пол-
ной, но очень и очень существенной, но тут же тебе и мировые
войны, и «социализмы», и фашизмы, и та же неприглядная, если
не позорная, зависимость от США.

4 (129)

Европа — это ЕВРОПА, а США — это США! Теперь это —
более всего просто Запад, некая ЕвроАмерика, передовой, так
сказать, мир: яростный, последовательный, непреклонный *пере-*
устроитель, мало того — *пересотворитель*, причём всего чело-
веческого мира, включая и самого человека.

Теперь планетарный мир разделился на два, как минимум,
мира: *передовой мир* и *остальной мир* (как бы и отставший).

В этом втором мире и исторически хорошо выдержанный и
бытийно ныне не очень-то хорошо вздыбленный Китай; и тоже
исторически вполне выдержанная, а ныне весьма растревоженная
Индия; и весь мусульманский мир, ныне угрозно для всего мира
взьерошенный; и воистину археобытийная Африка, немало ныне
тоже взбаламученная; и Латинская Америка с Бразилией, Венесу-
элой, Аргентиной и другими «латинами», ныне обеспокоенная и
рвущаяся куда-то вперёд.

В этот второй мир попала и нынешняя Россия, переживаю-
щая не без потерь, трудностей и скорбей *большой апокалиптиче-*
ский кризис, обусловленный крахом СССР и прозападной, как и

весьма антироссийской, реформой-революцией, правда, с уже обозначившимся бытийным подъёмом, уже в основе и немало пророссийским, полагающим и скорое избавление от самоубийственного апокалиптического зловключения — катастрофогенной социохозяйственной перестройки!

Великий Проект, реализуемый Западом, его элитой, его надменным высшим управлением (в основном и в главном, конечно, криптоуправлением), выглядит сегодня не столь безукоризненным, как это было совсем недавно, а остальной мир уже вовсе не безоговорочный придаток Запада, а его — Запада — явный альтернативщик, способный со временем выдвинуть и *свой* Большой Проект, в котором Западу может быть отведена совсем и не первая роль.

Великий Проект продолжается, уже как постмодерновый, но... на планете Земля вдруг стал формироваться какой-то альтернативный сему замечательному конспиративному проекту иной мир, хоть и затронутый Постмодерном, но вовсе не порвавший, как Запад, с Традицией, а ею питающийся и ищущий вместе с нею нового судьбоносного для человечества глобального разрешения.

5 (130)

Сие забегание вперёд — в современность, важно для понимания исторического процесса Нового времени, перетекающего во время Новейшее.

Запад действительно взобрался на вершину зёмного бытия и тащит это бытие вперёд: от *природы к неприроде*, созидавая всё более искусственное зёмное бытие — *арт-бытие*.

Во главе сего процесса с середины XX в., аккурат от момента завершения Второй мировой войны, стоят США. Теперь Великий Проект — проект, уже непосредственно ведущийся более всего Америкой, это как бы её — Америки — проект.

США — гарант, вдохновитель и главный исполнитель проекта, правда, не пренебрегающий имперской возможностью заставить платить за сей проект весь зёмный мир, а заодно и платить самим главным радетелям за проект — США, — что, собственно, всю и делается.

Остальной мир пока под проектом, как и под Западом, как и под США. Такая ситуация возникла не сразу, она тщательно создавалась в контексте мировых противоречий, неопределённости и даже чудодейственного хаоса (войны, революции, кризисы).

Китай, Индия, мусульманский мир, не говоря об Африке и Латинской Америке, крепко спали в Новое время, находясь по большей части под бдительным контролем, неусыпным водительством и неустанной эксплуатацией со стороны империяльной Европы.

Не спала, несмотря на свою-де геогенную «инертность», лишь одна большая страна — *Россия*.

Подвергнутая насильственной европеизации изнутри и проникательной европеизации извне, Россия, поприважив отечественную церковь с её византизмом, пововав с ближайшей Европой и ближайшим Востоком, превратилась в гигантскую гомогенную империю, войдя в историю с начала XVIII в. как *Российская империя*.

Да, Россия как будто бы устремилась к Европе (Западной Европе), но, будучи восточно-европейской страной, несшей на себе и кое-какие азийские (те же ведические, ордынские, туранские) черты, в Европу (Западную Европу) так и не вошла, бытуя как бы рядом с Европой, в противоречивом взаимодействии с ней, образовав невольно и негласно некую Большую Европу — с Восточной и Западной в совокупности.

Европе это не нравилось, ибо Россия, тяготея вроде бы к Европе (культурно, технологически), оставалась в то же время

вне Европы (государственно, ментально, духовно), не став ни колонией, ни вассалом Европы, а оказавшись, что было особенно неприемлемым для Европы, ей — *ЕВРОПЕ!* — квазиевропейской альтернативой.

Россия, находясь вроде бы под Великим Проектом, как бы порождала *другую* Европу с *другим*, по-видимому, большим проектом, пусть реально как будто бы и невозможным.

Вообще тяжба Руси-России с Европой — дело давнее, но в Новое время она обрела особенно выразительный и острый характер, ибо Россия в лице Российской империи явно могла уже противостоять всей Европе, да ещё и со своей мирообусловленной амбицией, вовсе и не агрессивной, как европейская, но... очень уж для Европы даже вообразительно неприемлемой и опасной.

6 (131)

Со времён Петра I Европа, вроде бы весьма проникшая в Россию, но ею никак всерьёз не овладевшая, была перманентно обеспокоена бытованием рядом с нею хоть и весьма европеизированного, но до конца всё-таки ею не освоенного противника.

Никогда Россия, несмотря на все свои потуги сойтись с Европой, не рассматривалась Европой не то что как друг, но даже и как приемлемый союзник.

Только в контексте сего фундаментального противостояния Европы и России, как и России и Европы, можно понять многое, если не основное, из происходившего на евразийском континенте за последние 300 с лишним лет.

Тут противостояние было не столько геополитическим, хотя таковым оно, само собой, тоже было, сколько *мироконцептуальным*, что менее обычно имеется в виду и в достаточной мере не воспринимается.

Восточноевропейский, он же и евразийский, гигант по имени Россия — последовательный, сам того особенно и не желающий противник Европы, а теперь уже и всего Запада, ЕвроАмерики, США.

Россия — белорасовый, нордический, арийский, европейский, христианский мир — поэтому-то и особенно раздражавший Европу и ею решительно отвергавшийся.

Дивно гуляла Европа по России, заимев даже фактически онемеченную, как бы и европейскую (пусть квазиевропейскую) династию, царствовавшую в России не одно столетие, опираясь на вполне вроде бы европеизированное дворянство и совсем уж европеизированных высших управителей, однако гулять-то гуляла, а реально видела в России не просто что-то иное, но и реально для себя враждебное, отчего и старалась подчинить себе Россию, а в случае сей невозможности — уничтожить!

Россия в лице её элитного слоя всегда в общем-то любила Европу, как любит её и сейчас, а вот Европа только с выгодой для себя проникала в Россию — как в колонию, весьма её при этом опасаясь и не любя.

Таковой была всегда правда истории, таковой она остаётся и сегодня.

Не отвертеться!

7 (132)

Россия проигрывала кое-какие войны, но всегда оставалась непобеждённой. Войной Россию вообще не взять. Не удалось её взять и лукавым под Европу «преобразованием». Даже послепетровская Россия при всей своей внешней и элитарной европейскости оставалась Россией, даже при том, что на престоле уже сидели фактические немцы. Глубинная Россия, эта некая *археорусь*, она же и *архиРусь*, никуда не исчезает из российского метафизического (эзотерического) поля и... восстаёт, восстаёт, восстаёт,

лишь меняя свой внешний, как бы временами почти что уже и нероссийский, облик.

И это несмотря на присутствие в самой России вполне, знаете ли, органичной ей... *антиРоссии*, по большей части всегда вдохновлявшейся, весьма вдохновляющейся сейчас и непрестанно вдохновляемой Европой, теперь же всё более и активнее ЕвроАмерикой.

Нет, не Пётр Великий породил проевропейскую антиРоссию, хотя и отменно её усилил, стремясь к созиданию европейской России, хотя и, заметим особо — державы самостоятельной и независимой. АнтиРоссия — явление древнее, ещё про- и при-норманское, далее про- и при-византийское, потом про- и при-ордынское, а в то же Смутное время уже про- и лишь частично при-европейское.

АнтиРоссия — не фигура речи, а самая настоящая реальность, которая объясняется как цивилизационно, так и геостратегически. Давно уже вышло и до сих пор выходит так, что Россия, а ранее Русь, а ещё ранее — протоРусь, существуя века, не обрела при этом никакой для себя законченной цивилизационной, включая и государственность, формы. Россия образовалась, но не оформилась, что, с одной стороны, ведёт к хронической системной неустойчивости с периодическими срывами в смуту-бездну, а с другой — является залогом непотопляемости России, её необыкновенной живучести — ведь законченная форма у России всегда как бы ещё впереди. И вот такая неоформленность (цивилизационная и геостратегическая) вызывает внутри России устойчивое отрицание России как неполноценного-де геообразования и стремление непременно переделать Россию под какой-нибудь себя якобы уже оправдавший шаблон, по преимуществу же европейский. Протест против России в самой России усиливается ещё и тем, что достаточно не оформленная и недоевропеизированная страна выходит из своей системно-исторической неоп-

ределённости навязыванием себе достаточно жёсткой бытийной формы, обычно квалифицируемой как «восточный деспотизм» (с некоторых пор — «ордынщина»).

Итак: *Россия — антиРоссия — эндогенный протест против любой актуальной России — экзогенная претензия на обустройство и покорение России — её всему этому непрерывное сопротивление.*

8 (133)

Европа давно поняла, что Россия бытует внутри себя как расколота на Россию и антиРоссию, даже можно сказать — про-российскую Россию и Россию проевропейскую. И ловкие европейцы всячески содействовали тому, чтобы, во-первых, Россия не шла по собственно российскому пути, а усердно вытанцовывала бы европейский цивильно-стратегический танец; во-вторых, чтобы в России всячески поднимался в связи со всем этим внутренний протест против любой актуальной России. Что касается внутренних протестантов, то они всегда готовы на всё, чтобы покончить как с неуклюжей и отсталой («варварской»-де) Россией, так и с Россией, пусть и вынужденно, деспотической.

В послепетровскую Россию через сотню лет после Петра пришла-таки на смену «русскому бунту» — беспощадному и вроде бы бессмысленному — тоже беспощадная, но уже якобы хорошо осмысленная и всесторонне оправданная, *революция* — РЕВОЛЮЦИЯ!

Конечно же, *роевропейская* — какая же ещё?

Однако очень при этом неоднозначная: с одной стороны, как бы «демократическая», или «либеральная», т. е. вполне, так сказать, европейская, а с другой — вроде бы «ордынская», хотя и с европейской, точнее даже — антиевропейской, окраской, или же, наоборот, тоже европейская по происхождению, но уже с ан-

тиевропейским запалом, как раз та самая — «социал-коммунистическая».

Так или иначе, но петровская Нового времени революция не устраивала в России ни «западников», лелеявших мечту о «демократической (не царской, не имперской) России», ни антизападников, стремившихся воплотить в России некое *ультра*-Новое время — без царя, империи и деспотизма, без эксплуататорской элиты, социального неравенства и аморальной несправедливости, но зато со свободным трудом, социальным равенством, моральной справедливостью и небывалой, всеобщей свободой.

Интересы Европы и местной российской антиэлиты не могли не совпадать в пункте борьбы против любой актуальной России и со времени декабрьской 1825 г. масонско-дворянской фронды Россия стала бытовать в рамках и в ходе борьбы не просто и не только между Россией и антиРоссией, а уже и между **РОССИЕЙ** и **РЕВОЛЮЦИЕЙ!**

И то были вовсе не шутки!

9 (134)

Революция!

Да — бунт, да — переворот, да — явление на арену текущего бытия беспокойного и ярого нового, стремящегося к победе над одряхлевшим и подуснувшим старым.

Обновление, прогресс, возвышение!

Всё это так, но... революция — это не только сами по себе взрывные деяния и последующие за ними обновленческие свершения. Революция — это крипто-явный процесс, некое нескончаемое по инициативе создателей Новой Европы движение, работающее на Новую Европу и против её званых и незваных противников — что в самой Европе, что за её пределами. Однако это не всё и не главное, ибо революция — некая *метафизическая субстанция*, что-то вроде *работающего духа*, располагающего при

этом потребным *концептуальным замыслом* и всеми необходимыми ресурсами и способами действия.

Учения, концепции, инструкции, лозунги, листовки, СМИ, литература, искусство; оружие, терроризм, боевые отряды, толпы восставших-де масс; армии, вожди, революционеры, пропагандисты, провокаторы... и деньги, деньги, деньги. Революция — целый мир: сначала подпольный, потом резко выраженный в текущих реалиях, затем ухающий в небытие.

Не без тайного закулисья тут, не без криптосферы, не без самой преисподней — иначе ведь никак: какая-токая революция, какой-токой взрыв, какой же тогда переворот?

Революция — орудие, работающее более всего на *Великий Проект*, а вовсе не на провозглашаемые революцией приемлемые для подступающих новых элит и привлекательные для взбудораженных масс цели.

Ни одна революция не достигает своих провозглашённых целей, ради которых легально-де совершается, хотя всякая успешная революция всегда достигает кое-какие непосредственные (промежуточные в историческом разрезе) цели: анархию, восстание масс, захват власти, устранения, ликвидации, истребления, убийства.

Революция — орудие социальной чистки, людского прореживания, уполовинивания населения, выворачивания социума наизнанку, его беспощадного перепаживания.

Революции не так вспыхивают, как поджигаются, частенько и извне, причём не спонтанно вовсе, а как раз вполне рассчитанно и подготовленно.

Особенно хороши для разгрома и поедания революциями страны с разделёнными враждебно социумами, хотя подходят и относительные монолиты, вдруг начинающие энтропийно разлагаться.

Революция любит и ищет трещины, болевые точки и неза-
тянутые раны, неурядицы, расколы, кризисы, вообще любые со-
циожитейские коллизии.

Не избежала сей революционной любви к себе и Россия.

10 (135)

Недоевропеизированная, слишком «россо-ордынская», рас-
колотая на Россию и антиРоссию, имперско-деспотически стяну-
тая в целое, вообще же внутренне противоречивая, как бы всегда
недостроенная и недовозделанная, Россия была обречена на вра-
ждебный контакт с РЕВОЛЮЦИЕЙ, шедшей из Европы, так и на
наличие внутри себя собственного революционного брожения,
питаемого неудовлетворением от России как части её элитарного
слоя, так и массоподобного населения.

Борьба тут была затяжной, изнурительной, но в один пре-
красный момент вроде бы увенчавшейся великим успехом рево-
люции — то ли внутренне-извне-внутренней, то ли извне-внутренней.

1917 год — год великой антироссийской революции, —
сначала евро-де-либеральной (февральской), а затем евро-де-
ордынской (октябрьской).

Революция в России не могла не случиться сложной, раз-
нообразной, противоречивой, раскольной.

Первыми выступили явные проевропейцы, они же и запад-
ники, стремившиеся окончательно «оевропеить» Россию, однако
не сдавая её на милость Европе, а лишь в Европу с головой ухнув
и в ней уже суверенно-де бытуя.

Не удалось! Ни война с частью всё этой же Европы не шла,
ни демократические в стране преобразования не стались ей орга-
ничными, ни новое, более-де эффективное, управление не со-
стоялось. Страна впала в анархию, разложение и диссипацию.

Тут как раз «внезапно» случилась другая революция —
контрреволюционная относительно первой, оснащённая единст-

венно-де верным «социал-коммунистическим» учением, пришедшим, конечно же, из Европы, но переработанным в России вполне уже «по-ордынски» — с прельщением к диктатуре, причём вроде бы трудящихся в пользу же трудящихся, но... тут уже является немало всяких «но», среди которых:

1) явная антироссийскость этой примечательной революции;

2) вплетённость этой революции в европейского кроя «мировую революцию», что означало работу данной революции то ли на Великий Проект, то ли против него, то ли на всего лишь коррекцию сего проекта;

3) ликвидация не просто класса эксплуататоров, а всей имперской элиты, включая поначалу и её профессиональную часть;

4) попытка практически перейти к «социализму-коммунизму», придуманному в Европе, но умело переброшенному на российские просторы (экспериментальный характер революции).

Заметим, что в этой революции принял активное и самое широкое участие нероссийский (иноплеменный) элемент.

Столь выдающаяся во всех отношениях революция не могла не вызвать достаточно яростного сопротивления, двустороннего беспощадного террора и кровавой гражданской войны, что не только сразу же возымело место, но длилось весьма и весьма долго — хоть и не в чисто войновской, но зато в разнообразно репрессивной форме.

Россия не просто умылась большой кровью, она в крови буквально захлебнулась!

11 (136)

В войсковой гражданской войне 1918—1920 гг. победила интернациональная красная революция, а российская национальная белая контрреволюция потерпела поражение.

Коренная Россия тогда проиграла производной антиРоссии — внутренней и внешней.

И это было серьёзно: *апогей российского апокалипсиса!*

Была ли виновата в этом сама Россия? Была, конечно, ибо не нашла-де возможности самопреобразиться так, чтобы переиграть РЕВОЛЮЦИЮ. Но дело было не только в незадачливости царской России, а и в силу её внутренних и внешних противников.

АнтиРоссия ведь если и успокоится когда-нибудь, то лишь при полной — слышите — полной! — ликвидации России, ей вовсе не нужна преобразованная Россия, ей потребна как раз *не*-Россия. Западникам нужна европейская-де неРоссия, а внешним противникам — лишь колонизованная территория на месте России. Здесь обе антиРоссии — внутренняя и внешняя — вполне смыкаются, правда, внутренняя, возможно, желала бы суверенитета неРоссии, а внешняя — лишь её колониальной зависимости.

Запад, включая США и Японию, приветствовал февральскую революцию как антицарскую, но вовсе не приветствовал её как национальную. Ему нужна была антинациональная революция, что как раз и обещала интернациональная октябрьская революция, долженствовавшая вывести Россию из общеевропейской (мировой) войны, отдать затем часть угасшей в одночасье империи Европе, а потом и развалить окончательно Россию, сдав её евроколонизаторам.

Однако на деле всё оказалось не столь простым, хотя на первых порах вроде бы и вполне достижимым.

Выход из европейской (мировой) войны, демобилизация имперской армии, Брестский мир с аннексией большей части российской территории, гражданская война, «военный коммунизм», революционный и контрреволюционный террор, военные интервенции западных стран и Японии — всё предвещало скорейший конец России и исполнение плотоядных чаяний просве-

щённого Запада вкупе с настырной Японией, но... опять же не обошлось без сакраментального «но», да ещё и не одного вовсе «но», а целой их россыпи.

12 (137)

Всё тогда сконцентрировалось на Владимире Ульянове (Ленине), ибо он был формальным лидером революционного социал-правительства, ведущим идеологом движения и даже признанным его вождём, причём не только в российском, но и в международном масштабе.

И вот сегодня нельзя не задаться вопросом: «Кто же вы на самом-то деле, Владимир Ленин?».

Вопрос совсем не случайный и не праздный, ибо на словах он антиросс, антиимперец, социалист-коммунист, марксист, интернационалист, деятель мировой революции... э-э... не так всё тут однозначно, ибо успел Ленин побывать, находясь у власти, и имперцем, и националистом, и про-«буржуем», и россиянином, даже и русским, хоть и был этнически весьма гетерогенен, соединив в себе славянскую, тюркскую, левитскую кровь.

Ленин, может, и един — как метафизический феномен, но вовсе не один — как практическое явление: Лениных в одной особи оказалось на деле... *много!*

Ярый и бесцеремонный критик российского имперства вкупе с российской-де отсталостью, ненавистник капитализма, монетаризма и вообще всякой эксплуатации человека человеком, энергозатратный «псаломщик» антигосударственного социал-коммунизма, но, оказавшись у кормила великого государства, впавшего не без его чародейского хотения в глубокий кризис — вполне себе государственный, беспощадный в пользу России диктатор, вдруг признавший частную экономику, даже и свободный капитализм, обратившийся к ранее ненавистным «сынам империи» — специалистам, профессионалам, офицерам, осознавший

пагубность нарочитого участия российского народа, его армии, в исполнении утопического, если не попросту дьявольского, проекта *мировой революции*, ставший строителем новой, пусть и обозванной советской и социалистической, государственности, вполне, кстати, имперской (как бы криптоимперской).

Ленин предреволюционный — одно, Ленин революционный — другое, Ленин послереволюционный, уже правитель огромной державой, — третье, Ленин предсмертный — четвёртое, а вот Ленин посмертный, знаете ли — пятое!

Большой игрок, участник очень большой и хитроумной игры, много чего успевший и совершивший, даже кое-что и вроде бы выигравший, потерпел-таки... *личное поражение*, вдруг это и осознавший — уже смертельно больной, беспомощный, немало разочарованный, ну и, как водится, вполне и преданный... э-э... как раз своими, самыми «близкими» и «надёжными», так сказать — *товарищами!*

Не позавидуешь!

13 (138)

Что тут особенно важно?

Велико было онтологическое заблуждение великого человека, активно питавшееся его теоретико-идеологическим гносеологическим утопизмом, его в высшей степени роковое незнание, или же опрометчивое игнорирование, бытийной реальности, включая и сам феномен по имени *человек* с его вполне трансцендентной экзистенцией, предосудительное увлечение надуманными и весьма лукавыми европейскими учениями, якобы научными, а потому и де истинными, сочетавшееся с непростительным презрением к отечественному размыслительному наследию.

При этом и незаурядное умение энергично, не считаясь с затратами, действовать, быстро распознавать сложившуюся ситуацию, самозабвенно менять взятый было курс, без зазрения со-

вести признавать ошибки, отказываться от заблуждений, хвататься за верную-де соломинку.

Ленин — типичный евроордынец, правда, не знавший по жизни ни одного практического дела, кроме оппозиционной политической и литературной работы в среде таких же, как и он, «борцов против... и за...», однако обладавший способностью на ходу учиться, внезапно меняться и быстро находить «правильные» решения.

Невероятнейший утопизм в сочетании с удивительнейшим практическим реализмом: таков он — *Ленин!*

Однако надо различать человека по имени Владимир Ульянов (Ленин) вместе с его личной судьбой и метафизический феномен по имени ЛЕНИН, более всего как раз и вошедший в историю, разумеется, в весьма легендарной личностной упаковке и более всего в историю мифотворную.

В феномене «Ленин» мало что от реальности как таковой, это более всего ловко придуманный фантом, но, что важно — сам этот фантом по имени Ленин и есть собственно историческая-де реальность. И не важно, кем в действительности был Ленин, что он конкретно сделал, почему и в каких муках угас, почему и зачем вдруг умер, так и не увидев не то что практического воплощения чаемой им когда-то мечты-утопии, но даже постреволюционного бытия народа, страны, государства.

Одно тут можно сказать наверняка: ушёл вовремя, ибо в противном случае никакому фантомному феномену по имени Ленин вообще было бы не быть!

14 (139)

Нет, мы никак не умаляем ни человека по имени Владимир Ульянов, ни феномена по имени Ленин: что было, то было, что вышло, то и вышло, что есть сегодня, то и есть!

Можно подумать, что Пётр I, Екатерина II или тот же Николай II никакие не фантомы, а совершенно действительные персонажи великого исторического действия. В том-то и дело, что в памятной истории бытуют более всего как раз фантомы, увенчанные и увешанные всякими легендами и выдумками, чем собственно реальные люди.

Вот и Ленин — фантом, причём фантом до сих пор работающий, будучи объектом не просто внимания, а самого настоящего поклонения, вполне и культового.

Нет, в мавзолее на Красной площади вовсе не Владимир Ульянов как таковой, а фантомный феномен по имени Ленин!

Не имеет никакого значения, что на самом деле думал Владимир Ульянов в свои последние раздумчивые дни, но очень уж непохоже, что, читая «Историю масонства», которую ему доставили по его просьбе из Румянцевского музея, он мечтал о каком-то светлом социализме и каком-то свободном от государства и насилия совершенном человеке.

За несколько тяжких лет своего присутствия во власти такой человек, как Владимир Ульянов, не мог не понять непреодолимой разницы между мечтой и реальностью, а находясь на тяжком смертном одре, не признать великой тщетности, а может, и ошибочности, своей личной мистериальной экзистенции.

Если это не так, то тогда это не он — не Ленин, не воистину великий демиург, пусть и не самый удачливый, но зато очень и очень масштабный!

Ленин — *проект* (его и не его тоже), но проект более неудавшийся, чем удавшийся, ибо реальный Ленин попал, находясь во власти, в неодолимый омут неразрешимых противоречий, из которого выйти не помогла ни своя собственная им пролитая кровь, ни обильно пролитая кровь то ли его, то ли всё-таки не совсем его народа.

Какой-токой «социализм», какая-токая «мировая революция», какое-токое «людское братство», какой-токой «сознательный пролетариат»?

Иллюзии, иллюзии, иллюзии! Ежели Ленин ничего такого не осознал, то это, повторяю, уже не Ленин, а всего лишь большой исторический неудачник по имени Владимир Ульянов!

15 (140)

История как реальность — жестокий процесс, особенно ежели пытаться на него влиять: реакция и отклик истории непредсказуемы. Везёт или нет входящим в историю? Вроде бы везёт, но смотря какой ценой — жертвенной ли, мифотворной ли, никакой ли?

Повезло ли Ленину?

Ужас, как повезло! Вряд ли он мечтал о культе его имени, о ему поклонении, о мавзолее, ещё и сохранении в нём своего тела.

Миф по имени Ленин — не его — Ленина — миф, это миф, сотканный самой историей, её Красным проектом, ибо им был нужен сей миф, — вот Ленин и попался.

Интересно, не правда ли?

Чтобы оправдать саму себя со всеми своими социализмом, марксизмом, революцией, террором, гражданской войной, разрухой, безумием, история и придумала миф по имени Ленин, оказавшийся и сам жертвенным деянием истории.

Ленин не с неба свалился и не из-под земли выскочил, он прямо из рода человеческого и из самой по себе истории.

Как и Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон Бонапарт, кто там ещё из сотворителей истории, ею как раз и сотворённых?

Ульянов, конечно, из рода человеческого, а вот феномен «Ленин» уже из особого рода фантазии человеческой — религиозной, вероподобной, а может, и нечеловеческой тоже.

История — не только цепь явленных событий и деяний, не только ход осмысленных сознанием смыслов, это ещё и череда неявных состояний и происшествий, конспиративный ход метасмыслов, причём вполне и трансцендентного происхождения.

Ленин как феномен — насквозь трансцендентен! Поди-ка, пойми его! Что... слабо? И нам слабо, хотя кое в чём и... не очень. Как раз в символизме всего случившегося, на сегодня уже и подрастывающего.

Обидно!

16 (141)

Реализовавшийся вдруг практически *Красный проект* требовал своего функционального божества — история распорядилась в пользу Ленина. Маркс — мысль, Ленин — действие! Маркс лежит в могиле на кладбище в Лондоне, а Ленин — в мавзолее на Красной площади, да и лежит не прахом своим, а всего лишь телом — как бы вечно живой. У Маркса вечно живое учение, а тут вечно живой... э-э... человек, а лучше бы сказать — божество!

Историю с её Красным проектом понять можно, хотя и трудно, но как же понять поклоняющегося красному кумиру человека — довести, видно, надо было сего человека до такого вот состояния, что не Бог стал его привлекать, даже не боги, а... человеческое божество, при этом совершенно ведь фантомное?

Рабство — сила!

Нет и не было у рабов ни на что и ни на кого надежды, а потому лишь Ленин, пусть и умерший, но ведь защитник же рабов, поднявшийся на их угнетателей. Вот она, правда Ленина (не о Ленине, а именно Ленина), она же и неправда по имени Ленин!

Теперь не абстрактный Бог, не придуманные боги, а самый что ни на есть реальный человекобог — воитель за угнетённого

человека, пусть и не успевший совершить задуманное, но указавший верный-де путь — к миру без эксплуатации и рабства.

Сила!

Ленин — сила!

Помрачение? Может, и помрачение, но... какое же желанное, оправданное, вполне и светлое!

«Ленин живее всех живых!» — крайне интересно, не правда ли, всю и поразительно! Великое тут смущение, смешение и смещение сознания, но ведь не просто же так, а выстраданное, вымученное, вынужденное, оплаченное долгим беспросветным рабством и освящённое обильной человеческой кровью.

А церковь ещё пыталась вроде бы остановить безумство масс, давно уставших и от самой церкви, да так и не поняла свалившегося на неё безумного возмездия — за поддержку рабства!

Ленин — это восстание, это суд и месть, это... слепая правда!

А тогдашние российские верхи почему-то ждали чего-то другого, как и тогдашние российские интеллектуалы тоже. Они не ожидали ни восстания, ни переворота, ни воздаяния, ни над собой расправы, ни того же фанатичного, жестокого и неумного Ленина, за что и круто поплатились.

И не имеет никакого значения был или не был Ленин германским шпионом, в каком вагоне и с кем он прибыл в Россию, сдал или не сдал ему власть его симбирский «корешок» Керенский, хотел ли всерьёз или вовсе не хотел Ленин построить социализм, разочаровался ли он в красном движении или нет, сам ли он ушёл из жизни или его немножко на тот свет подотправили, ибо главное тут — ЛЕНИН, на котором всё сошлось и от которого всё и стало на немалое историческое время исходить.

17 (142)

Россия! Она-то и поднялась вместе с Лениным, ничего особенно и не осознавая, она-то и подняла на пьедестал Ленина, не

слишком-то его и понимая, она-то и возымела вместе с Лениным надежду на светлое будущее.

Ни осудить её, ни укорить, ни опозорить!

Апокалиптика, бесстрашие, риск, безумство. А что же ещё, ежели вырыв на волю, на простор, на действие?

Часть России, вовсе и не западническая, потерпела поражение от красных и от самого-де Ленина, покинула родину и оказалась за границей. Другая барахталась в разрухе, восстаниях и классовой борьбе. Ленин и большевики, тогда верные-де ленинцы, пытались построить новую страну, но... увы... не Россию, а НеРоссию, хотя и с русским языком, даже остатками кое-какой русской культуры, но именно так — *НеРоссию*, что и стало роковой ошибкой всего революционного движения — Красного проекта, ибо построить на интернациональном песке ничего животворного нельзя — нужна этногеонациональная почва и, что ни говори, глубокий бытийно-исторический фундамент, разумеется, и метафизический. Проект пошёл в России как навязываемый ей насильственный антироссийский проект, а фактически — уже и как *антипроект*.

Вот оно — неодолимое бытийно-историческое противоречие: между умозрительным проектом, превращающимся в антипроект, и объектом проективного преобразования, превращающимся в некое *антиничто*.

Однако проект пошёл, спроектированный колосс стал называться сначала Российской Советской Федеративной Республикой, а потом и вовсе Союзом Советских Социалистических Республик, что никакой действительной реальности и не соответствовало, а потому и было каким-то странно-фантомным *ничто*, перешедшим со временем в *антиничто* — и через самоотрицание тоже.

18 (143)

История вообще витиевата, паутинна, вихревата, это никак не прямая линия и даже не волнообразная кривая, ибо в ней всё сразу, с разных сторон и во все стороны одновременно, а что говорить о воистину катаклизменных моментах-периодах, когда сам чёрт ни в чём не разберётся и даже рискует сломать свою хитроумную голову.

Ленинский катаклизм России, как и российский катаклизм самого Ленина — из числа бегло и ясно не прочитываемых событий-происшествий.

Хотелось бойким революционерам одного, а реально вышло почему-то другое, мало того — совсем другое, во многом даже и прямо противоположное.

Загвоздка, беда, погибель!

Тут уж не до реализации глубокомысленных и благостных утопий, а настоятельная потребность в реальных — доброносных и злотворных — деяниях во спасение, причём прямо в гуще жестокой борьбы между непримиримыми противоречиями внутри страны и в столкновении с хищными противниками извне.

Не очень-то хотелось революционерам-победителям восстанавливать отверженную ими начисто Россию, а вот приходилось, ибо того требовала независимая ни от каких завиральных идей бытийно-историческая ситуация. Да и сама Россия никуда ведь не делась, лишь ушла в неразлучную навь, самосохраняясь. Внешне вокруг было вроде бы всё уже другое, не российское и не европейское, а какое-то новое, чуть ли не постмодерновое, а вот среда, социум, менталитет оставались всё те же, мало того — они-то и оказались *спасительными*. И выходил у революции не какой-то новый совершенный мир, а какая-то странная на него пародия — на самого же себя пародия!

И не узрел ли наш Ильич во всём происходившем эту самую самопародию, то бишь не новую реальность, а лишь её искажённую имитацию?

И ушёл из жизни, оставив эксперимент в точке агрегатного неисполнения, хотя сам эксперимент этого тогда не понял, он ещё продолжал себя, подкрепившись на ходу иллюзорным сакралом — обожествлённым Лениным.

Эксперимент не мог ни одолеть России, ни подтвердить свою собственную истинность (марксистскую-де), а потому пошёл на хитрость: слова одни — экспериментовские, а дела — совсем другие, куда более близкие здравому смыслу и реальности.

И проделан был сей остроумный выворот уже другим изобретателем высших революционных сил — *Сталиным* (вовсе не Иосифом Джугашвили), и проделан вкуче со *сталинизмом* (вовсе не с марксизмом и не с ленинизмом).

Сталин пошёл на воссоздание и укрепление *евразийской империи*, пусть и внешне советско-социалистической, а вот внутренне... э-э... чуть ли не российской, точнее, квазироссийской, а точнее всего — *ордынской*, со служивой элитой и фактически закрепощённой массой трудящихся.

Суть новой империи была в её тотальном огосударствлении, а вовсе не в тотальной на манер утопистов «социализмизации». Вождизм, однопартийность, единоначалие, дисциплина, исполнительность, в общем — *армейщина*, — ничего другого, даже попросту гражданского. Советы, демократия, выборы, право и т. п. «штучки» — либо ширма, либо имитация, либо откровенное «фуфло».

Государственно-армейская империя!

19 (144)

Никакого по сути социализма, да ещё и как царства свободных трудящихся, а нечто прямо наоборотное: жёсткий тоталитаризм.

литаризм, не исключавший, правда, таких черт современной цивилизации, как формальное право, экономика (деньги), наука, литература, искусство, те же mass-media (разумеется, умело направляемые, тщательно контролируемые, назидательно порицаемые и непрерывно подправляемые).

Новая цивилизация — не советская и не социалистическая, а... *сталинская!*

Могла ли она стать «ленинской» — нет, конечно; Сталин, в отличие от Ленина, создал не только авторитарный, диктаторский режим, но и успел создать и впрямь *новую цивилизацию*, давшую человеку не одну армейщину, а и вполне себе уникальные и вовсе не такие уж отсталые и неэффективные хозяйственную и экономическую организации, уникальную государственность, а также высокого качества науку, технику и культуру, включая *свои* литературу, искусство, образование, здравоохранение, спорт.

Вышло так, что революция, разгромив Российскую империю Нового времени, став под водительством Сталина фактической контрреволюцией и подавив первоначальный революционный элемент, вызвала к созидательной активности мощную энергию, сидевшую в народе, причём вызвала, как ни странно, не освободив вовсе народ, а ещё более его закрепостив.

Вот она — *парадоксальность и невероятность реального бытия-истории!*

Всё тут вызывало и до сих пор вызывает изумление: выходит, что бытие-история само решает, чему быть, а чему не быть, хотя делает это через головы и действия уполномоченных для этого человек — ничего *такого* в себе и от себя, как правило, и не подозревающих.

Ага-а, метафизика, а то и мистика бытия-истории, чуть ли не обладающего... э-э... сознанием, а не каким-то там объективным законотворчеством: обратим внимание, всё происшедшее в

России от революции до сталинской цивилизации не имеет никакого отношения к каким-то там якобы законам — *никакого!*

Всё вершилось как бы само собой, хотя и не без энергозатратного участия человек, их борьбы между собой, как и устранения одних другими, неустанный обмывания страны то ли винной, то ли невинной кровью.

Вот она — *апокалиптика*, которая есть не только какое-нибудь пагубное потрясение, но и то же принуждённое выталкивание из бытийного нутра колоссальных энергий — как разрушительных, так и созидательных.

Вот и она — *российская апокалиптика!*

20 (145)

А как же, заметит любой дотошный читатель, Великий Проект со своими великими реализаторами, он что — тоже продукт самого бытия-истории?

Всё дело тут в том, что любой проект, стремящийся к реальности, не берётся с потолка, а согласуется с реальностью, тоже ведь по-своему проективной. Проект входит в реальность, а реальность, воспринимая проект, его не просто реализует, а как бы «обреализовывает», делает реальным и реализабельным, наконец — и реализуемым. Но это не всё: она делает проект своим, разумеется, при этом ещё и собою в меру обогащённым.

Проект становится как бы обработанным реальностью, а потому и проектом уже самой Реальности.

Тут важно принять во внимание, что реальность включает в себя сознание, а сознание при этом есть не что иное, как... *сама реальность*. Сознание человеческое сходится с бытийно-историческим СОЗНАНИЕМ — через ноосферу, а проект сходится с проектом, — и в итоге вперёд идёт какой-то синтезный проектный вариант, изобилующий и вариациями, и отклонениями, и коррекциями.

Великий Проект, о котором речь, это проект жреческо-гностическо-масонского происхождения, в исходном кристалле которого заложена потенция преобразования мира, человека и социума, чему ближе как раз не капитализм, а... *социализм* (!), или *мир будущего*, а какой при этом социализм — вопрос (!) — пока вроде бы более утопический, чем реальный, но... со временем... кто знает?

Капитализм — всего лишь временная фаза бытия-истории, которая с развитием когнитивной технологии будет непременно преодолена, может, и не без вселенской катастрофы, но... преодолена, может, и даже инволюционно — вспять!

21 (146)

Европа тоже было рванулась к социализму, но, не дав расцвечь явно антикапиталистическому коммунистическому варианту, ещё и перешедшему на российское реализабельное поле, обратилась в силу своей неуёмной империальной агрессивности не к чему-нибудь, а к жёсткому фашистскому варианту, не только не предполагавшему полного устранения капитализма, а и предусматривавшему, что особенно важно, внешние для Европы завоевания, прежде всего на востоке Европы — в зоне России и её «социализма».

Европа выдала *своё*, Россия тоже не замедлила выдать *своё*: отсюда и неизбежная схватка «социализмов», а точнее — двух тоталитарных диктатур: с одной стороны, полинациональной с расистской закваской и национал-имперской вовне себя, а с другой — многонациональной с интернациональной подоплёкой и социал-имперской относительно мирового контекста.

Социализм вообще означал не что иное, как приоритет консолидированного социума над индивидом, оказывающегося в роли производной от социума функции, что означает и уход от су-

губо гражданского, вроде бы и демократического, общества новременского, то бишь и европейского типа.

Социализм — не так продукт трудящихся масс ради трудящихся масс, как продукт управляющей, вполне и миромасштабно, элиты в целях эффективного управления мировыми трудящимися массами.

Понимал ли Ленин, во что и для чего он ввязался? Смеем предположить, что нет, точнее, что-то, может, такое и чувствовал, но предпочёл об этом не думать и упорно идти вдоль да по проекту, с ним вполне солидаризируясь.

Россия не жаждала никакого социализма, сей проект ей был попросту навязан, как раз не без участия Ленина и ему подобных преобразователей-переворотчиков российского бытия.

Однако проект сей сработал в России, и прежде всего в том плане, что не позволил России искать, находить и утверждать *свой* проект, как и идти в будущее в соответствии с этим *своим* проектом.

Великая историческая девиация!

И ничего, кроме сталинизма, не могло возникнуть в постреволюционной, но при этом уже и по-новому контрреволюционной России.

Внешне: социализм-советизм, общество-де трудящихся и только трудящихся; внутренне же: ордынская империальность, армейщина, тоталитаризм, принудительная социальная консолидация, всестороннее рабство, не исключавшее и кое-каких экзистенциальных и творческих свобод.

Как у Петра Великого вышла некая европеизированная ордынщина с разнообразным — диким и цивилизованным — рабством, так и у Ленина со Сталиным вышла социализированная-де ордынщина со всё тем же разнообразным рабством.

22 (147)

Теперь самое время вспомнить о США — масонской империльной стране, воспринявшей и сохранившей капитализм и не принявшей никакого реального полномасштабного социализма.

Легче всего тут подумать о заокеанстве, как бы сторонности, развивавшейся с чистого листа великой страны. Да, это, несомненно, так: Новый Свет на то и новый, чтобы быть свободным от Старого Света и бытовать по-своему. Однако есть смысл учесть и тот факт, что США — чисто проектная страна, идущая вроде бы европейским, но в то же время и свободным от традиционного европейства путём.

США, пройдя через гражданскую войну в середине XIX в., не были в начале XX в. в хроническом системном кризисе, как Европа, и не нуждались ни в каком социально-социалистическом переустройстве.

Идея спасительной диктатуры и вынужденной консолидации общества вокруг неё там никак не проходила.

Бытие-история распорядилось так, что Европа, несмотря на свою колониальную имперскость, т. е. внешнюю мощь, испытывала какое-то внутреннее апокалиптическое беспокойство, то явно прощаясь с собой, то, наоборот, пытаясь себя во что бы то ни стало сохранить.

Европу трясло, а вот США — нет!

Антихристу в Европе было нелегко, хоть он там и вышел на большую историческую дорогу, а вот в США он чувствовал себя вполне привольно, прокладывая себе большую дорогу и по ней взапуски устремляясь.

Европа была уже больна антиЕвропой, отчего и выворачивалась в институциональных конвульсиях, ища для себя выхода, а США, будучи молодыми и весьма ещё здоровыми, не испытывали никакого комплекса неполноценности и несовершенства.

Да, Соединённым Штатам пришлось пережить жестокую, но не губительную, наоборот, по-своему и благотворную, гражданскую войну, а Европа роковым образом переживала многие внутриевропейские войны и шла на рубеже XIX—XX вв. к новой большой европейской войне, грозившей Европе погибелью.

Именно отсюда вышел фашизм, а вовсе не из социализма как такового, как и сталинизм явился из кризиса России, а не из социализма как такового. Если Ленин поначалу и был правоверным социалистом, то, находясь во власти и там по-чёрному работая, быстренько перестал быть таковым, почти уже превратившись в традиционного для Евразии авторитарного верховного правителя — лишь неизлечимая болезнь и скорая смерть мешали ему в сей непреметной роли накрепко утвердиться. Сталину же мешали лишь явные и неявные противники такого варианта правления, за что и поплатились, недогадливые, — сам же Сталин сей вариант правления в жизнь и воплотил.

23 (148)

Всё, знаете ли, оттуда — из европейского апокалиптического котла, как и отсюда — из котла российского. Только ад порождает войны, революции, перевороты, как и такие эксперименты, как тот же социализм. Ад! Вот два ада и сошлись в единении и противодействии: европейский и российский.

А вот Америка, — что Америка? — она не страдала в это время от внутренних раздоров и не испытывала никаких революционных судорог: там правил бал весьма уже устойчивый и могучий крупный капитал, там господствовал умный и ловкий финансизм, там всюду действовало вполне продуктивное и разностороннее предпринимательство, там витийствовало в политике хитроумное и устойчивое масонство, в общем-то была *другая* страна с *другим* миром внутри себя.

И ежели Европа, прямо скажем, погибала в тенетах собственных межимпериалистических и междеологических противоречий, то Америка весьма уже процветая, лишь набирала имперскую силу.

Чего добилась Европа в результате Первой мировой, а фактически-то очередной панъевропейской войны?

Сокращения ряда европейских империй, включая и евразийскую по геоположению и с некоторой от этого двойственностью Российскую империю, правда, в итоге не только мировой войны, но и «русской»-де революции; ослабления всей Европы и немалого разрушения России в ходе гражданской войны и нелепого над ней социохозяйственного эксперимента; расчистки мировой дороги Соединённым Штатам.

США — главный бенефициар от панъевропейского раздора и внутрироссийского разлада, хотя и бенефициар, как водится, временный — до роковых тридцатых годов XX в., когда уже сами США попали в полосу разрушительного социально-экономического кризиса, да и вообще стали, как и Европа, *кризисными*.

Почему же всё-таки бенефициар? От ослабления, если не устранения с пути-дороги главных своих конкурентов — Европы и России, а также по причине осознания Соединёнными Штатами реальной возможности стать всемирным империльным лидером.

Заметим, что на место всемирного лидера стала тогда претендовать на смену Европе как раз Российская империя, ко времени войны уже всю развивавшаяся.

Война и революция сбили Россию с этого амбициозного пути, но, как ни странно, ненадолго, что и было доказано со временем уже Советским Союзом.

24 (149)

Да-а, сталинизм обеспечил, пусть и ценой громадного напряжения сил, невероятных трудовых и ресурсных затрат, больших людских жертв, выход СССР на первые позиции в мире, правда, уже по итогам Второй мировой (и тоже панъевропейской) войны.

Сталин смог отмобилизовать страну на целостное перестроение на путях индустриализации и научно-технического прогресса. Сталинская жёсткая апокалиптика преодолела-таки развальную апокалиптику беспутного революционерства. К войне 1939—1945 гг. СССР был более или менее готов, во всяком случае, имел уже достаточный (или почти достаточный) для ведения войны промышленный и оборонный потенциал.

Любопытно, что потенциал этот был создан не без участия Запада и тех же США, гасивших свой собственный кризис и получавший немалые доходы за счёт производительных вложений не так в надуманный социалистический, как в реальный сталинский социохозяйственный организм.

США, уже претендовавшие на всемирное лидерство, переживая собственный кризис 1930-х гг., заботились о том, чтобы ни Европа не могла вдруг подняться и вернуть себе мировой приоритет, ни СССР не стал бы вдруг мировым лидером, отчего Америка была более всего заинтересована в хорошенькой войнушке как внутри Европы, так и между Европой и СССР.

В общем, США стремились поубивать сразу кучу мировых зайцев, если и не всех зайцев подряд, — и, надо заметить, им это немало удалось, хотя и не совсем так и не в том наборе, как им бы того хотелось.

Великий Проект — это так или иначе Европа с США, но и СССР тоже, а внутри Европы ещё и социализм с фашизмом.

Всё тут очень непросто, путанно и витиевато, с разными «генезами» и стратегиями, как и с разными коллизиями, включая кризисы, взлёты и падения, победы и поражения.

25 (150)

О каждом большом историческом событии-происшествии можно говорить и говорить, ибо каждый сложен, неопределён, многолик, лицедеен. Главное тут — не принимать феноменально-функциональную внешность бытия за смысловое нутро, как и не упускать из виду действующего в глубине бытия метафизического (эзотерического) ядра — того самого трансцендентного очага, где всё смысловое как раз и творится, расходясь по феноменальной поверхности и функциональной механике бытия, осмысливая работу бытийного нутра на очаговом же языке... без языка (!), а не на языке реальной действительности, включая и её вполне реальный виртуал.

Да, можно говорить о *большой бытийно-исторической игре* и её *главных участниках-игроках*, что не так уж и наивно, вполне даже и верно: соперничество, борьба, успехи и неудачи, выигравшие и проигравшие, наступающие и отступающие, вступающие и уходящие. Игра не просто с переменными, а частенько с неожиданными — невозможными и внезапными — результатами: то один из игроков наверху и в лидерах, то другой, а то и вдруг... третий, никем ранее и не предусмотренный.

Европа (Западная) и Россия — не друзья вовсе, но зато стабильные соперники, правда, более из-за натиска Европы на Россию, а не наоборот, что не мешало России ходить на (в) Европу, беря европейские столицы, но никак Европы при этом не сокращая.

В общем, от обороны к наступлению, но никак не к агрессивному вторжению. Это о России и Европе. А вот о Европе и

России этого не скажешь: от агрессии до агрессии, правда, с неизменным поражением и откатом назад.

Европа влечёт к себе Россию, но лишь как очаг культуры и цивилизации, столь чаемых нововременской Россией; Россия же всегда раздражает Европу — самим фактом своего существования: большая, богатая, нелепая, неуклюжая и... независимая, ещё и почему-то альтернативная Европе, мало того — ею, Европой, непобедимая.

В конце концов обе европейские стороны пострадали от войн и революций, от ультрарежимов — фашистского в Европе, сталинского в России (СССР).

Европе, правда, удалось сохраниться, пусть и полуразрушенной (1945 г.), а вот России пришлось, приняв облик СССР, на неё насильно нахлобученный, уйти в тень.

В бесспорном выигрыше оказались в 1945 г. США и СССР (не Россия, а именно СССР), что и обусловило их соперничество за мировое лидерство, имевшее результатом и разделение планетарного мира на проамериканскую часть, Включая Европу, Японию и иные страны-сателлиты, и просоветскую часть, не исключая насовсем и того же Китая. Появилась ещё и третья часть — из неприсоединившихся к двум основным блокам различных стран.

Установился так называемый двуполярный мир, в котором каждый из полюсов ловко или не очень сдерживал другого, не допуская рокового между собой столкновения (сдерживающее влияние оружия массового уничтожения).

Воцарилась-таки и *холодная война!*

Как раз между двумя лидерскими полюсами!

Тетрадь седьмая

1 (151)

Великий Проект хоть и идёт магистрально — «от природы к неприроде», но он, конечно же, не однозначен, не прост, не линейен, а многомерен, разнообразен, витиеват, мало того — внутренне крайне противоречив, даже по-своему и «склочен».

Фактически это некий клубок субпроектов (именно клубок!), борющихся между собой не на жизнь, а на смерть, — иначе тогда какой вообще может быть и в конце концов станется великий трансгрессивный проект, если не внутренне борческим — как раз вполне и апокалиптическим?

Не о нём ли идёт речь в загадочном Иоанновом «Откровении»?

Гуляет себе по бытию-истории этакий тотально большой Великий Проект, порождая внутри себя некие меньшие, уже частного характера, проекты, которые, собственно, и выражают собою большой проект, и движут его, и реализуют, что-то вокруг высевая, выращивая и пожиная, не исключая и Великую Тщету.

Когда-то бывший на момент только европейским, проект этот стал, с одной стороны, более всего американским (евроамериканским), а с другой — СССР-овским, выступая не так даже социал-коммунистическим, как более всего альтернативным евроамериканскому.

Любопытная тут случилась историческая каверза: вроде бы едва заглушив российский имперский проект, а затем подавив

еврофашистский, Европа с Америкой вдруг получили в лице СССР ещё один альтернативный проект, совершенно уже Европе с Америкой противный.

Так сработало тайное чрево бытия-истории, чего никто из ведущих субъектов большого проективного движения вовсе не желал и не предвидел (ах, этот Сталин!).

Тогда что же на самом деле в бытийно-исторической реальности происходит?

А происходит поисковая диверсификация большого проективного процесса, отбор его субвариантов — с подавлением одних из них и восстанием других, с работой над реальными ошибками и выработкой новых, не исключая и ещё более фантазийных, чем прежние, субпроектов.

Само Бытие-История — проект, однако реализующийся через рождение, действие, взаимную борьбу и безутешный «каннибализм» сонма немало стоящих для человечества субпроектов.

Бытие-История вполне себе направлено — «от природы к неприроде», но через поиск-отбор вариантов, причём беспощадно конкурирующих между собой — вплоть до взаимного уничтожения, хотя всегда и не окончательного (проектные эмбрионы тут насовсем не умирают, а лишь уходят в теневой арсенальный запас).

2 (152)

Как же возникают субъекты проективного движения Бытия-Истории?

Посредством, надо полагать, «замеса» обстоятельств, «хода вещей», субъективной (элитарной, героической, безумной) воли, в какой-то мере и случая!

Однако есть и другое: *сакральное предназначение!* Тут уже даже не само по себе Бытие-История действует, а кое-что дру-

гое — как раз вполне *иномирное*, в самом Бытии-Истории лишь в меру присутствующее.

Европа, США, СССР, как и другие «проектанты» вроде Индии, Китая, того же мусульманства, оказываются не просто зваными и избранными ПРОЕКТОМ, но и на участие в нём попросту обречёнными.

Ноосфера и сознание — вовсе не простые «вещицы», а важные проводники иномирного, как и сами кое-чего из иномирного сеюмирные творцы — по главной проективной магистрали, вокруг неё, но и даже против неё.

Проектный субъект, конечно, всегда является на свет, нередко становясь героем текущего бытия-истории, как, собственно, и его антигероем, да вот вполне ли он при этом сознаёт, чему на самом-то деле служит, иной раз даже и жертвуя собой?

Самое скверное тут... что... не вполне он это знает, ибо если б знал всё, то вряд ли бы бросал себя столько легко и опрометчиво на жертвенный алтарь Проекта.

А так: движение, планы, труд, борьба, достижения, даже и победы, хотя и риск, и жертвы, и поражения, не исключая и гибели, в общем — жизнь, действие, реальность — полноценная мистерия Бытия-Истории!

Тайное знание — великая вещь!

Жрецы, волхвы, философы, великие посвящённые, богословы, тамплиеры, масоны, розенкрейцеры, кто там ещё? — так или иначе все они причастны к *иному знанию*, которое оказывается тайным не столько потому, что его старательно прячут, сколько из-за того, что обычный человек (обыватель, пусть и весьма образованный) попросту его не воспринимает, даже и самый что ни на есть совершенный научник.

Знание о неизвестном — кому и как это объяснить?

А знание о незнании — уж тем более!

3 (153)

Выбор Бытия-Истории падает всегда на некоторых из его агентов, как раз на тех, которые оказываются способными масштабно поучаствовать в реализации БЫТИЯ и ИСТОРИИ в качестве их перводвижителей и главных исполнителей, при этом проактивно и даже пророчески приверженных, осознанно и не очень, великой магистральной дороге.

Бытие-История богато на всякие проективные начинания и добытые с великой людской тщетой результаты: культуры, цивилизации, империи, континенты, регионы, государства, идеологии, писания, мифы — всего и не перечислить. Наше внимание нацелено на современность, хотя и в единении с предшествующей ей событийностью.

Сегодняшняя — начала XXI в. — ситуация возникла уже не так по итогам Второй мировой войны, как в связи с уходом с исторической арены необыкновенного евразийского геостратегического феномена — СССР.

Уход — лучшее для такого случая определение, хотя в ходу и крах, и распад, и поражение в холодной войне. СССР не просуществовал и ста лет: как пришёл ниоткуда, так и ушёл в никуда!

Вот он — феномен феномена: явление феномена и исчезновение феномена!

А всё потому, что СССР был проектом... от проекта, а не от реальности, и хотя он был существенно подправлен под реальность сталинизмом, но... прочной реальностью он так и не стал, не укоренился в бытии, не врос ни в зёмную, ни даже в евразийскую почву.

Однако успел кое-что совершить, если не натворить, как и показать, скорее же — доказать.

Что же?

Доказать не что иное, как фактическую провальность социалистического (коммунистического) эксперимента, отвергнутого в итоге реальностью, сознанием, людьми.

В то же время доказать необходимость, возможность и деловую эффективность кратковременного мобилизационного тоталитаризма, включая «плановое хозяйство», весьма действенного в аспекте больших трудовых и творческих свершений, пусть даже и подневольных.

Доказать всю вредность, да и невозможность, умозрительного отрыва проектантов-экспериментаторов от почвы, от территориально-культурного генезиса, от коренных особенностей бытия, жития, поведения, культуры, а также невозможность скорой фундаментальной переделки человека и общества под любой умозрительный проект (крах того же амбициозного марксизма, не говоря о наивном социал-утопизме).

Это в плане антропо-социального экспериментаторства. Что же касается текущего бытия-истории, то СССР, питаемый всё-таки выжившей в стране *традицией* (вопреки социал-практикам), во-первых, смог поучаствовать в качестве главной военной силы в разгроме европейского фашизма, одержать победу — ПОБЕДУ! — над Германией и её союзниками, а затем и поучаствовать в конструировании послевоенного мира, хотя и в противостоянии США и вообще Западу, в обстановке «холодной войны»; во-вторых, смог поучаствовать в научно-технической гонке, имевшей результатом создание атомно-водородного оружия и ракетной техники, вырыв в космос.

Заслуживает внимания тот факт, что всё это проделал именно СССР, под покровом которого находилась им весьма подавленная и даже закрепощённая Россия, жившая и действовавшая в плано-дисциплинарных рамках чуждого ей идейно и духовно имитационного режима — жестокого и непреклонного,

но... на срок, как оказалось... весьма дельного, проективного и созидательного!

4 (154)

Пути Бытия-Истории воистину неисповедимы.

Надолго СССР не хватило: как возник внезапно, так и ушёл во мгновение ока.

Поразительно и... *понятно!* Выполнил, зная, свою историческую задачу и уступил место чему-то другому, как оказалось, не чему-нибудь, а предельной, тогда всерьёз и не мыслившейся, *антиРоссии*, вдохновлявшейся и поддерживавшейся из-за западного рубежа, мало того, пытавшейся даже интегрироваться в Запад, лечь под США, распрощавшись не только с СССР и его наследием, но и с социохозяйственным суверенитетом, а также с наследной самобытностью, объявленной попросту и ненужным замшелым анахронизмом.

СССР, хоть и был непринужденно и старательно предан тогдашней властной верхушкой, но в общем-то он ушёл сам, как бы испустив свой вдруг впавший в немощь тоталитарно-деспотический дух, что, кстати, соответствовало и кое-каким российско-евразийским экзистенциальным циклам: семь-восемь десятков лет и... *баста!*

СССР должен был загодя перевоплотиться во что-то более реалистичное и жизнеспособное, как и более приемлемое для евразийской почвы, на которой он бытовал и которую нещадно эксплуатировал, но сделать сего судьбоносного самопревращения он не смог, а смог лишь весьма скоро... *выродиться*, что и предопределило его внезапное, негромкое и почти безболезненное самоисчезновение.

Очень оно занимательно — всё это гигантское бытийно-историческое происшествие под кодовым названием СССР. Столько напряжённых, затратных, жертвенных достижений,

сколько великих побед (!) — и вдруг такое легкокрылое самоулетучивание.

Большим был сей проект (сначала как «красный интернациональный проект», а потом как «красно-национально-ордынский», уже сталинский), но, увы, оказался он не очень-то жизнеспособным и очень уж недолговечным, хотя вроде бы и боевым был, и ударным, и мощным. Грандиозный тут исторический урок по поводу того, что можно иной раз делать по запарке и по чрезвычайности, но чего уж не надо сохранять ради покойной, стабильной и плодотворной жизни, — отсюда ясно, что без генетических корней, восходящих к глубокой древности, а фактически — к *иномирью*, без этнокультурного наследия и без родовой памяти ничего путного, устойчивого и долговременного было в стране не построить.

Большой ценой всё в СССР случилось, да вот враз и кануло в небытие.

Однако — *не забылось!*

5 (155)

В итоге самоликвидации СССР в мире возникла новая бытийно-историческая ситуация — с единоличным доминированием США, обложенных своими западными и прозападными (включая Японию) союзниками и сателлитами.

Америка, Америка, Америка!

Данная ситуация получила политологическое прозвание *однополюсной*, а вообще-то она была, скорее, *пирамидально-концентрической*: США наверху пирамиды и в центре мира; шестёрка самых достойных западных стран ниже и непосредственно вокруг американского центра; иные лояльные к США и западной цивилизации страны ещё ниже, в уже последующем круге; а далее вниз и кругами остальные страны вплоть до нерадивых стран-

изгоев с точки зрения доминировавших в мире Соединённых Штатов.

Золотой миг в истории США, апогей в их геостратегической судьбе, триумф США в рамках Великого Проекта и чаемая конспиративными мироустроителями победа на магистральном пути Бытия-Истории!

Передовой Западный мир во главе с США и Остальной мир, он же и как бы отставший, если уже не навсегда отсталый, — по периферии Передового, вполне уже проамериканского, мира.

Таковой стала мировая, она же и межмировая, ситуация на космогенной площадке по имени Земля.

Америка наверху, в центре и впереди!

Заслуженно? Может, и заслуженно (такие достижения, такой размах — прямо-таки настоящий *Новый Свет!*), а вот достойна ли сегодняшняя Америка, да и Америка вообще сей выдающейся зёмной роли?

Тут уже большой вопрос, подкрепляемый нешуточными сомнениями, обязанными как раз самой необыкновенной Америке.

Америка ведь, знаете ли, больша-а-я (!) греховодница, а грехи на то и грехи, чтобы постоянно следовать за их носителем(ницей), сидеть в его (её) метафизисе, давать о себе знать в самый неподходящий для грехов — острокризисный — момент, призывать либо к покаянию и совершенствованию, либо, увы, к унынию и гибели.

Очень непростая это вещь — *грехи Бытия-Истории*, да не только человеческой особи, но и семьи, рода, народа, нации, страны, государства, цивилизации, культуры.

Хороша вроде бы Америка, но... тяжко ей как-то, тяжко, может, пока и не слишком мучительно, но... уже очень и очень занозисто.

6 (156)

«Безумный, безумный, безумный мир!».

Сказано было самими американцами об Америке, пусть и с некоторой долей преувеличения, но ведь сказано же!

Но сначала о грехах Америки, причём не так даже людских, как метафеноменальных.

Грех первый: колониальное уничтожение аборигенов континента, который никакой никогда ранее Америкой и не назывался.

Грех второй: колониальное «чёрное рабство», придуманное и использованное Америкой.

Грех третий: атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки.

Грех четвёртый: американский всемирный финансизм, обеспечивающий кабальную эксплуатацию Америкой всего мира («финикийский грешок»).

Грех пятый: американский геостратегический империализм, не останавливающийся перед использованием и разрушительных агрессивных войн.

Грех шестой: империальная антикультурная и античеловеческая агрессия на весь планетарный мир («голливудский синдром»).

Грех седьмой: американская гордыня, сопровождающаяся вознесением передовых и беспорочных-де США на планетарный управленческий престол и стремлением США осчастливить весь мир его тотальной американизацией.

Недаром в США 1990-х родился примечательный тезис о *«конце истории»* и начале, если его продолжить, обратившись к будущему, общепланетарного американизированного мира-эпохи.

Гордыня — и в самом деле великий грех!

В общем, «конец истории» — это и завершение (или начало, или период завершения) Великого Проекта!

Вот уж не слабо, так не слабо!

Был когда-то, кем-то и как-то разработан (воспринят) и введён в действие Великий Проект, — и вот сегодня, на рубеже XX и XXI вв., криптоадепты сего проекта вдруг решили — не без основания, конечно, — что главное по проекту совершено, причём совершено, разумеется, ЕвроАмерикой, и вполне допустимо теперь — с сокрушением всемирного «красного проекта», пусть пока и не полного сокрушения (Китай), но зато сердцевинного (СССР), — чтобы ЕвроАмерика в лице главным образом Америки занялась подгонкой планетарного мира под Великий Проект прямо по образу США, с поправкой, разумеется, на всё ещё бытующий по планете «варваризм».

Не нравится? Да, не нравится, но ведь... *факт!*

7 (157)

Америка как бы невольно пошла на своё жуткое грехопадение, памятуя о вынужденном подвиге Каина (убийцы и творца), и, как говорится, грехи-де не тянут, а потому и «Вперёд, Америка!», ещё дале и шире, ещё круче, чем только что было по итогам Второй мировой и новой научно-технической революции. Однако не всё тут просто: «Хочется в рай, да грехи не “пуцают”». Нет, Америка не стремится в рай, ибо она сама уже рай, но зато хочет свой «рай» перекинуть на остальное, ещё не райское (отставшее от Америки) человечество, опять же под контролем, при господстве и эксплуатации сего человечества со стороны самой Америки.

Грехи как будто бы не мешают Америке намереваться исполнить сию многотрудную, требующую не только финансовой и технологической, но и военной мощи, демиургическую миссию, как бы уже *за-историческую*, *квази-окончательную*, но вот грехи

эти почему-то реально мешают Америке выполнить сию потрясающую любое людское воображение задачу.

Америка предстаёт перед миром таким лукаво доброжелательным, но при этом вполне эгоистическим, даже и последовательно корыстным, *монстром* (вроде Змея-Горыныча). Антихрист столь органичен Америке, что она иначе, как нагло-империально, действовать вовне уже не может. Пороки её никуда не деваются, и они немедленно сказываются в её «миссионерской деятельности». Хотелось бы, может, иначе, да вот грехи не позволяют, определяя саму сущность «благотворительной работы» великого по мощи и ущербного в морали «постисторического» водительского актора.

Ориентированная на себя, Америка просто не может эффективно лидировать в мире, её управление немедленно оборачивается диктатом, сопровождается ошибками и неурядицами, вызывает обоснованное сопротивление. Подобное управление, строго говоря, вообще-то и невозможно — *кибернетически*: слишком большой и разнообразный объект для моноцентрализованного, крайне субъективного и слишком в пользу себя корыстного глобального центра управления.

Отсюда и вполне «законный» кризис не только глобального управления со стороны США, но и самого субъекта сего управления.

8 (158)

Однако это не всё и даже не главное: игрок Америка неважнецкий, но ведь «игроцкую» роль можно и изменить, хотя бы взяв на себя не столь уж амбициозные и рискованные для себя задачи. Сомнительно, но почему нет?

А что же ещё корёжит Америку и что, собственно, тут главное?

Америка противоречит, вполне и «роковó»... *самой себе*, и не как управляющей (псевдоуправляющей) миром, а как бытующей монструозно исключительно для себя.

Это не так, может, и сильно заметно, как заметно разгорающееся фиаско Америки в роли всемирного единоличного лидера, но что для Америки всего страшнее, ибо тут не что иное, как болезнь, пусть пока и не очень явная, но болезнь, знаете ли... *неизлечимая*, ибо питается уже не так грехами, как... *возмездием*... за неотмытые грехи.

Америка стремительно деградирует!

Апогей на то и апогей, чтобы с ним в обнимку уже только... *вниз*; единоличное доминирование в мире на то и единоличное доминирование, чтобы незамедлительно сопроводиться культурным, цивилизационным, нравственным, империальным упадком; да и время — как срок — знаете ли, пришло: с 1929 по 2001 г. — как раз американский цикл в 70 лет, а потому и настала вдруг для Америки каверзная пора; хотя главное тут всё-таки в квазиокончателном исполнении, может, лишь только кажущемся, Великого Проекта — как раз в США.

Вот где чёртова собака зарыта!

Исполнение проекта и... тут же она — коварная темница! Так вроде бы не бывает, но... не-ет, именно так всегда и бывает, — так случилось и со сталинским проектом, и со многими другими, ибо дух победный с победой и уходит, а за ним следом уходит и разум, таща за собой и силу, и мощь, и даже красоту. Только-только вроде бы всю «красава», а тут вдруг... *урод!*

Вот и Америка, выполнив неведомую массам американцев затейливую криптопрограмму, стала саму себя стремительно терять, начиная с растерянной элиты и кончая растерявшимися от гнилостного смрада простыми домочадцами. Импорт труда и мозгов пока вроде бы Америку выручает, но лишь вспомогательно, подпорочно, по краям, — сердцевину же победной Америки

уже ничем не заменить — ей остаётся только гнить да гнить, что и подтверждают последние в США президентства и президентские выборы, фатальные зигзаги омасоненной элиты, не говоря уже о вывертах обезумевших от своей непогрешимости и исключительности «янки» во всех частях земного света.

9 (159)

«Конец истории» — это действительный конец истории как списанной передовым миром ненужности, как конец традиции, культуры, цивилизации, того же гуманизма, но при этом и конец, уж извините, ЕвроАмерики. Пока ещё не США и не ЕС, а именно ЕвроАмерики — как идейно-смысловой подоплёки Европы и США.

Теперь уже не один закат Европы с её похищением самой себя, но и, увы — закат Америки и тоже с похищением самой себя.

Вспомним Древний Рим, Византию — довольство, красота, блеск, но при этом и нарастающее... *безумие!* БЕЗУМИЕ — вот она — смертоносная субстанция, посещающая любого удачливого проектанта, не говоря уж об эгопобедителе!

И не внешние силы, будто бы варварские, оказываются главными могильщиками сих великих удачников, а сами же эти великие удачники, хоть и звучат среди них трезвые голоса, и имеют место быть робкие попытки что-то позитивно изменить, да всё уже безуспешно: обречённый от себя умереть от себя же и умирает, как это сделал тот же СССР, не допустив ни себя лечения, ни себя трансформации, ни уж тем более себя трансгрессии во что-то иное, более жизнеспособное.

Субстанциальное безумие в самом фундаменте нынешней евроамериканской цивилизации — а это как раз *Постмодерн*, тот самый Постмодерн, который пришёл, возвестив о конце истории, на смену своему родителю — *Модерну*.

Модерн — яростное исполнение Великого Проекта, чего не было в веках — ни столь «крутого» проекта, ни столь «крутого» его исполнения.

Пересотворение мира, а вместе с этим, уже сейчас — как раз в эпоху Постмодерна, и *пересотворение человека!*

Постмодерн — сам себе проект, поедающий не только своего метафизического родителя — Модерн, но и своего личностного сотворителя — *демиургического человека*, не думавшего, затеявая пересотворение мира, ни о постмодерне, ни о конце истории, ни о собственном вдруг деградиационном исчезновении.

Победа обычно приносит с собой или несёт за собой... *поражение*, разве лишь через какое-то время — время краткого триумфа удачливого победителя.

10 (160)

СССР, развалившись физически, концептуально и ментально, отдал геостратегическую инициативу, сам того и не желая, Соединённым Штатам, которые, надо заметить, уже успели вступить в Постмодерн, этого толком ещё и не осознавая.

Мнимая победа США над СССР и вообще в истории (как и над историей!) дорого теперь обходится заокеанскому партнёру-идеалисту.

Постмодерновый яд разъедает Америку, её умерщвляя, но он отравляет и мертвит также и американское мировое-де лидерство, само амбициозное присутствие самовлюбленной Америки на планете Земля.

Безумие никуда не спрячешь, от него далеко и не уйдёшь: лезет отовсюду и достаёт, достаёт, достаёт... Вот и США сегодня достали уже весь мир — как раз этим своим безумием!

Нет, это вовсе не безумие сумасшедшего человека, даже не «безумие» того же юридического, это совсем иного рода безумие — вполне, знаете ли, и рационального происхождения и свойства.

Достаточно достичь вершины и возомнить себя победителем, как твоё умное и бесспорное рации начинает более всего служить, того вовсе не желая, именно безумию, причём безумию уже вполне субстанциального свойства, вроде тяжкого духа, вокруг назойливо распростёртого. Любое вроде бы вполне рациональное решение теперь содержит в себе неприглядную бациллу безумия, непременно приводящую и к безумному результату. Америка, её истеблишмент, её «мозговой трест» сплошь уже заражены такого рода субстанциальной странностью — уже и не излечимой.

Сама долларовая эксплуатация всего мира — *безумие*, а что говорить о внешнеполитических, включая и военные, решениях и действиях Соединённых Штатов: катастрофы, жертвы, кровь, беженцы, террор, гражданские войны. Это ли не безумие?

США ныне — первейший источник постмодернового, но при этом и великопроектного, безумия, вполне уже, повторим, субстанциального.

Обезумевший Каин — это уже слишком серьёзно!

И всему миру сегодня приходится оплачивать сие безумие океанной Америки, а оплачивая, ещё и расплачиваться за него, — потерями, кровью, жизнями!

Однако мир идёт на крутые перемены, могущие положить предел безумной миромасштабной агрессии обезумевшей Америки, — да, да — *уже идёт!* что весьма заметила и сама Америка, отчего, напуганная, страшно и забесилась.

Мир пока весьма осторожен, но уже и... непреклонен: глобалистская империя, этот очередной Рим, прочно слитый на этот раз с Карфагеном, пока ещё сильна, а остальной мир ещё не сильно и надёжно сконсолидирован, да и война уже всюду идёт — причём как раз Америки со всем миром, включая и Европу, а потому всемирная война как великая тяжба мира с Америкой неизбежна, как и неизбежен в итоге и конец Америки — как

передового и верховного-де лидера мира и при этом бесспорного источника обезумляющего сей мир яда.

Вглядись, современник, повнимательнее в сегодняшний лик Америки, и всё тебе станет ясно: лик-то уже давненько... *не-человеческий!*

11 (161)

Тут уместно вновь обратиться к Великому Проекту, за который решительно взялась антихристианская Европа, окончательно передав в XX в. инициативу по его исполнению Америке.

И осчастливленной им Америке многое удалось, очень многое, причём как раз в продолжение начатого и делавшегося Европой, но и кое-что другое, обусловленное небывалой чистотой эксперимента, оставлением на свалке истории того, что называется обычно непрекаемой традицией.

Америка свободна от груза не только премодернового, но даже и модернового прошлого — что ей религия, что ей философия, а если и эзотерика, то лишь та самая — обычно называемая конспирологической (или масонской).

Америка — идеальное поле для Великого Проекта, как и его идеальный исполнитель, даже и конструктор.

Обращает на себя внимание не только обилие масонства в США, впечатанного символически весьма откровенно даже в доллар (пирамида, хоть и усечённая, но непременно достраиваемая; «всевидящее око»; руководящий девиз «Мы верим в Бога»), а и совершенно империальный характер новейшего, построенного по единому замыслу и прямо-таки под ключ государства: совершеннейший тут Рим с Римом-Вашингтоном во главе, с Капитолием, Белым домом, империальными храмами и стелами, посвящёнными отцам-основателям сего «архитектурного» государства; строгая, вполне опять же имперская, планировка столицы с поставленными там и сям на уличных перекрестьях конными ста-

туями славных генералов-героев и т. д. и т. п., в общем — новейший Рим, в котором ничего или почти ничего от народности, демократизма и даже обыкновенного торгашества.

Вроде бы даже уважение к традиции, однако к традиции имперской, государственной, властной. Адольф Гитлер, очутись он в Вашингтоне, не только отдал бы должное Новому Риму, но и многое бы понял в действительной сути будто бы на первый взгляд исключительно торгашеской, предпринимательской и демократичной Америки.

12 (162)

Великий Проект уже осуществлён, надо полагать, в объёме и параметрах усечённой пирамиды, представленной как бы не очень-то уместно на долларовой купюре. Вот и «конец истории», а далее... э-э... далее мирогосподская достройка ПИРАМИДЫ, как раз уже постмодерновская.

И какое главное орудие достройки? Да, да... современная наука с современной техникой — не более и не менее!

Есть ещё и другое мощное орудие — культура, точнее — уже антикультура, включая Голливуд, mass-media и разного рода совершенно уже бесовские площадные и стадионные шоу.

Глобальные финансы — не так, пожалуй, орудие, как средство, но ведь и орудие тоже — господства Америки над миром. И вот все эти орудия бьют прямо в цель — в человека, социум, инфраструктуру, образ бытия.

Передовой мир, вполне уже искусственный, то бишь *арт-мир*, требует и искусственного человека — *арт-хомо*, а может, уже и *арт-пост-хомо*, а может, уже и не хомо вовсе, а какого-то другого, пусть внешне и человекообразного, существа, а может, уже и не существа, а, скажем, схемы, платы, гаджета.

Что же провидит замечательное всевидящее око, грозно разместившееся на долларовой банкноте?

Да и видит ли вообще что-нибудь, а может, только делает вид, что видит?

Похоже, что ничего *такого* и не видит.

А почему же именно так?

В Модерне шла борьба с природой ради-де человека — *гуманизм*, а вот в Постмодерне пошла уже борьба с человеком, всё ещё природным, или *всё-ещё-человеком*, но ради вовсе не человека как такового, а уже какого-то постчеловека — отсюда и доминирование изощрённого *антигуманизма*.

Теперь надо пересотворить не природу — в неприроду, а человека природного в человека неприродного, хотя многое уже сделано в пределах усечённой проективной пирамиды, но не всё — не переделаны ещё в корне *сознание*, ну и *ноосфера* тоже.

Так что безумие Америки — не просто её актуальная апокалиптика, это ещё и *апокалиптическое созидание* — как раз доделываемой ею конусной (и конечной) части виртуальной пирамиды, кстати, совершенно метафизической, разве лишь в тёмном облачении и исподволевой реализации.

13 (163)

Внедрение науки и технологий в микромир, включая геносферу и наносферу, как и овладение сознанием и ноосферой виртуальной информационно-компьютеризованной сетью, ничего, кроме восторга у передового (прогрессивного) современника не вызывает: возможности, возможности, возможности!

Однако тут важен уже возникший и всю идущий в человеке, социуме, культуре мутационный процесс, который уже никому не остановить, но который нельзя не осмысливать — со вниманием, страхом и чуть ли не с отчаянием!

В чём же тут дело?

А дело в том, что дело-то идёт уже к завершению проекта «Человек» и к замещению сего проекта уже другим проектом —

«Постчеловек» (вроде перехода от неандертальца к кроманьонцу).

Глобальная, причём коренного характера, мутация, а скорее — *инкарнационное превращение*. Факт это или не факт, но какой-то «изменческий» процесс уже вовсю идёт, пусть ещё и на начальной стадии, но, увы, уже не могущей быть растянутой на века — тут ведь не эволюция, тем более, естественная, а вполне себе делаемая революция, уже и безудержная — спорая и скорая.

Массовому, в том числе и образованному, и даже учёному современнику с передовой части планеты кажется, что это всего лишь очередная волна прогресса, резко усиленного когда-то Модерном и достигшего ныне невероятных высот, — и он, этот современник, не слишком прислушивается к «нытью» изрядно озаботившихся мыслителей, продолжающих традиции волхвов, философов, богословов, почитая всё ими проговариваемое всего лишь за анахронический бред.

Это и правильно: иначе как же человеку впрыгнуть в постчеловека?!

Несказанная гордость переполняет нынешних знатоков и активных участников виртуальной сети: здорово, быстро, эффективно, вне времени и пространства, взлёт!

Похлеще прорыва в космос!

И какое презрение к уходящему из сего мира человеку — ЧЕЛОВЕКУ!

14 (164)

А что же на смену?

Понятно — неприродный, искусственный, виртуальный мир взамен мира природного, естественного, реального.

Но вот *мир* ли *это*, как раз то самое, что идёт на смену? Можно ли *это* квалифицировать как *мир*?

Неожиданный вопрос, не правда ли? И как на него ответить?

А отвечать надо, хотя речь идёт уже о том, что не подчиняется существующему среди высоколобых умников-фаустианцев дискурсу — нет ни слов, ни понятий, ни соответствующих ментальных конструкций.

Даже такое слово-понятие, как «цивилизация», уже не проходит, ибо какая-токая полноценная и полновесная «цивилизация» заключена в информационно-компьютеризованной, оцифрованной, обезличенной, стандартизированной *сети* — СЕТИ, объёмлющей всю планету и включающей в себя не человек во все, не коллективы и институты, а некие нето-хомо-ячейки, они же нето-мушки и нето-паучки, а также распростёршейся бесцеремонно и нагло в ноосфере, её тесня, переделывая, если уже не замещая собою — на некую *нетосферу*, точнее — *техноинфо-нетосферу*.

В терминах «мира» это уже не мир как таковой, да ещё и зёмный, а некий сверх-мир (или над-мир) — виртуальный, невесомый, летучий, лёгкий, а потому и незёмный, неприродный, даже и иномирный, но не в сакральном вовсе, а в самом что ни на есть профаническом значении «иноного».

А если принять во внимание внедряемые в человека чипы, превращающие человека в чиповея, намертво сидящего в сети и не могущего уже её покинуть, то о каком-таком человеке и человеческом мире можно вообще вести речь?

Слово — не более чем сетевой знак, речь — сетевая цифrogramма, сознание — чип от сети, разум — чипосетевая интенция, ноосфера — сетевая информация. Всё, что угодно, только не человек, не социум, не мир, ну и не бытие тоже!

Забавно, не правда ли?

15 (165)

Нравится это кому-то или нет, но грядёт не более и не менее, как завершение истории — *истории человека, человеческой истории*, как раз всего того в общем-то несуществующего, что человек назвал и именуется историей. Тут, кажется, и конец чего-то вроде бы и существующего — *самого человека*. Всё знаемое ныне человеком словесным, речевым, текстовым, или же попросту человеком знающим, уйдёт в небытие. На смену знанию (слову, речи, тексту) придёт некая *невыраженная никак информация*, или уже *информация сама по себе*, или *информация как информация*. Ну и человек, ставший постчеловеком, окажется неким пунктиком-точкой в сетевом информационном поле.

Если *это* случится, а *это* случится обязательно, то *это* будет означать начало долгожданного «*небытия лучистого нечеловечества*».

Плохо это или хорошо? Не плохо это и не хорошо, а просто так почему-то станется. Человек, в особенности передовой человек-демиург, не знает, что он на самом деле творит, ибо творит он одно, а выходит почему-то совсем другое, о чём человек творящий обычно и не помышляет, за исключением, правда, современных авгуров — талантливых фантастов, вовсе не таких уж и научных, а, скорее, метанаучных, если попросту не археогностических.

Человек как человек уже уходит в прошлое, теперь нужен некий *киберион*, пусть пока ещё в человеческом образе.

Сама наука, кстати, уже и не наука, а... самая что ни на есть... *профаническая алхимия* — возродившаяся, народившаяся и вырожденная. Некая *неоалхимия*!

Вот оно — чудо XXI в., вполне и умотворное!

Не человек со своей человеческой матрицей (сознанием), а нечеловеческая (техно-киберсетевая) матрица — попервах ещё в человеке, а следом уже и в постчеловеке.

Перспектива!

Техногомос, киборгий, чиповеус, кто угодно, но только не собственно ЧЕЛОВЕК!

16 (166)

Вроде бы всего этого несусветного вокруг и нет, а есть лишь новое техническое оснащение человека, становящегося, скажем так — *хомо-техно*, не более того, то бишь высокотехнологическим человеком.

Однако тут не всё так просто: техника ныне такова, что качественно меняет не только культуру бытия, но и само сознание человека: слово, речь, текст, как и его — сознания — способ реализации.

Вовсю идёт поглощение хомоса техносом. И выходит в итоге уже не хомо-техно, а... *техно-хомо*, следом за которым уже и просто полуживая техно-био-единица, или же самый обыкновенный *техноид*.

Что ж, может, это и есть как раз цель демиургического движения человека *от природы к неприроде*, от *homo sapiens* к *homo technicus*, то самое движение, которое определяет хозяйственную телеологию бытия, неуклонно тянущегося и к конечной хозяйственной же эсхатологии, — почему нет?

Выживут, останутся и станут техноидами немногие, вовсе не все, далеко не все. А что же тогда *все*? — а всем придётся... *исчезнуть*, как исчезли динозавры, мамонты, неандертальцы, — и вовсе не потому, что не смогут стать техноидами, а потому, что новым проектом они в своей мириадной массе вовсе не предусмотрены.

Зачем они там — в лучистом-то мире, эти топливо и шлак истории, точнее, того, что человек милостиво и в то же время опрометчиво всё ещё называет ИСТОРИЕЙ.

Какая теперь разница, был ли когда-то Александр Македонский или нет, как и те же, к примеру, Ленин со Сталиным, ибо всё это бывшее не имеет уже никакого значения для грядущего *техникума* с его верными адептами в образе *техноидов*.

Задумаемся: перескок бытия не просто в инобытие, а в самое настоящее небытие, что означает что-то прямо противоположное бытию в человеческом измерении и понимании.

Неужели, господа, вы не видите среди нас и вас посланцев внеисторического будущего, которые уже здесь, которые всю работу и как активный фермент изменяют менеджериально бытие, сортируя под него и самих человекoв?

Ладно, вроде бы нет ещё вокруг техноидов, но разве нет уже *нового человека* с чертами *постчеловека-техноида*, а-а?

17 (167)

Запад во главе с США обречён на завершение Великого Проекта, отчего его и трясёт, и лихорадит, и мутит. Материальное благополучие в отрыве от сакральной традиции — роковая беда Запада: вибрирует он, трещит, разлагается, а отказаться от своего великолепного исторического, если уже не постисторического, достижения не может, а ведь, надо ещё глобоимперски сие странно-неблагополучное благополучие неустанно поддерживать.

Западу сейчас как будто бы хорошо, остальному миру либо не так хорошо, либо не очень хорошо, а то даже и плохо, но выход всегда не там, где хорошо, а там, где не так хорошо, не очень хорошо, а то и вовсе плохо.

Рай никуда не выталкивает — выталкивает ад!

Нет, конечно, на Западе хоть и благополучие, но вовсе не рай, но зато есть... *иллюзия рая*, что куда хуже, чем «реальный

рай». Эта-то иллюзия и коробит всюду Запад, мало того — гнобит!

Главное, что Запад очень и очень горд своим превосходством и своей прогрессивностью, а где гордыня, там и, знаете ли, непристойная «лажа»: Запад даже не заметит своего превращения в... *ничто*, отчего его даже завоёвывать не надо, как Древний Рим или ту же Византию, наоборот, всячески поощрять его надо на его пути вперёд — он-то как раз и есть первая и главная жертва Проекта!

Остальной мир, тот же БРИКС, сознавая это или нет, только таким вот поощрением и занимается, не спеша расставаться с традицией и кидаться в западную райскую западню.

Концептуальная тут более всего выходит тяжба, а вовсе не военная, даже, как принято считать, не политическая и не экономическая.

Концепция Великого Проекта либо не для всех, либо всё-таки она не однозначна (вариативна), либо более всего в угоду жертвенным «агнцам», только уже не авелевским, а, пардон, каиновским.

Интересно, не правда ли, даже по-своему и забавно!

Запад уверен, что жертвой Великого Проекта служит Остальной мир, причём в пользу Запада, а ситуация разворачивается мало того, что неоднозначно, да и вообще не так — не по-западному.

Вот и она — *великая проективная лажа!*

18 (168)

Разумеется, ничего такого нет и не будет, хотя уже что-то *этакое* и есть — пока ещё с не очень выраженными физиономическими признаками, но ведь... *есть!*

Всё будет всё равно не так, скажут нам вселенские доброты, но вот как же?

Правильно: нет никакого смысла заглядывать в бездну, да и рискованно, да и... глупо, лучше всё-таки просто идти по-своему вперёд, и будь, что будет!

Однако что-то всё-таки заставляет человечество, согласное вроде бы на западный проект, отворачивать по возможности от сего преднамерения и думать о чём-то другом, уже *не*-евроамериканском.

Россия, Китай, Индия, Бразилия и присоединившаяся к ним ЮАР, не говоря уже о мусульманском мире (хотя бы в иранском исполнении), где либо уже культивируется анти-Запад, либо идёт острая критика Запада, либо уже Запад попросту брезгливо отрицается.

Вспомним Петра Великого с его великой европеизацией России, как и трудно не вспомнить достославные 1990-е с их наглой насильственной глобализацией (колонизацией) России под евроамериканский образчик.

А сегодня что? Не более и не менее, как повсюду растущий, набирающий силу антиЗапад, а что касается России, так попросту уже и война Запада с ней — западной-де, а теперь вдруг и... *антизападной*.

Так или иначе, но в мире зреет какая-то, ещё и не очень ясная, альтернатива Западу, а может — и *альтернативный проект*, уже не «красный», не европейский, а какой-то совсем иной.

Уход в несусветную даль СССР с его международной соц-системой — кончина и «красного проекта», рождённого в Европе и применённого по полной уже вне Европы (в Европе, напомним, случился другой евроантиевропейский проект — фашистский).

Как водится в Бытии-Истории, ничто там не проходит бесследно и из метафизической (ноосферной) памяти насовсем не исчезает. Уход тех или иных проектов не означает невозможности неожиданных откликов на них в любой последующей реальности.

19 (169)

Ничто в мире не забывается, а кое-что и непременно возвращается!

Мир сегодня в подспудной тектонической тряске и в уже весьма заметных гигантских переменах.

Глубоко, масштабно и судьбоносно кризисная Россия не где-нибудь, а в эпицентре сей мировой переустройечной мистерии, что объясняется: болезненным крахом СССР; падением страны в разверзшуюся бездну 1990-х; восстанием, практически мистическим, России как метафизического феномена и физического субъекта; подъёмом России как России и вырывом её из глобальной тектонической бездны.

Не только не провалилась в бездну и не исчезла в небытии, а каким-то чудом мало что уцелела, но ещё и пошла на новый подъём.

Избавление от заскорузшего СССР не обернулось для России отрицанием своего прошлого и растворением в передовой евроамериканской «жиже», наоборот, вызвало к жизни именно Россию — сначала как воспоминание о себе, а затем и как текущую реальность, но, что особенно важно, с растворением в себе и для себя своего бытийно-исторического наследия, включая и что-то знаменное от СССР, а не только от Российской империи, как и того же православия.

Знаки: Российская Федерация как правопреемница СССР (с выплатой внешних долгов Российской империи и СССР); возвращение гимна СССР, пусть и с обновлённым текстом; ежегодное торжественное всенародное празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне; внезапный феномен «Бессмертного полка».

Чудо возрождения России!

И это вопреки Западу и внутренним западникам, вопреки Сети с зависимой от неё «российской долей», вопреки лукавой G8 и вопреки нахальному «вашингтонскому обкому».

Проблем в России хватает, но это проблемы оживляющейся жизни, а не мертвящего пребывания на Земле: дерзкого движения вперёд, а не сытой спячки; самоопределения большой независимой личности, а не прозябания подневольной «твари дрожащей».

20 (170)

2007 г. — год знаменитой мюнхенской речи Президента Российской Федерации, вполне, знаете ли, и эпохальной.

Поворот: *от России зависимой к России самостоящей!*

Факт!

Но не только: не объявление Западу войны, конечно, но обозначение *начала конца* его доминирования в мире, тогда никем, кроме отдельных проницательных персон, не понятого, в особенности западными «партнёрами».

А знаковое происшествие состоялось, хотя и после другого знакового события — дерзкой террористической атаки в США на небоскрёбы 11 сентября 2001 г. Тогда тоже мало кто понял суть сего грозного происшествия, состоявшего в обозначении *заката Америки*, а вместе с ней и *всего Западного мира*.

Вообще, образованные по-университетски люди не придают никакого сакрально-смыслового значения разным вроде бы случайным и незначительным-де событиям, как, к примеру, обморочному падению украинского гвардейца с выпавшим из рук карабином прямо перед проходившим рядом с ним по красной инаугурационной дорожке новым президентом страны. А ведь очень и очень символично, не правда ли?!

Та же мюнхенская речь российского президента. Подумай, мало ли говорится на свете речей! В том-то и дело, что гово-

рится-то много, слишком много, но только единичные имеют сакрально-эпохальное значение, вроде той же фултонской речи знаменитого Черчилля, как раз той самой речи, с которой и началась холодная война Запада с СССР.

Что же выказал в Мюнхене президент России? Он заявил: «Хватит, дорогие партнёры, верить вам нельзя, и мы будем жить по-своему». И ничего более! Что же мы теперь имеем? Не что-нибудь, а через десять лет уже весьма очерченную новую войну Запада с Россией, правда, называемую не холодной, а... *гибридной*, но ведь весьма чувствительную и к войне горячей.

Однако сегодня есть, кроме России, ещё и поднявшиеся и идущие в гору Китай и Индия, есть БРИКС, есть и Иран с Египтом, ну и кое-какие союзники России по СНГ, во всяком случае, идёт пробуждение Остального мира относительно лидерского доминирования США со всем своим передовым-де отрядным миром.

Все уже в мире всё хорошо поняли, кроме самих США, их заядлых агентов и восторженных почитателей по всему миру, включая и территорию России.

21 (11)

Что ни говори, но дело не сводится к противоборству с США и его сателлитами, даже и не к противостоянию, если не борьбе, возникших зёмных миров — передового Западного мира и отставшего-де, но поднимающегося, Остального мира. Геополитика, не говоря о геостратегии — важная вещь, но всё-таки не главная, а главная вещь — *концептуальная перспектива мира*, включая человека, человечество, природу, культуру, саму планету Земля, даже и ближайший космос.

Россия — субъект, действующее лицо, земная сила, вполне и разнообразная, но при этом и концептуальный источник мысли,

пусть пока ещё и не оформленный (да и надо ли?), а ещё и... *лидер*, за которым, может, явно не слишком идут, но неявно уже пошли, причём лидер евразийский, точнее — европо-азиатский, мало того — не менее корневой, чем те же Китай и Индия, но в силу особенности своего исторического пути — импровизационно-креативный, способный, как ни странно, к решительной новизне, что и продемонстрировали те же нелицеприятные, если не отвратные, но яростно динамичные 1990-е гг.

Россия — *мир меж миров!*

Тут видится прежде всего планетарная горизонталь, на которую сегодня нанизано хоть и не всё, что угодно, но очень многое, причём не кусками, а с органикой. Россия мало чему из внешнего отказывает в заходе в её ареал, мало чего с порога и отвергает. Россия восприимчива и отзывчива. Это *мир, в котором гнездятся так или иначе все миры*. По горизонтали Россия явно гетерогенна.

Но Россия — это и историческая вертикаль, на азимуте которой чего только не было, каких только России в России не сподобилось, каких только потрясений, поражений и побед не случилось, чего только невероятного и невозможного не произошло.

Метафизический крест из российской горизонтальной и российской вертикали даёт что-то и впрямь несусветное — сложную, невыразимую, непредсказуемую, но всё-таки реально возможную действительность, в которой сплелось в узел, способный и к внезапному расплетению и столь же внезапному сплетению, не просто многое — по горизонтали и по вертикали — а и что-то незёмное, неотмирное, *иное!*

Россия — *иная страна*, не хорошая вовсе, скорее даже — нехорошая, а то и для многих человек попросту плохая, так сказать — адская, но, как ни крути — *иная!*

Эта-то инаковость и есть проявление особого предназначения страны-мира, ей и неведомого, но которому она несмотря ни

на что служит: трудясь, распадаясь, живя, радуясь, скорбя, умирая, воскресая, в общем — существует вроде бы, но при этом как будто бы и не существуя, как и наоборот, вроде бы не существуя, явно-таки существует!

Страна — загадка, никак и никем не разгадываемая!

22 (172)

Предназначение!

И куда от него деться, к какому-такому выбору, если его... *нет* — как сознательного деяния. Бремя, тягло, страда, ярмо. Это всё как раз есть. При этом и богатейшее слово, глубокая мысль, массовое самоотвержение и подвижничество, равнодушие к богатству и комфорту, презрение к смерти, жалость к убогому, признание другого, стояние за себя и свой мир, привязанность к Отечеству и любовь к Родине. Да, ругают отчизну, критикуют родину, даже и ненавидят, но... чтят, защищают, жертвуют и... *любят!*

Понять Россию ни пытливым умом, ни изошрённой учёностью, ни изящной словесностью невозможно, ибо Россия не предназначена для понимания, даже и самой же себя, а предназначена как раз для непонимания, прежде всего самой же себя.

Россия предназначена более всего для решения неких сверхзадач: освоения евразийского с Антарктикой пространства; строительства странной — незгоистичной — империи; привнесения выстраданного слова и поднесения страдательного искусства; разгрома Карла XII, Фридриха II, Бонапарта и того же Гитлера; вырыва человека в космос; переживания с пережёвыванием социализма — от ненужного в ней его появления до нужного ей его исчезновения; создания необычной «советской цивилизации» — очень даже не плохой, но и непременно с ней добровольного расставания. А вот теперь — внезапное погружение в западный

глобализм со спасительным вырывом из него, да не только России, а и всего мира. Разве тут не решение сверхзадач?

Но это всего лишь видимые, поверхностные, феноменальные деяния, хотя и масштабные, и сложные, и исторически значимые.

Есть, однако, и другая сверхзадача, которая в глаза не бросается и в которую даже поверить невозможно — *концептуальная*, к тому же ещё и *проективная*, да ладно бы только для России, а то ведь... *для всего мира!*

23 (173)

Великий Проект завершается не европейцем, а неким европéусом, не американцем, а америкóусом, в общем — *человеком!* А что можно было ожидать от культа экономики, науки, техники? Выворот, он и есть выворот: Великий Проект вывернулся в некую свою противоположность — в *антипроект*, и прёт себе, прёт, выворачивая человека, социум, культуру.

Постмодернизм — суть, орудие, одежда антипроекта, который всю игру играет как раз там — в достраиваемой части «долларовой» пирамиды. Предполагали ли что-то подобное криптоотцы Великого Проекта или нет, не суть теперь и важно. Скорее всего — не предполагали. А вот остановиться вывернутому наизнанку проекту уже нельзя и изменить в нём ничего уже нельзя, оттого и вытанцовывается под аккомпанемент проекта что-то явно уже несуразное, причём вытанцовывается как-то очень уж вертляво, дико, безумно.

Тут уже даже не последний буйный пир в духе и стиле Валтасарова пира, а уже непрерывное бешеное шоу — в политике, экономике, культуре, науке — *езде!*

Что сейчас на Западе не шоу, что не безумство, разумеется, не в обыденной каждодневности, что само собой, а в «умности» и

«вышести» решений и действий, во властно-управленческих действиях.

От драмы до комедии ведь не такой уж большой временной интервал!

Как и от строгой реальности до шалой виртуальности — не более чем миг!

Стоит только захотеть или поддаться, как и посмотреть, вот тебе и царство *полного безумия!*

От рации до безумия тоже ведь не длинная дистанция — один стежочек!

Да, долгое время в США и в мире господствовало рации, лишь прерывавшееся приступами безумия, да и то более всего в Европе да в России, но вот наступила эпоха субстанциального безумия (как раз эпоха Постмодерна), когда любые рации способны породить не просто иррацию, а самое что ни на есть безумие (и сколько тому свидетельств!).

И тут важно понять, что как «время рации», так и «время безумия» приходят не просто так и... независимо от того, что думают об этом сами люди, — приходит что-то этакое — и всё!

24 (174)

Современная Европа — заказник субстанциального безумия, хотя там полно вроде бы умных, но, увы, уже не очень-то здравомыслящих, людей. Безумие разъединяет и поглощает Европу, оно её крадёт, превращая в некую «бледную дыру». Европа уже не на закате, как это было когда-то, она, схватив благополучия и американизма, уже стремительно закатывается, уныло переваривая саму себя. Никакой радикализм её уже не спасёт. Европа проиграла саму себя, а набросившись на ни в чём не виноватую, кроме своей особенности, Югославию, подписала себе смертный приговор.

Поймут ли когда-нибудь университетские образованцы, что есть она — *метаистория*, которая всё и решает — *по-своему*: быть или не быть чему-либо и кому-либо, как и быть ли рацию в той же Европе или же быть там слепому безумию.

Сейчас Европу захватило безумство уже явно отжившего. В США же своё безумство — неуклонно почему-то проигрывающего. И там, и там всё как-то внезапно, чуть ли не вдруг, — и вовсе не из-за России или Китая, как и того же БРИКС, — просто пришло время, как принято говорить — «разбрасывать камни», а на самом-то деле — самоедствовать.

Нет, мы вовсе не собираемся ни кликушествовать, ни напирать на желаемое, — здесь просто констатация, но не внешней фактической стороны, хотя и это есть, а внутренней смысловой, а смыслы-то — упрямая вещь: Европа почти уже потеряла, а США вовсю уже теряют *фундаментальные смыслы своего бытия*, как совсем недавно потерял смысл своего же бытия тот же СССР.

Потеря смысла — потеря концепции, а далее уже и всего феноменально-фактического бытия.

Постмодернизм — убийца любого живого организма, а если уж и сам организм склоняется к суициду, то убийца эвтанизийный: мягкий, медленный, деликатный, ибо всё тут идёт через слово, цифру, деньги, науку, искусство, в общем — красиво и незаметно, вполне и конспиративно (этакое криптосамоубиение).

25 (175)

«Конец истории», придуманный в Америке для обозначения её торжества в мире после демонтажа СССР и мировой соц-системы, на самом-то деле более всего «конец самой Америки», по крайней мере, как безоговорочного «лидера» планеты и её кабалогенного хозяина.

Америка промахнулась!

И это была (или есть) неизбежность, застигающая всякого, кто покушается на то, чтобы стать господином мира, — а у Америки к тому же столько неизлечимых пороков и столько от неё исходит яда в мир, что сия неизбежность отдаёт ничем иным, как самым настоящим спасением планеты от «добрый мамки» Америки.

Америка сильна, богата, плодovита, при этом и весьма простодушна, она для мира очень привлекательна, даже немало и притягательна, — что говорить: труд, производство, творчество, а главное — бизнес, накопление, процветание, в общем — фабрика грёз и личных успехов! Факт! Никто с ним и не спорит.

Деловая Америка!

А вот миром управлять, будучи Америкой, никак невозможно, ибо мир куда сложнее, цветистее и интереснее Америки, он вообще другой — не американский, скорее — антиамериканский: хороша Америка лишь в Америке, а вот по миру она очень и очень плоха — вроде слона в посудной лавке.

Мир зёмный Америка не знает и не понимает, всюю и отрицает, а потом какой же из неё эффективный лидерский менеджер, ежели не плохой: ничего ведь, кроме некачественного имитирования повсюду себя самой, Америка предложить миру не может, — и какая же вдруг из всего мира Америка, а-а?

Правильно — *никакая!*

Тетрадь восьмая

1 (176)

Россия — большое с позиции западного рационализма... *недоразумение*, подлежащее неременной ликвидации. Накрыли было его интербольшевизмом, чтобы растворить Россию в мировом революционном месиве, а она — Россия — хоть и не воскресла в СССР, но и не исчезла насовсем, уйдя сначала в навь, а потом, уже в связи с большой мировой войной 1939—1945 гг., вдруг настойчиво замаячила в яви.

Неистребимое какое-то недоразумение, эта Россия, вполне и загадочное, да ладно бы для ЕвроАмерики или Китая, а то и... *для самой же себя!*

Да, Россия ушла внутрь СССР, оставаясь его фундаментальным ядром, всю при этом и эксплуатируемым — ради развития так называемых «национальных окраин», продолжения мировой красной революции и поддержания мировой красной системы (соцсистемы), но, уйдя внутрь и притихнув, она продолжала существовать как божий дух в преданном ей русском и не только русском народе, хотя и преданном в значительной мере как бы само собой, без достаточного на то собственного осознания.

Феномен бытия-небытия (или небытия-бытия) России в сердцевине СССР, у которого ничего из могучего и живородного, кроме России, и не было, а также бытие-небытие России в среде мирового социал-коммунистического движения, включая международную соцсистему, заслуживает особого внимания и соответ-

ствующей, как всегда недоумённой и неясной, оценки, разумеется, не очень-то простодушной и вовсе не самой низкой.

Да, была, выжила, устояла, почти что и безымянная — как какое-то *ничто* («безымянная высота»). Скажут, что была же РСФСР, что русские отмечались в паспортах как именно русские, что культивировались русский язык, русская литература и русское искусство, что были на слуху и в сердцах Александр Невский, Александр Суворов, Александр Пушкин — всё это так, но... неприлично как-то было всё-таки публично и во весь голос называться русским (тут тебе сразу в личность и бросали пресловутый «русский великодержавный шовинизм»); нельзя было иметь ни русских клубов, ни домов, ни собраний; да и государственности русской тоже ведь не было, а была лишь её грубая имитация; не было и собственно России, ибо РСФСР — не Россия, а уж СССР — тем более.

2 (177)

Однако пробыла, пережила, сохранилась! Загадка? Для науки, не признающей ни духа, ни этнодуха, ни архетипа, ни трансцендентного предназначения, вообще ничего не признающей, кроме пресловутых фактов, из которых в лучшем случае за достоверные можно принять лишь четверть, это, конечно, загадка, точнее, и не загадка вовсе, поскольку что-то такое — как раз загадочное — науку попросту не задевает.

Для метафизики же тут никакой загадки нет: русскость — это что-то в русском человеке корневое, ствольное, кровное, а потому русский человек над этим и не задумывается: живёт себе по-русски (разумеется, не так, как миру надо, очень уж неуклюже, непотребно, плохо) и всё, а в это «по-русски» входит не только всё текущее жизнеотправление с неизбывным инстинктом выживания, но и бескорыстные подвиги, непреднамеренные жерт-

вы, неординарные поступки, чуть ли не крамольная реализация русского мира в его грандиозном безграничье.

Русскость — это *неотмирность* прежде всего, а ежели чуть-чуть поразмыслить, то и *ино-мирность*, а соответственно — открытость, незашоренность, импровизационность, ну и гибкость, «ртутность», эластичность, а также стойкость, крепость, упорство.

Ничего ведь хорошего в русском мире с позиции обыденности нет (ни для ЕвроАмерики, ни для «азиатчины»), но... где же на самом-то деле больше духовно-идейной свободы, чем в русском мире, — и это при систематическом насильственном «упорядочении» русского мира: то рюриковщиной, то византийщиной, то ордынщиной, то неметчиной, то марксизщиной, то евроамериканщиной, то глобализщиной?

И выходит, что где обыденно не очень хорошо, даже и плохо, там духовно почему-то не то чтобы хорошо, но совсем не так уж и плохо.

«Умный русский — самый свободный человек в мире» (Достоевский), а Россия, как ни странно — самая свободная в мире... э-э... территория, но не геостратегически, а... *метафизически*.

3 (178)

Ах, этот метафизис России!

Ничего в нём не понять: отчего, зачем, с какой конечной целью?

Да-а, бытует, не бытуя — по-человечески; прозябает, сидя на богатствах, их зачем-то оберегая и всем раздавая, но ими почему-то для своего же блага не пользуясь; падает вниз ни с того, ни с сего, чтобы затем вдруг ни с того, ни с сего подняться; распадается внезапно, чтобы затем вновь слиться воедино; терпит обидные поражения и тут же одерживает славные победы, не из-

влекая никаких уроков и не получая никакого серьёзного за победы вознаграждения, и т. д. и т. п.

Не страна, а про-*стран*-ство, ещё и *стран*-ное пространство (про-*странн*-ство), при этом и непрерывно воспроизводимое, причём воспроизводимое как пространство... *российское*, а не европейское, ордынское или византийское, хотя и европейское, и ордынское, и византийское; в общем — неразгадываемый тут феномен, который ни умом не понять, ни «аршином общим» не измерить!

Только-только страна, бывшая внешне «СССР-ом», а внутренне более всего Россией, потерпела крах, пала, рассыпалась, оцепенела, чуть ли не канула в бездну, даже под внешнее из мирового глобального центра управление подпала, «уколóнилась», сдалась по всем статьям (более, чем даже на милость победителю) и вдруг... мало того, что заговорила великодержавно, но и действовать стала как великая держава, достав из сказочной зачатки верный «меч-кладенец» да снова взявши его в свою богатырскую руку.

Но если б только это: Россия — явный укор империальному Западу и твёрдая кость в евроамериканском прожорливом горле!

А всё почему? Как раз из-за непонятности России и её сакрального предназначения, её собственного проекта и зашифрованного в ней исторического промысла.

«Код да Винчи» — есть вроде бы таковой, но ведь есть и *код России*, скрытый не только от жадного мира и его алчных ясновидцев, но и от самой России, разве лишь волхвам был известен, а может, ими, на прощанье, и заколдованно упрятанный где-то в Нави.

Россия бытует, не бытуя — в общепринятом смысле, не столько при этом в согласии со своим кодом, сколько с ним в не-

стройном соответствии, по причине его и в угоду ему, этого кода и этому коду, неразгаданности — до поры!

А пора эта непременно придёт, может, она уже и при дверях, ибо о чём могут говорить вынужденное вылупление России из СССР-яйца, её явный вроде бы крах и немедленный, совсем как будто бы и неявный, подъём — впервые, быть может, за свою длинную историю... *как именно России?*

4 (179)

Да-а, *чудо* — очередное русско-российское чудо, но при этом и самое значительное, которого никак не могло и не должно было случиться, но которое обрело-таки случай и имеет-таки наглость быть — прямо на глазах изумлённого, досадующего, негодующего и при этом по-своему восхищённого человечества!

Сама Россия ещё этого даже не осознала, но дело ведь не в осознании, хотя это и важно, а в *пред-намерении* Бытия-Истории, которое никого *пред-вар-ительно* ни о чём не спрашивает — иначе какое же тогда варево от Бытия-Истории со всей своей неустанно работающей *трансценденцией*?

Россия не знает достоверно ни своего глубинного прошлого, ни своего возможного будущего, ни своего прикрытого пеленой добротного лжезнания истинного настоящего. Она не знает, что же она на самом деле, зачем она, когда же она в истине, — и в этом, заметим, её огромное преимущество!

Другие всё о себе знают (так им, во всяком случае, кажется) и весьма в себе, своём прошлом, настоящем и будущем уверены. Русские ничего толком о себе не знают и ни в чём, кроме своей странной своеобразности, не уверены. Правда, они верят в Россию — Россия для них как раз и есть их главная, невысказываемая и необоримая религия. Именно так — РОССИЯ! Даже ежели сами русские не встречают со стороны объекта своей неугасимой веры большой к себе самим любви, а частенько как раз бывает

наоборот, что и поражает русских, и задевает, и гневит, но... какой же русский без своей матушки-России?!

Странно всё в России, невероятно странно — невообразимо!

Факт!

Однако ничего воистину миро-судьбо-носного в России бы не было, не будь она как раз вот такая — *невообразимая*.

Дыра вроде бы тут тёмная, но... и миро-значимые победы, включая победу над фашистской Европой (не Германией только, а именно над Европой, чего Европа простить России никак не может!), как и победу космическую (от Циолковского до Королёва с Гагариным), а теперь вот и надвигающуюся победу над глобалистским ультраколониализмом.

Только невообразимое, невозможное, из-ряда-вон-выходящее рождает ведь что-то не просто необыкновенное, а и попросту... *несбыточное*.

Тоже ведь факт!

5 (180)

Россия, таким образом, — либо какое-то невразумительное *ничто* (неопределимое, непрочитываемое, нетрактующее), либо это какое-то запредельное *ничто*, миссия и судьба которого где-то за пределами воспринимаемого зёмным умом зёмного мира.

Корневые и постоянно возрождающиеся противоречия с Западом и Востоком, с ними противостояния и им противодействия — вовсе не желание России заняться чем-нибудь таким — *экстраординарным*, как и не стремление России к империальной экспансии (нынешняя Россия — не СССР, да и не Российская империя тоже), — тут не просто сложнее, а гораздо иначе, ибо тут работают мало того, что метафизические, но и вообще не поддающиеся людским квалификациям *энергии-информации*, лишь проходящие через головы кое-каких особых элит и кое-

каких действующих наяву личностей, причём вовсе и не обязательно ими — этими элитами и этими личностями — адекватно и вполне воспринимаемые.

Бытийно-историческая мистерия — не впопыхах брошенные случайные слова, а самый настоящий факт, более всего метафизический, как и фактом является наличие у сей мистерии каких-то иномирных мотивов и интенций.

Запад — органический, вплоть до сладостного безумия — противник России, но, заметим, Восток тоже ведь не органик России, хотя Россия содержит в себе и Запад, и Восток, однако содержит их как российские Запад и Восток, что как раз и не устраивает ни Запад, ни Восток.

Россия — это РОССИЯ, и ничто другое, что страшно Западу и неприемлемо для Востока, но что оказывается неподдельным бременем для самой России.

Россия — *бремя самой себя*, — и иначе быть не может, ибо Россия — не Запад и не Восток, а что-то совсем другое, самой России и не слишком ясное.

Россия воспринимает себя более духовно, бессловесно, откровенчески, чем умственно, нарративно и «знанчески». Россия — это воля, воля и ещё раз воля, причём воля сама по себе, не имеющая удобоваримого интеллект-обоснования. Вот откуда немотность России, её как бы безличность, даже и невидимость, хотя слов уже сказано по поводу России много, а воз российский всё там же — в *неведомости*!

6 (181)

Но ведь это же сила — *сила России*!

Россия в прямом контакте с самим *Великим Неизвестным*, ибо, существуя, не имеет на себе никакой квалификационной печати, отчего и способна к немислимым импровизациям.

Война, ведущаяся вот уже не один век против России, а ныне получившая лишь новый отчаянный импульс, обретая по ходу и новый камуфляжный облик, выдавливает из России, ни в ком не нуждающейся в силу своей сквозной самодостаточности, очередную импровизацию, но, что особенно важно, уже... *российскую*, а не какую-нибудь ещё.

Теперь на бытийно-исторической арене, пусть и глобализированной, не что иное, как *собственно Россия!*

Никто ни в мире, ни в самой России *этого* не ожидал: уж как ей отказывали, поносили её, отрицали, даже и хоронили, а она — Россия — тут как тут, причём не иначе, как *сама себе проект*.

Какой же? А кто ж это знает, кроме Великой Неизвестности да, может ещё, Бога Творца?

Россия восстаёт из небытия как... а ведь нет в окружном дискурсе ни подходящих слов, ни понятий, ни определений, ни заключений, ибо Россия возникает (обратим внимание на это «возникает») как что-то небывалое, неконечное, неопределимое, преодолевая, но при этом и сохраняя, стихию, хаос, беспорядке, вырабатывая какую-то иную — не западную и не восточную — модель бытия, в которой нет тоталитаризма, но есть согласие, пусть для кого-то и вынужденное; нет народовластия, но есть народность; есть «базар», но нет анархии; нет единомыслия, но есть национальная соборность; нет полного здоровья, но есть жизнетворное очищение; нет всеобщего благоденствия, но есть заинтересованное бытие и т. д. и т. п.

Главное тут в том, что Россия, не избегая ничего из хорошего и из плохого, ухитряется строить из себя не что иное, как... *жизнеспособный организм*.

7 (182)

Обратим внимание: США негодуют, совершая глупость за глупостью; Европа мечется, стараясь не делать глупостей, но зачем-то делает их и делает; Китай с Индией таятся, выжидая своего большого шанса; мусульманский мир, вдруг проснувшись и не выдержав застарелого покоя, отчаянно реванширует, мстя всему миру; а Россия — что Россия? — твёрдо стоит за себя и на своём, препятствуя экспансии на себя и на мир в целом как бесноватых США с Запада, так и хитроумно расчётливых сил с Востока, мало того — утверждает возможность нового мирового порядка на основе взаимоуважения, компромиссов и даже кое-какой солидарности.

Разве не так?

Причём делают это не церковники, не гуманисты, не либералы, не коммунисты, не фашисты, а... *россияне*, а значение и смысл *россиянства* — ещё никем не замечены и не поняты!

Мистерия, она и есть мистерия!

Спохватились, — что там, что сям, — да вот уже поздно: Россия буквально выплыла из нави в явь как какой-нибудь не то фантазийный «Наутилус», не то трагически героический «Курск», не то реально победоносный «Александр Невский».

Чудо!

И это чудо прямо среди войны — войны как раз против него — этого самого чуда, ибо никакого такого чуда всюду уже разумный и весьма уже десакрализованный мир допустить не может, — вот поэтому-то передовой мир первым и сорвался, не выдержал, ополчился против чуда, врёт напрапалую, опорочивая чудо, лишь бы стереть его с лица Земли (не земли, заметим особо, а именно... Земли!).

Вот то досуже болтают, что Китай-де якобы главная угроза для США, их господства и лидерства, то поминают Германию в

окружении ЕС, а выходит-то всё по-другому: главным врагом своим США назначили как раз Россию, только-только поднявшую голову, едва вставшую с колен и только-только заявившую о себе как о великой державе, ну и едва начавшую действовать как великая держава.

Вот и всё!

Ни чуду-де не бывать, ни России, которая для Запада сегодня пострашнее СССР со всем его полумиром будет, — оттого-де и не бывать!

8 (183)

Тут в чести, уважаемые коллеги, метафизис да трансценденция, которые всюю, не будем этого забывать, работают себе и работают.

Или Россия — исторический, а в чём-то и внеисторический, мистически уходящий в иномирье субъект, делающий историю, как и внеисторию тоже, либо России просто нет!

Россия — кладезь смыслов, но не научно-рациональных, а метафизических, или же *метасмыслов*.

А метасмысл на то и метасмысл, чтобы не быть чересчур умными головами быстренько схваченным и ловко заформулированным. Он... есть — и всё! Метасмысл задаётся не реальностью, включая ирреальность, а... заклётой трансценденцией, для которой слово, да ещё и общепринятое, мало чего вообще значит. Метасмысл бессловесен (вроде музыки), и в слове никак не выражается (пусть хотя бы *почти* не выражается).

Слушайте, господа, музыку сфер, может, и метасмыслы кое-какие уловите — впрочем, вряд ли, ибо тут потребен не музыкальный, а метафизический слух, совершенно записным интеллектуалам и не свойственный.

Слышите ли вы, господа, визгливый скрежет рассерженной Америки; заунывный скрип растерянной Европы; застарелое ши-

пенье гоношистой Польши; молодецкий пересвист взбаламученной Украины; боязливый визг прибалтийских соседешек; сдавленные стоны растерзанной Ливии и терзаемого Ближнего Востока; освещённый традицией шелест загадочной Индии; настойчивый и всё более громкий перестук неведомого Китая; озабоченный шёпот раздосадованной Японии; беспечное треньканье подручной Австралии и той же послушной Канады; аритмичный рокот раскачивающейся Африки; нарастающий гул растревоженной Латинской Америки; ну и призывный колокольный перезвон из России?

Нет, конечно, не слышите, а зря, многое бы сразу прояснилось — вплоть до порывов неустанной апокалиптики, любезно прошмыгивающей раз за разом вокруг по Земному шару, не привлекая к себе аналитического внимания и не тревожа большинства из умных-де голов.

А вот Россия слышит — разумеется, не страна как таковая, а лишь её метафизическое ядро — как раз по имени Россия, куда стекается вся от мира информация и откуда выскакивают во весь мир всякие смыслы, конечно же, бессловесные, то бишь — метасмыслы, которыми мир человеческий по сути-то и живёт.

Россия — источник метасмыслов, а вовсе не только странственный пассив да ресурсная кладовая.

Усвоить бы!

9 (184)

Тут же сразу «убийственный вопрос»: «А что может предложить несуразная, помятая и потрёпанная историей Россия всему миру — не в пример России умному, знающему, процветающему?».

Да ничего, в том-то и дело, что... *ни-че-го-шень-ки*, — это вовсе не её ни забота, ни задача, ни претензия, ибо ничего, кроме

проекта «Россия», она предложить не может, да и не хочет, ибо этого не только не мало, но даже и слишком много.

Само присутствие в мире России как России, а вовсе не её в мире лидерство, способно менять мировую ситуацию и изменять сам мир, что вовсе не значит, что к лучшему, но зато к *другому* — вполне и *апокастатическому* (антиапокалиптическому, но лишь в итоге неминуемого апокалипсиса).

Нет, Россия — никакой не идеал, вовсе и не пример, просто это что-то *иное*, в чём есть резерв не просто бытия, а и... *преображения*, как раз того самого — *незнаемого*!

Вера в Россию (сама Россия тут *как вера*) порождает и веру в *иное*, которое непременно сбудется, ибо Россия уже прорывается через свой жуткий апокалиптический кризис, зачерпывая всё более для себя и всего мира *апокатастики*.

У России уже нет иного исхода, кроме как, идя к себе, идти к новому миру, ещё никем и не помысленному.

Вот так: не любо и не дорого, а попросту металогически предопределённо.

Кем? А кто же тогда «созда» сей мир, да и мир ли, а может, что-то совсем другое, — и почему не может случиться чего-нибудь внезапного и несусветного — как раз именно там, где вовсе не царствует обустроенное бытие, а лишь разворачивается необъяснимая теургическая мистерия, бытие-то «правильное» и замещающая?

И разве этим «проклятым местом для несусветных перемен» не является Россия?

P.S. Не стоит при этом забывать и о проклятии, знаете ли... самогó по себе человеческого мира, не так ли?

10 (185)

Без мечты о правильном, добром, любвеобильном мире человеческого миру человеческому никак нельзя. Факт! Хотя фак-

том является и всё противоположное: безумное, злое, нечистое. Да, есть они — правь, добро, любовь, но... не то что их самих мало, а слишком уж тут много «об них» иллюзий. Безумие, зло, нечисть — органичные атрибуты бытия, жизни, сознания. Иного-то почти и нет, а ежели что и есть, то локально, временно, вовсе и не победно. Так «неча» на Россию злонамеренно кивать, ибо в ней всё хотя бы «по правде» — что доброе и светлое, что жуткое и тёмное. Россия — *праведница*, стабильно платящая за себя — как за хорошую, так и за плохую — очень большую и очень жертвенную цену!

Жертвенность России не от желания России жертвовать собой, а от её первичной и базисной *неотмирности*, не находящей возможности подлинной самореализации и вынужденной бытовать в пучине подлой обыденности.

Историческая мистерия России не просто трагична, она, увы, отвратительно трагична, если б не её никак не объяснимый ни обыденно, ни научно сакрально-жертвенный героизм.

Дурная страна, гадкая, гиблая, которая, поидишь ты... *герой!*

Как это понимать? Да никак, ибо понять это невозможно, остаётся лишь это принять — за аксиому.

Несправедливая страна, выступающая, однако, за справедливость и ради этого приносящая себя в жертву. Головоломка тут хитрая или же подлинное отчаяние ума? Скорее — второе. Тут не просто противоречия, а некий излом противоречий — *противоречия самих же противоречий!*

Какая ещё страна жаждет невозможной справедливости, кроме России? Назовите! И сразу же споткнётесь, милостивые государи, ибо нет более такой же страны, как Россия, ибо все они от *этого мира* и только Россия от *мира иного!*

Их принципы — не её принципы: и чтобы понять *это*, потребовались века испытаний, бед, издевательств, падений и три-

умфов, но и трансцендентно-сакральной саморефлексии, вовсе не умственной, а насквозь одухотворённой, как бы и... *никакой*.

Тяжек ход России по лабиринту Бытия-Истории, но при этом и единственно праведен — *не для себя ведь!*

11 (186)

Обратим внимание: только Россия не хочет впасть в приуготовляемый интеллектуальным каинизмом-каннибализмом новый мир, прекрасно сознавая, что и в мире любезной традиции ей тоже уже не жить. Не научно-технический тут потребен переворот, даже не гуманитарная революция — от человека к постчеловеку, а вполне себе *человеческое преобразование*, могущее произойти только через апокалиптику с её страдательным поиском выхода из безвыходного положения.

Апокалиптическое преобразование — не умственный вовсе и не только и не просто духовный процесс, — это, конечно, самый что ни есть трансцендентный процесс, который может произойти там, где... только и может произойти, а где конкретно — вопрос уже не человеческий, а сверхчеловеческий, на который у человека нет ответа, хотя и есть кое-какие вынужденные его ожидания.

Остаётся лишь укромно, хотя вовсе и не скромно, констатировать, что этим местом может (если не должна!) оказаться Россия, — и вовсе не потому, что она лучше или, наоборот, хуже других мест на планете, а потому, что она... *иная!*

Далась ей эта инаковость, господа, но что делать, ежели это так: несусветная задача требует как раз и несусветного местечка, где возможны сначала несусветное варево, а потом и несусветное явление на свет чего-то и впрямь несусветного.

«Советский социализм», который был не социализмом вовсе и тем более советским, а всего лишь удачно-неудачной попыткой особого мироустройства с особым человеком в его лоне и

составе — необходимо-случайная *предтеча* чего-то возможно-невозможного, имманентно ожидаемого и трансцендентно выделяемого, как раз вполне и, как было замечено, несусветного.

12 (187)

Неотмирная Россия как роженица несусветного мира! А кто же тогда тут «папаша»? Да, да — *мир иной*, тот самый, что присутствует в *мире этом* и присутствует вовсе не нейтрально, а вполне и творчески.

За что же России такая честь — то ли высокая, то ли не очень, хотя вовсе и не низкая? Кто знает! Миссий не выбирают, с миссиями либо рождаются, либо сходятся, а иной раз, наверное, ими то ли внезапно награждаются, то ли попросту обременяются. Как именно произошло с Россией, сегодня никто не знает, но главное, что это всё-таки произошло: Россия бытует не для себя, точнее, для себя, но лишь настолько, чтобы бытовать по преимуществу не для себя. Вот откуда и весь бытийно-исторический излом России, как и все её экзистенциальные метания, как и вся её бытийно-историческая полилектика.

А уж сегодняшний, рубежа XX и XXI вв., момент для России не просто нереальный, а и вообще никак в нормальном стиле не вообразимый. Какой фантаст мог бы в своё время расписать то, что произошло и происходит с Россией с того же 1917-го по... э-э... хотя бы 2017 г., а-а? — ежели современники-свидетели, вполне образованные, умные и вроде бы проницательные, ничего во всём происходящем с Россией в России в принципе понять не могут?

Занятно, не правда ли?

А в ту же последнюю четверть векования — что *это* было и есть?

Уход одних «вождей», приход других; то ли попытка «перестройки», то ли дарение «расстройки»; то ли спасительный

«путч», то ли «подпутчевый» переворот; то ли восстание «патриотов», то ли утверждение «космополитов»; то ли сдача страны глобализму, то ли вхождение в «глобальный клуб» чуть ли не на равных; то ли революционная перемена жизнеустройства, то ли всего лишь жадное присвоительное разграбление и наглый делёж страны; то ли конец стране-уродице, то ли её внезапное возрождение; то ли Россия — филиал глобализма, то ли ареал нового мироустройства; то ли мир без России и без себя самого, то ли Россия с собой и со всем миром?

Наконец — *война!*

13 (188)

Стоило вроде бы уже повергнутой глобализмом России заявить о себе *как о России* — самостоятельной, самостоятельной и великодержавной, как тут же передовой, он же Западный, мир, воспользовавшись деяниями России по «украинскому вопросу», не допустившими «мирного» проникновения НАТО на украинскую форпостную территорию, пошёл на весьма радикальную конфронтацию с Россией, — и так уже внушительно обложенной натовской военно-базовой «Анакондой».

На поверхности всё выглядит как очередной раунд междержавной геостратегической борьбы в современном мире, но, хотя это и так, главным мотивом для ведения войны против России является не её великодержавное поведение и не усиление России как геостратегического противника США и Запада, а как раз сам факт бытия России... *как России!*

Россия страшна для внешнего передового контекста не как прямой его противник, конкурент и соперник по имени Россия, а как именно *Россия* — загадочная, непредсказуемая, тёмная, так сказать — «медвежья».

Сколько бы ни европеизировали огнём и мечом Россию, сколько бы ни проникала Россия в Азию, сколько бы ни продви-

гальса Россия в южные от себя окаёмы, всё равно она остаётся Россией, как раз такой, какой её Творец и задумал, во всяком случае — близкой к первосакральному абрису. «Российский ген», он же и код, как бы он ни назывался на протяжении веков, если не тысячелетий, остаётся не только «российским», но ещё и живым, чуть ли сегодня не животрепещущим.

Удивительно, потрясающе, невозможно, но... *факт!*

14 (189)

Современные евроамериканские мозги вряд ли способны осознать, отчего это вдруг явился у великих западников такой *великий страх перед Россией*, а страх сей уже заимел постоянную прописку в обезумливающейся от благополучия и гордыни ЕвроАмерике, хотя нет уже ни застарелого самодержавного царизма, ни амбициозного большевизма, ни могучего СССР с его небольшой соцсистемой, ни даже какой-то исключительной военно-индустриальной, как и научно-экономической, российской мощи. И это ведь не простой психострах, а страх, пардон — *метафизический*, вполне занозисто испытываемый и на вольном шаге никак не объяснимый.

Не великая мощь России, не её необычно радикальные поступки, даже не её правдивое слово страшат ЕвроАмерику, а... не поверите, господа... её... э-э... *сакральная немота*, позволяющая России не только оставаться Россией, но и быть с точки зрения существующих цивилизаций неправильной, странной, непредсказуемой, а главное — вовсе ещё не высказанной, если не выказанной, а отсюда для всех «правильных» по миру и... *страшной!*

И опять же не в текущем поведении России-проказницы тут дело, не в её конкретных деяниях, не в брошенных в мир жгучих словах, хотя и это важно, а в том самом сакральном зерне, затерянном в метафизической почве, как и в сакральной почве с метафизическим зерном, из которого исходит и в лоне которой

растёт бытийно-историческое древо, называемое как-то магически и мистериально *Россией*.

Государство, цивилизация, нация, но... почему-то и не государство, и не цивилизация, и не нация, а так... мерцающий таинственно всеми мыслимыми и немыслимыми огоньками... Э-э... КОНТИНЕНТ, — прямо в Европе, в Евразии, в Азии, в целом зёмном мире.

Да, физически страна сия огромна, обильна, мощна, хоть и, как кажется многим иностранцам и немалому числу местных «критических обозревателей», не эффективная, не организованная, не «упакованная». От этого всем «проницательным комментаторам» не по себе — что тем, что этим. Факт! Но суть-то здесь в том, что *феномен Россия* гораздо «большее», чем собственно *страна Россия*, — и не по степени своего распространения по миру, не по силе проективного влияния на мир, хотя всё это в меру и есть, а по... *ноосферной дымке*, блуждающей то ли пушистым облаком, то ли плотной тучей надо всем миром, его иной раз и прозорливо накрывая.

США со своими верными сателлитами вроде Австралии и Канады вполне истерически брешут, Европа вынужденно и натужно что-то бурчит, Азия глубокомысленно помалкивает, Россия же энергично отбивается, но вовсе не как загнанный за флажок зверь, а как вышедший на поле боя воитель, однако... как бы... мерцающий воитель, переменчивый, несхватываемый, ускользающий, ну и, разумеется, никем досконально не прочитываемый.

Россия приняла большую, вполне и рискованную, геостратегическую игру, — и ведёт её по своим правилам — *по правде*, несмотря на то, что Запад не брезгует и ложью, называемой им скромно и игриво... «информационной войной».

Что ж, правда — на ложь, как и ложь — на правду, — и кто тут кого, в эти-то смутные и фейковые, чуть ли не последние, времена?

15 (190)

Есть такое понятие — *эгрегор*: что-то вроде сопутствующей чему-либо или кому-либо внешней души (некого энерго-информационного сгущения, вроде какого-то невидимого облачка), непременно и взаимодействующей с внутренней душой (связка между неявной трансценденцией и более или менее явной имманенцией). Это только кажется, что сознание — свойство лишь физического организма, нет, совсем нет — это не что иное, как присутствие в организме особого рода *метафизиса*, включая и его *трансцендентность*, да не во всяком организме, а лишь в человеческом (присутствие собственно человека в человеке). Эгрегор тут как связующее звено между сознанием и иным миром, между имманентным и трансцендентным, между индивидом и социумом, между обществом (народом) и всем метафизическим контекстом.

Русскость в той же России — древнейшего, судя хотя бы по русскому языку, происхождения — то ли ещё нерусского (арийского, ведического), то ли уже проторусского, но явно древнейшего. Да, корень русскости как бы и в нерусскости, хотя и... в русскости тоже — в нерусской русскости, или же в русской нерусскости, — всё равно. Так или иначе, но семя (эгрегор) России где-то там — в глубинах и началах бытия-истории.

В ходе же бытия-истории семя это обогащалось, усложнялось, изменялось, но... всегда с сохранением в себе первоосновы (первичной смысловой субстанции). Со временем, пройдя через века ариев, гиперборейцев, скифов, венедов, славян, русов, русичей, скрестившись с угро-финнами и частично с тюркоидами, явились и собственно *русские*, они же *великороссы*, несущие в

себе плоды многовекового антропогенеза и, что важно иметь в виду, эгрегориогенеза тоже, правда, шедшего не совсем тем же путём, что антропогенез. Там, в эгрегориомире, свои ведь порядки-беспорядки, о которых человеку зёмному приходится лишь догадываться.

Однако важно то, что эгрегор на то и эгрегор, чтобы не отпускать подопечного ему феномена, а не только быть с ним на связи, но и хранить его, удерживая и взбадривая.

России довелось всякое переживать, стоя иной раз и на краю небытийной бездны, а то и попросту чуть ли не прощаясь с собою как с Россией (рюриковщина, византийщина, ордынщина, неметчина, большевизм, евронашествие, глобальщина, не говоря о своих родненьких смутах, реформах и революциях), но... Россия, иной раз и каким-то невероятным чудом, вдруг всплывала из было захватившей её нави — то явно Россией, то псевдоРоссией, но всё-таки всплывала, являлась, пусть иной раз и в не очень-то своём образе, ещё и «нелегально».

Россия — большой, не слишком ловко управляемый, но зато при этом и непотопляемый, *ковчег* — ковчег своего же собственного спасения.

16 (191)

Россия — *заколдованная страна*. Факт! Когда и кем — вопрос, но... явно заколдованная, что и было давно замечено её безымянными мудрецами (теми же волхвами).

Наверное, когда-то произошло какое-то большое предательство — измена то ли самой себе, то ли своему эгрегору, то ли своему предназначению, то ли сакральному проекту, правда, не безнадежная относительно себя и трансценденции измена, ибо России давно бы уже не было на карте мира вместе со всеми своими-несвоими мирового значения экспериментами.

Шутка ли: антивизантийское когда-то славянство, русское православие, российский империум, антибонапартизм, нероссийский социал-коммунизм, победный антиеврофашизм, внезапный термояд, невообразимый прыжок в космос, а теперь вот и непокорный антиглобализм! Всего тут хватает и хватает, увы, помногу, а главное — никак не объяснимое просто так уцелевание самой по себе *русскости*.

А сегодня, по итогам, с одной стороны, глобалического переворота и антирусского выворота 1990-х, а с другой — антиглобалического разворота и пророссийского (прорусского тоже) выворота, русскость вышла в нынешней России на передний план, придав Российской Федерации значение именно РОССИИ — уже по сути, а не только по названию, выведя уже и саму РОССИЮ на передний план — что внутринациональный, что международный, что мировой.

Здорово! Антирусская во всех отношениях революция («Метили в СССР, а попали в Россию». — *В. Максимов*) вдруг венчается пророссийской антиреволюцией («Метили в Россию, а попали в... РОССИЮ!». — *Автор сих записок*). Как всё-таки бытие-история — насквозь магическое и мистериальное — способно *выворачивать вывернутое*, при этом неожиданно и внезапно, хотя, надо заметить, ещё в тяжком 1994 г. вышла работа автора сих тетрадей «РОССИЙСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ», где Россия не только не отвергалась, а вовсе как раз, по наитию автора, утверждалась!

Нет, господа обыденцы, не ждите от воскресения России в России никакого жирного для себя благополучия — вам, как бы вы ни изворачивались во чреве своей завозной псевдокультуры, всё равно будет не по себе, — Россия вообще не для безумного комфорта, хотя и не для комфортного безумства тоже, она, увы, — для *некомфортного безумства*, через посредство которо-

го и вылупится в конце концов что-то совершенно ныне невысказанное.

А разве можно в сем невысказанном мире помыслить что-нибудь высказанное, а-а?

П (192)

А теперь о сегодняшней России.

Что о ней сказать, кроме как выказать очередное недоумение?

Что это за страна? Побывала в «восьмёрке», но не «осмёркалась», так и не став «семёрочной шестёркой». Была изгнана из «восьмёрки», вновь ставшей «Семёркой», однако, по уходу от неё России, как-то вдруг и сдувшейся.

Уход от «семёрки» усилил евразийство России, она увереннее двинулась в сторону Востока, хотя и не на Восток, тем более — не в Восток: Россия приблизилась к Востоку, но не «овосточилась».

Бог хранит Россию в России, а София держит Россию за Россию!

Итак: Россия сегодня всё-таки Россия, причём новая Россия, ищущая какой-то и новый свой исторический образ.

Да, усилилось магическое себя припоминание, на когнитивно-спиритуальную арену вновь вышло русское самосознание, по-новому заговорила история, в русские глаза заглянуло историческое бессмертие, а сами русские взглянули вдруг пристальнее в историческое зеркало, как ужаснувшись от увиденного там, так и увиденным там весьма восхитившись, вдруг наполнившись уже подзабытой бытийной отвагой.

Отвыли или отвывают антирусские голоса, замолкли или замолкают антироссийские песнопения, что не мешает за границе и нутрянной антиРоссии яростно клясть и проклинать Россию вкупе с её никудышным-де народцем. Всё это так, но при этом и со-

всем уже по-другому: поднимается обновляющийся русско-российский мир, далеко превосходящий фиксированные границы и видимые просторы России.

Навстречу, конечно, злобный вой — культурных, образованных, цивилизованных, высокоразвитых, передовых, прогрессивных... нет, не народов и наций, а элитарных каннибалов, ведомых мировой (глобальной) закулисой, давно уже кое-что *этакое* — непристойное-де и опасное — узревшей в непокорной России.

Чего-чего, а супротивника своего закулиса видит всегда хорошо, правда, не вся закулиса, а как раз самая закулисная её часть — *верховенская!*

Ах, эта Россия — обернулась вдруг самой собою и давай себе строить саму себя, учитывая вовсю и мировой контекст, но ему при этом не только не поклоняясь, но и самозабвенно противостоя!

Очаг иномирья, вываривающий новомирье — вот тебе и Россия!

18 (193)

Где ещё есть такой очаг, ничего хорошего никому не обещающий, как когда-то большевистский, но явно вываривающий что-то *иное*, не совсем и здешнее — не евроамериканское, не китайское, не индийское, не мусульманское, даже и не христианское в его затверженном виде, но что особенно поразительно — не очень-то и... российское, ибо... всё-таки... *иное*, однако из российского, а не какого-либо другого «материала»? Какая ещё страна осмелится на *такое*, кроме странно-несуразной, кровоточащей, беспечной России, почему-то и для чего-то неожиданно поднимающей себя за волосы из трясины уродливой мирообыденности — как раз *постмодерновой?*

И не от ума как такового это всё делает Россия, скорее — от отвлечённого *без-умия*, от зашедшейся в гнев и отчаянии души, от своего неотмирного предназначения, от упрямого в своём нутре корневого сакрального проекта.

Россия участвует, как и весь мир, в реализации Великого Проекта (наука, техника, атом, электроника, космос, нанотехнологии, информатика, генетика, биотехника и т. д.), но при этом она ведь и сама себе Проект, может, в чём-то и альтернативный на данном этапе бытия-истории самому Великому Проекту, — не потому ли главный на сегодня носитель и исполнитель Великого Проекта — ЕвроАмерика — почти что инстинктивно не то что недолюбливает Россию, а стремится её попросту уничтожить.

Не великая ли коррекция Великого Проекта ожидается от реализации проекта под кодовым названием «РОССИЯ», а-а?

Вот уж сюрприз, так сюрприз!

Для всего мира, не то что для ЕвроАмерики, так и не могущей понять, что что-то *этакое* уже происходит вне ЕвроАмерики, прямо в местах бывшего СССР, в России, вроде бы только что поверженной и чуть ли не навечно коленапоклонённой.

Э-э, чтобы *это* понять, надо по-иному посмотреть на мир, на бытие-историю, на итоги разных войн и революций, на упорную выживаемость древних цивилизаций, на неустранимость той же России, наконец, на воистину безумные деяния ЕвроАмерики в эпоху её полного, казалось бы, доминирования на планете, на весь постмодерновый мусор, навалившийся ядовитым бременем на человечество, и т. д. и т. п. Но кто же это может сделать — из властей-то постмодерновых, кто? Верно, дружище... *никто!*

19 (194)

Тут надо бы всем нам — гражданам Российской Федерации — вариться и вывариваться в российском экзистенциальном котле, вбирая в себя всё прошлое и настоящее из всего россий-

ского; страдая вместе с Россией; живя Россией, безотчётно любя её и незлобиво поругивая; прозревая Россию, её устремлённость в будущее, а главное — почувствовать, увидеть и осознать иномирность Руси-России, как и возможный её вырыв в заповедь — в сторону, что от Запада, что от Востока — во что-то *иное*.

Не надо привязывать Россию к чему-либо или кому-либо, её надо увязывать лишь с самою собою, не отрицая при этом ни внешних влияний, ни даже заимствований — что насильственных, что добровольных.

Не Европа она вовсе — эта загадочная Россия, и не Азия, даже и не придуманная умными доброхотами «Евразия», как не была никогда ни Норманией, ни Византией, ни Ордой — Россия — это Россия, а потому уж коли вышла она вновь из нави, зашевелилась, зарделась и движется вперёд, то не ради же прошлого обывательского благополучия, ей в основе и не свойственного, хоть многие из россиян к таковому упорно тянутся, его даже обретают, а для чего-то всё-таки высокого, масштабного, великого, может, и не такого уж светлого и приятного, совсем и не лёгкого, но зато... *иного!*

Загадочная Россия может порождать лишь загадки, но зато *какие* по мощи загадки, сам чёрт голову над ними сломит!

И не надо так уж разгадывать неразгадываемое, ибо разгадать себя и своё будущее может только сама Россия, реализуя себя как трансцендентный замысел самой же себя.

Тайна, она и есть тайна, что на неё покушаться, — лучше верить России и в Россию, полагая Россию и своей главной верой.

Великая русская неизвестность!

Однако это не значит, что не надо ничего делать в пользу России и её загадочного предназначения, наоборот, делать надо, но при этом... *слушая и слыша Россию*, не пренебрегая и выслу-

шиванием контекста — что любезного России, что ей враждебного, что для неё и целебного.

20 (195)

Хорошо сказать, да трудно сделать! Вот поэтому-то и не надо умозрительно проектировать никакой России, а нужно лишь действовать, держа курс на Россию: Россия сама себя найдёт и вытащит!

Что сейчас происходит в России и с Россией в наибольшем приближении к реальности?

Ясно, что образуется *Новая Россия*, но вот *какая*?

Да, новизна перемешивается тут с традицией; современная неРоссия, идущая в основном извне, смешивается с Россией, сидящей внутри России; рождается и что-то органически новое, обязанное самопревращению России.

Складывается новая иерархия; явились новые управители, они же «владельцы», «хозяева», «элита»; образуется новый народ — мобильный, яростный, целеустремлённый; отходят в социальное (и асоциальное тоже) небытие «неудачники»; формируется надстроечная *Сеть*, опутывающая социум, человека, бытие; возникает новое сознание с ясно выраженными искусственным флёром и техногенной подставой.

Возрождаются *государственность* как стержневая основа *российской цивилизации*, а вместе с этим и *соборность* как, пусть и не совсем принудительное, но немало всё-таки вынужденное, единение властей, элит, народов, всего российского населения.

Всё громче заявляет о себе *имперскость* — как неотъемлемое качество российского социума и российского сознания, однако имперскость, направленная внутрь страны, а не за её пределы (как свойство внутренней для страны организации — централизованной, директивной, дисциплинарной, хотя вовсе уже не

тоталитарной, не жёсткой, не крепостнической, как это весьма отчётливо бывало в бытии России и в том же СССР).

Да, хорошо знакомая по российской истории... *ордынщина*, она же и *армейщина*, но в ином уже выражении и виде, не исключаящих ни самоуправления территорий, общин и институтов, ни личной активности граждан, ни гражданских, политических и экономических свобод, ни того, что называется повсюду демократией, ни вообще любой житейской мобильности.

Новизна перемешивается с традицией, выдавая на-гора *Новую Россию*.

Факт!

21 (196)

В итоге четвертьвекового перепахивания, передёргивания и передельвания страны с 1985 по 2010 г., осуществлённых сверху советско-российским государством, Россия стала страной экономизированной, однеженной, отоваренной, офинансированной, но в то же время и неоиндустриальной, компьютеризованной, информатизированной, овиртуализованной, сетевой.

Стала страна и глобализованной — в аспекте вхождения в глобальное жизнеотправительное пространство и обретения совсем не слабой зависимости от этого последнего, включая и действующий в нём глобальный центр.

Россия ныне — открытая всем глобальным ветрам страна, что заставляет не только алкать конкурентоспособности, не только защищаться от вредных влияний извне, но и вырабатывать способы независимого стояния, суверенного поведения и приемлемого для себя развития в условиях общей открытости, всеобщего конкурентного противоборства и агрессивного внешнего давления.

Россия всему потребному для себя не без усердия учится и, надо заметить, многому за четверть века уже научилась.

Да — заимствование, да — освоение внешнего опыта, да — подражание, но при этом и собственная смекалка, черпающая смыслы и поведенческие алгоритмы в эгрегоре России, в её историческом наследии, в её чудесном умении выживать, возрождаться и одерживать победы... *над самую собой!*

И что же?

Как государство наше отечественное осуществило по случаю большой социохозяйственный переворот в стране, так оно же и занимается, уже по необходимости, строительством новой России, не подавляя насовсем разные локальные инициативы, которых великое множество, но их всё-таки немало и корректируя.

Имперский дирижизм был, есть и будет в России, разумеется, меняющийся, сбрасывающий с себя что-нибудь одно, хотя бы тот же милитаризм, и обретая что-то другое — ту же толерантность, прямо как добрый-недобрый Змей Горыныч, охотно меняющий не только свою шкуру, но и свои бессмертные головы.

Самый надёжный и решающий социо-культурно-институциональный резерв России — *империум!*

Имперская революция 1990-х замещается ныне имперским строительством новой имперской страны, непременно предвляемым *имперской же антиреволюцией.*

Вот так!

22 (197)

Ничего не понять в России, не приняв во внимание её *органической империальности.* Интересно, не правда ли? Как же не хочется многим умникам этого признавать, лишь очень хочется это осуждать или вообще отрицать, а ведь от империума своего России никуда не деться.

Нет, в сегодняшней России вовсе не благоденствие, наоборот, в ней хватает всякого негатива, который похлеще той же коррупции будет, к примеру — империальный (не имперский!)

административно-финансовый деспотизм, замешанный на *вольном произволе* любых властей предержавших. Что делать, ежели дрянная революция только что случилась, а с ней смена собственности и собственников, накопление частных богатств и капиталов, большое частное присвоение, вполне и нагло-преступное, как раз всего нажитого всей страной. Вот поэтому-то и случилась сия революция в обнимку с другой революцией — *аморально-криминальной* — верной спутницей любого разбойного социохозяйственного переворота. Выворот, он и есть выворот, а где зверский выворот, там и преисподняя тут как тут — налицо!

А что сейчас, уже в 2010-е гг.?

Вышеобозначенный деспотизм никуда, конечно, не делся, да и вряд ли куда-то просто так денется, но он как бы подвинулся, уступив некоторое место социо-институциональной, вполне, конечно, империальной... э-э... *соборности*, что звучит сейчас крайне странно, но от этого не становится менее фактическим.

Да, кое-какая позитивная пропаганда имеет место; да, кое-какие позитивные действия властей имеют место на социально-культурном фронте; да, есть кое-какое обращение к позитивному историческому наследию, к той же славной Великой Победе.

Однако дело более всего в том, что имперская Россия не может просто не быть консолидированной на общих национальных ценностях и глубинных мотивах бытия, как и на своих стратегических целях.

Или консолидация вокруг имперского центра в рамках общеимперского порядка, или же ни о какой самостоятельной и самодвижущейся России и думать нечего!

Империи в России альтернативы нет!

Напомним: империальная, может, по явленности и квази-, если не псевдоимпериальная, революция (1980—2000) — такого же рода антиреволюция (не контрреволюция вовсе с возвратом к прошлому, а именно антиреволюция) — затем новое имперское

строительство, или же строительство новой империи, кому что больше нравится.

Понять бы, да и усвоить!

23 (198)

Рассуждения о конце эпохи империй — либо глупые, либо лживые, много тут не дано, при наличии-то мироимпериальных США, полумироимпериального ЕС, испокон века империальных Китая и Индии, квазиимпериальной Бразилии, недоимпериальных Ирана, Саудовской Аравии и Турции, постимпериальных, хотя и более всего на словах, Великобритании, Франции, Германии, ну и той же совершенно империальной России.

И какой же современный или даже грядущий впереди планетарный мир можно представить себе без той же сегодняшней евроамериканской (западной) империи, как и ряда локальных империй при возникающей в мире так называемой многополярности?

Да никакой!

Отсюда в имперскости России нет ничего особенного, хотя сама империя по имени «Россия» весьма и особенна.

Да, много чего нехорошего, даже и плохого, имеется в современной России, но при этом немало и позитивного — жизнеспособного и жизнеутверждающего, чему Россия обязана как раз своей... — *имперскости*, дающей возможность России и её населению вообще быть, иметь настоящее и будущее, держаться прошлого, хранить самобытность и творить свою собственную незаурядную экзистенцию.

Россия как Россия особенна, она неотмирна, загадочна и сокровенна, но является она Россией только потому, что по устройству своему она — *империя*!

И народ в России, в особенности русский — народ имперский, царский, соборный, служивый.

Империя — экзистенциальный образ России, её геостратегическая ноша, но и сакральный ковчег, в котором России, может, и не очень уютно, но зато жизнепособительно.

А ковчег, он на то и ковчег, чтобы ценить его, любить и защищать — на подступах к нему тоже, особенно ежели враг уже «при дверях».

24 (199)

Ковчег сей на Земле, но он и в космосе, мало того, он ещё и в Иномирье!

Это, безусловно, страновый, физический, географический ковчег со своими геограницами, пространством, ресурсами, но более всего это ковчег метафизический, ноосферный, эгрегоровый, — потому и уходящий в иномирные дали.

С каждым часом растёт в России понимание, пусть по преимуществу и интуитивное, что Россия — страна спасения, выживания и возможного в будущем бытия, пусть и не самого благополучного, но... *бытия*, а не прозябания, во всяком случае для людей, стремящихся остаться именно людьми, как это не становится ныне остро проблематичным.

Россия — спасение, однако лишь Россия... *имперская* — стойкая, оборонная, сильная. Деньги заполонили Россию, чуть ли её не поглотили, но... не смогли одолеть российского империума — принципиально неденежного, надденежного, противоденежного. Деньгами Россию ни удержать, ни укрепить, ни двинуть вперёд. Империя Россия — *метаимперия*, для которой не имперскость важна как таковая, а то несусветное, что даёт и может только дать империя, причём империя как раз неденежная.

Империя в России — выше денег, как и выше обыденного благополучия!

Это империя, решающая имперски... неимперские задачи, среди которых человек, социум, культура, цивилизация, бытие вообще, включая Землю и космос.

Человечество, ведомое повсю-де прогрессивным однеженным Западом в техноинформационные кущи (сети), находится ныне на судьбоносном, вполне и роковом, переломе: быть или не быть? ЕвроАмерика-то вполне себе уже сошла с ума, коль грезит о «либерал»-тоталитаризме с большой термоядерной войной. Это «схождение с ума» — неизбежная плата за мироимпериальную гордыню, как раз от чего вынужденно, сам того не очень-то и сознавая, отпрянул СССР, уступив честь окончательно сойти с ума самодовольной ЕвроАмерике.

Нынешняя Россия, вдоволь зацепив постмодернового безумия в славные 1990-е, уже на пути излечения от сего сквернейшего недуга, — и у неё есть шанс чудесным образом избавиться от сей задачи сполна.

25 (200)

Откуда сия уверенность?

От реальности, её особого видения и понимания.

Россия, этот вполне целостный остаток от СССР, впала в итоге гибели «СССР-эпохи» в такой по силе апокалиптический кризис, из которого, казалось бы, нет вообще никакого выхода, кроме... э-э... смертельного. Но... оборонный щит помог отбить желание по-колониальному завладеть Россией, а внутренняя «творцовская» сила («Русский орден») нашла возможность выдернуть Россию из смертогенного капкана, заменив в стране управляющую верхушку — с «чёрной» на «серую» (ещё не «белую»), и впрыснув в российское жизненное пространство энергию стабилизации и возрождения.

Сей внезапный и скорый отскок от погибельного падения страны в бездну и совершенно невозможный на пошлый взгляд

переход к её стабилизации и подъёму — большой исторический казус, даруемый свыше не то что избранным, но прямо-таки... *отменным!*

В каком же смысле?

А как раз... *иного*, того самого, чего не было, нет и не будет, но к чему нужно непременно стремиться, — укрепляясь, раздумывая, перестраиваясь, изменяясь.

Не в правильно выбранной или даже удачно сочинённой доктрине тут дело, а в стремлении к *иному*, в осознании сего стремления и ему следовании.

Не какое-то *придуманное нечто* тут в приоритете, а кое-какое *непридуманное ничто*, что как разидаёт возможность неплохо продумываемой, но при этом и весьма свободной импровизации.

Для России достаточно... *России*, разумеется, *имперской* — со свободой в умах, душевной верой в себя и с мечом в руках.

Вопрос вызывает прежде всего эта самая «свобода в умах» — как это понимать?

А вот так и понимать: своим умом жить, это, во-первых; наследием своим духовно-интеллектуальным не пренебрегать, это, во-вторых; созидать новое представление обо всём на свете, ориентируясь не столько на себя грешных, сколько на Софию Премудрость Божию, это, в-третьих.

Не самая тут простая задача, очень даже трудная, почти и невозможная, но, во-первых, неизбежная, во-вторых, всё-таки решаемая. Почему же решаемая? Во-первых, чего только ни решала Россия, оказываясь на краю бытия, а во-вторых, сегодня тоже ведь край, быть может, самый уже и крайний: «*Быть или не быть, а если быть, то с чем же, каким быть самим и какой же быть России?*»).

Тетрадь гевата

1 (201)

Пришло время России решать, и решать вполне самостоятельно: тут уж ни Запад, ни Восток, ни Юг ничему такому ей не подсказчики, разве лишь невольные, своевольные и недовольные подталкиватели России к... России. Знать надо досконально всех, вполне благовидных и не слишком при этом благонамеренных относительно России «партнёров», их солнечные улыбки, многозначительные взгляды, умильные укольные выпады и хитроумные «тайные плетения», учитывать всё это надо, кое-чему даже и учиться, но решать-то надо самой России, её элите — как раз новым «лучшим людям», которыми вовсе не пруд пруди, но какие всё-таки в России *есть*, кстати, судя по патриотическому развороту 2010-х, вполне и способны кое-что очень важное и нужное для России решать и делать.

Нужно непременно поквитаться с уютно засевшими в образованных мозгах истинными-де гуманитарными познаниями, как правило, западного происхождения: о человеке, сознании, социуме, хозяйстве, культуре, цивилизации, истории, экономике — мало ли ещё о чём ныне актуальном и всюю онтологически вибрирующем. Уход в 1990-е гг. с отечественной духовно-идеологической арены заимствованного у Европы марксизма хоть и освободил национальное размыслительное поле, но более всего лишь для намеренного рассеивания по нему уже подёрнутых тленом, хотя и вроде бы новейших, опять же западных, идейных ус-

тановок и конструкций, но менее всего обусловил собственное гуманитарное идеотворчество. Даже открытое для свободного освоения национальное (почвенное, родное, отечественное) наследие не вызвало необходимого творческого интеллект-накала и пламенного созидательного сполоха в сознании изрядно растерявшихся учёных современников.

Однако кое-какие прорывы всё-таки случились, ибо российское когнитивное поле столь обширно и неоднородно, что в нём находит своё законно-незаконное место всякое, в том числе и вполне, знаете ли, национальное (почвенное, родное, отечественное).

Этого совсем не ожидали творцы и адепты глобалической революции, очень надеясь на окончательное забвение в России *своего* — российского, как раз для России того самого, чем и живёт обычно всякое самобытное, суверенное, да ещё и идущее своей собственной дорогой общество.

И опять разгорелось противостояние между прогрессивными-де «загранишниками» и заскоружлыми-де «почвенниками», опять восстало поклонение «западников» перед «цивилизованным Западом», сопровождаемое необузданной хулой на «дикое отечество», опять пошла борьба новых «русофилов» за самих себя, за Россию, за новые вообще мировидение и мировоззрение. И ежели у первых ничего, кроме жалкого подражательства, не вышло и не выходит, то у вторых кое-что всё-таки получилось и получается — *новое отечественное мирового уровня и масштаба мыслиизъявление*.

2 (202)

Россия — страна чудес! Вместе с чудесным уцелеванием от разгрома, устроенного алчными «девяностниками» и новым всплытием России из внеисторической Нави, поднялась чудесным образом и *русская мысль*, неожиданно выпорхнув из глубин

нарочито устроенного, вполне и злостного, а может, и сокровенно-спасительного забытья.

Да, да, именно *русская мысль*, уже немало и остро выраженная в России окрест рубежа XIX и XX вв., продолженная в вынужденной эмиграции за рубежом и совсем чуть-чуть во внутренней принудительной резервации и вновь вернувшаяся в историческую явь и на родину — нет, не триумфально вовсе, но всё-таки... весьма *утвердительно!*

Чудо!

Да, именно чудо, ибо вернулась и утвердилась в разгар агрессивного нашествия мертвящей западной мысли, как и вкрадчивого проникновения, пусть и весьма глубокомысленной, выверенной в веках, но тоже не слишком оживлявшей русское сознание, восточной мысли, а точнее — западного *недо*-смысла (мысли без смысла) и восточного *пере*-смысла (смысла без мысли).

Вернулась и утвердилась как прежде всего *русская софийная мысль*, истоки которой (*sic!*) вовсе не только в античной и христианской мысли, а и в русском архетипическом сознании, восходящем к воистину седой древности и когда-то культивировавшемуся проторусскому волхвианству.

Откуда же сия уверенность, если почти никаких, кроме сказок и былин, достоверных источников у отечества нашего как будто бы нет? А прямо из архетипической памяти, из припоминания и осознания русскости в её древнем истечении из первокладезя, по преимуществу истечении устном и даже бессловесном.

Припоминание и переосознание самих себя, истечение себя из самих же себя, явление себя в себе!

Любопытно, не правда ли?

Истечение оттуда — из глубины, из дали, из выси, как истечение самой *первочеловечности*, как раз и совпадавшей с сакральной проторусскостью, истечение, сошедшее с воспроиз-

ведением русскости в России на стыке XIX и XX вв., затем с удержанием русскости в ходе уже XX в., в основном в подполье и за рубежом — под гнётом и в изгнании, а также с внезапным выплеском русскости на рубеже XX и XXI вв. — уже после ухода СССР с его монопольным марксизмом и возвратом России в историческую явь — *к самой себе!*

3 (203)

Русскость — не собственно этнический феномен, хотя он и тесно связан с русским этносом, это феномен *духовный*, и истоки его где-то там — в первозданности. Неверно увязывать русскость лишь с православностью в её христианском зачине, ибо русскость (как проторусскость) древнее христианства, а само российское православие — как бы обрусевшее христианство, несмотря на всю его внешнюю приверженность христианской ортодоксии. Разумеется, нынешняя русскость весьма оправавлена — спору нет, — но она в какой-то мере и осоциализменна — и тут тоже спорить не о чем. Ничто в истории не проходит бесследно, и нынешняя русская духовность (русский дух) несёт на себе вполне явственные исторические печати, не исключая и такой из них, как петровско-имперское крепостничество (рабство).

Дух — это вовсе не пустота и не явление эмоционального переживания, это — *субстанция*, полная всяческой — осознаваемой и неосознанной, считываемой и бессловесной, являющейся и потаённой — информации, откуда-то приходящей, сохраняющейся, накапливающейся, хотя при этом и уходящей куда-то вглубь, в хранилище с потаённым входом-выходом, в некий таинственный лабиринт.

Вытащить сию информацию на божий свет совсем не просто, она даётся лишь единицам, как раз и избираемым Софией, им отчего-то доверяющей. Хотя сам по себе *русский дух* — неременная принадлежность русского человека, русского народа,

русского мира, однако более всего как не очень-то субъективно осознаваемая, достаточно представляемая и органично воспринимаемая.

Тут работают интуиция, поведенческая традиция, незабвенное русское «авось», ну и родной язык, вековые предания, те же литература с искусством, вся окружающая русича обыденность.

Самосознание на то и «*са́мо*», чтобы *само́* являться в сознании — как отдельных особей, так и народа в целом.

Архетипическое достояние, оно же и сокровище, и тяжкая ноша, и даже за что-то кара, и для чего-то при этом спасение — серьёзная вещь (от вести), консервативная, вязкая, упрямая — ничем её не выбить — ни Европой, ни Азией, ни даже ушедшей в вечность Византией. И когда надо, достояние сие даёт о себе знать, причём не только обыденным, что понятно, но и вполне исключительным образом (Посошков, Ломоносов, Карамзин, Пушкин, Тютчев, Аксаков, Киреевский, Хомяков, Самарин, С. Соловьёв, Ключевский, Погодин, Толстой, Достоевский, Бунин, В. Соловьёв, Менделеев, Данилевский, К. Леонтьев, Розанов, С. Булгаков, Бердяев, С. и Е. Трубецкие, Флоренский, И. Ильин, Рахманинов, Прокофьев, Свиридов, Суриков, Репин, Верещагин, Серов, Нестеров, Корин, Пластов, Глазунов, Шолохов, Твардовский В. Распутин, Рыбаков, Лихачёв, Аверинцев, Проханов, Н. Михалков, Бурляев, кто тут ещё... из загадочного «*Русского Ордена*»?)

4 (204)

О-о, их много — русских гениев, на весь мир хватает — разных, сложных, непредсказуемых! Это ведь ещё мы не отметили царей, полководцев, учёных, инженеров, врачей, педагогов, священников, которых тоже ведь хватает в русском мире, который не мирок вовсе, а огромный, необъятный, разнообразный,

многоликий *мир* — этакий *мирище*, а не просто место обитания, страна, территория, планетарный околоток.

Русский мир уходит в седую древность, возможно, будучи ещё проторусским, он немало мигрировал как с Юга на Север, так и с Севера на Юг, во всяком случае, это мир, вобравший в себя очень и очень многое, о чём свидетельствуют явно древний русский язык да глухие, но много чего говорящие предания.

На большую цивилизацию сей мир вышел не сразу — через века, может, тысячелетия, а вот на культуру — давно, очень давно, и хранит её, удерживает в сознании, пользуется ею, оной же и бредит.

Да — глухая древность, да — позабывания, да — предательства, да — чужебесие, да — ликвидации, да — трансформации и перевороты, да — изоляции, да — погружения в навь, но мир русский есть, есть русский язык, есть русская культура, есть и русская цивилизация, которые живут, бытуют, редко когда воистину здравствуя и благоденствуя, но всегда остаются безотчётно себе преданными.

Семя и древо от семени! Семя русское, будучи ещё проторусским, давно уже в зёмной почве, и древо от семени давно уже растёт, испытывая трудности, покушения, жажду, подвергаясь отсечениям и прививкам, меняя облик, плодонося то сладкими, то горькими плодами, а то и засыхая, не производя никаких плодов, чтобы, пережив очередное ненастье, снова набрать живительную силу, пугая и маня конкурентов, хищников, врагов, но и привлекая друзей, содумцев и сопутников, окормляя страждущих, опекая обессиленных, спасая гонимых.

Русская цивилизация — есть ли она? Вроде бы есть, но её будто бы и нет, ибо реализуется она пока под неустанным наволоком иных цивилизаций, достаточно и антирусских. Варяжская недоцивилизация; византийская перезрелая цивилизация, угасшая было, но на Руси вдруг воскресшая; ордынская полуцивилизация,

Русь искажившая, ну и подражательная петропроевропейская, сталинская, а теперь вот и глобалическая. Становление действительно *русской цивилизации* — в облике *новоимперской российской* — ещё впереди, а пока на повестке дня невозвратный выход России в историческую явь, ею себя осознание, себя же и обретение.

5 (205)

Откуда такая *само-уверенность*?

А ниоткуда, как раз оттуда, где сплошная трансцендентность. Фактов-де нет, но зачем же тогда Россия с её нынешним выходом из нави?

Да, революция 1990-х преследовала свои корыстные цели — захват России, её богатств, что поначалу и случилось, но любая революция всегда приводит к иным результатам, ею вовсе не предусмотренным. И вот таким вполне незаконнорожденным результатом стало никем не ожидавшееся... *возрождение России*, разумеется, с пошаговым обретением ею какого-то нового исторического облика.

Дело в том, что революция открывает шлюзы, а вот какому же кораблику будущего по ним пройти, решает уже не революция, даже не контрреволюция, а... *неизвестность* — *работающая трансценденция*.

Вообще смысл революции — не в революции как таковой, не в её замыслах и интенциях, а в удалённых во времени *нереволуционных* последствиях, свершающихся уже более всего вопреки свершившейся революции.

Россия ещё не одолела последствий последней революции, её внезапно постигшей, но она их шаг за шагом преодолевает.

Почему же? А что, пардон, может быть в России, кроме... самой России? Америка? Европа?

Ну уж нет: чему не бывать, так это Америке с Европой, уже купающихся в корчах своих собственных апокалиптических кризисов, ибо для них уже настало именно *такое* время, подошла и их историческая очередь вынужденного самоотрицания.

Сначала СССР пал, потом затрещала единая-де Европа, подавившаяся неоевропейцами, а теперь вот зашаталась и давящаяся от самой себя Америка.

Трамп, что означает «козырь», как раз выращенный Америкой, — непосредственно кризисный президент США, причём вовсе не как когда-то Ф. Рузвельт, ставший как раз антикризисным президентом (реально эффективным топ-менеджером Америки), а совсем уже другой — *карнавально-безысходный!*

Америку поджидает катастрофа, которую почувял Трамп, но с которой ему и Америке уже не справиться.

Разлом, распад, дребезги!

Скажите, что... — нет, это невозможно, Америка-де сильна, деловита и всё ещё удачлива, но разве метафизическая история будет вас, уважаемые учёные обозреватели, со вниманием слушать?

История не ориентируется ни на сентименты, ни на «квалифицированные оценки, прогнозы и рекомендации», ни даже на редкостные предсказания ясновидящих: историческое дело — дело самой истории, которая мало того, что уже совершила самое невероятное — выбрала президентом США эксцентричного и непредсказуемого Трампа, но и которая в США и в мире уже скрыто состоялась, о чём «сведущие люди» просто не знают и о чём даже не подозревают.

Бог в помощь Трампу, но... чем же США удачливее той же Украины?

Постмодерновая чума ни с кем и ни с чем не считается!

6 (206)

Фактические данные в наблюдательные умы ещё не влезли, но события уже свершились — как метафизические протособытия, — благодаря виртуально-творческой потенции самой истории. Исключительно важный момент — момент опережения метафизической ирреальностью феноменальной реальности: ничего вроде бы ещё нет, но *оно* уже есть!

Обратим внимание на это «*оно*», которое есть некая *пред*-реальность, опережающая текущую реальность, в которой уже всё реальное — будущее реальное — парадоксальным образом заключено. Будущее здесь как бы впереди настоящего, а не за ним, как это принято в фактической реальности, но это впереди не во времени вовсе, а лишь во вневременном ходе становления.

Метафизис, о котором речь, вовсе не физис, о котором у нас тоже идёт речь.

Трамп и его явление — не причины будущей реальности, а её — будущей реальности — следствия. Кажется, что всё, что впереди ожидаемо — всего лишь на текущий момент неизвестное, но нет — *оно* уже бывает известно, и *оно* уже оказывается в прошлом, будучи неизвестным лишь для неизвестной (пока) фактической истории.

Гегелевская тут прямо-таки чехарда, но ничего не поделать, ибо это чехарда не Гегеля, а самой нереальной реальности.

Фактические события, как и вообще вся феноменальность, коренятся в ноуменальной криптореальности, — и не как события, не как феномены, а как что-то совсем другое — как лишь бесшумные клики событий и невидимые блики феноменов.

Бытие-история — что айсберг, у которого видимое феноменальное есть его верхняя надводная часть, а скрытая подводная — ноуменальная. И именно подводная часть иррационально видит весь айсберг, а не верхняя, которая ничего из главного по-

просту не замечает. Так и в бытии-истории есть то, что движет, и то, что лишь движется. Предопределение идёт снизу, из глубины, а определение вершится наверху, на поверхности.

Такое суждение совсем не понравится по-университетски отшлифованному уму, но здесь уж сему учёному уму ничем помочь нельзя — остаётся лишь одно — обойти его стороной, не входя с ним в конфронтацию и не пытаясь обрести с ним единение.

7 (207)

Кажется, что передовой человек-демиург вполне уже овладел бытием-историей и им (ею) настолько управляет, опираясь на информатику и кибернетику, на «умный» технос, что вопрос о самоопределении бытия-истории из своей глубины чуть ли попросту не отпал, а представление о таком самоопределении уже попало в разряд анахронизмов.

Действительно, возможности управления радикально виртуализированным миром воистину огромны — настолько велики, что уже не оставляют места ничему собственно живому — для того же самоуправления.

Информационный мир — не шутки, это вовсе не мир, пронизанный адекватной ему информацией, ему же и подчинённой, а мир из делаемой человеком неприродной информации — не информация тут для мира, а мир для информации, а потому делаемая искусственно информация — прямо-таки субстанция (первооснова) сего нового мира.

Интеллект — информация от него — информационный мир.

Человек теперь «по уши» («по ум») в искусственном информационном поле, что делает и самого человека скопищем столь же искусственной информации.

Кто (что) тут кем (чем) управляет: *оно* человеком и сознанием, или же человек со своим сознанием управляет *им*?

Тут, конечно, имеют место то и другое — как бы взаимное тут управление. Но важно, что информация, о которой речь, — необходимый посредник, а потому любое управление не просто осуществляется через информацию, но и ей — информации — так или иначе подчиняется. Какова информация, таково и управление — и неважно, с какой стороны оно — управление — идёт.

Так вот: формализованная, знаковая, оцифренная, абстрагированная, тощая, неживая информация — как в шахматной или той же карточной игре, — и управление оказывается с нею в союзе точно таким же, да и сама реальность тоже — мало того, что виртуальной, а прямо-таки виртуальной от виртуальности — вполне уже и виртуально самоценной (для себя и в себе ценной).

8 (208)

О чём речь?

Как раз о том, что вполне-де «точная», обильная, всеобъемлющая, даже по-своему и изысканная, информация, легко преодолевающая время и пространство, сказочно оперативная и необычайно-де эффективная, оказывается начисто лишённой субстанциональной связи с реальностью, с метафизисом, с иномирьем, а потому она становится не так информацией о реальности и для реальности, как информацией, замещающей собственно реальность и становящейся её — реальности — виртуальным заместителем — в головах людей, в их сознании, превращая эти головы и сознания в аккумуляторы, переработчики и распределители (не)реальной информации, оторванной от живого духа жизни, но зато склонной к мертвящему «духовеянию»... нет, не так, быть может, даже самой по себе смерти, как попросту... нежить.

Нежить, она и есть нежить!

Жизнь обволакивается нежитью, её — жизнь — и мертвящей.

Совсем, кажется не слабо!

Пример: насильно практикуемое сейчас рейтинговое отношение к учёным и их трудам — ярчайшее свидетельство умерщвления и смерти творческой (из сознания) мысли.

Информационный фетишизм, информационный фанатизм, информационная деспотия, информационная кабала — не больше и не меньше!

Информационная сеть!

Да что сеть — СЕТЬ!

От которой уже никому и никуда не деться, ибо тут уже не социум, а именно сеть, она же и паутина, она же и ловушка.

Жизнь в объёмах сетевой нежити!

И никакой иностранной мистики, кроме рождаемого самой сетью искусственного хаоса и производного от неё же произвола.

Дело тут даже не в сети как таковой, а в возможности ею и с её же споспешествованием целенаправленно управлять, конечно же, из потаённого центра со вполне конспиративными намерениями. Что сеть каждому скажет, то с ним и будет! Что ни говори, а ведь гигантский шаг вперёд... *от...* собственно человеческого!

9 (209)

У *перед*-ового на планете Запада, в лице прежде всего США, их маниакально правящей верхушки, никакой иной цели, кроме колониального господства над *перед*-ельваемым им в соответствии с Великим Проектом миром вкупе с населяющим сей мир пока ещё осознанным (наделённым сознанием) человеком.

Однако тут не всё так уж просто.

Во-первых, незападный планетарный мир явно уже ничего *такого* не хочет, пусть пока на уровне части элит и части населения, но всё-таки не хочет, мало того, всё более этому сопротивляется: отчего и возник тот же БРИКС; отчего Россия ушла из G8; отчего состоялась знаменитая мюнхенская речь российского президента; отчего случилось воссоединение Крыма вместо вхождения в него и вообще на Украину НАТО; отчего и сама Украина стала объектом раздора между Западом и Россией; отчего и возникли санкции против России; отчего Россия упорно, нагло и глупо демонизируется Западом; отчего ведётся так называемая «гибридная война» против всё той же России — форпоста антизападного противостояния; отчего на планете запахло новой горячей войной, уже и всемирной (Армагеддоном).

Во-вторых, Запад, прямо в момент своего планетарного триумфа, вдруг попадает в собственный апокалиптический кризис, о чём хорошо свидетельствует прямо-таки из исторического ряда вон выходящее событие... нет, не сентябрьская 2001 г. бомбардировка нью-йоркских небоскрёбов, не громоподобное нашествие в 2015—2016 гг. «варваров» на Европу, на ЕС, на новый Евро-Рим и не вступление России в войну против международного терроризма на объятном пламенем Ближнем Востоке, а совсем другая канонада — политическая, а именно — *выборы 45-го президента Соединённых Штатов Америки!*

Согласно некой политической легенде, 45-го президента США быть не должно, ибо 44-й президент объявлен в этой легенде последним. Интересно, что хоть 45-й президент и избран, но в таком вибрационном поле и с таким «сказочным» ключом в руках, что уместно задуматься: выборы ли это были на самом деле; президента ли на самом деле выбирала Америка; да и собственно Америка ли выбирала своего президента? Событие, оно же и происшествие, очень и очень вопросное, какое-то прямо-таки «воротное» — поворотное, выворотное, переворотное, изворот-

ное, доверчивым разумом совершенно не постижимое — то ли оно просто inferнальное, то ли околобездное, то ли уже и бездное!

10 (210)

Триумф вроде бы Америки — чуть ли уже не всемирное отрицание Америки — имманентный кризис Западной цивилизации — судороги ошарашенной и взбесившийся Америки.

Полная неопределённость!

Роковой момент!

Истина!

Америка, не желая, быть может, того, натужно выворачивается, извиваясь в весьма уже выразительных корчах — от самой же себя. Ей уже хочется выблунуть дьявольскую Америку из себя самой, освободить своё перенасыщенное гнилью нутро от постмодерновой глобалической жвачки. Она, конечно, всего этого не слишком осознаёт, но... кто ж её заботливо упредит и по-матерински пожалеет, кроме самой же Америки, коли страшный недуг зашёл уже слишком далеко — почти до полного поражения всего организма?

Кажется, что всё совсем не так уж плохо в Америке, даже и хорошо, но неумолимый метафизис, бытующий вполне по-своему, предлагает Америке либо вдруг измениться... в сторону от Америки, а затем и, если повезёт, выздороветь, либо же испытать всю горечь от сохранения в себе слишком уже американской Америки, устремлённой, увы, к небытию.

Событие 11 сентября 2001 г. — суровое, страшное и вполне пророческое предупреждение Америке, из чего Америка не только не сделала адекватно правильных выводов, а, наоборот, сделала совершенно ложные выводы, обрушившись на весь мир в образе стоглавого чудища, этот мир покоряющего и пожирающего.

Потрясающий просчёт Америки!

Безумие!

Яма!

За что же мы тут так беспардонно и беспощадно нападаем на такую замечательную Америку?

А как раз за саму же Америку, выросшую на крови и страданиях как «своих»: то так называемых «неполноценных» индейцев, то полноценных европейцев; то полуценных негров; то опять полноценных, но уже американцев — северян и южан, как и «не своих»: то опять же европейцев, тоже вроде бы полноценных, но уже не американских, включая и не очень-то полноценных русских, вкупе с кое-кем из советских, да не только европейцев, а и азиатов — японцев, корейцев, вьетнамцев, а теперь вот разного рода мусульман, но и европейцев тоже — тех же сербов.

Вот такая она, Америка! А если учесть ещё её финикийское господство над миром, навязанную человечеству финансовую кабалу, то как же Америке не быть... АМЕРИКОЙ — полной греха и тлена? А тот же Голливуд с его ядовитым антиискусством, что это, если не чистое преступление Америки перед человечеством?

11 (211)

И вот явился как чёрт из табакерки рыжий, весёлый и задорный Трамп, вздыбивший Америку и заставивший, ничего такого почти и не говоря, взглянуть на себя в зеркало и... *ужаснуться!* Однако, чему? Нет, не отсутствию совести, которая в деловой Америке просто не зиждется, а... роже своей кривой, казавшейся всем только что вполне правильной и даже красивой.

Самая грязная то была выборная кампания — факт!

И Америка стала вдруг прозревать — не то вовсе вокруг, совсем не то, Америке нужна какая-то другая Америка, не эта, уже стоящая на ужасном бездном краю, но вот какая?

Нет ответа, хотя и есть подспудное желание больших перемен. Перестройка? Но может ли современная Америка перестраиваться, как то было в 1930-е при Ф. Рузвельте?

Очень большой и больной вопрос: тогда ведь был жестокий кризис, а ныне, хоть и кризис, но совсем другого порядка — при всестороннем пока ещё материально-житейском благополучии, если и не всех, то уж очень многих. Тогда были жизнь, были люди и настигшая их людская беда, а сегодня... э-э... как это всё назвать, ежели напирает нежить, нелюдь и... разлагающая всё и вся лукавая благодать, вполне и суицидная.

Сделают ли что-либо полезное для Америки Трамп и трампизм, время покажет, но то, что «клоун»-де Трамп задел Америку за всё ещё остающееся в ней живое — факт!

«Трамп» в переводе означает «козырь», «славный малый» и «труба». Америка вытащила свой удивительный козырь, а славный малый бизнесмен-миллиардер, неоднократно терпевший финансовые банкротства, вострубил, сам того не ведая, о новой для США, Запада и всего мира... э-э... Америке!

Какой станет эта новая Америка, никто не знает, включая и самого Трампа. Ныне время не грандиозных проектов, а отчаянных текущих свершений. Время систем, формул и точных проектов закончилось, ныне на дворе неопределённость, турбулентность и явная неразбериха, когда не проектировать надо, хотя надо кое-что и предвидеть, а действовать, отбегая энергично от края бездны, что, кажется, и собирается делать, коль не врёт, восхитительно бесшабашный Трамп.

12 (212)

Вот и Америку накрывает своя «горбачёвщина», конечно, не наша, а совсем другая — растерянная, хаосная, злобная, в отличие от просто болтливой советской. У Трампа есть как будто бы шанс сотворить кое-что полезное и важное для Америки и

мира, но... нет в Америке никакого трампогенного единения: Трамп — всего лишь славный малый, а не дерзновенный Бонапарт, но... чем чёрт не шутит: как выскочил Трамп неожиданно, так и то ли отскочит куда-то внезапно, то ли... всё вверх дном и перевернёт, что, собственно, для начала и надо, а там уже... всё, что угодно для беспардонной и беспощадной истории: обновление, развал, война, мало ли ещё что — процесс ведь только начинается!

Горбачёв думал одно, а история думала за него совсем другое, причём подумала раньше Горбачёва, который исполнил, думая лишь о своём «вкладе», как раз то, что задумала история, сначала избавившая Россию и мир от СССР, а потом выставившая поперёк США новую Россию.

И с Америкой Трампа (а «Трампа» переключается с *трамплином*) произойдёт что-то неожиданное — пока никому не известное, в первую очередь для самого Трампа.

Да, была очередь СССР, теперь очередь США, не говоря уже о хитроумной Европе, которая как бы и впереди США, но тут же и следом за США — сама себя усердно похищая!

Как ни странно, но США, как и Европа, и в самом деле исчерпаны — и это в момент их наивысшего взлёта, чуть ли не полного триумфа над миром, в зените необыкновенного могущества, хотя чему тут сильно удивляться — так именно и бывает: *с самого верха дорога только вниз!*

Отпрянут ли США с Западом от приготовленной ими самими же для себя бездны или нет — время покажет, но скорее всего... не миновать им с бездной любовного диалога, а уж какого — покажет уже история!

13 (213)

Планетарный мир чаёт совершенно другого мироустройства — не американского, не европейского, не западного и даже не

прозападного, хотя он не отрицает насовсем ни западнизма, ни европеизма, ни даже американизма, даже допускает их в меру, но при этом исключая доминирование всего этого над миром, препятствуя апокалиптическому краху человечества.

Сам уже находясь в собственной *запад*-не, Запад намерен заслать туда же весь мир, пусть и не осознавая ни своей западни, ни той, в которую он стремится вогнать мир.

Эйфорический прогресс закончился, далее уже если не регресс, но никак уж не прогресс, а что-то другое, может — западниальный (от западни) замес, обращающий человека в постчеловека, если уже не в эфирного *homo sapiens*, а мир — в постмир, если не прямо в *homo mundus* («лучистое послечеловечество»).

Освоение микромира и применение нанотехнологий уже не прогресс, а копошение в основаниях человека и его мира; то же самое можно сказать об информатике, кибернетике, генетике, психонетике и всём подобном — вроде бы тут на первый взгляд прогресс, но... но, скорее... уже некий конечный акт прогрессной исторической мистерии, в рамках и глубинах которой разворачивается какое-то безутешное завершение — если не самого по себе человекообразного существа, то уж человеко-образного — факт!

Итак: *образ против образа!*

Великая историко-внеисторическая схватка — *мира сделанного с миром данным*, а потому — *великая демиургическая драма с неизвестным концом!*

Тут неизбежно обращение к *Традиции*, представленной наяву и даже вживую не так преданиями, как... *религиями*, однако... куда же зовущими, к какому всечеловеческому единению, коли они разные, эти религии, настолько разные, что эффективно разделяют человечество и совсем не эффективно его объединяют?

Хотя каждая из мировых религий, или же религиозных идеологий (Китай), сама по себе очень даже ничего, вполне и хо-

роша, однако единения меж ними нет, и, кажется, таковое вовсе никак не предвидится. Наоборот, религии — не только средства глубокого разделения, но и орудия хронического раздора — самые при этом верные.

Не пора ли задуматься над феноменами человека и его мира, исходя всё-таки непосредственно из человека и его мира, разумеется, как созданий Божиих, а не продуктов лишь природных стихий да неприродных идеологий.

14 (214)

О-о, какой тут возможен гневный шум, поднятый адептами проверенных и устойчивых вероконструкций: ересь, понимаешь ли, ужасная ересь, вроде гностической, физиоматериалистической, масонской, коммунистической или даже фашистской, ложная-де попытка выйти на общечеловеческую и общемировую религию, новую идеологию, верное учение, в общем — недопустимая тут недостойность!

На самом-то деле ничего *такого* здесь нет, ибо не о всеобщей религии, не о новой идеологии и не о новом «верном учении» тут речь, а просто об *адекватном взгляде* на человека, социум, хозяйство, культуру, историю, науку, технику, философию, на ту же религию — на всё, весь человеческий и космический мир, ибо уже страх конечный охватил человека, его ум, душу, сознание, цепеня язык, слово, дело, а преодоление сего страха и выход на ещё возможное бытие требуют не одной лишь веры, но и кое-какого понимания, укрепляющего не так, быть может, саму веру, как экзистенциальную стойкость, вполне уже и осознанную.

Может, сие не для всех обитателей планеты, но элиты, элиты-то обязаны, если они не от дьявола, задуматься над страшным вопросом и найти в себе силы его как-то разрешить — не так ли?

Где же возможен на сегодня сей вразумляющий всё-ещё-человека духовно-идейный прорыв на недогматизированный

простор, к новому Слову, а за ним и новому Смыслу, вовсе ничего из ценного и выверенного не отрицающих, но и выдающих кое-что *иное*, столь ныне потребное — прямо под пристальным вниманием атомной бомбы?

Где?

А-а, догадался случайный читатель сих непотребных писаний, да-да, так оно и есть — в *России!*

Откуда же сие убеждение, а, может, и попросту терпкий факт, не требующий никакого заунывного и тем более принудительного обоснования?

От русскости, вестимо, однако той самой — обветренной, выдубленной, битой, тёртой, истерзанной, не раз прельщённой и обманутой, однако верной себе и миру, ещё живой, и живой именно для *этого*, а не чего-то другого, с чем хорошо справляются и другие, может, много и эффективно думающие, но о чём-то всё-таки другом, вполне земном, суесветном, а ежели и о горнем, то каком-то очень уж оторванном от реальности, фантазийном, улётном!

15 (215)

А тут русская неотмирность, обращённая к земной человеческой реальности и даже с ней, пусть и неважно, сочетающаяся — она-то всему и виною. Не новая тут религия, а *новое миропонимание*, рождающееся с позиции *Иного*, то бишь на некотором расстоянии от бытового священнодействия, не говоря о гностическом миропознании.

Но и оттуда тоже — из глубины уже *исторического иного*, от первооснов и первослов, как и от премудрости, ещё не замутнённой каиновым гнозисом и не загубленной безудержным строительством искусственного мира, его самонадеянным техносом и самодовольными циклопическими сооружениями.

Русь ныне говорит — лишь слушать надо, что говорит и говорит она, как та самая первоРусь, не в меру гонимая и в меру выживавшая, проходя через пламень и пепел множества веков, — и вдруг, уже в XXI в., услышавшая вновь саму себя — нет, не древнюю вовсе, не архаическую, не ушедшую в небытие, а начальную, первозданную, отправную, пожалуй что, выражаясь современно, и сингулярную.

Здесь не страна говорит, не народ, не история, хотя и они говорят, а смысловая завязь прежде всего говорит, метафизическое зерно, переполненный исторической информацией эгрегор, как раз то самое, из чего и вырастает историческое древо этнобытия, орошаемое сознанием и ободряемое верой в самого себя, своё сакральное предназначение, свою бытийно-историческую ношу, как и в свою неизбежную тщету.

Русских всё время укоряют в неправильности их бытия, в неумении жить, в экзистенциальной бесцельности, но при этом и в нежелании добротнo подражать, учиться, следовать правильно-му-де опыту.

Верно: Россия не для любителей комфорта и красивой жизни, мало того, не для ловких устроителей своего частного бытия, хотя всего этого и хватает на Руси, но как бы всегда вопреки русскому мейнстриму, который влечёт к другому — *бытию для России*, этой нелепой, неустроенной, бесшабашной стране, где всё почему-то наперекосяк, небрежно, тяжело, где никаким раем, кроме кое-каких временных островков-резерваций, и не пахнет, зато где вовсю отдаёт самым настоящим адом, правда, ежели при этом не думать о России, не служить ей, не обращаться к Господу, не испрашивать Софии.

Россия, повторяем, не для строителей, хотя и их полно, а для старателей, коих совсем и не мало, несущих в своих умах и на своих плечах тяжкое, но бесконечно нужное человеку бремя — *Россию!*

16 (216)

Знание России — в её незнании!

Аксиома, понимаешь ли — наша, родная, своя! Россия — неразгадываемая, как, впрочем, и всё во Вселенной, загадка. Россия не замыкается в себе как познанное и удобное целое, она остаётся неудобным и непознаваемым нецелым. Россия — тайна и хранительница тайны, её оберег, а тайна — хранительница России, её оберег — в благодарность!

Зачем это всё? Разумеется, не для совершенного благоустройства быта, а для уловления и освоения смыслов, положенных в основание не быта, а Бытия. Россия — сама себе философия, но не как стройное учение, а как смысло-бессмысленный поток: от бездны к бездне через бездну, хотя и через бытие, вполне и зёмное, но не очень-то и земное.

Страшно! А что на свете, откровенно говоря, не страшно, ежели, конечно, не отмахиваться от страшности и не укрываться от неё в правильных-де шхерах, называемых цивилизациями, государствами, правом, порядком, совершенством, комфортом?

Россия — *иное*, и служит она *иному*; не *это* она, и служит она *не этому*; Россия от *иномирья*, и влечёт её *иномирье*; она не от *этого мира* и устремлена *не к нему*.

Этот мир Россию не останавливает, не осёдлывает и не поглощает.

Сожительство — не вживание! Сожительство с этим миром, Россия живёт *иным* миром, за ним зачем-то упорно и следуя, и гонясь.

Вся ли Россия? Нет, не вся, но некая ядерная, генотипная и архетипная, дающаяся вовсе не всем, а немногим, либо многим, но не во всём, а потому и по преимуществу сокрытая — зачем до времени беспокоить пошлое воображение и затверженное одог-

маченным знанием когнитивное темя помрачѣнных элит, да ещё и иноплеменных?

¶ (2¶)

Спасительный, вполне метафизический, как и неотмирный, *сингуляр России* — некая точка, в которой *всѣ* и из которой тоже *всѣ* (прямо как на конце Кощеевой иглы — ведической перспективы или судьбогенного истока русо-российского бытия-истории).

Точка сия вроде шаровой микроскопической молнии (наноточка), она невидима и неуловима, она есть, но её как бы и нет. Оттого и Русь-Россия неистребима. В точке этой весь тайный смысл Руси-России, выходящий за пределы самой Руси-России.

Сказка — исходное предание Руси-России; и не по форме тут сказка, а по сути; это не нарратив вовсе, а судьбоносный смысл — мысль Бога о Руси-России, вполне и сказочная — неотмирная и невозможная.

Обрѣк Господь Россию на сказочные мучения, вот она и мучается, вырабатывая уже свою мысль — о себе, Земле, человеку, бытии, трансценденции, даже о Боге — как раз именно *русскую мысль*, а не вовсе не российскую, — язык-то *русский*, да и сама сказка *русская* — стратегическая!

Держись, брат, русскости и победишь!

Кого же и что? Себя и его — Змия стоглавого, себя и её — перспективу Кощееву, что и означает: вырвешься и уйдѣшь в неизвестность!

Тайная сила России не в пророчествах, хотя и в них тоже, а в семени, брошенном Богом Творцом в земную, но при этом и неотмирную почву — русского генезиса и расселения, русского бытия вкупе с небытиём.

Нет у России справочного писания, но зато есть трансцендентная метафизическая память — *метапамять*, дарующая —

когда и кому надо — не что иное, как потребное России *русское припоминание* — вещее, спасительное, перспективное.

18 (218)

Любопытнейшая это вещь — *забытое незнание*, вдруг — бац! — и оживающее, и оживляющее, и становящееся актуальным знанием — как от разряда молнии!

Метазнание не умирает, а замирает — на срок, чтобы однажды возродиться, хотя уже в иной словесной упаковке и смысловой заданности.

Припоминание незнаемого — чудо и... сила, работающая на возвысившегося — над суетой, прежде всего, но и над текущей знаниевой пеленой тоже. Знание просвещает, но и туманит, отгораживая и отчуждая реальность от человека и его уснувшего от избытка знания вековечного сознания.

Припоминание состоит не в воспроизведении какого-то бывшего когда-то знания, а в явлении актуальной мысли, корреспондентной архаическому первоисточнику, но его никак не повторяющему.

Археомысль — вовсе не устаревшая и оттого вроде бы уже и ненужная мысль, а мысль, постоянно присутствующая в подсознании (скорее — в сверхсознании) любого поколения, однако как бы уснувшая мысль, которую необходимо разбудить, но разбудить творчески, находя и своё собственное актуальное решение.

Когда-то, на заре русскости, в проторусском ещё бытии, первомысль была выражена ярче и откровеннее, но со временем она отступила в ноосферное подполье, оставаясь там до какого-то критического момента, обычно крайнего, катастрофического, переломного, рокового. И вот тогда-то и свершается чудесное — выход первомысли из подполья на божий свет, конечно же, в актуальном выражении и понимании.

Первомысль — достояние волхвов, этих по сути сверхчеловеков, несших в себе не что-нибудь, а божественную первоумудрость, дарованную им по мере человеческой.

То была мудрость *пребывания* человека в Природе, на Земле, под Небом, в Космосе, во Вселенной.

Мудрость эта, выражаясь по-библейски, вполне авелева, это вовсе не каинова учёность, а потому она соответствует как раз русскости, в истоке своем как раз феномене авелевом.

19 (219)

Где-то и когда-то на восходе человеческом восхотелось и удалось Каину убить Авеля, а вместе с этим и заглушить авелеву мудрость. Восхотелось и удалось устранить волхвов с их мудрым ведением — первоумудростью. Однако мудрость волхвическая насовсем не исчезла, а осталась, пусть и в подполье, в ноосферной кладовой, в русской потаённой сокровищнице. С тех пор как раз умом Россию и не понять, можно лишь в Россию только верить, в этот особенный этногеокультурнографический феномен, цепляющийся за авелево наследие и вынужденно принимающий каинову актуальность.

Русская мудрость!

Не африканская, не азиатская, не европейская (если она ещё есть!). Что же это за мудрость?

Бессловесная это мудрость; можно сказать, что интуитивная; хотя, пожалуй, более всего... органическая, чуть ли не субстанциальная, так сказать — имманентная. Она может пребывать в любом русском человеке, только в разной мере — у кого «нано», у кого «микро», у кого «макро», а у кого и... «мега».

Явные волхвы давно уже исчезли, а вот неявные всё-таки остались, образуя ныне основание не оформленного ни во что институциональное, вполне и таинственного «Русского Ордена».

А как же иначе — без волхвианства-то? Выживать, быть, умирать? Да никак!

И хотя русских по преимуществу вроде бы ведут (те же бодрые «рюриковичи» с добавлением иных «ичевых», греко-византийские священники, весьма генетически онемеченные и всё-таки обрусевавшие, уже сакрально Романовы, коммунисты со своим амбициозным марксизмом), но русские по преимуществу ведутся сами, будучи своевольно и несправимо... *русскими* — перманентно со стороны и от себя же самих отрицаемыми и не желающими или не могущими стать навсегда «отпетыми».

В крайности гонимые и даже самогонимые, но... всегда... *русские*, мало того — обрусевавшие кого угодно и когда угодно — без разбору!

Тайна!

Загадка тут великая — русской этногеокультурной субстанции, сплетённой с проторусской первомудростью.

В русской мудрости, выраженной и в русском характере, и в русском поведении, есть то, чего нет, пожалуй, ни у кого на свете, а именно... *отречение*, увязанное и с *самоотречением*. Тоже загадка, но... куда же от сей «невыгодной» констатации — некуда!

Отречение и самоотречение — правда, совершенно особого рода — не только не до конца, но даже и не от начала.

Умом Россию ведь не понять!

Отречение... без отречения!

Забавно!

Русский часто не хочет быть русским, всегда при этом оставаясь русским, как и наоборот, желая быть очень русским, оказывается совершенно уже... никаким, непременно возвращаясь поневоле к отринутой было онтологической русскости.

В особенности русский чувствует себя русским рядом с нерусскими, хотя и хочет нередко уйти от русскости, но, увы, у не-

го мало что из этого получается: генетика, понимаешь ли, предрасположенность, даже и обречённость!

20 (220)

Однако, вернёмся к русской мудрости, которая... э-э... без выраженной мудрости, точнее, когда и где о мудрости и говорить не приходится — она *есть*, и всё тут!

Да-а, сидит себе в глубинах русского транспоколенческого сознания, или же *метасознания*, почти что бессловесная, никак особо не сформулированная, кроме разве пословиц, поговорок, сказок, вроде уже и забытая, но при этом и всюю живая, та самая — выручательная, спасительная, родная.

Мудрость-оберег!

Воспроизводящаяся, конечно, но всегда в новорождении — в переживаниях очередного, вполне по обыкновению и страдательного, поколения.

Плодородное ничто!

Переходящее, однако, в *ничто*, как раз то самое — невысказываемое, точнее, высказываемое, но не напрямую, не в лоб, а, как уже было выше отмечено, имманентно, незаметно, даже и не слишком выразительно, ибо как её — драгоценную, заново рождающуюся мудрость — выразительно выразить, ежели органическое интуитивное понимание тут потребно, а не зряшное чего-то чуть ли не насильно навязанного усвоение.

Сама принадлежность к русскому миру, как и само присутствие в русском человеке русскости, уже многое даёт, точнее — может многое дать, но не при небрежном желании, а по сакральной необходимости, причём вследствие запуска в сознание всего или уж очень многого своего, родного, органического, что как раз и свойственно русскому метафизическому бытию, что является его достоянием, его страдой, а может, и его проклятием.

Да-а, любовь тут — к истокам, семени, корням, дереву, плодам, в том числе и горьким; к предкам, поколениям, событиям, фактам, какими бы непривлекательными и ужасными, как и, наоборот, милыми и восхитительными, события и факты ни были бы; ко всей истории — суразно-несуразной; к деяниям, промахам, провалам, победам и поражениям, в общем, — ко всей родимой экзистенции — страшной, непонятной, колючей, но и ласковой, нежной, материнской.

Любовь!

А ведь сколько нелепостей, ужасностей, несправедливостей, жестокостей, насилий, зла, как и, разумеется, всего наоборотного, хотя и не в превышении, не в преобладании, не в размахе!

Можно ли любить ад, ежели рая нет и не предвидится? Трудно сказать: легче ведь... ненавидеть!

А ежели ничего, кроме ада, нет, да ещё и родимого, нашенского, своего, тогда-то что?

Да-а, возвыситься надо до любви совершенно невозможной, оставляя ад этот внизу и за собой, отсылая его в преисподнюю, — и уже с высоты сей духовно-мысленной узреть неизбежное — Родину, Отчизну, Русь, Россию, а вместе с тем и мудрость первозданную почуять, переводя её в терпкую актуальность.

Не менее и не более!

21 (221)

Катарсис, да так и есть — *катарсис*, вызываемый любовью и ею же — любовью — призывающий!

Особого рода тут катарсис, как и смешанная с ним любовь — без умиления, без слёз, без стенаний, но зато не без *прозрения*, как раз и дарующего и катарсис, и любовь, и... *стойкость*, без которой на Руси быть и о Руси ничего *такого* вообще не сказать.

Итак: *стояние*, но какое? Посреди Руси с вобранной в сердце своё Русью, но при этом ещё и над Русью с растворённым в ней сердцем своим — такое вот, понимаешь ли, *стояние*!

И ежели стоять «посреди» — понятно, то как же это «над»?

Следственно, не одно лишь стоическое *стояние* в гуще текущего бытия, но и вообразительно-размыслительное *парение* над родной страной, вобранной в мозг человеческий целиком и полностью, во всём броском безобразии и во всей неброской красе, а может, и наоборот, как и со всем своим доисторическим, историческим и внеисторическим бытием, разумеется, очень и очень неоднозначным. Напряжённое тут по поводу Руси-России стоическое переживание, может, и не сплошное, а прерывистое, импульсивное, но непременно нескончаемое.

У кого же? У разных русских людей, нередко и иноземного или же иноплеменного происхождения, но всё-таки *русских*, здешних, своих: у кого с юности скоротечно, у кого в зрелости и долговременно, но непременно всегда исключительно. Этакая при этом схватка с Русью, с ней неизбежная тяжба, нередко и роковая, а то и столкновение, тоже роковое — смертоносное. Страшная ведь это страна-сторона — Русь-Россия, пучинная, пустотная, бездная. Один неверный шаг, ну два-три шага — не более, и соревнователь за русскую правду, бац, и в небытии, хоть и известен он потом народу, им в меру и безмерно прославлен, широко признан, всеми даже любим. Читают его молча и вслух, восхищаются, ценят, боготворят, фимиам ему воскуривают, усердно поклоняются. Но где он вдруг оказывается — непременно и безвременно? Да, да, именно *там* — в небытии, ибо беспощадна почему-то Русь-Россия к своим гениям, гигантам, титанам, хоть и раскрывает через них свою тяжкую, немислимую, бесконечную правду, впрочем... правду ли?

22 (222)

Стояние и парение! А кто это может выдержать, не согнувшись перед русской правдой, не сломавшись, не сдавшись, не упав, не разбившись вдребезги, не сгинув с лица земли русской в русской же бездне, а-а?

Правда открывается немногим, очень немногим, но вот кому же, кроме любящих край родной, в нём и за его намертво стоящих, о нём думающих, над ним и воспалительно парящих: здесь ведь нужна какая-то исключительность, кроме большого ума, подвижной души, крепкого характера?

Даже просто гениальности тут маловато, ибо речь идёт о каком-то сакральном благоволении, а не о чисто человеческих порывах. Да, именно так: тут всё зависит прямо от Бога, то ли выбирающего кого-то на сакральное служение Отчизне, то ли кого-то на это предназначающего, то ли попросту кому-то сие служение доверяющего. А сводится всё к творческому контакту избранника, назначенца или осенённого добровольца с *Софией Премудростью Божией*, как раз стоящей у истоков проторусской премудрости и позволяющей пришедшему к ней дойти до священного ларца с заговорённой волхвами отеческой премудростью, вскрыть его и, жертвуя собой, уцелевая при этом и не уцелевая, поведать что-то жизненно важное и экзистенциально ценное русскому и иному люду из... нет, не увиденного и не услышанного, а почувствованного и пропущенного через себя, своим сознанием выстраданного и личностью своей спродуцированного.

Хорошо быть на Руси и в России уверенным в себе «просветителем» от имени чего-нибудь иноземного — что византийского, что европейского, что глобалического, — бери готовенькое и просвещай неразумных и некультурных русичей, но зато как тяжко быть на Руси и в России проводником родного, исконного,

своего: тоже ведь судьба, перманентно воспроизводящаяся, прихватывающая, мучающая, осчастливливающая, куда-то и уносящая.

23 (223)

«Русской Орден» — есть он, есть, и работает, работает, работает! Тяжко, трудно, немало и тщетно, но во многом и плодотворно, и берёт он верх, пусть и не окончательный, над любой яркой «иноземщиной», вовсе и не бесполезной, но никогда не судьбоносной, ибо судьба русская там — в глубинах русского мира, в перворусскости, куда никакая умная длань, кроме русской, попасть не может, да и русская-то длань, как водится, не всякая, далеко не всякая, а... уполномоченная Богом и любовно поддерживаемая Софией.

Революционное крушение Российской империи сопровождалось одним очень странным обстоятельством: явлением *русской софийной философии* (Вл. Соловьёв, Флоренский, Бердяев, С. Булгаков, Скобцова (мать Мария)). Казалось бы, всякая философия софийна, ибо она фило-софия, но это не совсем так, ибо здесь по преимуществу продуцируемая человеком «софия», совсем и не плохая, но совсем не та, к которой устремилась русская философия конца XIX и всего XX в., опять же, как водится в России, почти и не признанная — ни как софийная, ни как вообще философия. Чужебесие — характерная до сих пор, вполне и дьявольская (каинова) блажь России, правда, дополняемая и немалым своебесием, что никак не лучше вассального чужебесия. Чего меньше всего в России, так это... собственно русскости, но не так в народе, как в осмысливающем всё и вся элитарном-де интеллекте, очень уж склонном к нерусскости и даже антирусскости.

Однако русская софийная философия, воодушевлённая прямым обращением сквозь Логос к Софии Премудрости Божией — носительнице смыслов, а не слов как таковых, и обретшая

для себя *софиологию*, в российской мыслительной реальности всё-таки есть и, несмотря на широкое непонимание и ядовитое непризнание, работает, задевая, просвещая и обогащая русские умы и души.

А в чём тут дело, почему это вдруг русская мысль обратилась к Софии?

Вопрос хоть и непростой, но разрешимый: во-первых, от неудовлетворения европейским рацио (Логосом), ибо реальное бытие никак не сводимо к поверхностной явленности и её логической метрике; во-вторых, от неудовлетворения ортодоксией, характерной для церковного толкования человеческого бытия, как и неприятия западного протестантизма с его опорой на материальное благо, пользу и доход, на экономического-де человека; в-третьих, от потребности выхода на размыслительный простор через прямое обращение к небесной премудрости (сакральному смысловедению).

24 (224)

Прорыв русской философии к Софии — замечательнейшее достижение русской мысли вообще: высокое, тонкое, проникновенное! Разумеется, не слишком дорого оценённое в отечестве, где актуальная философская мысль продолжает блуждать между Сциллой европейского постфилософского марксизма и Харибдой европейского же псевдофилософского модернизма. Ничего не поделать: зараза тут цепкая, а излечение от неё не быстрое, хотя, быть может, и не нужное — пусть себе радуются иноземной истине ревнители антиРоссии, глядя на отцветающую Европу и зачертополошенные США!

Заметим, что никакой действительно целостной и вполне адекватной реальности философии в тенетах научной, материалистической, позитивистской парадигмы нет, и быть не может. Учения разные могут быть, но не собственно философия, ибо по-

следняя всегда пронизана идеальностью, духовностью, метафизикой, наконец — трансцендентностью. Не всякое заумное рассужденчество, не всякая умственная конструкция, не всякая даже концептуальность есть собственно философия, ежели заниматься не когнитивной профанацией, а запущенным в необъятный мир переживательно-откровенческим проникновением.

Русская софийная философия — собственно философия и есть, хотя и оказалась весьма ограниченной, во-первых, слишком уж христианско-богословским (парабогословским) подходом к Софии, а во-вторых, не полным преодолением Логоса относительно Софии, ибо София Логосу не подвластна, а потому не может быть и никакой софио-логики — учения о Софии. Последняя свободна от оного, она не подлежит изучению и трактованию, о ней-то самой человеку-то сказать попросту нечего. Однако само обращение русской философии новейшего времени к Софии — великое достижение человеческой мысли, заслуживающее не просто одобрения, а всяческой поддержки и творческого развития.

Не в разгадке Софии тут дело, а в возможности, обращаясь к Софии, творчески с ней взаимодействуя, судить о человеке, мире, бытии со стороны и с помощью Софии, бывшей ещё до сотворения мира и, тем более, человека, как и участвующей в бытии по воле и замыслу Господа Бога, с бытием не расстающейся и ему покровительствующей.

25 (225)

Логос — информация, — сложная, путаная, даже сомнительная, хотя и необходимая для реализации сути и бытия человека, его вездесущего сознания.

Без Логоса несть человека с его сознанием, но и с Логосом не всё так уж просто, ибо есть ещё наряду со словом и межсло-

вье, и заслowie, и даже противословье. Слово — правда, но и ложь одновременно, а где и когда чего более — кто ж это знает!

София — источник смыслов, передаваемых человеку или же им попросту улавливаемых — через слово и без него (сколько всего бывает воспринимаемого, а словесно при этом не выразимого). Смысловедение — деяние более софийное, чем логосное. И обращение к Софии — обращение к Иному, иным смыслом, хотя и отражённым в имеющейся реальности, а главное — к *перво-*смыслам, совершенно человеку и неведомым: что, зачем, для чего?

Трансценденция!

Самая глубокая и самая высшая, самая дальняя и самая близкая. Что может быть ближе трансценденции, которая тут, рядом, внутри? И как вообще судить о чём-либо, не принимая во внимание трансценденции, фундаментального незнания, не обращаясь к загадочной Софии, таинственной Великой Неизвестности, не прибегая к их сакральной помощи?

Принято делать вид, что всё, или почти всё, уже известно либо вскорости будет известно, были бы гранты, приборы, компьютеры, лаборатории, но, делай, не делай сей благопристойный вид, всё равно не знаешь и никогда не узнаешь самого из мира главного, включая и самого себя, как раз всего того, что знает и оберегает от дурного исследовательского глаза благородная София.

Благородная, терпеливая, мудрая, но и при подобающем случае и беспощадная!

Тетрадь десятая

1 (226)

Секрет тут вроде бы прост, но в простоте своей очень уж не раскрываем: схождение в одном искрящемся сакральном целом Небесной Софии, с одной стороны; и зёмного эгрегора Руси-России — с другой, и схождение это прямо в избранных свыше личностных сознаниях кое-каких уникальных русских — наследниках вещей волхвов и продуцентах текущих смысловых разрешений, вполне и судьбоносных.

Тут-то и является феномен *софиасофии* — СОФИАСОФИИ! — рождающийся от творческого контакта философии в лице метафизической философии с Софией Премудростью Божией, когда человеческая мудрость питается премудростью божественной и идёт следом за этой последней, оказывающейся в софиасофии впереди в значении первомудрости.

Человеческая мудрость тут не просто обогащается божественной, а получает от Премудрости Божией *иное* значение — не просто высшее, а прямо-таки сакральное, но не по причине своей-де особой истинности, а вследствие возможности стать *другой*, гораздо более соответствующей бытующей реальности, включающей и человека с его сознанием и его ноосферой.

Да, здесь таится метафизика, весьма свободная, но вовсе не вольная, ибо, свободно паря, она проходит экзекутивный экзамен у Софии — либо возвышаясь над брэнностью зёмного бытия, либо же низвергаясь в бытующую на земле брэнность.

Заход на зёмную реальность от призываемой человеком Софии — самый продуктивный из возможных заходов, но при этом и самый ответственный, как и самый рискованный.

Это ведь заход со стороны открывающегося человеку *незнания*, не доходящий до обнаружения усвоения нового куска знания, а лишь плодотворно обжигающий ум и душу вопрошающего избранника.

Риск тут великий, но... на то и тайна Вселенского Бытия, включающего и бытие самого Господа Бога, но при этом и жгучая необходимость, оперируя с Тайной, осмысливать человека, его бытие, его тайну, алкая как возможность познания чего-то важного для человека, так и возможность дления Вселенского Бытия, доступного человеку — от сакрального начала до сакрального же конца через потребные для этого сакральные перемены!

2 (227)

Не спешите, друзья, опережая друг друга, к обретению тайных ответов, ибо их для вас, уж извините, нет — до них ведь ещё дорасти надо — как раз метафизически, а потом... если повезёт... наткнуться на что-нибудь невнятное и страшное, да и онеметь... от девственной простоты разрешения!

Софиасофия — не учение, даже не ведение, а лишь возможность иного видения, дающего *иное* представление о реальности — живое, не догматическое, мерцающее, искрящееся, не сильно и здравым умом ухватываемое. Здесь ведь никакой доступной когнитиву логики, лишь одна сплошная несуразица, однако не балаганная вовсе, а всего лишь не зёмная, хотя, быть может, и не небесная, ибо... *иномирная* она, нетутошняя, пожалуй что, и никакая!

Софиасофия — общение с иномирьем!

Но ради *этого* мира — нашенского, своего, родного!

Иномирье не где-то *там*, хотя и *там* тоже, оно здесь, в *этом* мире, в человеках прежде всего, в сознании, в ноосфере, но и в природе тоже — кто из образованных умников ответит, что есть та же природа в своей идее, в своём замысле, в своём имманентном алгоритме, а-а?

Софиасофия — возможность увидеть наш мир *иным*, даже не обременённым иномирьем, которое-то и творит наш мир, а увидеть наш мир *другим*, вовсе не таким, каким его представляют наука с литературой и искусством, даже и религии.

«Заява» тут, знаете ли, и впрямь великая — дерзкая, наглая, крутая! А что делать, ежели *это* действительно *так* — *другой* ведь пред нами мир, совсем другой, и человек в нём *другой*, и всё остальное тоже; а вокруг лишь некие личины, а вовсе не лики, образины, а не образы, блики, а не вещи, отражения, а не реалии, в общем — ещё и не осмысленный адекватно мир, скорее — кривое о нём представление либо же прямая о нём обманка, — всё тут одно!

3 (228)

Софиасофия — путь к *иному*, — что к *этому*, что к *тому*!

Путь же софийный пролегает сквозь наполненную пустоту или же пустотелую полноту — не через сплошную твердь и не через сплошной вакуум, а идёт по вихревому смысломиру, хотя и полному тайн, но всё-таки говорящих молчаливо тайн. Какие же в этом *Ином* могут быть тайные смыслы? Как раз те самые — невыраженные, что то же самое — трансцендентные, чуть ли не *бес-смысленные*. Именно так, ибо какой тогда у человека поиск, какие действия, какие перемены, какая вообще жизнь?

Жизнь ведь идёт через неизвестность — окутанная незнанием, полная секретов, причуд и риска, сплетённая с нежизнью, солидарная со смертью, а потому идёт вибрируя, вариативно, волнительно, турбулентно, дискретно, даже и *кое-как*!

Это только кажется, что жизнь упорядочена, стройна, разумна, на самом-то деле она хаотична, стихийна, иррациональна, да не в мелочах вовсе, а по-крупному, прямо в своём основании — как явился мир с жизнью из бездны, так в союзе с ней и пребывает.

Да, человек давно уже понял, что обязан упорядочивать своё несуразное бытие, вполне и насильственно, для чего и культура у него как скопище запретов и преград, но... откуда-то всё равно приходят нелепости, провалы, патологии, раздоры, вихри, разрушения, ну и погибели тоже, а потом, если не сходу прямо в небытие, то и крутые обновления, сосредоточения, упорядочивания, но уже в чём-то другие, не прежние, ранее вообще не известные.

Хочет того мир человеческий или не хочет, но он вынужден меняться и вполне вынужденно меняется. Сначала время от времени, подолгу сохраняясь в каком-нибудь устойчивом образе-виде, а вот сейчас уже и непрерывно, когда перемена попросту обгоняет присущее, а присущее не поспевает за переменной.

И человек тоже меняется, но — при всей своей разумности и всей приспособительной гибкости — тоже не поспевает за переменами, им же и предпринимаемыми (уже и хаосно!), отчего и пренеприятнейший конфликт: между изменяющимся споро и целостно искусственным миром, создаваемым человеком, и собственно человеком, не поспевающим за своими же переменами, да и к обновляющемуся искусственному миру ни физически, ни метафизически очень-то уж не подходящим.

Из человека в итоге выбивается как из пыльного ковра человек, а в человека вбивается... *нечеловек*, а это уже большой внутрочеловеческий казус — прямо-таки «на разрыв аорты».

4 (229)

Мало того, что мир в реальности не тот, чем ирреально кажется, но он ещё и на грани смены своей экзистенциальной парадигмы; бытующая цивилизационная версия человеческого мира стремительно улетучивается, как когда-то испарилась природозаданная версия; призрак какой-то новой версии уже не где-то за горами и долами, он прямо уже при дверях, настойчиво в них постукивает, вызывая нервный озноб, безотчётный страх и вполне отчётное отчаяние у всё-ещё-человека и наркотический восторг у почти-уже-не-человека — кандидата в постчеловеки; технос берёт верх уже не только над натурой, но и над когнито, над спирито, над ноосферой, над хомо; тут уже не цивилизация с информацией, её — цивилизацию — обслуживающей, а всепроникающая *информационная*, убивающая напрочь всё гуманитарное, социальное, живое.

Может, это и будет мир всеобщего счастья — для оставшихся на планете и в космосе человекообразных существ («чиповеев»), но это будет уже совсем *другой мир*, честно и плотно сливавшийся с *антимиром*.

И где же тут София? А Софии-то здесь как раз и нет, даже Слова нет, ибо теперь будет господствовать не что иное, как Цифра — прямо из Бездны!

Замена цивилизационного мира на мир техно-инфокибернативный, а что-то подобное уже было при замене природогенного мира на цивилизационный, только теперь всё намного круче, ибо речь идёт о судьбе не просто конкретного образа мира, а о судьбе уже самого человеческого мира — как такового!

Целостно техногенный мир — мир уже не целостно человеческий!

Человек-демиург роет могилу не только хомогенному миру, но и самому себе тоже.

Воистину занятно, не так ли?

Может, всего этого «лучезарного» и не случится, но... призрак-то *этого* если и не совсем налицо, то уж в тронутым тревогой воображении он маячит вполне уже назойливо — разве не так?

5 (230)

Любопытно, насколько просвещённое нынешними университетами, уже почти превратившимися в оцифрованные торговоразвлекательные центры, передовое и прогрессивное человечество сознаёт, куда оно идёт самó и тянет за собой всё остальное зёмное население?

Ведь дело тут не в ядерной войне, хотя она и возможна, не в исчерпании жизненных ресурсов на планете, хотя это тоже возможно, а в самоотрицании человека как богоподобного существа самим же человеком, вовсе уже и не богоподобным. Не в этом ли, кстати, смысловая загадка распятия Христа, проделанного человеками, как и то же устранение ловким Каином своего наивного брата Авеля?

Запад готовит очередное сакральное убийство — что каинское, что антихристианское, что античеловеческое, очень похожее на прежние глобально-исторические перевороты, включая и устранение тех же неандертальцев, а в качестве приза за содеянное намеревается заполучить под своё владение обновлённый им мир, уже и постчеловеческий.

С приходом в США Трампа появляется вроде бы шанс отвернуть человечество от сего апокалиптического прыжка в умогрозную неизвестность, но только шанс, которым сама по себе ЕвроАмерика вряд ли воспользуется, как она не воспользовалась шансом самопреображения по грозным итогам 11 сентября 2011 г., наоборот, лишь усилила своё бодрое погребальное рвение.

Дело, конечно, здесь не в самом по себе Трампе, даже не в возможном трампизме, а в глубинной экзистенциальной потенции, вынужденно притаившейся под евроамериканским спудом и пытающейся из-под него высвободиться и обеспечить апокатастатическое перевоплощение мира.

ЕвроАмерика уходит, грозя миру суицидным для него исходом, и хотя уход этот может облагородить весёлый Трамп, сохранив на срок и саму ЕвроАмерику, но... вся надежда тут всё-таки не на Трампа, а на вещей ход самой истории, отказывающей ЕвроАмерике в доверии и всё более доверяющей остальному миру вкупе с Россией... нет, не как главы вовсе зёмного мира, а всего лишь как... первопреходицы — к самой себе и к *иному*, чем евроамериканство, миру.

6 (231)

О-о, какое вокруг России и в самой России неверие ни в Россию, ни в её преобразовательскую миссию! Тотальное! Но всё-таки никак не перебивающее новейшей российской реальности, пусть ещё и не слишком выраженной, но движимой верой в Россию, причём даже не столько её верховной властью, её полуразрядной элитой или её расстроенным народом, сколько *верой в Россию самой Истории*, чего всезнающим образованцам никогда не понять, ибо им вообще ничего из фундаментально трансцендентного не ведомо: ни первопричины, ни первосубстанции, ни первоидеи, ни первозамысла, ни сути текущего бытия, ни протекающей вокруг истории, ни как таковой реальности, вполне и ирреальной, ни конечной цели всего страдательного бытия.

Нам тоже всё это не слишком-то ведомо, но мы всё-таки допускаем *иное*, которое, хоть и где-то там, но непременно и здесь, что означает, что у мира есть *свой* проект, с которым человек-демиург непременно пересекается, хотя и никак вполне им не овладевает.

Само допущение собственно *мирового проекта* — уже великое достижение человеческого вчувствования в мир, а может, даже и в него идейно-духовного вселения.

Этот трансцендентный проект допускает наличие имманентных человеческих проектов, даже столь амбициозных, как Великий евроамериканский проект, но они, увы, лишь своеобразные для трансцендентного проекта субпроекты — и *мировый проект* никогда не допустит подмены себя никаким фрагментарным человеческим проектом.

Осознание этого судьбоносного для мира обстоятельства — не научное вовсе, а метафизическое, не деятельское, а лишь философско-хозяйственное, не философское, а софиасофское — и, заметим, первостепенное, если не краеугольное!

Вот она — «печка», от которой можно и «поплясать», размышляя над вокруг происходящим — *«про»*-дящим и *«исход»*-ящим, то бишь *до*-реальным и *пара*-реальным, а затем, что особенно важно, и *над*-реальным, и даже *пост*-реальным.

7 (232)

Бытие-история реализуется, слава богу, *по-своему*, не по-человечески, трансцендентно. Важнейшее заключение, ответственное обеспечить адекватное понимание бытия-истории, его хода, как и умственного с ним сопряжения — со стороны сознания — тоже ведь по сути трансцендентного, хотя и трансцендентность свою самоуверенно и нагло не признающего.

Бытие-история вроде бы творится человеком (человечеством), и с этим утверждением вряд ли поспоришь; однако при этом следует и другое утверждение, которое охотно оспаривается «универсантами», но которое никак не сходит с повестки дня: бытие-история и *само по себе творится*, причём вместе с бытийно-историческим творчеством человека (человечества).

Здесь важно уразуметь, что никакие суперисторические и суперглобальные проекты человека-демиурга не могут ни обуздать творчества самого по себе бытия-истории, ни полностью встать на его — этого необузданного самотворчества — место. Даже познание так называемых «объективных законов» бытия-истории ничего тут не даёт, ибо этих законов как именно законов нет и быть не может, а ежели они и есть, то как их правильно, кроме как мифологически, определить и как им, мифологическим, тогда скрупулёзно следовать? Загонять бытие-историю под выдуманные законы? Это уже пытались делать, потерпев полное фиаско (социализм, СССР). Да и бытийно-историческая реальность непременно обходит любые такого рода законы — она к ним, заметим, совершенно безразлична.

Бытие-история идёт вперёд, повторяем, *по-своему*, и это замечательно, ибо представьте себе, господу, полное исполнение любого человеческого проекта — хоть Красного, хоть Великого евроамериканского, а-а?

8 (233)

Да, в чём-то любой большой человеческий проект, в особенности не плановый, а лишь намеренческий, допускается и признаётся бытием-историей, но всегда не во всём, не полностью, с немалыми поправками, а в итоге и не без смертельного ему приговора. Был проект, сделал своё дело и исчез, достигнув не столько своих целей, сколько иных — трансцендентных, проектом и не предусмотренных.

Без проектов сознанию никак нельзя, нельзя без таковых и самому бытию-истории, пронизанному сознанием, но и по проектам этим целиком, полностью и без конца тоже нельзя, а потому и не одна лишь коррекция проектов в ходе их исполнения, но и неременный от них отказ со стороны бытия-истории, хотя чело-

веку-демиургу кажется, что всё дело в ошибках проектантов и в ненадлежащем исполнении проектов.

Любопытно, что неполное исполнение любого проекта, если не его поражение, всегда предположено самим проектом уже в момент его проектного исполнения. В каждом проекте в час его зарождения трансцендентно закладывается и его *антипроект*, который обязательно даст о себе знать, хотя это обычно принимают за проективные огрехи или те же мешающие помехи со стороны проектного контекста, а в один прекрасный момент сей органичный проекту антипроект выступает уже в роли полновластного могильщика вполне уже достославного проекта.

Хорошо бы всё это осознать, знать и учитывать: дело тут не только в постепенном ослаблении проективного импульса, не в некомпетентности исполнителей проекта, а более всего в сидящем в проекте непереносимом его самоотрицании.

Вот и Западный (он же евроамериканский) проект начинает захлёбываться в самом же себе, уже всюду испытывая первые, а пожалуй, и не первые конечные конвульсии.

Дрянь дело, что говорить!

9 (234)

Согласно сему проекту, нужно было — того, впрочем, не сильно субъективно и желая, — провести вереницу войн, включая и мировые; череду революций, включая те же Великую французскую и Великую русскую-де революции, как и все «цветные» революции; ликвидировать СССР и втянуть его остатки в глобальную политико-экономическую сеть с «пауческим» управляющим центром в США; превратить Китай и иные второстепенные и третьестепенные страны, включая и «падшую» Россию, в трудо-продукто-сырьевые придатки передового Западного мира; обустроить в виде подчинённой глобальному центру многострановой группировки Западную Европу с подключением к ней «ос-

вободившихся» стран Центральной и Восточной Европы; свергнуть неугодные режимы в разных странах с соответствующими в них социально-экономическими переворотами.

В общем, надо было исполнить проект утверждения в мире Западного проекта.

И что же?

Многое, знаете ли, удалось, что-то не очень — забуксовало, но в целом... э-э... провал, да такой, что как раз и оказывается могилой, вырытой Западом для самого себя.

Вот она — диалектика проекта и сидящего в нём антипроекта, никем не могущая быть отменённой!

История творит сама и по-своему, причём творит вместе с человеком-демиургом, переваривая все его амбициозные деяния, но при этом ещё и творит сама себя — прямо из *ничего*!

Как пошло бытие-история из *ничто*, так и черпает себя из *ничто* — совершенно и бездонного, то же самое — *бездного*!

И что человеческие суперпроекты перед этой Бездной, а-а?

Ах, ЕвроАмерика, ЕвроАмерика, и зачем это ты устроила расстрел российского парламента в 1993 г., показывая сие гнусное деяние по CNN, как и энергично провела ту же бомбардировку беззащитной Сербии в 1993 г., тоже взахлёб повествуя о ней по проплаченным и зомбированным mass-media, как и совершила деловито «весёлые» казни Хуссейна и Каддафи, восхищаясь искренне тобою содеянным, как и влезла бездарно на Украину, тобою беспардонно соблазнённую?

Зачем? Ради планетарного господства? Но разве это не самоубийственный антипроект, вдохновлённый антимиром, тобою давно лелеемым?

А ведь унижения никогда и никем не прощаются!

10 (235)

В реальности всё (или почти всё, во всяком случае, явно задевающее бытийно-исторический процесс и сопровождающее его свидетельское сознание) происходит если и не само по себе, то, как правило, вполне невероятно и по преимуществу всё-таки внезапно. Сколько ни готовь какую-нибудь войнушку или ту же революцию, сколько ни рассчитывай ход сих чаемых происшествий, сколько ни надейся на их позитивные для замысловиков результаты, а всё одно — не то, не так, не с тем итогом, а то и вовсе с сокрушительным для зачинщиков поражением. И дело тут не только в сложности и неопределённости событий и непредвиденных реакциях на них контекста, что обычно замечается и обсуждается трезвым умом, а в погруженности всего внешнего бытийного потока во внутреннее крипотечение бытия-истории — Бытия-Истории, распоряжающегося внешней явленностью, если не справляющейся с ней, как-то непременно по-своему.

Вот, к примеру, чудесный феномен Китая, или же «Китайское чудо», конца XX в. Да, был Дэн Сяопин, развернувший Китай в сторону сего чудесного выворота Китая, но сам этот выворот случился всё-таки как происшествие, невероятное и внезапное, как раз тогда, когда *что-то* имманентное (энерго-волевое) созрело внутри Китая и вдруг неудержимо «попёрло» во все стороны китайского бытия-истории.

Теперь-то всем понятно, что Китай был уже обречён на сию скачкообразную автомутацию, но в момент выхода товарища Дэна на политическую поляну и даже много позже ничего подобного в Китае реально ведь не просматривалось.

Да, имели место субъективные усилия, чтобы подтолкнуть Китай к означенному скачку, но скакнул-то ведь *сам* Китай, для сего прыжка вполне созревший, да как скакнул!

А мог бы и не скакнуть — и никто бы в мире и в самом Китае не удивился.

Большие качественные мутации и скачки — очень затейливые штучки, куда затейливее унылых, хотя тоже нередко совершенно вроде бы невозможных, деградаций.

Сегодня — вверх, а завтра, увы — вниз: и невероятно, и внезапно, и вообще ничего *такого* вообще в реальности не может быть, поскольку не может быть *никогда!*

11 (236)

Самодовольные, настырные и неумные США несут на себе тяжкую карму ответственности за войны, революции, восстания, реформы, бомбардировки, убийства... э-э... за мерзкий в своей растлительной координате Голливуд, за лавину необеспеченных, пустых долларов, за финансовую общемировую кабалу, за расправы над нациями и национальными экономиками... всего тут и не перечислить, но зато и отовсюду по мировому кругу в адрес США раздражение, обиды, ненависть, проклятия, месть.

Каково это актуальным американцам, вынужденным сейчас отвечать головой за проколы, происки и преступления своей потерявшей совесть, политически и идейно аморальной, обезумевшей элиты?!

Нам скажут, а СССР со своим мировым социализмом и мировой коммунистической революцией был лучше, что ли?

Ответим: не особенно лучше, конечно, почему и потерпел собственное фиаско, а Россия от этого переживает ныне адский экзистенциальный кризис, но СССР хотя бы не был всемирным эксплуатантом, неся лишь собственные убытки, отчего, ослеплённый и заблудившийся, и провалился в небытие.

Не то США, бросившиеся кабально эксплуатировать весь мир, еще и нещадно его под себя подстраивая, не останавливаясь ни перед чем, включая и привнесение раздора, развала, гибели.

СССР был несчастным проводником «счастливой идеи», рождённой от сопротивления коренной исторической несправедливости — эксплуатации человека человеком и вопиющего социального неравенства. Да, попался на удочку утопизма и того же марксизма, сглуповал, попёр не туда, отчего и надорвался, сгинул, обрёк страну на разорение, аморализм и подчинение как раз тем и тому, с кем и чем якобы всю боролся.

Что ж, СССР за всё своё великое и не совсем суразное бытийно-историческое шествие, весьма и кратковременное — полувековое, ответил по-полной, а Россия, не долго думая, приняла на себя всё великое и весьма греховное наследие СССР, барахтаясь уже в своём неумном кризисе, подбадриваемом вырвавшимся на простор откровенным сатанизмом, но... выстояла, выжила и, всё ещё искалеченная, даже вновь поднимается.

Эксперименты с большими мировыми проектами дорого обходятся их исполнительным адептам — растрата сил, слабость, болезненность, угроза окончательной и бесповоротной гибели.

Теперь очередь вроде бы за всемогущими, но уже гнилыми, ядовитыми, судя по элите и её обезумленным действиям, Соединёнными Штатами: такова трудно постижимая металогика Бытия-Истории!

12 (237)

Воистину чудесен сейчас *исламский мир* — взбудораженный, целеустремлённый, воинственный!

Очень неоднозначный ситуационно, идейно и функционально.

Однако есть кое-что общее: устремление ислама к самому себе и к победе ислама над самим собой.

Не столь однозначно его сопротивление современному, вестернизированному миру, но оно есть: от джихада до укрепления и распространения ислама по всему миру.

Есть и агрессия ислама на неисламские территории, в особенности на Европу. Весь цивилизованный мир говорит о возможности уже не частичной, а полной исламизации Европы. Активен ислам и в других частях планеты, ни исключая ни США, ни России: повсюду растут как грибы мечети, идёт подчёркнуто выразительное, если не вызывающее, отправление магометанской религии, открываются медресе, создаются происламские сообщества, расцветает пропаганда.

Хочешь, не хочешь в это верить, но исламский мир взял на себя обоюдоострую миссию судии над современным миром, в особенности над Западным, решительно его отвергая и противопоставляя ему себя, мало того, он не только осуждает сей негодный мир, он его атакует, снабдив себя и боевым острием — терроризмом, партизанством, военной квазигосударственностью (ИГИЛ).

Да, у исламского мира есть претензии к тому же Западу — хотя бы за колониализм, за вторжения, за войны, как и есть мотивационное осуждение нынешней атеистической (нетрадиционной) экзистенции, культивируемой вестернизированной современностью. В некоторой мере исламский мир сражается и за человечность вообще, правда, мусульманизированную.

Силы кое-какие у исламского мира есть, как и есть вдохновение от сохраняемой культурной традиции, от своей веры, весьма в данной мировой ситуации — пронизанной острым кризисом человека и всего цивилизованного бытия — привлекательной.

Если китайский и тот же индийский миры занимают сдержанную позицию относительно тенденций мирового бытия-истории, хотя и не менее, чем исламский мир, испытывают неудовлетворение от вестернизированной современности, то исламский мир явно пошёл ва-банк, не только активно осваивая остальную для себя мир, но и идя на немалый риск относительно самого себя — война идёт всюду на территории самого исламско-

го мира, причём и между разнокачественными адептами ислама, а война на то и война, чтобы иметь непредсказуемые для всех её участников результаты.

Основной видимой причиной здесь, конечно, сама исламская идеология, подкрепляемая соответствующей бытовой культурой, но есть, однако, и кое-что не столь заметное, но более значительное — трансцендентное решение самого Бытия-Истории.

Трансценденция — глаз, ум и воля Всевышнего!

13 (238)

Не избегла «указаний» интервенционной трансценденции и современная Россия, брошенная бытием-историей в самый эпицентр тектонического перевоплощения всего земного мира.

Не выжидательный, хоть и вкрадчиво экспансионный, Китай, не стоическая, мудро-пластичная Индия, а именно Россия, однако вовсе не в «исламическом варианте» — как судии-мстителя, агрессора-покорителя, искателя своего собственного счастья и показательного образца для человечества, а в совершенно ином смысло-функциональном образе и с иной геосудьбоносной задачей — как вынужденного спасителя и альтернативного «игрока», нацеленного на достижение чего-то для себя и мира совсем *иного*.

Вот так: едва оправляющаяся от собственного сокрушительного кризиса, вовсе ещё не ставшая во весь свой рост, не утратившая вполне зависимости от глобализованного контекста, только-только переходящая к постреформенному развитию Россия, ещё только идущая к самой себе, оказалась вдруг призванной к исполнению практически фантастической, чуть ли не вселенской миссии — выйти на рубежи чего-то *иного*, останавливая окончательный приход на Землю антимира как её — Земли — злого победителя.

Не борьба с Западом тут в приоритете, а сопротивление земному антимиру, уже поглотившему почти полностью ту же ЕвроАмерику и готовому поглотить весь земной шар.

Не зёмная, не геополитическая и даже не геостратегическая тут задача, а воистину вселенская, как раз из тех — невозможных, но необходимых.

Не очередная ли здесь утопия?

Нет, ибо никакого заведомого проекта тут не закладывается — нужна лишь креативная импровизация, на которую, увы, уже никто в земном мире не способен, кроме отважной России, прозорливо наполненной неблагополучием и ожиданием чего-то *иного*.

Горьковатый опыт СССР отталкивает Россию от вселенских утопий, но при этом ориентирует её на действие в русле вселенского утопического реализма.

Современная Россия — совершенно непостижимое для высокого университетского ума событие!

14 (239)

Да, бытие-история сначала вытащило из советско-социалистической нави Россию, причём не без вспомогательного участия Запада (G7), а потом, вытащив Россию из западной западни (из G8), бросило её в пекло миропереустройства, предполагающего движение от одного мира к другому миру, включая даже инициативное участие в таковом движении и... антимира.

Да, нынешняя Россия — вовсе не образцовый в аспекте счастья человеческого мир, а потому ей нечего убедительно навязывать земному миру, да и желания что-либо навязывать внешнему миру у неё нет; Россия тяготеет к России, и устремлена она, достаточно уже заражённая антимиром, как своим собственным, так и охотно привлечённым извне, прямо навстречу сему анти-

миру ради его отрицания и возможного преодоления в себе и в мире.

Нигде в мире не говорят так открыто и жарко о той же, к примеру, справедливости, как и о беглой и изворотливой несправедливости, как в России, с нею — несправедливостью — не мирясь и её отрицая, хотя и не для того, чтобы раз и навсегда от неё избавиться, а чтобы идти вперёд — к чему-то иному, даст Бог, и более справедливому.

Главное тут — порыв, интенция, стремление, причём не к очередному из земного, а к чему-то совершенно *иному*, может, уже не очень-то и земному.

Что же выходит: Россия вновь жертва какого-то, пусть и вселенского масштаба, эксперимента, вовсе не такого и доброго? Впереди опять Голгофа и очередное Распятие, так что ли? Опять страна, «которую не жалко»?!

Совсем нет, хотя на таком-то рискованном пути всякое возможно: Христос на своём примере это весьма ведь убедительно доказал!

Тут стоит принять во внимание следующее: во-первых, Россия, будучи на подъёме, идёт к России — новой России; во-вторых, стремление к *иному* органично России — феномену неотмирному, тесно увязанному с иномирьем; в-третьих, вселенское задание по движению к иному не противоречит движению самой России к тому же самому через движение России к России.

Трансценденция ведь, она-то всё и знает!

15 (240)

Вот тут-то и потребна вера россиян в Россию, как и потребна Россия как источниковая вера русских — что коренных, что воспринятых, что примкнувших!

Россия ныне в прямом сражении с дьяволом, ниспосылающим на Землю антимир, — и вселенская миссия России возможна

лишь с преображением самой России, а какое-такое преображение без Голгофы и Распятия, может, уже и состоявшихся: СССР — разве для России не был Голгофой и Распятием, по крайней мере поначалу, в разгар революционно-разрушительного ража, а те же бесовские 1990-е с их безудержным поруганием России, русского мира, русскости?

Нет, сегодня ведь не поражение России, а хоть ещё и не победа, но её — России — *восстание* — восстановление и преображение, не так ли?

И потом: стоило лишь России вступить на путь к самой себе, как Россия была немедленно подвергнута диффамации, всяческому опорочиванию, низвержению во ад, мало того, стоило России чуть-чуть пошевелиться, защищая свои *гео*-интересы, как ей — России — была тут же вменена война, в развязывании которой и была «уличена» как раз сама Россия.

Вот оно — *столкновение миров*: одного земного мира с другим (того же Западного с российским), как и земного мира с подземным антимиром.

Война тут и в самом деле гибридная, только вот как сей гибрид понимать: мы склонны понимать его как *войну миров* (или *межмировую войну*), а фактически уже как начальный Армагеддон, ибо никакой другой по качеству войны на Земле, кроме гибридного Армагеддона, быть уже не может.

Суть не в том, что Россию кто-то из коварных землян спровоцировал на жуткую миссию (*псевдо*-миссию) и втянул в ужасную войну, нет, совсем нет, просто бытие России совпало с инициацией Бытия-Истории, — это, во-первых, а во-вторых, овладение Россией будущим, причём будущим прежде всего российским, вынужденно сопрягается с глобальными переменами, не могущими стать без центрального участия России.

16 (241)

Престрашнейшее, знаете ли, тут событие-процесс — внеземной выход России из нави (чуть ли не из самой преисподней!), неожиданный разворот к самой себе и совершенно невероятное включение России в мировое геостратегическое действо в качестве не только самостоятельного в нём участника, но и, что особенно поразительно и с разумной точки зрения совершенно недопустимо, в положении явно центрального и чуть ли не... главного (!) фигуранта.

А ведь всё сводится, во-первых, к неожиданно честному и правдивому слову, исходящему не откуда-нибудь, а прямо из России; во-вторых, к суверенной политико-стратегической позиции, занятой Россией; в-третьих, к самостоятельным великодержавным телодвижениям за рубежом (в русле и пределах своих насущных геостратегических интересов, диктуемых национальной безопасностью, обороной от внешних враждебных авантюр и защитой соплеменников, терпящих беду за границей).

Почему же это вдруг стало происходить и происходит так, как происходит, ежели Россия не столь сегодня физически мощна, как США или тот же Китай, да и в идейном плане не особенно вроде бы сильна и проективна?

Всё дело тут, конечно же, в *трансценденции* — что вселенской, что мировой, что российской.

Сошлись все трансценденции вместе и выдали сей невероятный результат — российский мистериальный выход на мировую, даже и сверхмировую, арену, да не в роли управляемого из-за кулис статиста, а в образе ненавязчивого самоуправляющегося демонстратора (чуть ли не демона!), не претендующего ни на какое лидерство, тем более, командное, а лишь впереди и вперёд идущего.

Ни логически, ни исследовательски, ни обывательски *этого* не понять, ибо ни логик, ни исследователь, ни обыватель не включают в своё когнитивно-интуитивное расследование ни трансценденции, ни тайны, ни незнания, как и понятия не имеют о такой вещи (от вещать), как *эгрегор* — тот же эгрегор России!

А надо бы это людям знать и иметь в виду, ибо эгрегор — трансцендентный замысел чего-либо — той же России, смысловое ядро феномена, его генетическая завязь и его же личностный спутник-оберег — то затихающий, то, наоборот, громко звенящий, но никогда феномена своего не покидающий.

17 (242)

Общемировая ситуация, трансцендентно мониторимая и оцениваемая Божиим Промыслом, высказалась незаметно и шифрованно за смысло-стратегическую динамику России, ибо момент слишком уж драматичен, время не терпит, впереди маячит лишь очень большая катастрофа.

В земнокосмотворное дело бросается промыслом Россия, но не потому, что только она и может справиться с неразрешимой задачей-миссией, и не столько в актуальном своём облике-состоянии, весьма и неприглядном, а в силу обладания Россией исходного блага-очага, называемого «чудаками», вроде Даниила Андреева, эгрегором.

Эгрегор — кладезь, запас, резерв, способный, когда надо, выпустить в эгрегируемую страну необходимую к случаю жизне-тельно-созидательную энергию-информацию (эгрегорную), которая её — страну эту — направляет, ведёт, выручает, хотя и с переменным, как водится в тварном мире, успехом.

Что же такого особенного в эгрегоре России, Руси, прото-Руси?

Как ни странно покажется по-евроамерикански образованным местным гражданам, эгрегор России, восходящий к *прото-*

эгрегору (то бишь ещё дорюриковского времени), отличается такими невероятными и недопустимыми-де для «нехристей» чертами, как доверчивость, благотворительность, бескорыстие, альтруизм, открытость, соборность, способность к внезапным переменам, стойкость, презрение к смерти, которые и позволяют в совокупности претендовать России на исполнение судьбоносной миссии, не приносящей ни быстрых дивидендов, ни большого гешефта, ни вообще пристойного благополучия.

Да, в эгрегоре России хватает и многого другого, совсем не очень-то привлекательного, но важно тут не наличие чего ни попадя, а присутствие в эгрегоре того, что почему-то отсутствует в эгрегорах других субъектов, вполне вроде бы и правильных.

Мир зёмный обречён ныне на тектонические перемены, а Россия обречена не только в них участвовать, но и нащупывать посреди тряского, волнующегося и перемалывающегося мира приемлемую для себя и для всего мира дорогу.

Миссия!

18 (243)

Тут уж не европогенный, хоть и подхваченный в России и Азии, Красный проект, в досталь пережитый Россией под тяжкой сенью СССР и в гуще просоветской соцсистемы, а что-то уже совсем другое, вовсе уже назойливо не проективное, ибо Россия — *сам-себе-проект*, всего лишь что-то... *самовозникающее*, как раз желаемое и допускаемое самой Россией, может, и в чём-то против её воли, что-то являющееся *из* и *среди* руин, а может, и *на* руинах, замороженных и запороженных евроамериканским Постмодерном, им обезголовленных или же попросту обезумевших цивилизаций.

Россия, возможно, первая из планетарных субъектов, осознала, в том числе и на собственном примере, нарастающую античеловеческую пагубность Великого Проекта, то ли переродивше-

гося, то ли выродившегося, то ли и на самом деле дьявольского (недаром же антихристов, иудинского, каинского), и, осознав, пусть ещё и не в полной мере, отпрянула от него, ища иной дороги в будущее и иных в нём образа и способа пребывания.

И делает это Россия не умозрительно, а в ходе реального жизнеотправления, полного противоречий, проб и ошибок, попыток и импровизаций, срывов и достижений.

А целостность движения тут обеспечивается имперской сущностью и столь же имперской компоновкой страны, её приверженностью своему эгрегору и лояльностью, пусть и не во всём смиренной, к своему трансцендентному предназначению.

Россия — страна сложная, трудная, странная, немало даже и страшная, хотя при этом и добродетельная, и самоотверженная, и необъяснимо привлекательная, как и магически притягательная.

Никто не знает толком, где она — Шамбала — или где он — Грааль, но... точно зная, что не в России, трудно отделаться от подозрения, что... кажется... всё-таки в России, разумеется, в иной интерпретации, — что-то вроде Града Китежа или же Кощева ларца, но именно в России, наконец-то к сему таинству восходящей через тернии, гнусности, преступления, ну и, конечно же, испытания, каверзы, потери, как и внезапные обретения, просветления, осознания.

Россию, столь жутко, ярко и споро пережившую евроамериканский соблазн, уже не оторвать от России и не остановить в её движении к *иному* — не нынешнему!

Россию можно безудержно ненавидеть, а вот высокомерно унижать её никак уже нельзя, тем более — хоронить, ибо унижение никогда и никому не прощается, как и непременно отмщается, а любая попытка рыть могилу противнику обращается нежданно-негаданно самого копателя погребением — закон бумеранга никто из смертных отменить ведь не может! Вот почему разумная часть Америки и предпочла ни с того, ни с сего злобной

и якобы умной Хиллари безрассудного-де и якобы недалёкого Дональда!

Запомним: сакральное отмщение является всегда само, как и мстительный бумеранг прилетает всегда сам, причём всегда ниоткуда и всегда внезапно!

19 (244)

Откуда такая вера в эту странную, тёмную и холодную, несуразную страну? По рождению, вестимо, от русскости, от предков, от тысячелетней, как минимум, истории, от стойкости, выживаемости и выносливости народа русского, его чуждой жизнеспособности, от суровой, но не скудной природы, от безмерного пространства, от трансцендентности и неотмирности, от *великой тайны*, наконец.

Отчего же эта убеждённость в наличии какой-то там вселенской миссии России, ежели Россия не способна саму себя ничем, кроме невероятно жертвенной Победы 45-ого, осчастливить? Нет, конечно, не от благополучия людского, которое то ли есть в России, то ли его нет, а как раз от побед русского духа и ума, как и от их же поражений, что органически впитано эгрегором России и ей непременно служит — как вдохновляющие образцы и как горькие уроки. И потом: Россия вовсе не собирается никому себя навязывать, она лишь хочет стать собственно Россией, а потому миссионерство её вовсе не навязчиво примеровое, а всего лишь путеводное — со свободой выбора спутников по бытию-истории, а ежели что-то вдруг станет в итоге из доброкачественного, то почему же и не примеровое?

Вера в Россию, как и в то, что Россия как раз и есть *незыблемая вера всех русских*, от которой никуда русским не уйти, не спрятаться, закрыв глаза, не избавиться, их открыв, ибо она, эта *вера-Россия*, или *Россия-вера*, прямо в душах русских и сидит, ублажая их, теребя, а то и неистово терзая. Быть русским — под-

виг, а стоять за русскость — подвиг вдвойне. Трудно, тяжело, невозможно, но и радостно, светло, вполне и свято. Родину, как и мать, не выбирают, — и хотя родина сия бывает не слишком внимательна и ласкова к детям своим (вроде мачехи), но другой-то родины у русских нет, а без родины — РОДИНЫ! — какой же ты, право, русский?

И как не признавать и не любить Русь-Россию, прошедшую худо-бедно через века, надевая на себя разные иноземные одежды и принимая разные закордонные личины, но всегда оставаясь неисправимой и неизгонимой из бытия-истории Русью (от прото-Руси до сегодняшней России).

Феномен, он и есть феномен!

20 (245)

Да, Россия не пренебрегает внешними примерами, особенно ежели они по тем или иным признакам передовые — относительно конкретно-исторической Руси. То варяжской силой и организованностью; то византийской царственной культурой и имперской организацией; то ордынской армейщиной и веротерпимостью; то европейским прогрессом в культуре и технике, в образовании и творчестве, в амбициозной и плодovitой деловитости; то революционной евроутопией социализма как царства труда и справедливости; то западно-глобалической прелестью всестороннего всемирного процветания. Но Русь-Россия всегда ухитряется оставаться самою собою, вбирая в себя воспринятое и сбрасывая с себя ей неудобное. Нет, то и другое вовсе не безошибочно, но... и новое весьма потребно, и традиционное нужно бережно хранить: так уж получается — через рывки, надломы, всплески, падения, в общем — не без бытийно-исторических судорог, однако всё-таки не летальных!

Странная страна — странное и у неё бытие-история: а что ещё ожидать, ежели неотмирность, связка с иномирьем, господство трансценденции?

Нет, не райская это страна Русь-Россия, скорее — адовская, но зато какая же она... *сказочная*, когда никому ничего ни о чём не известно, а ежели что-то и известно, то и не понятно, а если что-то стало вдруг понятным, то уж... держи язык за зубами, а то... не сносить тебе головы, догадливый — это в родной-то стране!

Русь-Россия бытует и прячется, торжествует и мечется, творит и притворяется, возвышается и летит вниз, вершит что-то великое и бежит взапуски от свершённого. Многолика, переливчата, неточна, неуловима!

Сказочна!

21 (246)

Неизвестность, неопределённость, непредсказуемость, неуловимость — великое достояние Руси-России, её зловерное благо, её добродетельный оберег!

Хаос, нехотя прикрываемый порядком; взнузданная, разгульная, но бездна — и всё от первозданности, от изначалья, от протомировской пуповины, от досадного недоступья, от беглого запределья.

И демоны тут на раздолье, и разная там нечистая сила, и колдовство всякое тут как тут, и мистериальное блаженство, и чудеса из чудес — вереницей!

Волхвы, православные старцы, светские мудрецы, недюжинные доморощенные пророки.

И мерзость запустения, и гнёт, и своеволие, и доблесть при том нечеловеческая.

Безумно сладостная культура: влекущая, втягивающая, не отпускающая, вовсе не успокаивающая, а всюю волнующая, те-

ребящая, изматывающая, испытывающая — на стойкость, прочность, дееспособность.

Где на планете есть что-то подобное, да ещё и огромное, огнедышащее, страшное — и всё от иного, не земного, не тутошнего?

Вот и выходит, что Россия живёт, не живя, а лишь... *переживая*, — то ли свой союз с небытием, то ли контракт с иномирьем, то ли конфликт с инобытием.

За внешним вынужденным покоем всегда скрывается аномальное беспокойство, если не вполне нормальное отчаяние, отчего и благодаря чему и бегут людишки русские в разные стороны, и бесятся на чужбинах, и возвращаются обратно, и снова неистово стонут.

Русская апокалиптика!

Совершенно безысходная — до жадно ожидаемого и невозможного *Преображения*, которое всё почему-то не приходит, хоть час его вроде бы давно уж пробил.

Русский апокалипсис!

Беда как будто бы, но нет, не беда вовсе, а достояние, оно же и испытание, чистилище, как и сражение — за человека, — и для сражения этого тот же Постмодерн евроамериканский не более чем мура несусветная, мелкое бесовство, презренное жульничество.

Русская Голгофа!

За что? Только за угрожающую-де всей мировой обыденности загадочную *инаковость*, способную к невероятно-внезапной импровизации — да ладно бы на пользу себе, а то ведь нет — в угоду чему угодно, только не себе!

22 (247)

Русская рулетка!

Напрямую и плотно общаясь с иномирной трансценденцией, Русь-Россия идёт по реальному бытию-истории, мягко выра-

жаясь, неровно, дискретно, «рвано», а точнее — не идет вовсе, а, шатаясь, бредёт, думая, что знает, куда, а на самом-то деле ничего такого и не зная.

Цель-то есть, но, как и у всего человечества как целого — цель-то вполне неизвестная — какая может быть ясная цель с такой-то тесной связью с иномирьем, с трансценденцией!

Разве лишь мечта, но понять же о чём — о царстве всеобщего счастья, чего быть в принципе не может, а потому и мечта всего-навсего... *мечта*, не более того.

Мечта об *ином*, вот и всё, а потому вперёд, стоя подолгу на месте, и, стоя на месте, стремиться вперёд, срываясь сначала в бег на месте, а потом и... устремляясь вприпрыжку куда-то вперёд.

Нет у России никакой обыденной цели, кроме выживания и кое-какого сносного бытия ради... *неизвестного иного*, а потому ни тебе благополучия — как сидя на месте, так и находясь в пути, ни достижения какой-нибудь разумной в обыденной критериальности цели.

Отсюда и рулетка, постоянный риск выстрелить себе в висок, и, что важно, не без периодических смертоносных на эту тему удач, хотя почему-то не окончательно смертельных — *цель-то у России трансцендентная*, да и сама она, напомним, от *необъятной трансценденции!*

Россия существует не для себя, точнее, не только для себя, а, если и не для всего мира, то уж точно для Всевышнего, ради Его замысла и цели.

Бытие-история Руси-России — не то что драма, всюю и *мистерияльная* (не чеховская сухая комедия, ни о чём таком не говорящая, а беспокойная мистерия в духе незабвенного Мусоргского, криком кричащая о вырывающихся в перекошенную жизнь бешеных силах русского исконного запределья).

23 (248)

Какие всё-таки события, какие происшествия на фоне как будто бесконечного и будто бы экзистенциального сна: явление Рюриковичей с гордым и неистовым Святославом — русским проимператором, покусившимся на саму Византию; византийское пленение под покровом христианской ортодоксии; схватка с восточным тартаровым змием — от поражения и через иго его к освобождению от ига его и до покорения самого змиевого царства; титанические судороги при переходе от рюриковской Руси — Московского царства к, как распорядилась история, романовской имперской России — смута, раскол, петровские преобразования; восторг екатерининского времени — войны, победы, обретения (Суворов, Ушаков) — Великороссия; схватка с наполеоновской Европой, победы в России и в Европе, покорение Парижа, контроль над Европой; плачевная Крымская дуэль с Европой, отомстившей России за поражение Бонапарта, последующее за поражением российское унижение; автохтонная реформа 1861 г. и последующего времени в направлении европейского «либерализма»; контрперемены в сторону исконной России; прославянская и прохристианская схватка с Турцией, освобождение Болгарии, вынужденная константинопольская досада (Скобелев); подъём России и ненужная ей евро-мировая война; антироссийская революция 1917 г., зачатая в Европе и исполненная в России вкупе с неистойвой и кровавой «гражданкой»; придуманный в Европе и грандиозно исполненный на останках Российской империи «мировой социализм», неизбежно превратившийся в сталинский тоталитарный этатизм; уход России в Навь; схватка с Европой, пусть и в фашистском образе и обресе, тяжкая над фашизмом победа; космический взлёт Страны Советов; социалистическая самопогибель, контрпереворот и новый разворот в сторону и в пользу ЕвроАмерики — экономизма, финансизма, глобализма,

колониализма; дальнейшее погружение России в Навь с признаками экзистенциального конца; неожиданный выскоч России из Нави, её внезапный подъём, хотя и, как всегда, загадочно противоречивый.

24 (249)

Не бытие-история у России, а некая не бросающаяся в глаза метафизическая «змея» — ползучая, изгибающаяся, выворачивающаяся, спящая, внезапно выскакивающая, меняющая «кожу» (образ, состав, органику), но и сознание с поведением, прерывистая, разделяющаяся и вновь сливающаяся, бесконечная, умирающая и воскрешающая, длящаяся.

«Змея», ползущая из глубин безвременья через реальное время навстречу новому безвременью, — ничего себе образчик, а-а?

И что интересно: хотим вроде бы одного, а выходит совсем другое, в особенности при временном обозрении, то бишь с проходом перед глазами и умами не одного-двух, а поболее случившихся в реальности событий, или тех же оборотов бытия-истории, ибо те или иные радикальные происшествия вроде войн, смут, революций, реформ, побед, поражений, как и значительных трудо-творческих достижений, включая и культурные, отзываются деструктивно-конструктивным эхом через весьма длительное время, внезапно проявляя себя в совершенно на поверхности вроде бы не связанных с ними событиях, феноменах, переменных, скачках.

Бытийно-историческая «змея» сама знает (или, наоборот, не знает), где, в какой момент и как даст о себе знать то или иное *что-то*, уже свершившееся ранее, с каким смысловым зарядом предстанет в текущей современности и войдёт на срок в Бытие-Историю, его трансцендентное осмысление.

«Змея», вбирающая в себя всё, что угодно и не угодно — от бездонной преисподней до исчезающих в вышине небес, не говоря о приземной реальности, весьма изменчива, переливчата, многолика, лицедейна и коварна — так что не верь не то что глазам своим, но даже и уму своему, обозреватель и исследователь, даже и мудрец, а потому предоставь «змее» судить о себе самой — безо всякой возможности с ней открытой «переписки».

Хочешь знать — сам стань «змием», вполне и метафизическим!

Знай, не зная, а зная — не знай!

Может, что-нибудь у тебя и получится!

25 (250)

Как это ни странно выглядит для сциенто-логически просвещённой цивилизации, но её постмодерновые адепты с головой уже погрузились в когнитивные потёмки, старательно попущенные самой же этой всезнающей-де цивилизацией, — и всё потому, что цивилизация сия закрыла наглухо метафизические источники знания о незнании, и ежели что-то от них — этих источников — осталось, то, помимо широко известных восточных и любых религиозных каналов связи с трансцендентным, всё более дающее о себе знать метафизическое мыслиезъявление России, для чего России и пришлось на современном этапе бытия пережить страшное тектоническое потрясение всей своей идейно-духовной сферы в 1990-х гг.: от тотального сциентизма и всеверного марксизма, вдруг подвергнутых сомнению, если не потерпевших унылого поражения, до возвращения на своё законное место метафизики, однако уже в постнаучной интерпретации.

Будучи сама по себе страной метафизической (вследствие своей неотмирности), Россия не потеряла и не могла потерять естественного для себя интуитивного вкуса к метафизике, несмотря на нашествие, а потом и засилие в гуманитарной сфере

сциентизма, материализма и механицизма — похлеще и пострашнее, пожалуй, ордынского присутствия в русских окаёмах, в идейном отношении чуть ли не невинного.

Именно русская гуманитарная мысль, довольно насытившаяся просвещенческим европеизмом, стала разворачиваться в сторону метафизики, правда, в основном в религиозной (ортодоксальной, православной) упаковке.

И именно эта мысль, получившая наивысшее воплощение в *русской софийной философии* конца XIX и начала XX в., была наглухо закрыта идейно европеизированным большевизмом («русским» радикальным марксизмом).

Контрреволюция 1990-х, занятая *супер*-бандитским дележом и частным присвоением народного богатства, подарила неожиданно для терзаемой «реформаторами» страны возможность внезапного ментального ренессанса русской метафизики в виде возвращённой из небытия русской софийной философии, заново рождённой *русской философии хозяйства*, а затем и впервые возникшей *русской софиасофии*.

Тут приходится поднажать на этнографию сей необычной и могучей мысли, ибо она и в самом деле является *русской* — не так даже по происхождению, как *по сути!*

Тетрадь одиннадцатая

1 (251)

Русская софиасофия!

Древние египтяне создали эзотерику, древние иудеи — Ветхий и Новый заветы, древние греки — философию, новые европейцы — науку, современные русские — софиасофию (о Востоке мы здесь осмотрительно промолчим).

Софиасофия — мудрость человеческая, обретаемая в контакте с Премудростью Божией — Софией, ведома и обогащаемая этой последней и не достигающая ни концептуальной, ни системной, ни тем более догматической законченности.

Можно сказать, что софиасофия — *мудрость мудрости*, но с той оговоркой, что у истоков её постоянно стоит трансцендентная *перво-мудрость*, восходящая к Софии и к Богу.

Софиасофия — работающее под Богом и в единении с Софией сознание, признающее незнание (неизвестность) и его (её) перед и над собой первенство и опеку.

Софиасофия — *метадогматическое знание*, но непременно как *знание незнания* и как *незнание знания*.

Определения (дефиниции), категории и выводимые нерушимые законы, как и специфический язык со специальным размышлительным аппаратом, не говоря о стимулирующих мышление процедурах и особых духовно-физиологических практиках, вызывающих «потребное» состояние организма и мозга, чужды софиасофии, которая довольствуется обыкновенным литератур-

ным языком, мыслительным сосредоточением сознания и адекватным ему напряжением духовных и физических сил.

Сознание вкупе с организмом сами решают, когда и как им входить в творческое состояние, устремиться свободно к Софии и выдать софиасофский продукт, который никак и никем, даже и Софией, не регламентируется.

Любой вообще регламент чужд софиасофии.

Не разум тут в приоритете, а сознание; не рацию, а интуиция; не исследование, а проникновение; не понятие, а понимание; не форма, а суть; не формула, а сентенция; не цифра, а слово; не доказательство, а представление; не факт, а воображение; не аргумент, а переживание; не довод, а намёк; не реальность, а ирреальность; не феномен, а ноумен; не явное, а скрытое; не текст, а предтекст; не имманентность, а трансцендентность; не говорение, а молчание; в общем — не знание, а... незнание.

Зная, не знай, а не зная — знай!

2 (252)

София сама решает, с кем и когда иметь дело, на кого и как реагировать: открывая что-то, скрывая или закрывая; поощряя, осуждая или препятствуя; опекая, ободряя или отвергая; доверяя, считаясь или устраняясь; признавая, ведя или исчезая.

София не эмоциональна, хотя и не чужда приязни и даже привязанности, но строга и неумолима, а если что, то и беспощадна, ибо она и в самом деле — *Страх Божий!*

София честна, но скрытна, она доступна, но в свою меру, а ежели открыта, то не уверовавшим в неё, а её признавшим, без поклонения, но с благоговением пред *Неизвестностью!*

София не терпит словоблудия, зато терпима к красноречивому молчанию, прерываемому словом лишь при необходимости и в умную меру.

Мера — кредо Софии!

Мудрствование — не кредо Софии!

София открывает сознание, побуждая его к действию, насыщающему сознание... сознанием, а уже обогащённое сознание прикасается к софийной мудрости.

Стояние и стойкость в одобрении и в ободрении Софии, лишь в нём и через неё есть движение к Софии и её благоволению.

Стоящий и стойкий приближается к Софии, покорный движению сознания к самому себе — под водительством Софии.

Тогда-то и случается искрящийся контакт с Софией — кладёзем и источником первоумудрости, тогда-то и сознание, становясь софийным, достигает вершин *непознаваемого познания*.

Суэта и корысть — враги Софии, а София — им тоже неприметный и непрямой враг!

За софийное знание не полагается никакой награды, кроме разве софийного же возмездия — какие уж тут суэта и корысть?

А почему же возмездие? О-о, Страх Божий на то и страх, чтобы рисковать и опасаться не справиться с истиной, не туда зайти, не с тем выйти, в общем — потерпеть если не поражение, то явную неудачу; да и как жить с истиной-то в сознании, разумеется, не физической: истина ведь не ложь — ни прикрыться ею, ни сбежать от неё, ни просто спасительно отвернуться, да и жжёт она, жжёт и сжигает; факты, столь любезно осваиваемые наукой, может, и радуют, но не обжигают и не сжигают; а потому, как бытовать с софийной истиной в сознании среди тех, кто ей чужд, да ещё и чужд воинственно: не быть понятым, принятым и признанным, зато быть умаляемым, осмеиваемым, отвергаемым — обыденность ведь в неуклюжей правде не нуждается, предпочитая ей уклюжую ложь.

Софийное дело — многотрудное, тяжкое, рискованное, потому всеми устоявшимися идеологиями либо вообще отвергае-

мое, либо признаваемое, но неохотно, краешком, на всякий случай, а вдруг!..

3 (253)

Прямое обращение к Софии в рамках и путём софиасофии открывает возможность откровенческого постижения бытия, мира, жизни, которого нет и не может быть на основе замкнутых на себя идеологий, причём постижения, нередко и опровергающего уже широко признанные идеологии, их, во всяком случае, весьма корректирующего.

Софийный путь — путь борьбы, испытаний, сторонних отвержений и личной самоотверженности, наконец — неизбежных увечий и непереносимых поражений, пусть и по большей части несправедливых.

Первое из первых возмездие от софийного пути — *одиночество*, причём прямо посреди образованного людского контекста: не с кем поделиться, не от кого софиасофу дожидаться адекватного его духовно-умственному деянию отклика, не с кем попросту заинтересованно побеседовать. *Иной* среди иных, как и *чужой* среди чужих, — вот, собственно, и всё!

Одиночество софийного мудреца — ноша, бремя, пытка, но зато хоть и тяжкая, почти что и невыносимая... *награда* — совершенно, впрочем, заслуженная — за саму попытку стать и быть самим собой, а не стадным «универсантом», как и за не санкционированный какой-нибудь официальной общепризнанной институцией выход на Софию и погружение в софиасофию — *пост*-какую-либо — самостоятельную, суверенную, живую!

Нет, софиасофия не отрицает ни науки — даже гуманитарной, сильно, увы, замешанной на ложных предпосылках и не выдерживающей даже серьёзной самокритики; ни философии, уже окончательно превратившейся в «закон для себя»; ни религии, не имеющей возможности, будучи априорно-де истинной, ни утвер-

дить себя в истине, ни изменить себя ради истины, а потому вынужденной лишь верить только в саму себя.

Зато софиасофия преодолевает все имеющиеся — утверждённые и утвердившиеся — знания-доктрины, что-то беря от них, а что-то оставляя невостребованным, точнее — для себя неприемлемым, можно сказать — несофийным.

Софийность — соответствие реальности, пронизанной неизвестностью, незнанием и неблагополучием!

Софиасофия — полнота полноты!

4 (254)

Мистерия, драма, трагедия — вовсе не досужие, а вполне реальные и знаковые обретения мятущегося сознания, запертого в светящемся мире и не могущего познать ни себя, ни мира и вынужденного довольствоваться не истиной, а слепком от истины, вполне и кривоазеркальным.

Прошли времена не только мифологии, религии и философии, но и абстрактно-обобщающей (теоретической) науки, остались лишь времена технологики, информатики, формогенетики.

Теперь только закрыв глаза, только вслепую — с надеждой на *технос*, замещающий собой *витос* — мистериальный, драмный, трагедийный, ибо *технос* хорошо известен-де человеку и им как будто бы управляем, что и вызывает пассионарную одержимость у остаточных *homo vitas*, прощающихся с естественной реальностью и уходящих в искусственную виртуальность.

Проблема познания и самоопределения сознания снимается, остаётся лишь возможность краткого на свете небытийного пребывания: *бытие человека переходит в небытие постчеловека* — этого *homo sapiens*, когда ничего, кроме предсмертного благополучия уже не поиметь, сколько бы сие на свете пребывание в темени не длилось.

Ничего!

Наука даёт великое заблуждение, философия — безмерную путаницу, религия — очень слабое утешение.

А ведь сие рассуждение — вполне софиасофское — одно-моментно страшное и радостное, ибо за софиасофией последнее слово, во всяком случае у христианизированных ведийцев, алкающих для себя не погибели, а... *выхода!*

S (2SS)

ЕвроАмерика ничего уже не даст миру, кроме превращения человеческого мира в *античеловеческий техномир*, он же и *новый антимир*, лишённый не только жизни, но даже и смерти, ибо он сам и есть уже смерть!

Бросив себя на ЕвроАмерику, исламский мир бросил себя и в топку небытия — от великого своего самомнения, питаемого безмерной обидой на весь изменяющийся не по-исламски мир.

Бешено работая и упорно расползаясь по белу свету, Китай рассчитывает на вкрадчивое овладение миром, но, во-первых, каким же по качеству и состоянию миром; во-вторых, миром, совсем не желающим становиться китайским, как он уже не захотел стать панхристианским или тем более пансоциалистическим и не хочет стать панглобалистическим, паневроамериканским, пантехногенным; в-третьих, как сам Китай переживёт внутри себя тектонику перемен, овладевающих планетой и не пройдуших мимо Китая?

ВПК и ОПК, как и существующие армии, хотя и поигрывающие в локальные «войнушки», удерживают пока мир в состоянии дискретного мира, и их стратегическое значение в общем бытии ныне явно возрастает. А тут ещё этот лукавый мировой терроризм — явный провокатор и поджигатель большой мировой войны.

Крайне рискованная ситуация на краю!

Мир в тектоническом движении, а дорога вперёд вовсе не ведёт его к Храму!

Слишком много признаков Последнего Времени, в том числе, а то и прежде всего, в зонах менталитетов, культур и вер!

Слишком много признаков Нового Тоталитаризма, увязанного не так с национализмами, империализмами и терроризмами, как с научно-техническим прогрессом, любовно сочетающимся с «прогрессивным» духовно-культурным регрессом.

Слишком уже заметен призрак Армагеддона, если и не бродящий пока по планете, как когда-то забродил по Европе «призрак коммунизма», то к Земле явно уже подбирающийся — при дверях!

Крайняя ситуация края!

И всё это апокалиптическое надо человеку (всё-ещё-человеку) осмыслить, ища невозможного выхода, надеясь на Бога и при этом самому не плошая.

Но как, где, кому, с кем?

6 (256)

Работа по внедрению в сознание человека экзистенциального отчаяния — давняя уже работа, вроде бы поначалу предупредительная, исправительная, прочеловеческая, а затем, увы, совсем другая — разделочная, потрошительная, даже и палаческая.

Мало кто из землян это понимает: подавляющее большинство «интеллектуалов» этим попросту живёт, жирно кормясь и пузырьчато раздуваясь.

Антимир со своими антиэкономикой, антипотреблением, антикультурой весь в «прогрессивном» движении, захватывая человека, бытие, мир, гнобя сознание и корёжа души, внедряя в человека животный страх от человека, государства, цивилизации,

вселяя в землесферу античеловека и вытаскивая повсюду антижизнь.

Отвращение к человеку, бытию, миру, даже к природе, хотя при этом и аномальное пристрастие молодых поколений к приключению, риску, «сказке», не говоря о наркогенном бегстве от реальности и иллюзиократическом «личностном» аутизме, как и взрывоподобное распространение среди всё той же молодёжи «клипового сознания» и «птичьего языка» — всё это реалии сегодняшнего дня, находящегося под разрушительным воздействием практического постмодерна, явившегося прямо из бесовской преисподней.

Преисподняя — не выдуманный мир, а реальность, спрятанная в недрах большой реальности и работающая, работающая без устали, меняя сознание, коверкая души, внося необъяснимые просто так перемены в сам физический облик человека (откуда все эти «новые человеки» — монстроподобные, кукольные, типовые?).

Это, конечно, апокалипсис, из которого нет осмысленного и управляемого сознанием выхода, а есть лишь робкая надежда на то, что всё как-то образуется по воле Господа, но кто из смертных знает Господни намерения? Не уместно ли вспомнить о землетрясениях, вулканических извержениях, потопах, эпидемиях и разорительных смертоносных войнах, которые имеют место вовсе не из любви к человечеству, а ему в обвинение и наказание, пусть и сдобренные изначально к человеку... э-э... расположением.

А сейчас человек сам себя наказывает через собственное апокалиптическое *перерождение*, заменяющее ему апокалиптическое *преображение*, — разве не так?

7 (257)

И всё это под шумок благолепия, благополучия, вообще любой благодати, веками чаевшейся человечеством.

Счастливый, как в театре, конец — тоже ведь конец!

Землесфера как аналог благоносного Освенцима, что ещё надо благополучному во всех отношениях человечеству, то ли добровольно от себя отказывавшемуся, то ли переживающему ныне апокалиптическое свёртывание самого проекта под громким названием «ЧЕЛОВЕК».

Есть, видно, то и другое — достаточно взглянуть хотя бы на передовое евроамериканское человечество: тут и явное уже самоубийство, и не менее явное, хотя и трансцендентное, подталкивание евроамериканства ко всё тому же суициду, правда, куда более масштабному и целостному, чем сама зарвавшаяся от своей передовой исключительности ЕвроАмерика (заметим, не духовной, не идейной, а, благодаря расцвету в ЕвроАмерике экономики, науки, технологии и «антикультурики», чисто материально-механической — и inferнальной — исключительности).

И всё это на взлёте, на вершине мира, на переднем крае бытия, но кончике истории, на пике могущества, бац... и что-то вдруг сильно там не заладилось, изнутри что-то забулькало и извне забулькатёло, неизвестно где и зачем заурчало, затрещало, наполняя ЕвроАмерику беззвучным, незаметно цепенящим и снедающим сознание страхом — от неизвестности вдруг реально происходящего и его трагически реального непонимания.

Знаменитая Помпея погибла ведь не от везувиевского пепла, она погибла от самоуверенности и беспечности людской, ну и... от душливого везувиевского газа — вкрадчивого, дурманящего, осчастливливающего!

ЕвроАмериканский Постмодерн — как раз такой вот благодатный удушающий газ и есть!

Ничего сильно угрожающего ЕвроАмерике вроде бы в ЕвроАмерике не происходит, но... где её глубокомысленная элита, где её великие творцы, где её трудолюбивые народы, где её оригинальная культура, где её мужественные воины, где... всё это? Да, следует ответ: испарилось, выветрилось, исчезло — сладостный постмодерновый, он же и гедонистический, и гламурный, и толерантный, и политкорректный, и высоко-декультурный, и... неважно ещё какой... апокалиптический газ, он же и антидух, всё это и... уничтожил, хотя и обязан этот газ, он же и антидух, своим явлением и успешным действием не чему-нибудь, а вырождению ЕвроАмерики вкупе с трудо-волевой деградацией, обязанным успешной экономике с её виртуальными деньгами; техносу с его облегчением труда и бытия; денационализации с её потерей этноидентичности, сплочённости и обороноспособности социумов; дезэтизации жизнеотправления с её расслаблением и диссипацией человеческого общежития; расчеловечиванию самого человека, включая феминизацию, инфантилизацию, дефамилизацию, десексуализацию и т. п. «вещи».

Она ещё есть — ЕвроАмерика — и побудет некоторое время в своём законченном, но уже деградационном, состоянии... — какой ещё прогресс, кроме античеловеческого, она теперь может выдать миру, уже от неё убедительно и неукротимо отворачивающемуся?

8 (258)

Да, прозападная часть российского населения, либо прямо проведшая революционные реформы и извлекая из них великий бесплатный и как бы бессрочный гешефт, либо поимевшая от сих «преобразований» хорошенькую материальную выгоду, либо кинувшаяся искать счастья на «благородном Западе», либо, будучи вытолкнутой туда житейскими обстоятельствами, прямо, вчистую и с благоговением сдалась «Новой Византии», сделавшей

вид, что *такой* российский элемент ей совершенно не чужд, даже очень желателен со своими награбленными деньгами, капиталами, знаниями, трудом, рвением, женским ресурсом, ещё не гнилой кровью, ну и немалой изменой родной России.

Факт! Что было и что есть, то было и то есть — отрицать не приходится!

Очередной тут раскол России и очередной раз на прозападную (частично и провосточную) и почвенную части со всякими промежуточными нюансами и смешанными (гибридными) реализациями.

Последний это раскол России или нет, кто знает, но этот раскол очень важен с точки зрения дальнейшей судьбы России и даже всего мира, ибо он — раскол этот — связан с происходящим сложно, тернисто, мучительно, но почти что и молниеносно, *воскрешением собственно России*, её выходом из нави и радикальным самоутверждением.

Да, часть России должна уйти на Запад и там либо раствориться, либо как-то заявить о себе как о чём-то для Запада ином, может, и частично спасительном. Здесь всё не просто: на Запад уходят не одни проходимцы, которые даже не уходят, а бегут на Запад, пытаясь спасти свои тела и души от отеческого возмездия и общечеловеческого проклятия.

Так или иначе, но в новом расколе России наряду с негативом есть и свой позитив: новая становящаяся Россия должна освободиться от гнобящего её груза антиРоссии, что не значит, что вся «зарубежка» плоха, а вся остающаяся в России «патрионка» хороша, как и то, что Россия и в самом деле вполне очищается от антиРоссии.

Ничего подобного: Россия обречена на органику с антиРоссией, а потому России ещё долго быть не только роково раздвоенной, но и судьбоносно проективной — как раз на собственно российском, а потому и русском, векторе.

Вне русскости никакой России нет и быть не может!

9 (259)

От кого, от какой цивилизации, от какого мира ждать человечеству *Нового Откровения*?

А-а, вот именно — только от России, но новой России, только-только в невероятных муках рождающейся!

Осатаневший Запад мечтает об обрубленном жёстко и безмерно постчеловечестве — ничего другого он себе уже представить не может: гуманизм завершается оголтелым антигуманизмом, что ныне уже понятно и вполне даже объяснимо — тут ведь никакой уже трансцендентности, всё, как на ладони; Восток живёт древним откровением, годным лишь для Востока; своим старым откровением живёт исламский мир, полный неприятия всего иного — так уж он устроен, этот самоуверенный и вновь ставший воинственным мир; Африка живёт Африкой, не нуждаясь ни в каких новых откровениях, кроме полученных от предков и охотно там культивируемых; Латинский мир не против новых откровений, но идущих к нему извне, от других, что беспокоит латинцев, но не даёт искомого ими результата.

Остаётся Россия, пережившая *такое*, о чём может только мечтать любой другой регион мира, а главное — никак не обретшая при этом останавливающей движение законченности. Какая-то такая законченность на продуваемой мощными геовебрами пространной равнине, да ещё и с антироссийскими плодами прозападной и провосточной ориентаций — не без любви и ненависти, теребящими неправильную-де Россию-мачеху?

Любое откровение ведь выдавливается из метафизического нутра страдой и страданием, ещё и внешним презрением и унижением, которые мало того, что никогда никем не прощаются, но служат очень хорошим стимулятором для спасительных раздумий, решений и действий: и последние ведь становятся первыми,

нет, не главными вовсе, а именно первыми — первопроходцами в неведомое будущее!

России повезло быть могучей и позитивно продуктивной в Новое время, а потом вдруг оказаться в Новейшее время прямо-таки в нави, неся на себе навязанный ей посредством антироссийской революции «красный проект», быстро превратившийся в «красно-ордынский», пережить сие проектное иго, одерживая под ним и вместе с ним кое-какие вселенского значения победы, а затем попасть в связи и по итогам крушения сего проекта в совершенно дьявольский оборот, назвавшийся глобалическим, и каким-то чудом(!) из сего оборота выскочить — прямо в мировую апокалиптическую явь.

Кто на земле ново-новейшего времени может похвастаться таким вот непрерывным — злым и беспощадным — *выворачиванием вывернутого?*

Никто, будьте уверены!

Вот он, главный козырь — в уме и в руках современной России!

10 (260)

Кто только и по какому угодно поводу не поносит сегодня Россию и её загадочное верховное правление, хотя есть и те, кто чует в России какую-то просто так невыразимую житнетворную потенцию, впрочем, неплохо самой Россией уже и подтверждаемую.

Из бездны в реальную явь — здóрово, не правда ли?

Мало того, прямо в «явский» эпицентр, в самое что ни на есть чрево бытия-истории, в самое его родительное гнездо.

Из сжигающего огня в обжигающее польмя!

Кто ещё: США, Европа, Китай, Иран, Израиль, Куба? Нет, нет и нет!

Скажут, есть ещё поднявшийся на борьбу и экспансию исламский мир, но... разве он кого-нибудь, кроме себя, признаёт, кого-нибудь вдруг выручает, чему-нибудь, кроме своих собственных чаяний, служит? Нет же, в чём нет и никакой его вины, ибо он такой, какой есть — на себя и только на себя замкнутый.

Россия!

Да, только она — Россия — непутёвая, неправильная, нелепая, охотно поносимая всеми, кому не лень, особенно «ближними», ей как раз своей «личной» экзистенцией и обязанными.

А ведь Россия только-только обратилась к своим интересам и человеческим чаяниям человечества, только-только поднимается, только-только суверенно заговорила, только-только стала от себя действовать, только-только становится... *Россией*.

Нет, не имперскость России смущает и страшит антироссийский контекст, не её поднимающаяся и нарастающая военная мощь, даже не православность её людской сердцевины, а... *русскость*, которая только и может согласно неведомым человеку высшим установлениям быть не просто самою собою и самой по себе, а... *иной*, не такой, как все, но зато и *альтернативной* — для всех!

Россия ничего и никому не предлагает и не навязывает, она лишь действует в пользу иного, чем может кто-либо ныне предложить, будущего, его при этом никак ни для себя, ни для других, ни для всего мира не проектируя.

Россия — сама себе проект, и ни в каких ещё проектах ни для себя, ни для контекста не нуждается.

Вот такое тут невероятие!

11 (261)

Россия ныне — важнейшая в современном мире геостратегическая величина, и не просто из первых, а... нет, не первойшая

вовсе, а *особенная*, которую теперь ни вычеркнуть, ни проигнорировать, ни отбросить.

Россия теперь весь мир, а весь мир теперь в России, но нет, не в американском претенциозном, не в лидерском и уж, тем более, не господском варианте, а всего лишь... *российском* — отзывчивом, принимающем, держащем.

Странно, конечно, невероятно, но ведь факт!

Россия не только стоит за себя, свои интересы — супротив супостатских намерений из партнёрского контекста, она стоит за других, вовсе не жертвуя собой, как бывало, а лишь себя суверенно выставляя.

Здесь, конечно, переворот — *всемирный переворот*, не без поддержки незападного мира, да и кое-каких трезвых сил на самом Западе, но всё-таки это *российский переворот*, делающий мир другим — выбирающим своё неамериканское, западное, непостмодерновое будущее.

Россия не пошла на поводу у улыбчивых тевтонцев и, как и неоднократно ранее, выступила навстречу амбициозно-агрессивному движению Запада на Восток и не дала возможности реализоваться импероколониальным планам относительно как самой России, так и её родовых окаёмов.

Война, уже открыто ведущаяся Западом против России, говорит о многом: о праведной позиции поднимающейся России и о несправедном поведении зазнавшегося и зарвавшегося Запада, уже и вслепую затухающего.

Европа нынче уже не на закате, а в агонии, она фантастически сдает саму себя, бредя', как под гипнозом, катастрофой, сравнимой с фашистской, но уже какой-то другой — постмодерновой.

Ни ещё большее подчинение США, ни поглощение Европы Америкой, ни попытка новой империализации самой Европы уже не спасут её, ибо она вступила по неумолимому «хотению» бы-

тия-истории на путь неуклонного самораспада — не так даже межстранового, как «тканевого». *Большая европейская игра в мировую демиургию завершается самопохищением Европы!*

В том же направлении, хотя и очень по-другому, отправились и США, тоже завершающие некоторый свой цикл, впрочем, весьма короткий — сверх-сверх-державный, единолично лидерский, образцово-показательный, единственно правильный, невоздержанно господский, самоуверенно наглый. Нет, конечно, не сходу, не сразу, не очень споро и скоро, прерывно, судорожно, но... непременно! Король всё ещё силён, могуч, лукав, аморален, но всё-таки... «гол», правда, не по «безодёжному» критерию, а совсем по-другому — отсутствию адекватного понимания мира и себя в нём; по отрыву от изменяющейся реальности; по запутанности и ущербности своих иллюзионных представлений о человечестве, народах, людях, в общем — по слабости ума своего, чувств, души, интуиции, что то же самое — по общей интеллектуально-воображенческой неадекватности.

Вот такая выходит у нас картинка — Запада в России и России на Западе: у них в духе русских Шагала и Кандинского, у нас же в духе европейских Пикассо и Дали, — с непреложной данью безумному постмодернизму!

12 (262)

Ах, этот безумный, безумный, безумный мир, надёжно уже оцифрованный и старательно посчитанный, уже попавший или ещё подпадающий под жёсткую опеку техногенного и технократического «змия», вполне виртуального и вполне чудовищного — бессердечного, беспощадного, бессмертного!

Что ж, может, в сих рассуждениях много бесхитростных заблуждений и всё в этом мире совсем не так, что мир, переживая трансформацию или даже трансгрессию в какой-то иной мир, идёт всего лишь к какому-то новому бытию, или же новому обра-

зу бытия, вполне и приемлемому для мечтательного человечества, жаждущего чего-то и в самом деле *иного*, где всё будет почти как в раю и уже никак не почти что в аду, как раз том самом, что вполне сейчас реален для очень большой массы наново оцивилизованных землян. Можно согласиться с тем, что всё на Земле происходит совсем иначе и станется совсем по-другому, не так, как здесь и сейчас трактуется и наперёд просматривается, но вот как же тогда есть и будет совсем иначе и по-другому?

Никто из землян ничего *такого* сколько-нибудь определённо не знает, да и знать не должен, и мы, разумеется, тоже, а потому оставим сии каверзные вопросы в инферальной корзинке — не спорить же по их поводу то ли с очень убеждёнными в чём-то другом, то ли с очень куда-то ментально заблудшими, а лишь заметим, что здесь и сейчас, а ещё больше впереди, перед человечеством уже образуется и маячит не что-нибудь, а гигантское, хотя и очень лёгкое, *внечеловеческое нечто*, которому собственно человек, да ещё и в мириадных количествах, да ещё и бессмертный, совершенно не нужен, а надежда на то, что Земля де всё выдюжит благодаря новым энерго-био-техническим изобретениям, не более чем тщетная надежда — пределы земного бытия уже достигнуты, а бытие ныне бытует уже не в пределах, а где-то за ними.

Есть уже и планы, конечно же, западные, по *оптимизации* человека, человечества, жизни, бытия, разрабатываемые и подлежащие исполнению новыми человекообразными существами — «эффективными менеджерами», проходящими ныне учебно-разминочную подготовку по уничтожению цивилизации Нового времени, как бы уже безнадежно устаревшей в сравнении с нейро-информационной хайтековской сетью.

13 (263)

Да, жизнь идёт и как будто бы продолжается, хотя тревога за ход бытия невольно нарастает, причём как раз более всего в среде «золотого миллиарда», уже привыкшего к благополучию и истово поклоняющегося «царству разума». Разумеется, воспринимается некоторая проблемность бытия, но не более чем кризис, пусть и острый, но, конечно же, временный. И лишь отдельные персоны, не растерявшие всё ещё человеческих достоинств, чувствуют уже кое-что посерьёзнее, а именно, что-то и впрямь катастрофическое, мало того — неизбежное и неумолимо приближающееся. Что-то вроде цунами, возникающего невероятно, неожиданно, внезапно, ещё и по каким-то глубинным океанским «соображениям», человеку вовсе и не доступным.

И если учесть, что всё «самое-самое» творится в глубинах бытия-истории, да ещё и в корреляции с Занебесьем, то тревога, о которой речь, вполне, может, и оправданна, а тяжкие предчувствия, о которых тоже речь, вполне и обоснованны.

Заволновавшаяся, задёргавшаяся, зазабоченная ЕвроАмерика — вовсе не случайность, не несуразность, не неуместная «выходка» текущего бытия-истории, а вполне объяснимая данность, наступающая любую выходящую за пределы — нет, не разумного вовсе, а всего лишь допустимого — феноменальность. Разные тут пределы, навязываемые не только феноменальной, но и ноуменальной мерой, а также мерой трансцендентной.

Мера — важнейшая вещь, судьбоносная, которую ни знать вполне нельзя, ни довольно соблюсти, но которая, в случае выхода за ее рамки, обязательно даёт о себе знать — через неурядицы, кризисы, потрясения, войны, катастрофы и прочие «нечаянные радости».

Однако в одной только мере ведь не проживёшь — выходы за пределы меры необходимы, так или иначе и неизбежны.

Тут сильнейшее противоречие — между мерой и безмерием, когда то и другое потребно, хоть друг друга и взаимно отрицает.

Америка давно уже по-чёрному играет с безмерностью — выход на передовое и даже высшее место в мире, взятие на себя лидерской, примеровой и судейской, если не инквизиторской, роли, возможность политического доминирования в мире и экономической его эксплуатации, технологическое превосходство, военная мощь и прельстительная потенция американской потребительской масскультуры вскружили голову Америке, возманившей себя светочем мира, примером для подражания и безусловным для всех наставником, что как раз и стало роковым заблуждением Америки, её стратегической ошибкой, если не опрометчивым преступлением перед человечеством.

Исчезнет Америка как нынешняя Америка или нет, решать Бытию-Истории, а вот разносторонняя имперIALность её явно уже под большим вопросом, не чуждым вполне и реалистичного позитивного ответа — *да, исчезнет!*

14 (264)

Ошиблась роково не одна Америка, но и Европа, восхотевшая вновь исполнить свою вековечную мечту — стать наследной Древнему Риму новой европейской империей! Европейский союз, этот вроде бы безобидный образчик совместного многонационального бытия, вдруг заявил о себе как прото-, или пара-, может даже, и квази-империя, проглатывая с жадностью вдруг освободившиеся из-под «восточного оккупационного гнёта» страны Центральной и Южной Европы, Прибалтики, даже и Кавказа, даже и Восточной Европы (с попыткой вобрать в себя ту же Украину), а также проникая имперски в Северную Африку, на Ближний Восток, да что проникая, стремясь к присоединению тамошних стран к становящейся новой европейской империи. Расчленение

Югославии с подавлением Сербии, как и показательная расправа над Грецией — того же неоимперского порядка.

ЕС нарушил геополитическую меру — меру прежде всего самого себя, но это не всё — он нарушил также свой собственный принцип мирного сосуществования государств и наций, набросившись на Югославию и ту же Ливию, напрочь при этом забыв о трансцендентном законе возмездия («принципе бумеранга»), непременно почему-то исполняющемся.

Неча тут пенять на злую судьбину или на ту же злую Россию, ежели европейские внутринациональные регионы восстают против своих же правительств, брюссельского произвольного правления и неумного вашингтонского диктата, стремясь к собственной независимости и к совсем другой Европе, а исламский мир наводняет Европу беженцами и превращает Европу в филиал, если не в сердцевину, самого себя, энергично и неуклонно исламизируя Европу.

Ничего особенно удивительного во всём этом нет: бытие-история вовсе не против как опрометчивых людских деяний, так и подобающих за них нелюдских возмездий.

Да, немало думают люди о последствиях тех или иных своих действий, хотя и явно недостаточно, много думают о судьбе инициаторов и исполнителей разных бытийно-исторических деяний, но совсем не думают о неизбежном возмездии, охотно настаивающем не одних лишь изобретателей и экзекуторов великих исторических деяний, но и их мало в чём повинные народы.

Разгром той же Югославии и, в особенности, унижение Сербии долго будут аукаться *всей* Европе, как и *очень дорого* ей обойдутся: метаистория ничего не забывает и ничего никому не прощает!

15 (265)

Ах, эти элиты, которые всё решают и которые пусть и не вполне и не всегда отвечают за совершенное и его последствия, но всё-таки отвечают. Кажется, что цезари, елизаветы, рузвельты и сталины ни за что не отвечают, в отличие от тех же осуждённых, казнённых или предательски убитых лидеров, нередко и ни за что пострадавших, устранённых, ликвидированных, но это не совсем так, если совсем не так: возмездие является неизвестно откуда, или откуда угодно, в любое время и в любой точке бытийно-исторического поля-процесса, как и может быть «коврово» по любой его локальной «поляне».

На то и *апокалиптика!*

О-очень это интересная вещь — *возмездие!*

Да, вытворяют что-нибудь эдакое одни: люди, классы, поколения, народы, а ответственность за это нередко несут другие, ни в чём подобном и не повинные — неразборчивой и жестокой бывает мистериальная игра Бытия-Истории, если не самого Господа Бога, а то и попросту бессердечного и беспутного дьявола. Смотря тут бывает кто, что, когда, где, зачем, хотя и не прицельно, не точно, не по инициаторам и не по исполнителям, а так — *вообще!*

Обязательно ли? Рано или поздно, там и сям, но непременно, почти что и без связи с содеянным. Здесь тоже неопределённость, разреженность, завихрения, трансцендентность. Если б было всё точно и праведно со стороны возмездия, то вряд ли что-нибудь эдакое вообще творилось, частенько и несусветное, да и какой правильный умница, ещё и законопослушный, на что-нибудь эдакое вообще решился бы.

Однако в умницах этих, хоть и в неправильных и в незаконнопослушных, вселенская мистерия всё-таки нуждается — без них тоже ведь нельзя. И такие умницы находятся и кое-что важ-

ное вершат, но... не без опрометчивости, риска и той же наглости, даже и не без глупости, ибо иначе — *ничего!*

Но есть такие развороты Бытия-Истории (вывороты), что и умница не может переориентировать процесс, разве лишь несколько ослабить его и от него исходящий негатив. Запад, похоже, в таком вот положении и оказался — причём сам, по причине самого себя и сам же должен из сего положения выбираться, что как раз и всего невозможнее — как это вдруг взять, да и радикально самому измениться: во что, каким образом, кому, с какими последствиями?

Вот она — *трансценденция!*

16 (266)

Нет, не надо думать, что Россия сегодня в стороне от коварств бытийно-исторического процесса, совсем наоборот, кто-то, а уж Россия-то получает всё это по полной — достаточно обратить свой взор на лихие 1990-е гг. и их жуткие следствия, чтобы в этом легко убедиться.

В отличие от ЕвроАмерики, которая только-только подходит к своей «личностной» перестроечной драме, Россия, как раз четверть века назад, в подобную драму решительно впала и еле-еле из неё вылезает — обновившись, но не настолько, чтобы сию драму отправить раз и навсегда в историческую память и только: драма всё ещё в разгаре, российская перестройка ещё длится, хотя уже всё это на этапе кое-какого, совсем уже и не робкого, подъёма.

Так или иначе, но Россия, получив по полной не только от крушения СССР, но и от апокалиптического кризиса самой себя — после модельно-показательного, пусть России и более навязанного, чем нет, «советско-социалистического» опыта, увенчавшегося предательским разворотом к манковой загранице правившей в стране элиты — так вот эта самая Россия, вовсе ещё не

ставшая и не обретшая саму себя — новую, пролетела-таки над бездной, зачерпнув обильной «бездноватости», но в ней — бездне — *не исчезнув!*

Вышла (или выходит) Россия из сего болезнетворного испытания если и не здоровой Россией — новой Россией, то, безусловно, Россией выздоравливающей, мало того, Россией, знающей почём фунт глобалического лиха, набравшейся нового геостратегического опыта, закалённой, даже и раскрученной, если не закрученной — на саму себя, в общем, всякой, но только не обескураженной, не растерянной, не беглой.

Перед Россией замаячило кое-какое будущее, пусть и не самое светлое, не очень-то комфортное, вовсе не райское, но всё-таки... БУДУЩЕЕ, которого, как казалось совсем ещё недавно, у России как бы не было и даже не могло уже быть.

Не то ЕвроАмерика, у неё всё только начинается — *апокалиптический самокризис* (этакая «автокатастрофа»), без чего ей уже нет хода вперёд, правда, какого же хода? Ответ на сей противный вопрос как раз и даст подкравшийся и разгорающийся кризис, тем более, что ЕвроАмерика уже не может контролировать и направлять мировой контекст в свою пользу.

Россия — противник, Китай — враг, исламский мир — «разбойник», латинский мир — бунташник, Африка — скорее недруг, чем друг.

Да-а, есть, конечно, Канада, Австралия, кто там ещё — Япония, Южная Корея, Саудовская Аравия, Катар, Тайвань... э-э... вроде бы союзники, а может, всего лишь «союзнички», в общем — не так уж и здорово, надёжно, крепко, а мир зёмный стремительно меняется и все субъекты в нём тоже, — а потому... всем нынче «хорошо», а не только ЕвроАмерике — мир меняется не так структурно, как концептуально, а вот и какой же концепции теперь всем «друзьям» ЕвроАмерики следовать — антироссийской, антикитайской, анти... ещё какой... а-а... проевроамер-

риканской, но она-то как раз сама в глубоком кризисе, уже тотальном и, не исключено, конечном?

¶ (267)

Нам, разумеется, возразят знатоки всего и вся: «Сколько уже времени хоронят ту же Европу, западную цивилизацию, тот же капитализм, а они, знаете ли, всё живёхоньки!». И правильно возразят — и в самом деле живёхоньки, более того — процветают, мало того — идут вперёд, прогрессируют, возвышаются! Чего не скажешь ни о России, ни о том же Китае, которые если куда и идут, то пока идут всё-таки следом за ЕвроАмерикой, а не сами по себе. Факт! Так оно и есть! Евроамериканский проект вполне себе продолжается, он не умер, он жив, ему служит весь мир, ему-то как раз и обязанный неугомным своим развитием.

Неча выпендриваться всяким там Россиям и Китаям, даже и БРИКСам, а надо всего лишь следовать за ЕвроАмерикой и ей, ничтоже сумняшеся, попросту подчиняться. Ну и платить ей дань — за пример, за дары, за лидерство. Тогда и мир в мире будет, и всеобщее процветание тогда на мир снизойдёт. А тут какое-то ЕвроАмерике сопротивление, борьба с ней за какой-то от неё суверенитет, за собственное «национальное Я», как и поиск какого-то иного пути в какое-то там Иное.

Не ЕвроАмерика с ума сходит, а весь остальной мир, который, отстав от ЕвроАмерики, ей завидует и годится лишь для управления со стороны и по лекалам Запада да ему — Западу — безусловного следования.

Что ж, вполне разумная и хорошо объяснимая позиция: против Великого Проекта не попрёшь — или ты с ним и в нём, или же не с ним, но зато прямо в маргиналах. Стоит ли вообще рисковать, вступая в соперничество с не просто более сильным и удачливым, а и более, пардон... *когнитивным*, от которого и идёт всё самое умное, высокое и эффективное?

А тут, видите ли, восстание — вроде бы против западных господ, а на самом-то деле против... самих же себя!

Взять хотя бы тот же или просто с ним схожий... э-э... Красный проект, — мало тут случилось самопоражения СССР и соцлагеря, так надо ещё и самопоражения всего антиевроамериканского мира — чтобы убедиться всего лишь в бесспорном-де превосходстве Запада надо всем планетарным миром!

Позиция вполне разумная и весьма обоснованная, не правда ли?

Однако разум для бытия-истории вовсе не всё, более того — он совсем и не главный фактор-момент для лежащей в основании бытия-истории трансценденции, что совсем не маловажно для понимания всего в этом грешном мире ни с того, ни с сего происходящего.

18 (268)

В начале ведь была как раз... *трансценденция*, да вот «забыла» почему-то ради разума исчезнуть из тварного мира, мало того — без трансценденции никакого тварного мира попросту и нет.

Очень досадно для Разума, но... *факт!*

«Бессердечная», «аморальная» и «неумолимая» трансценденция не просто задержалась в тварном мире, так она ещё, в нём убедительно рассевшись, самое важное и решает. Трансценденция — скрытый «мозг» бытия-истории, его «криптосознание», если не «сознательное бессознание», «неосознаваемое сознание», во всяком случае, это то, что действительно есть, что всё знает, включая и трансцендентное незнание, а также ведёт бытие-историю, никуда её при этом вроде бы не ведя.

Телеология бытия-истории, его имманентное целеполагание, никому, кроме Господа Бога Создателя, не известна, даже и присутствующей в бытии-истории трансценденции.

Ход бытия-истории есть некий импровизационный самоход, в котором помимо разума и безумия, случайности и стихии, участвует таинственная недотрога — *трансценденция*, без вмешательства которой всё в этом мире не то чтобы шло бы иначе, а скорее — *вообще бы никуда не шло!*

Трансценденция, о которой речь, — ресурс, кладезь, резерв, «амортизационная подушка», если не попросту спаситель текущего вокруг Бытия-Истории, оказывающегося способным на любую рискованную импровизацию, не пренебрегая и какой-нибудь безумной авантюрой, но при этом насовсем никуда не исчезающего.

Да, наверное, не исчезающего до поры, до времени, но всё-таки с кое-каким запасом и поры, и времени, а главное — *чарующей неизвестности!*

Неизвестность — вот что ведёт Бытие-Историю, которая насколько сознанию известна, настолько и неизвестна, если не более неизвестна, чем известна.

Да, неизвестность при этом вселяет в сознание страх — но не только от самой по себе неизвестности, но и от... всего известного тоже, — и ежели думать, познавать, идти, то надо не только преодолевать сей неизбывный страх, но и его безумно... *любить!*

19 (269)

Страх!

А как же без него? Разве можно думать, делать, творить, демиургировать, не испытывая страха, а главное — не отталкиваясь непременно *от* страха, им сознательно и бессознательно не руководствуясь, а-а?

Страх — разумеется, не парализующий ум и волю, а их, наоборот, возбуждающий — оказывается странным образом деятельным, созидательным, творящим — разумеется, ежели, повто-

рим, ум и воля не парализованы, а, наоборот, вполне и отмобилизованы.

Смотря, конечно, о каком делании, созидании и творчестве идёт речь: обогащающем и возвышающем сознание или же, наоборот, его обедняющем и снижающем.

Только большое, сильное и крепкое сознание может выдержать схватку со страхом, достигая при этом и великого результата, но зато безумно на этом пути рискуя.

Выход на Неизвестное — не исследовательский вовсе выход, а... *откровенческий*, дающийся в жёсткой схватке не с одной реальностью, но и со страхом, — и иного варианта тут нет: Неизвестное не склонно просто так открываться сознанию, которое и само есть «величина» неизвестная — как раз для самого сознания в первую очередь.

Схватка с Неизвестным, а также исходящим от него и от самой этой схватки страхом — схватка сознания и с самим собою, не более и не менее, ещё и чреватая для сознания ничем иным, как самоуничтожением.

Здесь важно иметь в виду, что Неизвестное, о котором речь, так и остаётся для сознания... *неизвестным*, но всё-таки обеспечивающим ему особого рода познание (как и самопознание), выливающееся не так в собственно знание, как в... *понимание*, включая и понимание любого свойственного сознанию знания.

Знание-то надо... понимать, а не только знать!

И законом такого понимания является не что иное, как... *незнание*, не только выпячивающее и оправдывающее знание, но и его по-особому трактующее.

Да, есть знания совершенно практические, функциональные, деловые, вполне и правильные, оправданные текущей жизнью и закреплённые опытом, даже и несомненные (бытовые, многие научные); есть знания не столь определённые, но тоже заслуживающие быть знаниями, пусть и с долей вероятности, со-

мнения, вариативности, недосказанности; но есть знания уже совершенно условные, невероятные, мифоподобные, даже и сказочные, которые по большей части не в науке, а в философии, религии, литературе, искусстве. Все эти знания признаются так или иначе именно знаниями, а не чем-нибудь другим, ибо они кое-какое нечто... о вроде бы кое-каком тоже нечто.

Однако есть... э-э... знания о незнании, или знания от незнания, которые трудно уже назвать собственно знанием, скорее — *знаемым незнанием*, или же *незнаемым знанием*, которое как раз и всего ближе к основанию бытия, мира, жизни, того же человека, наконец — *России!*

20 (270)

Россия!

Она никуда не «деется», ей некуда и деваться, она точно на своём месте, заповедованном ей Господом, и никуда с этого места бежать не собирается. Сколько ещё нужно практических доказательств, а не только умственных, идейных, метафизических, чтобы убедиться в простой истине: Россия на месте и местом этим является... *Россия*, а другого места (лона) для России не предусмотрено ни Господом, ни самой Россией?

Вот и сейчас Россия, вроде бы поглощённая западным миром-антимиром, не просто есть, хотя бы в нави, но и заявляет о себе в яви, пусть даже со стороны лукавой антиРоссии — «звонливо», крикливо, пошло (чего не сотворишь ради бесовского благополучия!), ну и, разумеется, провокационно.

Собственно Россия заявляет о себе сдержанно, деловито, по преимуществу и молча, — откуда-то зачем-то берётся и всё — из нави в явь, либо из одной яви в другую, а охаивание и отпевание России ей только на пользу, ибо что ей мирские домогательства, ежели она из другого метафизического теста — *никакого!*

Хай, не хай, хорони, не хорони, а Россия здесь, посреди себя самой, во вполне антироссийской среде, не в дружелюбном вовсе контексте, а без России — никуда, никому и никак, ибо США наверху, Европа повсюду, Китай в себе и от себя, а вот Россия — *в центре*, прямо в центре метафизического мироздания, и не потому что сильна, а потому, что... *Россия*, как раз *та* самая и *такая*, что не от мира сего, следственно — *никакая!*

А как же иначе?

Россия есть, хотя её вроде бы и нет, России нет, но она, нелепица, здесь; никакая, ибо не евроамериканская, не китайская, не индийская, не тибетская, а... *иная*, однако неопределимая, хотя язык её древен, обилен и ловок, культура — грандиозна, а уж молчание её — просто золото!

Чем и привлекательна, и интересна, и... страшна: вроде бы ничего, а в этом ничего — *всё!*

Сказки, сказки русские надо почаще и получше читать, размышляя покрепче над ними, как народные, так и пушкинские, гоголевские, ершовские, бажовские, даже и михаил-булгаковские.

Вот так!

Россия открывается не всякому, хотя сидит в каждом русском и вселяется в каждого обрусеваящего, а вот открывается она очень разборчиво: поймать ничто — что схватить перо Жар-Птицы, а где она — Жар-Птица, летящий обжигающий огонь, плазменный миг, сама невозможность, да и что за огонь такой, уж не таинственный ли эгрегор России, её *Идея?*

21 (271)

Какая тут ещё Россия, эта нелепая мешанина из всего сразу в российских-де границах?

Как раз та самая Россия, которая ныне поднимается, вроде бы уже напрочь уничтоженная, причем поднимающаяся прямо из пепла — как Птица-Феникс, стряхивая с себя не только уже

весьма подостывший коммуно-сталинский пепел, но ещё и вполне тёпленький либеро-евроамериканский пепел, оглядываясь зорко и строптиво по сторонам, да разминая крылья.

Не верят в это чудо, не хотят верить, не будут верить — ни враги, ни доброты России, ну и пусть не верят, ибо России всё равно, она ведь тоже им не верит, веря в саму себя.

Какой же ей стать, этой новой России?

Можно рисовать всякие картинки, но Россия всё равно станет не разрисованной, а совсем другой, а лучше сказать — *иной*, такой, какой ей на роду написано: не западной, не восточной и не южной, разве лишь северной, но опять же не той, что на северах Европы, США или Канады, а опять же другой — нашенской, ледовитой, мистериальной.

Куда же России от России, много чего она повидала, в разных огнях и подо всякими пеплами побывала и отчего только не отряхнулась — так что путь у России один — *к самой себе*, хотя и в новой мировой среде да под алчно-пристальным вниманием неугомонного, завистливого и жадного мира.

Как России стать превентивно сказочной Россией, то бишь самую собою, ежели всё, почти всё или многое из всего против России, даже «братская»-де Украина, которая вовсе не одна в своём «братском» отвержении России?

Вот твердят, что некие злые силы отбили-де Украину от России, да нет, дело тут древнее, Украина сама запрограммирована на отход от России, на вражду с ней, даже и на войну. А всё почему? Да оттого что Украина — генотипная противоположность России («Украина — не Россия!»), причём такая, что Украина может быть Украиной только «с», или «в», или «при»... России! Без России Украина... *ничто*, которого и быть не должно, — и ежели Украина кому-то нужна как Украина, то только России. И из этого «зверского» противоречия Украине никогда и

никуда не вырваться, если она хочет оставаться Украиной. А с бешеным отрицанием России — только туда — в небытие!

Разумеется, с такими доводами никто на Украине и подавляющее большинство в той же России, не говоря о цивилизованно искохабленном гуманитарной наукой и mass-media передовом мире, никогда не согласится, ибо, увы, если уж безобидная теория изгоняется из университетов, то что говорить о философии и, тем более, метафизике, давно уже изгнанных или изуродованных во всё тех же многоумных университетах?

22 (272)

Подальше, господа, от академий и университетов, равным образом и от богословских заповедников, ибо там уже давно ничего нет, кроме мглистой серой завеси, скрывающей апокалиптическую реальность от сколько-нибудь непредвзятого и открытого к бытию наблюдателя.

Новейшая революция 1990-х годов в СССР-России лишь на поверхности выглядит буржуазно-глобалической, хотя это и так, а вот из других смысловых глубин смотрится совсем иначе: сие событие не более чем начало *большой революционной трансгрессии*, захватывающей не одну только Россию, а и весь земной шарик, и у которой вовсе не буржуазно-глобалическая задача, а совсем *иная*, человеку не только не известная, но вряд ли ему и нужная.

Грядёт сброс отвратительной нечеловеческой цивилизации, захватившей мир и ведущей человечество к самоуничтожению. На этот счёт не надо ничего сочинять — ни фантастического, ни утопического, ни реалистического, всё уже предусмотрено... самой же этой цивилизацией — вопреки ей самой. Вопрос только в сроках, никому из смертных, разумеется, не известных.

С СССР-России всё и началось: обвал СССР, пленение России, а теперь вот и прорыв ею безумной глобалической блокады.

Все, или почти все, из стран-«европейцев» как раз *туда* — в сию цивилизацию, в её омут, а Россия, сжав её безрассудное «тело» в жестких объятьях, — обратно, но не куда-нибудь, а к самой себе, своему первоочагу, к своему эгрегору, своему первосемени.

Что из этого выйдет, никто не знает, но деяние сие уже началось: возвращение к себе, причём через движение вперёд. Куда же ещё стремиться, кроме к самой России — как идее? Конечно, к *иной жизни*, но вовсе не такой, какой её можно обывательски представить, а к какой-то другой, для которой потребно не что иное, как *революция в сознании*, что как раз и означает *апокатастасическое преобразование*.

Никто не знает ни того, как и когда это произойдёт, ни того, что же на самом деле случится и в итоге прибудет, но ежели *этого* не случится и не прибудет, то уже и ничего на планете не случится и не прибудет, кроме мертвящего мрака.

Бытие-история вновь выворачивается, трансгрессируя, как и трансгрессирует, выворачиваясь. Апокалипсис в полном разгаре! А что человеку известно из загадочного Иоаннова опуса, кроме самого факта *трансгрессивного выворачивания*? Ничего! А обывателю очень хочется знать, что же его ожидает после сего таинственного и злого выворачивания? Очень!

23 (273)

Бытие-История, однако, не считается ни с какими картинными пророчествами, не говоря о смелых прогнозах, кроме разве чисто о себе наукогенных и технотронных, что и понятно: событийно-ситуационная часть бытия-истории более в ведении самого Бытия-Истории и лишь научно-техническая викторина пока ещё остаётся в ведении человека-демиурга.

Да, кое-какие векторы движения в будущее человеком просматриваются: как физические, что можно сделать, опираясь на

физические нововведения, так и метафизические, что сделать куда-как сложнее, но тоже в некоторой мере возможно.

Бросятся в глаза прежде всего текущие состояния и перемены, что не значит при этом, что они и вполне адекватно осмысливаются сознанием, в особенности в плане их возможных последствий.

Любопытно, что текущие состояния бытия и перемены в нём лишь по касательной оказываются причинами всего за ними следующего: они выступают тут более в роли отправного пункта или того же первичного импульса, чем собственно созидателя чего-то из будущего. Они нужны, их не миновать, но содержание будущего ими в решающей мере никак не определяется — хотя бы потому, что будущее это нередко оказывается не просто другим, а и попросту прямо противоположным, а главное — протекающему сознанию совсем и нежелательным.

Не желают, к примеру, той же революции, а она вдруг разражается, как и, наоборот, взхлёб жаждут революции, а она всё не приходит и не приходит.

Будущее темно, пусто и неопределённо, а другим оно ведь быть не может, хотя оно и воображаемо, и провидимо, и прогнозируемо, и, разумеется, созидаемо.

Можно рисовать разные виртуальные сценарии будущего, а реальность всё равно пойдёт своей дорогой, пусть и учитывая кое-что из предусмотренного сознанием, им же и содеянного, но... всё-таки делая себя по-своему.

Кое-какие виды будущего так или иначе сознанием просматриваются, что не значит, что все они непременно явятся в реальности. Почти любое творение, как известно, сначала ощущается в смутном видении, затем проглядывает в абрисном контуре, а уж потом предстаёт в настойчиво страхуемой конструкции, частенько мало чем напоминающей не только первозамысел, но даже и представительский эскиз.

Так вот и Бытие-История: строит себя само, пусть и с учётом намерений и деяний демиургического сознания, но... даже для самого себя вполне неожиданно, — прямо как Бог ему на душу и «ложит»!

24 (274)

А коли так, то зачем тогда сознанию о будущем сильно беспокоиться?

Вот тут-то и вся заковыка: всегда надо строить, а вполне построить задуманное, да ещё и себе вполне верное, никак не получается!

Остаётся лишь сознанию не вредить наступающему, не мешать ему находить себя в единении с происходящим настоящим, однако не сидя без дела, а вовсю и демиургируя.

Тонкая тут игра сознания с реальностью и с самим собою: и дело текущее надо делать, и будущее созидать, при этом не рассчитывая ни на возможность его правильно построить, ни на достаточную надёжность построенного!

Как зыбко вообще-то бытие, как переменчива история, как не стойко сознание, как и не верно будущее!

В этом-то всё и дело — в неопределённости, текучести, переменчивости, неверности!

Однако... ни на чём вроде бы не основанная *вера* в Россию, её будущность, её даже особую, чуть ли не внебытийно-внеисторическую миссию. А что, не верить, что ли? В Родину-то свою, да ещё какую?!

Здесь ничего ни показать вполне целостно, реалистично и убедительно, ни что-либо абсолютно мотивированно доказать, ибо на всё находится противный факт, пусть и сомнительный, контраргумент, пусть и надуманный, наконец, весьма обоснованный негативный взгляд на Россию, её бытие-историю, на нынешнее весьма и весьма неприглядное состояние.

Мотивов не верить в Россию, и уж, тем более не делать её саму объектом веры, предостаточно.

И как же быть русскому человеку, как и иному в России родившемуся, живущему, бытующему, с Россией сросшемуся, её признающему, чувствующему, любящему, как не верить им всем в Россию, ею не жить, наконец, не делать её для себя объектом личной и общенародной веры?

Да, страна, мягко выражаясь, проблемная; народ — неоднозначный; бытие — тягостное, страдательное, чуть ли не мучительное; история — «рваная», ранная, кровоточащая; настоящее — сомнительное. Факт? Факт, конечно, хотя... есть и другое, вполне для русского люда приемлемое и тоже не менее фактическое.

Откуда же сия вера?

Нет, не от сердца только, как это принято у православных; и не от многовекового существования страны, как это принято у правоверных историков; и не от героизма соотечественников, как это принято у русского рода, способного легко презреть и саму смерть.

Тут надо принять во внимание кое-что другое: открытость эгрегора России для внешнего воздействия и перемен в бытии страны и его же закрытость для внешних угроз относительно смысло-содержательного ядра России, её определённой Богом экзистенции.

Где ещё Богу творить что-то несусветное, как не в России?

25 (275)

Говорят, что Наполеон Бонапарт презирал русских офицеров за то, что они... презирали Россию.

Любопытно, не правда ли?

Презирали и за неё же сражались, вполне возможно, что, будучи офранцуженными дворянами, как за свою собственность,

включая и покорённый ими коренной народ, обращённый ими же в рабство.

Презрение к России в самой же России бытует до сих пор, как и бытуют до сих пор уже врождённые инстинкты вроде барскости, чванства, холуйства, рабскости и, естественно, многоликого хамства, хоть и весьма «придушенные» в советское время, но вновь бурно расцветшие в славные 1990-е.

И при этом всё равно бытует инстинкт моей, нашей, своей Родины — России, пусть и в разной степени и по-разному в русско-российских людях, но... всё-таки бытует, ибо никуда не делся инстинкт самосохранения и самовывживания всей русско-российской населенческой общности.

Судьба прямо-таки испытывает руссо-россиян на морально-духовную прочность, предусмотрительно отводя их от земного благополучия и бросая в неземные по нелепости, коварству и глупости то ли эксперименты, то ли испытания, то ли пытки.

Бытие-история той же современной России — непрерывная перегрузка, как и сплошная авторская несуразица, но при этом и непревзойдённая повседневная героика, как и удивительнейший пример жёсткой и нескончаемой борьбы за существование, причём не так даже в суровой природе, как во враждебном социуме и среди зачем-то упорно отрицающих друг друга — во всяком случае, в мегаполисах — отчаявшихся от жуткой пореформенной реальности обывателей.

Более или менее очеловеченный социализм, просуществовав победно около четверти века, вдруг сменился за следующую четверть века самым что ни на есть достоверным патогуманизмом, а потом уже, в роковые 1990-е, откровенным, знаете ли, сатанизмом, еле-еле преодолеваемым актуальной Россией.

Если России удастся не только выжить, но и на самом деле одолеть свалившееся на неё в очередной, кажется, уже в седьмой раз, субстанциональное ненастье, то Россия и в самом деле может

предстать пред Светом и Богом не просто закалённой как дамасская сталь или тот же златоустовский булат, но и воистину уже *иной* — не такой, как все бытующие на Земле экзистенциальные общности.

А ведь всё в России к чему-то *такому* и впрямь идёт, не так ли?

Разве сущное *преображение* возможно без тотального отчаяния, сверхнапряжения и какого-то невероятного сверхдеяния, а-а?

Тетрадь двенадцатая

1 (276)

Современная Россия, ещё во многом *по*-реформенная, но уже и в чём-то значимом *пост*-реформенная, ведомая неоднозначным, маневренным и эзотерически закрытым правительством, шаг за шагом преодолевая саму себя, движется к новой, а по сути уже к *иной*, России, причём по сути уже не к какой-то окрашенной в иноземный цвет России, а к собственно России, весьма уже и адекватной своему первозамыслу.

И никакая нынешняя мразь ей в этом не помешает, ибо мразь сия не только замечена, названа и осуждена, но и осмысленна, и понята, и приговорена — пусть ещё и не всей Россией, но уж её стратегическим эгрегорным штабом — точно! хотя присутствие последнего в текущей реальности не очень-то бросается в глаза разномастному обывателю, но который, следуя провиденциальным традициям «Русского Ордена», уже всю на Россию работает.

Странно, невероятно, невозможно, но это... *так!*

Что же происходит?

Помимо сброса не оправдавшего себя и ненужного России субъектного прошлого, идёт интенсивное овладение Россией современностью — не так пока, может быть, своей, как западно-общемировой, причём без отчаянного в неё погружения, а вполне и осмотрительно, в меру, хотя и не без ошибок, переусердствований и немало для себя вреда.

Избавляется Россия и от избыточного удельного веса внутри себя постмодерновой антиРоссии — что внешней, что внутренней, причём делает это не без толчков, рывков и судорог, но зато неуклонно.

Имеет место и поступательное оснащение подорванной и размазанной России... э-э... собственно Россией, пусть и не очень творчески и последовательно, ибо тут действует не слишком обрисованная и афишируемая демиургия, нуждающаяся не так во внешнем проекте, как во внутренней, почти что и криптогенной, самореализации.

В стране идёт имманентно-скрытый выбор, как раз тот самый выбор... без выбора, заявляющий о себе не так самим по себе выбором — как видимым процессом, а более всего как бы самовозникающим из ничего реальным результатом.

В чём тут суть вопроса? Вовсе не в том, чтобы гнать взащей былую Русь или, наоборот, избегать в страхе современности, — задача сего процесса в другом: найти органическое, пусть и компромиссное, единение между исходным зерном (протосеменем) и ныне разрастающимся российским деревом, увешанным всякими новейшими плодами, частью своей вполне и ядовитыми.

Идея России там — в изначалье, а здесь — её омоложенное «тело», включая и ум, и душу, и сознание, вылитые на культуру с новейшей антикультурой, не исключая техноэлектронную, а теперь вот и наногенную, составляющие.

Так или иначе, но русскость неизбежно вновь бытийно-исторически поднимается, будучи не просто какой-то там особенностью, а фундаментальной инаковостью, столь потребной нынешнему очумевшему от прогрессивной апокалиптики миру.

2 (277)

Спасение человека — вовсе не в обретении Царства Божиего на Земле, как и того же Рая на Небе.

Спасение — в самом по себе... спасении!

И ежели спасение человека, то тогда спасение от кого или от чего?

Самое поразительное, что спасение человека... от самого же человека, в котором зверь в нутре сидит и человека никак не отпускает, а также от грядущего нечеловека, или же постчеловека, человеком-зверем идущему вперед человеку как человеку уже весьма уготованного.

Если кто-то и будет во Вселенной счастлив, то лишь постчеловек, то бишь уже и *не*-человек.

И что тогда Россия с её неприятием ни высокомерного евроамериканства, ни потаенного китайства, ни доминационного мусульманства, ни даже задумчивого индийства? Или должна погибнуть, утянув в бездну весь зёмный мир, или же выжить, но уже... *иной*, отведя себя и мир человеческий от погибельной Бездны.

Не более и не менее!

За Россией ныне последнее экзистенциальное слово — *за* человечество и *ради* человечества, энергично готовящего себя не к преобразению, а к суициду — моментному или же длящемуся — всё равно!

Никто ведь не вышел сегодня на фронтную передовую мира — только Россия!

Вот он — *феномен России!*

Непонятный, невероятный, несеюмирный!

Только в такое вот мгновение вдруг становится достоверным, хотя, как видится, и необъяснимым, фактом *неотмирность* России, её действительная *инаковость*, вполне и *трансцендентная*.

Расставшись с СССР и вступив в подотчётный союз с Западом, даже попав «восьмёркой» (скорее, правда, — «шестёркой») в «семёрку», Россия, как бы вспомнив вдруг о самой себе, резко

развернулась к самой себе, покинула «восьмёрку», сохранив её досточтимой и никому уже не нужной «семёркой», оборотилась к незападному миру, к Евразии и к БРИКС, решительно запротиводействовала зазнавшемуся, амбициозному и агрессивному Западу (ЕвроАмерике прежде всего), принялась за оборону русского мира, вступила в схватку с экстремальным исламизмом (так называемым «международным терроризмом», обряженным почему-то именно в исламские покровы), столь активно участвовать в создании международного сопротивления какой бы то ни было всемирной, ещё и профашистского типа, гегемонии, двинулась добиваться перехода планеты к так называемому многополярному международному устройству, предполагающему и межполярные взаимодействия.

Не будем легкомысленно утверждать, что Россия-де во главе нынешнего «процесса перемен» (России этого и не нужно), но зато смеем заявить, что Россия оказалась внезапно в центре мировых change-событий — словом и делом!

Тайна тайной промышляет!

3 (278)

Низвергнутая внезапно и беспощадно в бездну, Россия, пройдя не один круг экзистенциального ада, расстроенная, изуверченная, никакая, вдруг вышла, как внеземной призрак, из цепкой жёлто-коричневой бездны и обратилась с болью, трепетом и скрежетом к самой себе — реальной, мало того, что к новой России, но ещё и обогащённой от мирового контекста, не исключая и от вполне ей враждебного контекста, а также заново оплодотворённой большими телеологическими и эсхатологическими смыслами.

Как и почему это случилось — тайна, — и не надо эту тайну беспокоить и разгадывать, достаточно её признать и принять, а вместе с этим признать и принять тайну России, Земли, мирозда-

ния, Вселенной, ну и, разумеется, человека, жизни, Бытия-Истории!

Так на роду у России написано, и как же зарятся на Россию что западные, что восточные, что южные, что северные «друзья»-хищники, а-а?

Есть она, бытийно-историческая предназначенность, питающая бытийно-историческую неизбежность, конструирующая бытийно-историческую реальность, *есть!*

Израненная, порочная, гнусная-де Россия и вдруг — светоч в потускневшем от постмодерна и судорожно затрясшемся зёмном царстве, — немыслимо, невозможно, безумно!

А главное — не научно, не логично, не системно!

Да, научным умом всего *этого* не понять, как не понять *этого* и умом обывательским: среди нависшего над страной интернета, сквозь него, вопреки ему и благодаря ему, вдруг поднялась из кромешной темени Россия — несуразная, аморальная, падшая, — и мало того, что заявила о себе как о России, а не о прозападной колонии, так ещё и стала самостоятельно действовать, не оглядываясь со смятением и страхом ни на Запад, ни на Восток, ни на Юг, да ладно бы стала действовать в своих шкурных интересах, а то ведь ради всего мира зёмного, вдосталь уже заблудшего, хотя вовсе и не из любви к сему миру, а всего лишь ради своего и мира спасения.

А мир ничего тут не понимает, надеясь, что Россия с противниками исчезнет в самоубийственном междоусобии, и мир остальной лишь поживится останками междоусобцев.

Однако не всё здесь просто: Бытию-Истории наплевать на тупой мир, ему важнее продолжение сакральной на Земле и в Космосе мистерии, а потому всё ещё у мира впереди: либо спасение с шансами выжить у каждого субъекта, либо погибель с теми же недюжинными шансами у каждого из претенциозных субъектов.

Что-то, кажется, понимают Трамп и стоящий за ним когнитив, но... *что* же... какой же из шансов ему удастся схватить за его или же... своё... горло?

4 (279)

А возможность-то спасительного исхода для Америки и всего Запада у Трампа с трампизмом, кажется, есть!

Если исходить из бытия-истории вообще, то всякое бывает в реальности, а потому и Трамп может обнаружить и использовать свой позитивный шанс, но... большие развороты, требующие от текущего западо-американского настоящего отказа от самого себя, происходят только через катастрофы этого самого настоящего, к чему загипнотизированная своим величием Америка неуклонно-таки идёт — прямо как когда-то «Титаник», охотно пёрший на коварные айсберги.

Позитивный шанс, может, и есть, но... не поздно ли спохватывается в лице и через Трампа прекрасная, своевольная и весьма уже заблудившаяся Америка?

По-американски Америку уже не спасти, а потому Трамп должен перестать быть американцем, что практически невозможно, хотя... кто его и их знает... время покажет... насколько Америка захочет перестать быть Америкой, как это случилось дважды с той же Россией — в 1917 г. и в 1991 г., — хотя Россия и не хотела становиться ни советской, как после 1917 г., ни глобалической, как после 1991 г., — просто этой стране отчего-то не хотелось оставаться прежней.

Да, Америка стоит перед *перестройкой*, разумеется, своей по характеру и итогам, как и, что вполне возможно, перед *распадом* — тоже своим по способу и итогам, а в целом — перед *большой социальной коллизией* в духе той же гражданской войны (80-летний цикл американских «напряжёнок» никто ведь не отменял).

Трамп — не так случайное, как вполне уже обоснованное закоренелым кризисным бытием-историей Америки явление.

Трамп — *явление!*

Постмодерновое явление постмодерновой Америки.

Кто в нём причудливо явлен: Линкольн, Рузвельт, Черчилль или... э-э... время покажет... вплоть до зеркально отражённых в личности Трампа шоу-персонажей бешеной современности?

Разумеется, это Трамп и только Трамп, но... с каким же историческим деянием и с каким его результатом для истории, то бишь *каким* же станется Трамп, что ни Америке, ни миру, совсем не безразлично?

Америка втягивается (втянулась?) в турбулентный режим бытия; Трамп — её турбулентный шанс с антитурбулентной задачей.

А если уже зачинается *флаттер*?

Изголодавшаяся по личным богатствам и массово бедная Россия отпрянула, может, и чудом, от своего разрушительного флаттера, а вот что покажет миру богатая, сытая и успешная Америка — вопрос!

5 (280)

Крайне интересен феномен нашего с вами, господа, национального лидера — верховного правителя России, взявшийся в растерзанной и едва державшейся стране внезапно, ниоткуда и безо всякой многообещающей архистроительной программы. Этакий «мистер Икс» на дрожавшем от собственной неполноценности российском престоле, выразительно схожем с плохо скроенным эшафотом.

Неблагодарное это занятие — тащить из параколониальной бездны страну, только что бывшую стержневым остовом одной из двух мировых супердержав на планете Земля да вдруг оказав-

шуюся в положении оккупированной территории, управляемой извне и платящей по всем мыслимым и немыслимым счетам «цивилизованному Западу», над нею как бы снисходительному победителю.

Ядерный щит, а может, и ещё кое-какое боевое наследство, доставшееся от материнской сверхдержавы, расстроеной и обгладываемой своими и чужими «экономическими» хищниками, к тому же воевавшей внутри себя за свою всё ещё оставшуюся, хотя и угрожающе вибрировавшую, целостность, спасли страну от распада, поглощения по частям «партнёрами» извне и полного исчезновения, хотя, честно говоря, тут сыграл свою неброскую, но неодолимо настойчивую роль не кто иной, как Промысел Божий — не более и не менее, по воле которого и явился в стране на вершине поруганной власти тоже неброский и тоже, как оказалось, неодолимо настойчивый... э-э... субъект, неожиданно-негаданно ставший через историческое мгновение... нет, не успешным кризисным менеджером, хотя и им тоже, а... властителем... нет, не державы как таковой, что не так уж и важно, а её, этой вдруг ставшей подниматься с колен державы, то ли исторической, то ли уже внеисторической судьбы.

Феномен-чудо, а может, само уже чудо, вдруг ставшее посреди невероятной реальности чуть ли не обыкновенным феноменом!

Бывало что-то этакое ранее в зёмном бытии-истории или не бывало — не суть важно, хотя, пожалуй, и бывало, но сие потрясающее происшествие случилось в России прямо на глазах ничего тогда не понимавших, да и сегодня не слишком понимающих современников — что весьма наивных своих, что хитроумных зарубежных.

Какое-такое чудо в эпоху торжества научно-технического знания, отвергающего всякую возможность явления на Земле и в космосе чего-либо, выходящего за догматические пределы сего

знания — тысячи раз проверенные и подтверждённые постоянной, вполне, кстати, и убийственной, практикой!

Случайность тут, конечно же, не более чем случайность, да и то весьма сомнительная, скорее — очередная для дикой, бесполой и несусветной страны нелепость, вообще не подлежащая никакому разумному объяснению. Случайность этакая возможна ещё там — в среде разумно устроенного мира, а тут, в этой «чёрной дыре», ничего кроме безумной де нелепицы быть вообще не может.

И слава богу, что современнички всё понимают именно так, что они не понимают... *главного*, терпеливо стоящего за бытием-историей и его по-своему и в своих целях оплодотворяющего!

6 (281)

Сам факт явления такого *явления* — не просто значительное бытийно-историческое событие, а событие ещё и загадочное, мало того, заставляющее задуматься над целым каскадом не менее загадочных фактов-событий, хотя бы с момента ухода с бытийно-исторической арены престарелого генсека с группой товарищей и прихода молодого генсека, тоже с группой товарищей, с которого всё в стране более или менее явно и началось: псевдоперестройка, консервативный псевдомятеж, непсевдораспад СССР, уход в небытие говорливого псевдогенсека и приход энергозатратного нечленораздельного псевдоглаваря, непсевдоконтрреволюционная реформа, сдача страны глобальному центру, выдвижение исковерканной реформой страны на край бытия-истории, реальная угроза полной гибели, наконец, уход буйного расцвеченного безумием аксакала, обеспечившего антироссийскую контрреволюцию, и неожиданный приход неброского служителя «конторы», как раз и оказавшегося не без помощи восстановленного для начала державного гимна весьма успешным реконструктором едва уже дышавшей страны.

Кто, как, зачем?

Промысел-то промыслом, но были и есть реальные действия, осуществляемые реальными людьми, пусть и из какого-то не ведомого не только обычному люду, но и виповской элите закулисья.

Вообще-то миром правит не авансцена, а закулисье, причём в наибольшей степени самое незаметное, закрытое, теневое, ориентированное не так на законы, принципы и гомон, как на везаконие, внепринципиальность и тишину — иначе ведь ничего и не понять, не решить, не сделать!

Вроде бы всё в СССР-России 1980—1990—2000-х творилось само по себе, согласно ходу вещей, чуть ли не стихийно, но зато... какая выходит в итоге замечательная «дорожная карта», никем вроде бы не предвидевшаяся, но очень уж ловко влившаяся в текущее (и протекшее) бытие-историю!

Очень всё это любопытно, не правда ли?

Вроде как тут работа какого-то невидимого штаба, умеющего управлять сознанием, поведением и процессами, как и созидать — вполне и демиургически — потребную ему реальность.

Смеем заявить, что так это примерно и было, и есть, и... *будет!*

7 (282)

Нет, конечно, не всё вовсе может сотворить сей таинственный штаб, но при умелом взаимодействии с творящим ничто он может очень многое. Несамонадеянный штаб может разворачивать бытийно-историческое течение и переворачивать текущее бытие-историю, хотя и не в полном соответствии со своими желаниями и устремлениями, ибо бытие-течение хоть и поддаётся осознанию управлению, но в меру и не настолько, чтобы быть вполне кем-то, кроме него самого, управляемым.

Госплан в СССР не смог справиться с тотальным управлением «народным хозяйством», а закулисный штаб, замиривший что-то одно в реальном течении бытия-истории и давший волю чему-то другому, смог.

Конспиративное управление, сдабриваемое концептуальным управлением и взаимодействующее с трансцендентным бытийно-историческим управленческим потоком, способно на многое, хотя и не на всё — и это всё ему и не нужно, ибо с этим всё сие управление непременно зайдёт не туда и не достигнет ничего из желаемого.

Россия поднимается ныне не просто так, не беспричинно и не без кое-каких сознательных инициатив и усилий, хотя и объективно тоже, поскольку не один субъективный фактор этого желает, но и сам по себе объективно происходящий бытийно-исторический процесс.

Пришла вдруг в страну пора разбрасывать камни — вот и поразбросали их во все стороны, без страха, упрёка и горечи; пришла затем пора и собирать камни, уже и по-новому — вот и насобирали, создавая с горем пополам и немалым страхом уже новую страну.

Сначала витийствовали под сенью лживого, злого, корыстного, грабительского, включая и вполне разбойный... расчёта, частью и совершенно безумного, а затем, заметно очнувшись и изрядно угомонившись, стали продираться к нормальной жизни сквозь тёмную пелену восставшего в ходе революции антимира, избегнув тогда и потом большой, горячей и беспощадной гражданской войны, которая отчаянно просилась на историческую арену, настойчиво стучалась в двери, зазывно завывала, но всё-таки не состоялась во всей своей безумной красе.

Тоже ведь феномен: после 1917 г. — страшная гражданская война, а после 1991 г. — иного рода заваруха — квазигражданская, а то и антигражданская, не военная, не боевая, а, скажем

так — заваруха на выживание, на удачу, на успех, на гешефт, ну и на потери тоже, на падения, на боль, на смерть.

Социум, резко нарушившись, опорочившись и едва уцелевая, азартно кинулся, натужно двинулся или же, оторопело замерев на месте, занялся не чем иным, как обывательским самоустроением частного бытия, присваивая, грабя, убивая, но при этом и как-то трудясь, что-то обретая и что-то теряя, а в итоге весьма хаотично переформируясь из «братского» советского общества во зверино-соперническое постсоветское... Э-э... нет, конечно, не общество, а в социообразную населенческую массу.

8 (283)

Вряд ли можно найти во всём бытии-истории подходящий аналог происшедшего с Россией «преобразования» вкупе с её «превращением» — из не очень плохого, а может, даже и хорошего, в очень и очень плохое, если не действительно адовое, о чём подумать-то страшно, не то что в нём поучаствовать: невероятный, прямо-таки невозможный, переход, или проход, или даже проскок, через вдруг возникшую в стране, а во многом и вместо страны, самую настоящую... БЕЗДНУ!

Именно так — *бездну*, в которую попал или же превратился отринутый от СССР российский социум — помрачённый, растерянный, извращённый, но каким-то необъяснимым образом не только сам державшийся, но и пересекший, уцелев, услужливую смертоносную бездну.

Найдётся ли в мире ещё один многоэтничный народ, вдруг ставшийся всего лишь населением, который смог бы продраться через уготованную ему погибельную бездну, не рассеявшись, не распавшись, смертельно не передравшись внутри себя, наконец, не сгинув в небытии.

А российский народ, несмотря на весь субстанциальный негативизм и аморализм развернувшейся трансгрессии из одного

безумия в другое, смог не только устоять и сохранить себя, но и, помрачившись, падая и многое теряя, не утратить своей архетипической идентичности, которая, собственно, его и спасла.

Вот уж феномен так феномен!

Помимо гнусной атаки на этнокультурную идентичность, предпринятой с целью вытравить из народа его личную характерную и памятную духовно-идеальную взвесь, определявшую его самобытную субъектность, российский люд был подвергнут гнуснейшему испытанию — ничем, кроме дрянных словес про «равные возможности», «конкуренцию» и «рынок», не оправданному, а ежели по-деловому и «оправданному», то лишь лживой и беспардонной «ваучеризацией», — так вот люд сей был подвергнут жуткому испытанию... *несправедливостью*, причём не естественным для любого цивилизованного социума фактом социального неравенства и иерархического устройства, а совершенно, знаете ли, бешеной, как исподволь совершенно и отчаянной — наглой, саркастической, оскорбительной.

Да, немало в населении нашлось тех, кто корыстно воспользовался сим дьявольским подарком, ухватив свой денежно-материальный гешефт, нередко и безразмерный; нашлось и деловое меньшинство, добившееся заметной предпринимательской или попросту трудовой, перетекшей в финансовую, удачи; большинство же оказалось в социальном проигрыше, ибо не включилось в стяжание личного благополучия через погружение в лоно социальной, да и экзистенциальной тоже, несправедливости.

Дьявольский эксперимент удался на славу: кто-то баснословно разбогател; кто-то баснословно обеднел; кто-то сдался и как-то утратился, если не сгинул; кто-то сбежал за границу, ища там лучшей для себя доли; а кто-то, уцелев, остался... э-э... *гражданином*, мало того — *человеком*, избежав падения в то или иное звероподобие.

9 (284)

Подвиг!

Да — подвиг, который мог совершить только неземной народ, а как раз тот самый — неотмирный, а в текущей обыденности — отечественный, государственнический, имперский, в духовном же отношении не только крепкий, упругий, непоколебимый, но и необъятный, неисчерпаемый, безмерный, а главное — необъяснимый, несхватываемый, трансцендентный.

Народ жизнестойкий, страдальный, страдательный, но при этом и победительный — сколько на его бытийно-историческом пути было тревог, потрясений, испытаний, как и досадных поражений, включая и крепостничество, и ненужные ему смуты и революции, но при этом и сколько побед — не только великих побед в отечественных войнах, но и столь же великих побед в культуре, знании, строительстве, освоении земного и космического пространств!

Вот и опять победа: Россия не растворилась в бездном для себя контексте по итогам антироссийской революции, не исчезла с земной географической карты, а, наоборот, нежданно-негаданно выскочила из нави, воспряла, поднялась, устремилась к самой себе — если и не совершенно новой, то уж явно обновлённой, не откинувшей вполне и насовсем традиции, но и не пренебрегающей текущей современностью.

Рискованный поход сквозь мутную бездну мог закончиться и печально — распадом и исчезновением уникальной страны, однако этого не произошло, ибо чаяния народа-гражданина вдруг сошлись с намерениями части правившего в стране верха, которая, вывернувшись, повела страну к освобождению от контекстного морока с её возвращением к самой себе — субъектно-исторической.

Неявная антиреволюция сверху удалась — страна двинулась по пути выздоровления, укрепления и суверенного жизнеотправления.

Обратим внимание на макиавеллическую манеру исполнения административной антиреволюции, выпуска из нави в историческую явь собственно России с её законнорожденной смысловой матрицей, как и на движение России к самой себе с освоением необходимой и неизбежной зёмной новизны.

Интересно, не правда ли?

Никакого тебе громкого «алле», а переворот-то налицо!

О-о, эти булгаковские афрании, пред которыми трепетали, не сознавая того, народы и склоняли умную голову, хорошо всё осознавая, всесильные и гордые прокураторы римских провинций. Да и сами могучие императоры не могли не выказывать к сим персонажам многозначительного, несколько и тревожного, уважения.

Факт!

10 (285)

Бытие-история весьма управляемо — до некоторого неуправления, и управляемо в основном конспиративно.

Какая же сила, кроме божественной и объективно исторической, могла осуществить советско-российскую трансгрессию (не трансформацию, а именно трансгрессию, то бишь переход к новому бытию не по форме, а по самой уже сути), избежав при этом слома государства, цивилизации и гражданства как таковых, не допустив в ходе разверзшейся немалой смуты никакой не в меру горячей гражданской войны?

Силу эту можно назвать государством в государстве, как раз ту силу, которая обычно и правит государством, нацией, страной, но при этом и самим течением бытия-истории.

Она не даёт каждодневных указаний разным властным и невластным субъектам, но она следит за происходящим, его, так сказать, мониторит, и влияет по мере необходимости на кое-какие реперные точки и, скажем так, протекающие путевые процессы.

Почему же ей удался межвековой кульбит с СССР-Россией?

Она осознала не только исчерпание СССР и всего международного социалистического проекта, как и не только дьявольскую привлекательность ещё не казавшегося исчерпанным западного (буржуазного, капиталистического, монетарно-экономического, потребительского) проекта, но и, что самое главное, наличие в тайниках умученной тоталитаризмом страны неких нерастраченных энергий человеческого подполья, рвавшихся на свободу, на что можно было поставить на службу бытия-истории, не заботясь при этом ни о мобилизации потребных энергий, ни о морали их адептов, ни о приличествующем виде возможных адептовских деяний и свершений.

Возник и сработал негласный союз между криптоверхом и криптонином, между решениями сверху и действиями снизу, между верхней политикой и нижней экономикой, между безграничной властью и неограниченной частной инициативой, который, конечно же, был дополнен союзом между локальной потребностью и глобальным интересом, между местной властно-экономической элитой и миромасштабным правящим конклавом, между страновой экономикой и глобальным финансовым чревом.

Союзы, о которых речь — очень важная, рискованная и продуктивная вещь, приносившая одновременно искомый результат, вынужденный страх и неопикуемый трепет, но без которой, однако, при грандиозной перестроечно-трансгрессивной инициации было её авторам и споспешникам никак не обойтись.

Факт!

11 (286)

Да, то был долгожданный, вымученный в лоне советского социализма (позднего сталинизма) союз смимикрировавшей ордынской власти и лукавых евроамериканских мировых денег, а кратко — союз «Власти и Денег», но в отличие от Запада, склонившегося более перед деньгами, с приоритетом всё-таки власти перед деньгами, а не денег перед властью, что и было блестяще доказано переменчивой практикой бытийно-исторической российской трансгрессии.

На первых порах сей трансгрессии приоритет оказался как будто бы за деньгами, во всяком случае, деньги, их обретение новым классом «успешников», явно были на острие процесса, а власть, не теряя контроля над процессом, оставалась как бы в тени.

Хозяйственная матрица страны была подвергнута насильственной перестройке под влиянием мировых денег в пользу текущего накопления первых локальных капиталов.

Здесь надо принять во внимание следующее обстоятельство: отставшая в технологическом развитии за 1970—1980 гг. индустриальная база страны вследствие непонимания и неприятия плановой системой управления хозяйства новой волны научно-технического прогресса оказалась в условиях открытой экономики лишь частично конкурентно-способной в мировом пространстве, главным образом в энерго-сырьевой сфере, а потому основная часть страновой индустрии была отдана на произвол грабительской и смертоносной судьбы, а потому была растащена, распродана за бесценок, безжалостно убита, послужив по дороге в небытие в качестве металлолома и кое-какого ещё сырья бодрому накоплению осатаневшего от «возможностей» свеженького, хоть и дурно пахнущего частного капитала.

То был самый настоящий антииндустриальный погром, жертвой которого стали и вполне себе боеспособные отрасли и предприятия — живые и горяченькие деньги оказались сильнее ещё живых, но уже остывавших без денежной и интеллектуальной поддержки производительных сил.

Однако дело было не в одних деньгах и скоростном образовании новых капиталов: сей погром, включавший и погром научно-конструкторской части российского индустриализма, не обошедший даже её и его оборонную составляющую, стал то ли вынужденно неизбежной, то ли завуалированно добровольной, то ли скрытно предательской *платой* за союз хищных перестроечных сил с глобальным экономическим чудовищем, возжелавшим окончательного и бесповоротного поражения России на всех фронтах, для чего и ставившим России чудовищные условия сдачи-поддержки, вполне и колониальные, а также результатом деятельности обыкновенной «пятой колонны», либо давно сидевшей в недрах советского истеблишмента, либо быстренько образовавшейся на его руинах, но одинаково враждебной не только СССР, но и России.

Любое смутное время не обходится без разрушительных субъектообразных ядер, включая и «пятые колонны», не обошлось без таковых «действующих лиц» и время советско-постсоветской трансгрессивной смуты.

Какая-такая социальная трансгрессия возможна без явления и действия сознательно-бессознательно «трудящихся» на трансгрессию враждебно-разрушительных сил?!

12 (287)

Итак: *смута, трансгрессия, глобалический полуколониализм.*

Главное, что удалась-таки *трансгрессия*, уведшая Россию (уже остаток от СССР) от советско-социалистической (сталин-

ской) реальности, включая и органичную ей ирреальность, и приведшая Россию к полуколониальному бытию в среде глобально обустроенного и ведомого Америкой мира.

Как феномен планетарного бытия-истории, Россия на момент расцвета горбачевизма-ельцинизма была... *никакой*, хотя и вошла со временем в качестве незаконнорожденной и бесправной падчерицы в верхний эшелон всемирной власти, что хотя и превратило реальную G7 в ирреальную G8, но всё-таки не дало России никакого державного удовлетворения.

Тут-то всё и началось!

Но сначала о том, почему Россия уцелела от распада — что доморощенного, что заказанного извне.

Помимо Божественного Промысла, софийного призвания исторической России и государственно-гражданского инстинкта россиян, прежде всего русских, сказались, по-видимому, следующие моменты-обстоятельства: во-первых, наличие в российском федеральном истеблишменте достаточно сильного патриотического крыла, сопротивлявшегося полному скатыванию России в прозападную антиРоссию; во-вторых, достаточно сильное влияние на Западе «пророссийских», условно говоря, сил, заинтересованных в сохранении целостной России в качестве важного звена в международной Вест-Норд-структуре, противостоящей Востоку и Югу (отсюда и превращение, пусть и условное, G7 в G8); в-третьих, и что, пожалуй, самое в социальном плане главное — исходная, генетическая, благоприобретённая и неоднократно подтверждённая в реалиях консервативная упругость России, её субъектно-характерная инерционность, даже и экзистенциальная заскорузлость, если не «махровая дремучесть» (русского мира, прежде всего), что не позволило ни расправиться с Россией как с историческим феноменом, ни достаточно переформатировать её метафизическую (смысло-ценностную) матрицу (как была Россия «таёжной», так и остаётся таковой — и ничто её не

взяло, разумеется, на её же «беду»); наконец, что безусловно в силовом отношении, в России продолжал своё сакральное бытие замечательно сделанный сталинскими соколами и соколятами оборонный комплекс с ядерным оружием в сердцевине, хотя и не только с ним, а боевой щит, он и есть боевой щит, за которым только и можно выжить и даже остаться победителем на поле боя.

Трансгрессия, причём уже, как казалось, чуть ли не прямоком в неРоссию, ан-нет — всего лишь в *другую* Россию, попервах — в *пореформенную*.

И тут оказалось важнее всего не то, что случилась пореформенная Россия, а то, что стала именно Россия!

13 (288)

Да, сидя в нави, Россия, терзаемая реформаторами, жуликами всех мастей и откровенными бандитами, уцелела, хотя и не очень-то себя в текущей реальности «казала»: Российская Федерация — не Россия как таковая, а всего лишь её легальное прикрытие.

В нави-то в нави, но ведь ничего другого, кроме жадно терзаемой России, в основе России ведь и не было: антиРоссия — не основание России, а её отрицательный (кривозеркальный) двойник.

Сокрытая в нави Россия, она же криптоРоссия, как раз и есть собственно Россия, причём уже давно есть, как минимум, с петровского времени, когда, гонимая неистовым царём-реформатором, отпрянула из яви тогдашней в тогдашнюю же навь, да так из нави и не вышла (попыталась было при Александре III и Николае II, да чем всё закончилось — революцией и крахом Российской империи; а что касается советской империи, то Россия оказалась там не просто в нави, а прямо-таки в её «застенках»).

Сброс СССР ещё не означал выброса на историческую гладь собственно России, которую как раз и предполагалось окончательно добить, навечно угнав её в Небытие.

Уцелевая и карапкаясь из нави в явь, людская Россия показала себя в 1990-е гг. очень и очень по-разному: с одной стороны, стойкость, достоинство и благородство меньшей её части, не расставшейся ни с человеческим лицом, ни с родственнотоварищескими отношениями — терпя унижения, лишения и нужду, а главное — небывалый аморализм от родного контекста, выстояла и вошла в новую неоднозначную жизнь материально проигравшей, но духовно окрепшей; с другой стороны — тоже меньшинство, но пустившееся, сверкая пятками, за лёгкой и скорой добычей, отбросив за ненадобностью мораль, самоуважение и цивилизные принципы общежития — с очень разным конечным результатом (от молниеносных баснословных обогащений и проворного бегства за границу до внезапных банкротств, смертельных проигрышей и скороспелых могил); а посередине, как всегда, невыразительное большинство — кое-как выживавшее, униженное, деморализованное, нередко и сломленное, но всё-таки немало цеплявшееся за жизнь, за труд, за будущее, не преминув немалой долей оказаться и за границей.

14 (289)

А что ещё можно было ожидать от загнанной в навь брошенной в бездну, и неистово поругаемой России, кроме упорного выживания, упрямого стояния на своём, ловли счастья любой ценой, неизбежного в такой ситуации самоотречения, даже и роковых измен самой себе, не говоря о тотальной апокалиптической обречённости?

Другой бы народ сломался и исчез, а вот российский, в особенности русский, выдюжил, — и это посреди нахлынувшего

на Россию *антимира*, весьма оплодотворявшегося вполне реальным *сатанизмом*!

Оказавшись в сущем аду, Россия и сама обратилась в сущий ад, а уж кто и как шествовал по этому двойному аду, зависело от личности, обстоятельств, судьбы, как и удачи, в общем — кому и как либо на роду было написано, либо просто «свезло», либо, наоборот, совсем уж не потрафило.

Испытание, тяжба, выбор и отбор, чистилище.

Крутизна! Непрерывное выворачивание вывернутого. Доля!

Легко во всём винить ужасную Россию, как и её непутёвый народ: не такая, мол, и не такой; не внятная и не вразумительный; не верная и не правильный.

Однако было бы справедливо и вполне уместно поставить себя — острого-де критика — в некую обзорную точку, в перекрестье бытийно-исторических рок-координат, как раз в самый центр феномена ужасной России и в сердцевину феномена, называемого непутёвым российским (русским, прежде всего) народом — и хорошенько ретроспективно и сеюмоментно оглядеться, чтобы заметить вдруг кое-что воистину необыкновенное и впрямь роковое.

Что же?

Ну-у, хотя бы церковный раскол XVII в. с его жертвенно-кровавыми страстями; петровские антирусские изыски, как и его же жертвообильные деяния вроде строительства Петербурга, не говоря о тотальном ордынском пошиба закрепощении коренного народа; гражданскую войну XX в. с непрекращавшимися долгое время массовыми репрессиями; рабский и полурабский труд миллионов; недопотребительский гнёт с его нехватками, очередями, ограничениями, фальсификациями, принудительной уравниловкой; гашение личной и частной инициативы, включая и производительную; ограничения на заграничные выезды, а для

большинства — запреты; засилие единственно верной-де идеологии; преследование религий и церквей, в общем — насилие, контроль, крепость, а ежели какая свобода, то лишь глухая либо бунтарская.

15 (290)

Нет, нельзя сказать, что в «советско-социалистическое» время не было ничего из вполне приемлемого для человеческого общежития и деятельности, как и не было массы достойных людей — тружеников и патриотов, а также добрых межлюдских отношений, здорового коллективизма, деятельного партаппарата, эффективной госадминистрации, как и не было возможности жить по-честному, не кривя шибко душой, не вступая в гиблые сделки с совестью, как и возможности бытовать с уверенностью не только в завтрашнем дне, но и в будущем своей родной страны. Всё это было, как и было многое другое позитивное, включая доступность жилья, образования, карьеры, здравоохранения, культуры, спорта, туризма, транспорта, поездов, путешествий, чего там ещё? Царили житейские стабильность и безопасность, хотя и не без столь же разного рода житейских эксцессов, но в целом кое-какое время было в стране весьма приемлемо.

Всё это так, и никто из здравомыслящих соотечественников этого отрицать не будет и не может.

Да, тогдашний строй в своём полном развороте мог предложить немало хорошего, но не всё — многое из обычно потребного человеку он предложить всё-таки не мог, включая бизнес-потребительскую страсть и всякую вообще экстравагантную обыденность. Не мог ничего этого предложить и, уже с учётом неуклонного падения своей эффективности, начисто своему же бытию-истории проиграл: советский человек стал жаждать чего-то... *несоветского*, как раз того, что широко культивировалось Западом.

Ну а Запад тогда, на рубеже 1980—1990-х гг., выиграл, ибо не сильно противоречил, как это было у советского социализма, природе человеческой, шёл ей навстречу, гибко отвечая на её потребности, чаянья и, разумеется, пороки — что обыкновенные публичные, что необыкновенные элитарные.

Деньги на Западе давно уже сильнее всего, и вот они — деньги — взяли верх не только над социалистической идеей, но и над служившей-де этой идее совдеповской властью.

Затеянная в СССР перестройка быстро перешла в *про*-денежную революцию, высвободившую деньги как бытийственно-исторический феномен и подчинившую вдруг хопом сему феномену всё бытие-историю внезапно оставшейся без СССР квазиРоссии.

16 (291)

Резко брошенная в денежный соблазн, не единожды обманутая переродившейся властью и откуда-то взявшейся бесовской псевдоэлитой, расстроенная и внутри себя разделившаяся, мало что тогда создававшая, подавленная и брошенная на милость наглому произволу, Россия как бы накрылась враждебным ей, вездесущим, въедливым мороком, в котором ей предстояло раствориться и сгинуть как бытийно-историческому феномену и как не успевшему как следует стать новым геосубъекту.

Однако... сего печального для родной стороны события не произошло — Россия, пусть и квазиРоссия, не исчезла в небытии, хотя и ценой фатального искажения не одной своей физиономии, а и всего организма, его беспощадного уродования вкупе с немалой порчей и самой национальной души, вообще всего своего бытийно-исторического «Я».

Возымела место действительная *инфернализация* России, её бытия, как бы обручения России с самой *преисподней*.

Соблазн, помрачение, падение.

Недуг, болезнь, смертельная угроза.

Край!

Может, тут явлено сильное эмоциональное преувеличение — так, как здесь говорится, в реальности тогда-де не было, до такого-де экзистенциального маразма на самом-то деле не доходило, но, что особенно поразительно... *так именно и было*: страна стремительно превращалась в безнадежный географический суррогат и, казалось, уже не вывернется из объявшей её погильной бездны.

Но чудо-таки произошло: за внезапной переменой в высшей власти последовали и жданно-нежданые перемены в больших российских реалиях, совершенно и невозможные!

Бытие-история — «вещь», строго говоря, тёмная, любящая подбрасывать человеку вполне не осознаваемые и, тем более, не очень-то объяснимые факты, события, происшествия, в общем — всякого рода миражи и чудеса. Таким вот несуразным чудом оказался и совершенно странный переходный кульбит с реформенной властью, когда замазанный бесстыжим реформенным правлением глава государства (уже и псевдогосударства) внезапно (хотя и очень ожидаемо) покинул свой пост, а на его место пришёл (явился!) лишь совсем немного и второпях публично раскрученный «мистер Икс» — без обильной биографии, большого опыта правления, заметных личных достижений (кроме объявления им новой чеченской войны на кратковременном посту премьер-министра), без какой-либо внятной программы действий.

Но именно с этого невзрачного по виду, но знаменательно-го, как оказалось, по исторической роли, события всё в Российской Федерации («Русском царстве») и началось!

17 (292)

Нет, не молниеносно вовсе, а шаг за шагом, сначала вкрадчиво, а потом всё более и более отчётливо; а что же вдруг нача-

лось? — о-о, очень многое: во-первых, исправление окривевшей донельзя страны; во-вторых, становление нового воспроизводственного контура, пусть и в основе пореформенного, то бишь в любом варианте тоже весьма ещё «кривого»; в-третьих, что особенно важно, возрождение, или всплытие из нави... собственно России — как уже не странового, а метафизического феномена (!).

То ли новый лидер с новой командой вызвал из нави Россию, играя на какой-то чудесной дудочке, то ли Россия, уже достаточно отчаявшись, сидя в нави уже на краю небытия, вызвала к действию как бы никакого, но зато с тайной миссией лидера с его никакой командой — кто знает? — но дело-то ведь пошло — в чем-то и обратное ещё длившейся реформе, её заметно корректировавшее, как раз по критерию системной нормализации реального жизнеотправления.

Здесь уместно кое-что вспомнить из мистического и над этим немного поразмышлять.

Дело было в Петербурге, в 1996 г. Один осведомлённый генерал-эзотерик показал автору сих строк два шифровочных рисунка, выполненных пером одним человеком под диктовку случившихся с ним видений. На первом рисунке, который был выполнен где-то в 1990 г., был изображён среди прочего некий митингующий человек на танке (не на броневике!); на втором рисунке, выполненном что-то в 1995—1996 гг., была изображена карта с Финским заливом, Петербургом и Екатериной II в виде величественного памятника. Показывая рисунки, генерал заметил, что первый ему вполне понятен, ибо речь в нём была о событиях 1991 г., когда действительно были танк и вещавший с него о перевороте в стране тогдашний и будущий лидер Российской Федерации, а вот второй рисунок ему — генералу — пока был не ясен, а что-то провиденциальное в рисунке явно сидело.

Прошло время, и автор сих строк, сам тогда с таврической трибуны провозгласивший необходимость корректировочной антиреволюции в России, убедился в прозорливости вторых видений, посетивших непрофессионального художника, когда в Московском кремле утвердился человек с Невы и Финского залива и стал править Россией вместе с весьма многочисленной петербургской управленческой корпорацией, да ещё и править по-имперски, как раз по-екатеринински!

Пришлось автору сего воспоминания вытащить на свет и другой памятный сюжетец, обязанный своим явлением Александру Пушкину и эзотерическим трактовщикам пушкинской пророческой поэмы «Руслан и Людмила» (не сказки вовсе) — офицерам российского флота.

Что привлекло автора сих строк, ознакомленного с офицерским трактатом, в пушкинском тексте? Как раз тот факт, что в оживлении коварно убитого Руслана принимал участие древний волхв-финн, то бишь пророк и лекарь со всё той же Невы и того же Финского залива!

Уместно заметить и другое: автор сего петита имел честь опубликовать в 2001 г. в одной из центральных российских газет, почитаемой интеллект-интеллигенцией, статью, в которой отстаивал имперский характер России и выступал за её имперское будущее, предвидя и возможную в стране *административную революцию* (не бизнес-революцию, а именно — *административную*).

Верь, не верь в мистику, метафизику и трансцендентность, а они ведь все тут как тут — прямо как на ладони, хотя и всего лишь где-то там — в глубинах сознания с его неизбежным подсознанием и тончайшим сверхсознанием.

18 (293)

Мало-помалу, заметно-незаметно, прямо-непрямо, но Россия, заключив негласный компромисс с кем-надо из глобалического центра, получая свою долю дохода от нефтепромысла и отправляя «несвою» долю за океан, смогла укрепиться, подсобраться, приподняться, в общем, прервав прозябание и подвытянув себя из бездной трясины, двинулась так или иначе, несмотря на чаяния и происки своих и внешних прозападников и русофобов, к самой себе — к России!

Никакой другой надежды, кроме собственно России, у полуфиктивной фактической России не было: или поход к России, или сход в небытие — ничего иного в возникшей исторической ситуации уже быть не могло!

Россия возвращалась к России, но не к прошлой, а к будущей, хотя концептуального изначалья своего, как и кое-чего за свою историю усвоенного, Россия не игнорировала. Будущее творчески сходилось с прошлым, оплодотворяя сим схождением сложное, крайнее и рискованное настоящее. Припоминая себя, Россия поднималась из нави в явь, импровизируя в новой для себя яви и заново созидааясь, причём в не самом дружелюбном для себя контексте, по преимуществу и враждебном. То было явление некоего законного по происхождению наследника, не признававшегося бойким окружением и дружно им принимавшегося за незаконнорожденного, а главное, непредсказуемого и опасного, бастарда.

Какая-де ещё Россия — тёмная, убогая и регрессивная — в такое светлое глобалическое, освящённое прогрессивным евроамериканизмом время?!

Ход бытия-истории, однако, вовсе не всегда считается, при всём своём уважении к человечеству, с чаяниями, действиями и происками любого субъективного фактора, а потому в реальности

выходит то, что... *выходит* (прямо из самого хода бытия-истории) и с этим итогом человечеству приходится-таки считаться.

Бытие-история «захотело» почему-то воскрешения России, и это воскрешение зачем-то идёт: сначала через окропление России «мёртвой водой» (как у Пушкина в «Руслане и Людмиле» — этом загадочном эпосе русского народа), в составе которой помимо нефтедолларов ещё и административный ресурс послеельцинского правления, а затем и через напоение страны «живой водой», в составе которой уже созидательная энергия очухавшегося от смертоносного распада российского населения, энергия «оборонки» и энергия нового российского интеллектуализма.

19 (294)

Ах, как всё в реальности не так, как всё в России плохо, как из России вовсю бегут, как бесперспективна Россия!

Разумеется, это действительно так: вопиющее неравенство в доходах и уровнях жизни; бюрократический произвол; коррупция; аморализм; неуверенность в будущем; неоправданная дороговизна жилья; менеджериальные издевательства над образованием, здравоохранением, наукой; неуважение к человеку, личности, творцу; тотальное лицемерие; бесовщина на ТВ, в кино, в театрах, вообще в искусстве, литературе, в СМИ.

А как же иначе, господа, с таким-то рабски-тоталитарным наследством; антирусским и антироссийским идейно-историческим багажом; нескрываемым преклонением соотечественников перед любой границей, в особенности, конечно, евроамериканской, включая и научно-философско-гуманитарную «полянью»; зеркальное от этого презрение ко всему отечественному, включая и родной язык с его архаичной-де кириллицей, всю русскую гуманитарную мысль, а во многом и русскую культуру, не говоря уже обо всём русском древнеисторическом наследии.

О-о, как живуча въедливая, коррозионная и вредоносная, боевитая и хваткая антиРоссия, получившая и охотно принявшая неожиданный, хотя и долгожданный, радикальный россиефобский допинг в счастливые для неё 1990-е гг. — годы открытого, бескомпромиссного и беспощадного поношения и «разроссиевания» России!

Россия не только выплывает из нави в явь, не без усилий, труда и потерь выбираясь из пучины давно захватившего её антимира, но она, во-первых, борется с самой собою — искажённой, опустившейся, уродливой; во-вторых, одолевает вовсе не благоприятный для неё антироссийский контекст — вполне уже свеженький; в-третьих, осваивает, приспособляясь и переваривает в себе и для себя, все неизбежные новины современности; в-четвёртых, переживая небывалую в себе трансгрессивную перемену посреди общемировой трансгрессивной кутерьмы.

Так что тут вовсе не триумфальный марш победителя, а вполне тягостный *выворот* — если и не побеждённого, то явно проигравшего — как выворот из удушающих объятий враждебной среды, так и выворот из самого себя, пленённого, униженного, порочного, да ещё и вынужденного трансгрессировать, может, и в нечто ожидаемое, но по сути-то ведь не известное.

Из омута в... полымя, а дальше... кто ж знает, что и во что?

Да, можно и сгореть по дороге, вдруг рассыпаться, исчезнуть, хотя... Россия не для того поднимается на ноги, чтобы вдруг рассеяться и исчезнуть, не выполнив какой-то сакральной бытийно-исторической задачи — вполне для мира и судьбоносной, — зачем же тогда уже сейчас она оказалась в самом центре — *сингулярной точке* — планетарно-космической современности.

Новая Россия — уже не мечта, не миф, не утопия, а... *реальность*, пусть и странная, и не логичная, и вообще не допус-

каемая просвещённым умом, но ведь сбывающаяся, становящаяся, говорящая!

20 (295)

Везде по миру бытуют если не очень хорошие, то хотя бы сносные, человеки, кроме, разумеется, России, где изобилуют-де недочеловеки, уроды, нелюди, в общем — человеческий мусор, а ежели в России и вдруг встречаются мыслители, писатели, художники, композиторы, учёные, изобретатели, полководцы, предприниматели, державные мужи, кто там ещё, то это не более чем странное исключение, которого не должно быть, но почему-то случается, вполне и не объяснимо.

Что-то *такое* в этой дикой, свальной и поганой стране всё-таки есть, наверное — дух, какой-то *особый дух*, которого больше нигде нет, ибо с полными человеками, особенно, передовыми и совершенными, как в Европе с Америкой, его — *особого духа* — просто не может быть вообще: не явится, не вселится, не сработает. Только в России и только с русскими или же хорошо обрусевшими получеловеками!

Интересно, не правда ли?

А дух этот не какой-нибудь, а... *софийный*: не ведический, не православный, не коммунистический, а именно — *софийный*!

Софийность везде по миру, но везде она более всего в тисках полезных идейных систем, и только в России софийность гуляет сама по себе, не обременённая никакими законченными формулами. Россия в идейном отношении принципиально не системна, а потому и всего более доступна для творческой Софии. Россия софийна по определению, по рождению, по изначалью. Однако быть софийной — вовсе не значит быть обыденно счастливой, скорее, быть необыденно мистериальной, что как раз и предполагает неостановимое движение к... *Иному*. Не подчинение бытия разумному уставу, как и не строительство разумного

бытия, а чаяние чего-то иного — не земного, но и не небесного, а... как раз *софийного*.

Стремление к неведомому Ничто, за которым неизвестное Нечто!

Тут лишь сердечное доверие к этим насыщенным чем-то неведомым и неизвестным *Ничто* и *Нечто*, ради которых только и стоит пребывать на этом известном-де свете, им вполне и на-совсем не удовлетворяясь.

Как любого творца из человекoв влекут что-то неведомое и неизвестное, но что способны воплотиться во что-то неожиданное и нереальное, так и Россия обращена, того не слишком и ведая, к Софии, но не за желаемым результатом, а за возможным от Софии роковым разрешением.

Отсюда и вся российская (русская) бытийно-историческая, но при этом и сакральная, мистериальность.

Бытие-История России — софийная мистерия!

Тетрадь тринадцатая

1 (296)

В сегодняшней — 2017 г. — оцивилизованной России хватает всего, кроме самого главного — гражданского во все стороны и ярусы, по всем локалиям и по любому поводу... *уважения*, включая и простое людское *взаимоважение*. Нет достаточного уважения страны, Родины, Отечества, государства, правительства, истории, исторических лиц; родной культуры, нет подобающего гражданского уважения даже первого в правящей структуре лица; но главное — нет уважения к человеку — как человеку вообще, так и конкретно к любому «текущему» лицу. Дело это давнее: тут тебе и вековечный безоговорочный гнёт государства, самодержавия, господствующего класса; и возрождающееся в разных формах непотопляемое и неизбывное крепостничество; и принижающая человека-индивида церковная этика; и традиционная армейщина, выходящая за пределы собственно армии; и жёсткий патриархальный бытовой уклад, пусть и ушедший как будто бы в прошлое; закоренелая и охотно воспроизводящаяся, уже и субстанциальная, несправедливость; и приоритет в широком смысле общины, если не стаи, над индивидом — нивелирующий, теснящий, забивающий личность, индивидуальность, «выдающуюся»; и обширная тюремная субкультура с дополняющими её «дедовщиной» и тем же школьным «бурсачеством». В общем, обоснований тут хватает, в особенности, если добавить к вышесказанному сонм таких моментов, как суровая природа, долгая

вязкая темень, бесконечный холод, безмерное пространство, рискованное вообще бытие, непрерывное дыхание смерти, избыточные нехватки, потери, жертвы и т. д. и т. п.

Как ни крути, а *проблема* есть — закоренелая, живучая и не изживаемая, вьевшаяся, угнездившаяся, слепая.

Развенчивание прошлого, неперенное охаивание настоящего, подозрительное вглядывание — с наглухо закрытым внутренним зрением — в будущее.

Всё это так, разве тут поспоришь, но... при всём при этом... не менее субстанциальное чувство *жалости* к убогому, несчастному, нищему, калеке, вообще к страдальцу, непременно падшему, униженному, в кандалах, на эшафоте, при смерти, в гробу. Отмучился, мол, страдалец, даже ежели был усердно гнобим и гоним за гордыню-де, за талант, за гениальность, в общем — за выдающуюся непохожесть, за выбивание из ряда, за неподдельную самость. Имитатора, скомороха, «хлопушку» обязательно простят — над ним разве лишь посмеются, — а вот *настоящего* творца ждёт осмеяние, презрение, гонение, а то и смерть, пусть ещё и физически живого, даже и вроде бы здравствующего.

Жалость сия — обратная сторона неуважения к личности, к возвышающемуся исключению, к самому себе. Если уважить, то уж того, кто явно уже ниже, тише, беззащитнее, кто... *несчастнее!*

Однако есть и неизживаемая гордыня от успеха, удачи, прибыли, богатства. Тут уж гипертрофия себя любимого, занятого собою места, личного благополучия, своих необыкновенных «возможностей». И сколько презрения к низшим-де, неудачникам-де, обездоленным-де! И всех таковых надо непременно загнать в покорных, подвластных, безликих.

Барство и холуйство — две стороны одного и того же злокозненного достояния — субстанциального неуважения к себе, к другому, ко всем сразу.

2 (291)

Однако... чу!.. не всё так уж плохо в родной России: и любовь есть, и взаимность, и дружба, и поддержка, и самоотвержение одного ради другого, и сердечная привязанность, и, наконец... *уважение*... к другому, к предкам, к истории, вообще к жизни, включая и смерть.

Что тут сильнее: аморально-нецивильный негатив или же, наоборот, морально-цивильный позитив? Скорее всего, фифти-фифти, этакий динамический экзистенциальный пато-коктейль, делающий бытие-историю России странной, неоднозначной, вполне даже и страшной, но... не скучной, не сытой, не дремлющей, а... мистериально творящей — страдательной, кроваво, жертвенно, но... *творящей*, пусть что-то несуразное при этом и безумно вытворяющей.

Стихийный, с вмешательством бессознания, безумия и страха отбор, ведущий какой-то неведомый экзистенциальный выбор, куда-то устремлённый, зовущий и ведущий, выдавливая готовность воспринять что-то невообразимое, несусветное, страшное.

Автор сих строк появился на свет божий в самом начале воистину страшной войны — войны на истребление, более известной в народе как «войны с немцем», а на самом-то деле апокалиптической войны человечества с самим собою, в которой России, тогда СССР, была отведена роль не только базисной боевой территории и главной прицельной мишени, но и основной кровоточивой жертвы. Умный и корыстный евроамериканский мир жертвовал ради своего благополучия СССР-Россией, хотя в итоге ему пришлось пожертвовать, пусть и не совсем и не навсе-

гда, не столько русским, сколько германским миром, но достичь при этом возвышения феномена Европы в лице Америки ему-таки удалось, правда, при неожиданном возвышении и СССР, обратившемся вынужденно в критический момент к коренной России, её истокам и архетипу.

Однако, победив в жуткой войне, СССР поступил с Россией, мягко выражаясь, подловато, вновь загоня её во внебытийно-внеисторическую навь, хотя и не столь уже энергично, бескомпромиссно и беспощадно, как это случилось по тем же первым итогам «Великого Октября».

Но сейчас не об этом, не о России и её вытеснении с глаз долой, а о пережитом самим автором этих строк советско-российском бытийно-историческом моменте: от славной Победы до бесславного Поражения и несколько далее.

Война дошла до большого южного города, стоявшего на большой славной реке предкавказским форпостом, из которого перед его захватом немцем состоялась эвакуация, в которой грудным ребёнком принял участие и автор сих строк. Были бомбёжка и крушение эвакопоезда, бегство в степь его несчастных пассажиров, жажда от нехватки воды, недоедание, но поезд-таки дошёл до внутреннего солёного моря, а эвакуированные, преодолев на утлом пароходике сие море, оказались в большом среднеазиатском городе, ныне прекрасной столице одного из независимых от самих себя государств.

Вскорости в жизни автора сих строк явилась столица СССР — Москва, где и прошли его детство, а потом и вся его жизнь.

3 (298)

Самой войны он не видел и о ней ничего из фактического не знал, а вот Победу увидел и запомнил: «Немца победили!». Ликование окружавших людей, победный голос Левитана, воз-

вращение домой фронтовиков, радость встреч, общее людское воодушевление, доброжелательство, а также много света, солнца, радости!

Да, так было!

Общая беда, тотальное напряжение сил, лишения, потери и жертвы, сама потребность в общем спасении сплотили людей, загнали бытовую порочность куда-то вглубь, возвысили товарищество, доброту, взаимопомощь, ну и, как следствие всего этого, взаимное друг к другу *уважение*.

Победная война слегитимизировала большевистско-сталинский режим, сблизила его с народом, в целом признавшим навязанный ему строй бытия за «свой».

Потом, как уже здесь отмечалось, был замечательный по достижениям период мирного созидания, строительства новой жизни, отмеченный прекращением массовых репрессий и возможностью большой общей работы на общее благо.

Можно сказать, что в идейно-морально-поведенческом плане имел место взлёт того, что называлось «*социализмом*», пусть и в тотально-государственном, централизованном, квази-армейском исполнении.

Жизнь явно улучшалась, страна летела вперёд, будущее казалось верным и достижимым.

Экзистенциальный негатив, конечно, никуда не делся, но он никак не был определяющим: преобладали порядочность, уверенность в завтрашнем дне, оптимизм.

Можно сказать, что это было вполне счастливое время, не имевшее, пожалуй, аналогов в истории не только России, но и всей цивилизованной планеты.

Правда, то был в историческом измерении всего лишь краткий миг — каких-нибудь пару десятков лет, может, четверть века, но он — этот необыкновенный миг — всё-таки *был!*

Однако даже в это действительно удачливое время советско-социалистический тоталитаризм нёс в себе роковые противоречия между строем и жизнью, между настоящим и будущим, между текущим мигом и длящимся временем, а главное — между денационализированным, дерусифицированным и десакрализованым искусственным наверхием и реальной бытийно-исторической почвой.

Строй должен был существенно измениться сразу же после Победы, что его носители-«стратеги», даже и сам товарищ Сталин, видимо, и понимали, однако, уверовав в победный тоталитаризм, то ли побоялись его серьёзно трогать, лишь немного очеловечив, то ли утратились прихода чего-то явно другого — не тоталитарного, а потому и погибельного для только что воцарившегося «социализма-советизма».

Потребных глубоких перемен в устройстве текущего бытия не произошло, и углублявшиеся противоречия сделали своё дело: сначала через коррозию «тела» и искажение «духа», затем через кризис того и другого, а в конце концов и через крах самого славного бытийно-исторического феномена.

Можно ли было что-то реально изменить и спасти ситуацию?

Как фактически оказалось — *нет!* Перестройка второй половины 1980-х гг. лишь усилила уже скрытно шедший разнос, сделав его в конце концов явным и реально сокрушительным. Менять коренным образом ситуацию надо было сразу после Победы, опершись на энтузиазм победоносного поколения. Но вершители тогдашней судьбы страны явно испугались как сей необходимости, так и сего победного поколения, включая и самих себя — отказаться от советско-социалистического тоталитаризма с возможным уходом от власти было выше их политических чаяний, делового опыта и душевных сил, а тех, кто мог бы это со-

вершить, отодвинули в сторону, дискредитировали, устранили и физически.

Упущенная возможность никого и никогда не прощает, а точнее сказать — непременно и наказывает — всех до одного! — надо ли перечислять имена?

4 (299)

Перестройка 1980—1990-х гг. напоминала не что иное, как панику сидельцев горящего дома: то ли во мгновение им делать это, то ли что-то другое; то ли это спасать, то ли другое; то ли самим спастись, то ли что-то и кого-то спасать, да и как всё это сотворить, ежели огонь уже повсюду, да и не первый этаж у сидельцев, а какой-нибудь из верхних, да и вовсе пожарники вдруг куда-то как назло подевались?

В содержательном плане образ, конечно, не точный, а вот по образу образа — самое оно, разве не так?

Паника! Вроде как на тонущем корабле (тоже подходящий образ образа, не правда ли?), да ещё и с не очень-то фартовым капитаном, а то и попросту к команде и кораблю равнодушным, если не враждебным.

А из такой паники только один является выход — пусть горит и сгорает дом, пусть тонет и утонет корабль!

Так оно примерно в СССР и вышло.

Не укоренившийся в метафизике страны, в её ноосфере, чуждый её эгрегору, как и замыслу Божиему о человечестве, не очень-то софийный, псевдосоветский и псевдосоциалистический, а на самом-то деле вполне тоталитарный проект не просто рухнул через крушение СССР, но и подготовил (может, просто обусловил) самый что ни на есть тоталитарный переход к тоталитарному же, вовсе не либеральному, а скорее просто к временно «рассхлябанному» квази-, а может, и не квази-, а вполне уже уголовному финансово-присвоительному режиму.

Что же произошло?

Что бы не говорили взахлёб о советах, рабочих и крестьянах, о социализме, коммунизме и справедливости, в СССР состоялся тоталитарный строй с тотальной государственной собственностью и тотальным принудительным государственным распределением благ, как и самой возможности бытия. Плохо это было или хорошо для отдельного человека, семьи, коллектива, любой институции и локалии, как и общества в целом, не так сейчас важно, — главное — жизнеспособность и эффективность строя, возможность развития хозяйства, общества, всего бытия. И вот тут-то наш сталинский строй и подкачал, когда сначала ослабла, а потом и исчезла возможность постоянной всеобщей мобилизации людей, тружеников, сознания, духа, интеллекта, ресурсов и возникла потребность самоопределения элементов и частей социума, высвобождения частной деловой инициативности и широкой творческой активности.

Чего-чего, но этого сталинизм ни обеспечить, ни даже допустить не мог, хотя и не по злому субъективному умыслу и не по недомыслию, а по той же причине, что, допустив и обеспечив это, сталинизм должен был и *сам* уйти с исторической арены, как раз вместе со своим СССР.

Консерватизм одолел тогда переменность, что и стало для СССР и сталинизма совершенно уже пирровым, вполне и антиисторическим достижением.

На место переменности пришла тогда крутая ломка, что и было убедительно доказано событиями 1991 г. и последующих 90-х гг. XX в.

Однако ломка сия («разбрасывание камней») оказалась на деле вовсе не такой уж стихийной и не такой уж безумной, как казалось, а шла с кое-каким весьма и весьма продуманным «конструктивным» прицелом, а именно — ловким присвоением мало-

численным, но бойким и наглым меньшинством решающей части национального богатства.

5 (300)

Нет, случилось вовсе не первоначальное накопление капитала, как учил когда-то весь мир строптивый К. Маркс, а произошло совсем другое — *первичное присвоение богатства ради производного от этого накопления капитала*, что более соответствовало взглядам когда-то ловко осмеянного тем же Марксом везучего Прудона. Однако и Прудону, утверждавшему, что любой капитал начинается с воровства, не снилась дивная операция, проделанная российско-глобалическим «прихватизаторством» — совершенно гениальная, исключительно аморальная и, знаете ли, абсолютно бесовская!

Сие масштабное мероприятие провернули какие-то особого рода существа, лишь имевшие людской облик, вполне иной раз и приглядный, но никак не собственно человеки, а ежели и человеки, то с характерной по случаю приставкой «не» — *не-чело*веки!

Откуда же они вдруг взялись, эти необыкновенные существа, прямо среди людей и даже в образе человек?

Это действительно поразительно: оказывается, что ни рождение от людей, ни жизнь среди людей, ни школьное воспитание, ни вузовское образование, ни цивилизная обстановка, ни вросшая в общее житие мораль, ни вездесущее право, ни бескорыстное товарищество, ни... ни... ни... не имели никакого позитивного влияния на этих персон и не внушали им никакого... э-э... сакрального значения, кроме, разумеется, некоторой удобоваримой внешности, каких-то подходящих к случаю словоизвержений, приемлемых манер и сносного имитационного поведения.

Да ладно бы единицы, а то ведь совсем и не малая людская россыпь, целый нелюдской легион, необъятная бесовская армия!

Вот уж феномен, так феномен!

И не где-нибудь, а на земле, в СССР-России, среди нас — граждан-де, коммунистов, комсомольцев!

Во-первых, такие всегда и везде есть (разброс генов), которые лишь ждут (невольно и вольно) своего часа — войны, революции, реформы, в общем — некоторой «чрезвычайности», — и уж ежели вдруг трубный сигнал прозвучит, то будьте любезны!...; во-вторых, все они сыны (пасынки) тоталитаризма, а последний очень для вызревания сей публики благоприятен; в-третьих, лишённые, как и все, собственной собственности, они, переполненные личной беспринципностью, с жадностью накинулись на якобы «ничейное» добро, хватая выгодное и доходное и бросая на произвол смертельной судьбы всё тяжкое, сложное, неконкурентоспособное, как бы и патологически неполноценное.

Никакого особого со стороны «прихватизаторов» безумия в том не было, наоборот, был точный, хорошо продуманный (как при крупной войсковой операции) хладнокровный расчёт, сделанный при помощи и участии патентованных устроителей подобных беспринципных разборок — «социо-экономических убийц», явившихся прямо из заокеанской экономической преисподней.

6 (301)

Большая иллюзия, что вокруг бытуют люди с людскими чаяниями, намерениями и принципами, возникшая и укрепившаяся у автора сих строк в славное героическое время побед, достижений и добротного человеческого общежития (от 1945 по примерно 1970 г.), была убедительно развеяна в славные, как теперь говорят — «лихие», 1990-е и последующие годы, хотя первые сомнения являлись и ранее — уже в 70—80-е гг. XX в., но ещё что-то в душе и мозгу держалось, что-то вселяло если не прежнюю уверенность в бытии и в будущем, то хотя бы кое-какую экзистенциальную надежду.

Ах, эти роковые по своей неподкупной и жёсткой правде 1990-е — необычайно лживые функционально и необычайно честные по существу; вполне адекватные человеку, включая и сидящего в нём зверя; опровергшие всё надуманное, мифотворное, лживое, что было наговорено о человеке и человечестве разными «гуманными» идеологиями, включая и гуманитарную науку, а главное, раскрывшие, что человек на самом деле вовсе не тот, за кого себя выдаёт, что социум вовсе не такой, каким его представляют, что цивилизованное бытие вовсе не то, каким кажется, что история тоже совсем не та, какой её упорно представляют.

1990-е вскрыли-таки дихотомию *Правды и Лжи, Добра и Зла, Человека и Зверя, Людей и Бесов*, за что им, этим славным и лихим годам, неподдельная признательность — без них так бы и оставались интеллектуалы всех мастей в неведении и девственной непорочности, а теперь вот нет: сразу видно, что врешь, бесценный умник и великий знаток!

Мы уже ранее отмечали, что несмотря на действительно бесовское «реформирование» (разнос, выворачивание и бешеную приватизацию), страна, уже лишь Россия, каким-то чудом выстояла, не развалилась и не исчезла, хотя, надо признать, реформисты, быстро убедившись в возможности исполнения своего дьявольского плана, вовсе и не желали ни развала оставшейся от СССР страны по имени Российская Федерация, ни её исчезновения — кто бы тогда приносил им за просто так баснословные доходы? Как ни крути, а без страны ведь тоже никуда, да и заокеанские покровители-советчики-устроители не желали полной диссипации России, — ослабленная и расставшаяся с мировой соц-системой, покорная и вполне полуколониальная северная страна, ещё и под внешним контролем самоуправлявшаяся-де, их совершенно устраивала, в особенности бытуя перед лукавым ликом Востока и призакрытой физиономией Юга.

Но главное — выстоял и не изменил себе сам российский, прежде всего русский, народ, лишённый какой бы то ни было, кроме приусадебных огородов в деревне, скромных жилищ и дачных шести-восьмисотковых участков, производительной собственности и за неё не посчитавший нужным сражаться, удовольствовавшись подсунутой ему мошенниками сверху лукавой игрой в ваучеры.

Нет, народ не восстал, не взялся, как многие боялись, за топоры, не разгромил смердевшее от бессовестности реформаторство, ибо... о-о... тут важно учесть одно важное обстоятельство... он очень хорошо усвоил сталинско-хрущёвские уроки противления насилию... э-э... не то что насилием, а и, знаете ли, даже и покорностью: народ взял, да и отдал «прихвизаторам» всё им накопленное, но, увы, ему вовсе никогда не принадлежавшее, богатство — в обмен на возможность попросту выжить, а не самоистребиться, да и остаться пред Господом Богом человеками.

Спасительный инстинкт одолел взбудораженный разум!

7 (302)

Народ инстинктивно пошёл за метафизикой, может, погрузнев и поредев, и поистрепавшись, но в основании своём остался *народом*, предпочтя взаимопомощь, семейно-родовое единение, товарищество, в общем — *социабельность*.

На что-то он, конечно, купился, в чём-то обманулся, на что-то даже позарился, но в плане присвоения несвоего не оскотинился, не озверел, не пал. Пусть и не весь народ проявил благоносную стойкость, но его исторически решающая часть, которая и обеспечила уцелевание исходного генотипа, сонма обрётённых архетипов, выработанного веками этнокода.

Слава народу, нашедшему в себе силы и мудрость устоять перед страшным испытанием ложью, обманом, прелестью, ну и суетой, скверной и тленом тоже!

По наитию своему этноисторическому народ не ждал от элиты ни манны небесной, ни человеческого участия, ни пристойного поведения, но каким-то шестым чувством понимал, что, во-первых, так, как случилось в 1990-е, долго продолжаться не могло, а потому предпочёл ожидание перемен... нет, не к лучшему, что само собой, а попросту к бытийной нормализации, достигаемой прежде всего самим «ходом вещей».

А момент ведь всё-таки наступил, как всегда внезапно и в невероятном исполнении: со сменой акторов высшей власти и с заметной коррекцией державного курса.

Хочешь, не хочешь, а поверишь и в Промысел Божий, и в метафизику поверишь, и в трансценденцию, как и убедишься в укромном наличии конспиративного управления бытием-историей — неброского, но... *действенного!*

Бытие-история полно *тайны*, и этой-то *тайной* можно и нужно управлять... через *тайну*, на её принципах, конспиративно, что, собственно, и происходит: волхвы, жрецы, эзотерики, пророки, гностики, философы, мудрецы, тамплиеры, масоны, какие-нибудь розенкрейцеры, социалисты, карбонарии, ну и кружки, клубы, общества — самые разные, а также (sic!) столь же разные службы, как явные вроде бы, так и неявные, со всеми их сысками, информациями, замыслами, проектами и сквозными через текущее бытие-историю деяниями.

Отчего, к примеру, та же Великая французская революция, отчего вдруг Бонапарт, отчего К. Маркс, отчего Ленин, Муссолини и Гитлер, отчего и сам товарищ Сталин, не говоря об А., Г. и Е., а также... тут уж мы благоразумно помолчим.

Чего тут более — бытийно-исторической стихии, «хода вещей» или же под- или над-бытийно-исторического управления, разумеется, в стихии и через «ход вещей», но всё-таки... чего? Никто из набитых легальной информацией крепкоголовых, пусть и шибко учёных на этот вопрос вразумительно не ответит, ибо

даже в культовом-де романе-де писателя-де М. Булгакова почти никто не заметил главного действующего лица по имени А., от которого всё в европейском бытии-истории в один прекрасный момент и пошло, а потом, знаете ли, разошлось и по всему миру.

8 (303)

Однако вернёмся к славным 1990-м, подготовленным скоростно-затухавшим советско-социализмом (сталинским тоталитаризмом) вместе с его искусственным формальным оборотом под названием СССР, а затем и подготовившими в свою очередь внезапный перескок от себя же погибельных к возрожденческим 2000-м, да ладно бы с восстановлением чего-нибудь из советско-социалистического, а то ведь, наперекор всему, непосредственно российского, мало того, ещё и, страшно сказать — *русского!*

Конспиративное управление Бытием-Историей через него самого, его собственную конспирацию — не какое-нибудь строительство той же шикарной, обыкновенной или убогой дачи, даже ежели само это строительство тоже не без конспирации (откуда деньги, земля, материалчик, вся бытовка, ну и мастера тоже, а-а?).

Управление, о котором речь — сложный, противоречивый, неопределённый, выворачивающийся, дискретный, рискованный, самопожирательный, отчаянный, в чём-то непременно и безумный, процесс, но не просто имеющий место, а вполне необходимый, да не для сознания только, а и для самого Бытия-Истории.

Основательна роль народов, как и вообще трудящегося населения, в реализации бытия-истории; велика роль легально управляющих легальных элит; но всего важнее всё-таки роль *криптоэлит*, лишь прикрытых внешней текущей обыденностью.

Нет, нельзя говорить, что всё вокруг происходит непременно по чьим-то криптопланам, но ведь и... не без них же, пусть и не всегда и не везде, пусть в иной момент и совсем не по этим

планам, а то и им вопреки, но редко когда в цивилизациях всё идёт совсем уж как придётся, скорее всё-таки — *никогда!*

Иначе, т. е. без *криптоуправления*, цивилизованное бытие-история просто не может реализоваться.

Что же на самом деле происходило в СССР-России на рубеже мало что веков — XX и XIX-го, а даже самых что ни на есть двух тысячелетий, как раз второго и третьего от Р. Х.?

А кто ж *это* знает? Автор сих строк ничего такого не знает, а лишь кое-что предполагает, кое о чём непредвзято догадывается.

Ясно, что происходила реализация вполне тайного плана избавления страны от совето-социализма и формообразующего её и его СССР вкупе с соцлагерем и его сателлизмом; пришлось разыграть рядок «революционных спектаклей», не обошедшихся и без кровопусканий; дело зашло в реалиях весьма далеко — до развала СССР и многих вредных, а то и губительных последствий сего развала; однако Российская Федерация уцелела, целеположенно выведенная из «развального» процесса; последовала ликвидация совето-социализма в Российской Федерации с заменой его на в основном импортируемый капитализм, неминуемо попавший в полуколониальную зависимость от глобалического центра; возникли условия для образования в стране нового доминирующего слоя собственников и управителей — класса господ, владельцев страны; её, так сказать, хозяев, как водится, среди бенефициаров пошли разногласия и трения, вылившиеся, слава богу, более всего в скрытую борьбу, хотя и не без открытых и малопонятных до сих пор локальных по стране пожаров (не в одной Чечне было дело!); как и в 1920 — 1930 гг., верх в стране взяли «странники», её — страны — сторонники, могущие в обстановке постсоциализма, неокapитализма и скрытого антиглобализма опереться только на одно единственное — на *отечество*, а следовательно, на государственность, державность и имперскость, мало

того — Русь-Россию, русский мир, русскость, на укорененные религии, прежде всего на православие, но и другие мировые религии тоже.

Так неожиданно, невероятно и внезапно стал подниматься из Нави *бытийно-исторический континент по имени Россия!*

9 (304)

Итак: совето-социализм уже после Великой войны нуждался в существенной реконструкции, но он только-только взлетел победителем и должен был ещё извечное время побыть, весьма и прихорошившись; но по прошествии известного времени терпеть сей победительный феномен без глубоких в нём перемен уже более нельзя — отсюда сброс самоуправного Х. и реформа прагматичного К.; и стало ясно вдруг, что реформировать *этот* феномен нельзя, а нужно было переходить к совсем другому — уже *не к этому!*; немалый испуг и попытка мягкой консервации всё того же совето-социализма; вызревание коррекционных антисил, но при этом и враждебных контрсил; ненахождение выхода — *тупик!*; а из тупика уже был только один выход — разрушение всего потускневшего сталинского лабиринта, что и было проделано, но, что особенно важно, не так уже «родными» антисилами, как вполне чуждыми контрсилами, а потому и случился резкий пере-скок в прямую противоположность — тут уж случился и пока остаётся на плаву не так даже органичный обществу капитализм, как искусственно насаждённый *административно-финансовый деспотизм*, правда, ныне весьма смягчённый, и даже несколько облагороженный пришедшими к управлению страной новыми ведущими силами — если и не сильно пророссийскими, то вроде бы «патриотическими».

Произошло при этом и *выворачивание вывернутого*, как раз то самое судьбоносное действие, что обычно происходит после слишком уж радикальных социохозяйственных перетрясок.

Что же видится теперь? За новое на евразийской территории бытие боролись две крупные силы: глобалическая, она же контрсила (во времена большевистской революции — интернациональная), и почвенническая, она же антисила (во времена большевистского правления — национальная), и ежели сначала инициатива, как и когда-то в 1917 г., была у первой силы, то с выворачиванием вывернутого инициатива перешла уже ко второй силе, держащей верх и поныне.

Волнует вопрос: всё это происходило само собой, просто в борьбе разных элитных сил, или же здесь был какой-то общий глубинный план, согласно которому инициатива сначала была отдана первой силе, а потом передана второй, разумеется, не по графику, а согласно сложно-запутанной игре, если не прямо через посредство сознательно попущенного, если не предусмотрительно введённого, но при этом и как-то управлявшегося хаоса?

Волнует и ответ: а вдруг были и план, и его разработчики, и его исполнители! А почему нет? Само появление на вершине власти с портфелем масштабных перемен всемогущего А. о чём-то же говорит! А явление как бы ниоткуда с кое-какими трансгрессиистскими замыслами Г. и Я.? А ловкая передача власти от Г. к Е. с подавлением остаточных консервативных сил (ГКЧП), с последующим, вполне уже и предусмотренным, разгромом СССР? А выход на нужную глобалическим силам траекторию перемен с подавлением ещё не набравшихся необходимых сил антиглобалистов в 1993 г.? А скрытое сопротивление глобалистам и тишайший переворот 1999 г. с уходом Е. и приходом... «мистера Икс»?

Да, трудно поверить в такой вот тайный трансгрессиистский план, хотя некое гераклического свойства стратегическое намерение, надо полагать, всё-таки было, а теперь уже и явно есть!

И опять жалящий вопрос: чей план, чьё намерение, кто же прячется там — за всем *этим*?

Тут может быть только один точный ответ: *никто!*

Гибкий, пластичный, мимикрийный, лицедейный, невидимый, прозрачный, какой там ещё... э-э... слова-то подходящего нет, чтобы обозначить сие явление, ибо это не тайное общество, не чей-то конспиративный заговор, не какая-то нелегальная партия — это некое сконсолидированное на каком-то не то общем, не то просто сходном восприятии текущего бытия и просящейся объективно потребности в существенных переменах не то движение, не то просто висящее в элитарной среде «облачко», в среде которого зарождаются разные замыслы, в какой-то момент вдруг сходящиеся как бы воедино и, получая субъективную поддержку, воплощаются в реальность.

Загадка!

10 (305)

«Ход вещей» тут сходится с «ходом человеков» (организованных или не очень), а затем, уже и спровоцированный то ли случаем, то ли провидением, то ли вообще неизвестно чем, воплощается в действии — вроде той же «перестройки», круто меняя общую бытийно-историческую ситуацию, вовсе и не в прямом соответствии с ожиданиями, а чаще всего им даже вопреки.

Верх тут может взять какая-то уже заранее достаточно организованная и могучая сила, но чаще всего такого рода сил-претендентов бывает несколько, а потому либо сразу борьба между ними до полной победы одной из них, либо следует череда лидерских смен — тоже до победы какой-то одной из сил-претендентов.

Может найтись и сила, которая, спровоцировав начало перемен, остаётся в тени следующих друг за другом переменных событий, как скрытно влияя на них, так и отходя заблаговременно в сторону, но в решающий момент она непременно выходит на

событийную арену, чтобы завладеть властным наверхним и овладеть течением бытийно-исторической реальности.

Случилось ли именно так в новейшей истории СССР-России или нет, достоверно никому из непосвящённых не известно, но... почему же именно так не было — разве сам ход событий, перемен и итогов о чём-то *таким* не свидетельствует, а-а?

Можно весьма уверенно предположить, что некий «мистер Никто», вполне и коллективный, оказался в те же 1980-е гг. у истоков советско-российских перемен, а затем, поиграв с хаосом и половив рыбку в мутной воде, воплотился вдруг в нового «мистера Некто», уже, так сказать, *викториального*.

Почему нет, господа, почему нет, в особенности ежели принять во внимание «ход вещей», выдавливающий из небытия героев и заставляющий их по-особому действовать, не говоря уже о «ходе неизвестности», как опрокидывающем в бытие-историю невиданных ранее персонажей вроде Бонапарта, Ленина или какого-нибудь «мистера Икс»?

Надо всегда иметь в виду особого рода воронковые (вниз, в глубину) и, наоборот, вихревые (вверх, ввысь) ситуации, как и необратимо центробежные и упорно центростремительные процессы, как и погибельно энтропийные и жизнотворно негэнтропийные состояния, чтобы адекватно воспринимать всё в реальности происходящее, его неизбежности, внезапности и необходимости, равным образом и крайние неординарности — вплоть до тех, что «не могут быть никогда».

Сидя в основном в нави, Россия вовсе не растворилась в ней и в полное небытие не отправилась, мало того, укоренённая в сознании русского народа, она терпеливо ждала своего нового часа — «часа Икс» и, кажется, дождалась, выйдя вновь в реальность через «светлую дыру», вдруг разверзшуюся над евразийским континентом в месте бытийно-исторического стояния, страды и вечного сражения Руси-России.

Есть «ход людей (правителей, элит, народов)», есть «ход вещей (состояний, движений, течений, перемен)», есть «ход неизвестности (случайности, внезапности, чудесности)», а есть объёмлющий все три отмеченных «хода» ещё один (на самом-то деле, конечно, не один) ход — «ход Руси-России», начиная с протоРуси (ещё и не Руси даже) и кончая нынешней Российской Федерацией.

И он тоже ведь работает!

11 (306)

Александр Пушкин мог создавать разные сказочные тексты, в особенности еврообразные, но он почему-то (ах, эта Арина Родионовна из волхвического рода!) написал русские сказки, да ладно бы с житейскими сюжетиками, а то ведь с закодированными метафизическими смыслами и алгоритмами, посланными им современникам, ничего в них, кроме забавы, так и не увидевшим, и своим кромешным потомкам, столь же слепо-глухо-немым, что и пушкинские современнички, заморожённые сказочной для них Европой.

А зря! Почаще бы читать Пушкина-сказочника, как раз самое главное в своих сказочках и выдавшего, как и в таких совсем не сказочных сказках, как «Руслан и Людмила» или тот же «Медный всадник».

А что всё-таки сказал своими «сказками» Пушкин?

Помимо того, что Россия и в самом деле сказочная страна — не от мира сего, она ещё и где-то в пневно-ноопсихопространстве уже была как сказочное царство, и что, пройдя через грубую зёмную быль, она вновь вернётся в сказочное *нечто*, превратившись перед тем во что-то для пошлой зёмной бывальщине *иное*.

Никто так не верил в Русь-Россию, как отвергнутый её высшей обыденностью её чудесный пророк Александр Пушкин!

Почему же он верил в Русь-Россию, хотя прекрасно видел, что верить-то не во что, да как будто бы и незачем? Лишь потому, что провидел её — Руси-России — сакральное иномирное изначалье, из которого выросло необычное бытийно-историческое древо, подвергшееся разным цивилизационным искажениям и извращениям, а также провидел её — Руси-России — трансгрессивное завершение с плодами *иными*.

Недаром же Пушкин вдруг почувствовал в себе пророка — ПРОРОКА! — а тут всё поэт да поэт, литератор да литератор, — и он-таки понял, кем был на самом деле ОН, да и устрасился, исчезновения своего вдруг поспешно возжелав.

А ведь Пушкин чернокнижником, как тот же завершитель русской литературы М. Булгаков, не был: ему *этого* и не надо было!

Пушкин вне учений и идеологем, включая и религии, ибо он напрямую был связан с Русью-Россией да Софией Премудростью Божией, — разве это не было чудом?

И вовсе не положительной по жизни особью был этот курчавый сын земли русской, скорее даже, личностью отрицательной, но... какой же при этом пронизательной, утвердительной и... *сакральной!*

Суций!

Никакого счастливого бытия Пушкин не сулил России, провидя ей страду, горе, кровь, но... зная, что ничего великое и необычное не рождается в раю, предрекал ад, из которого должно было в конце концов (только так: *в конце концов!*) вылупиться что-то и впрямь *иное*.

Вот и сейчас, сразу же после крушения совето-социализма, этого хоть и вроде бы продуманного и хорошо сбитого, но весьма при этом примитивного, строя, заражённого какой-то внутренней и неизлечимой «глупинóй», Россия вовсе не выскочила, вроде бравого ковёрного в цирке, на арену текущего бытия, наоборот,

была подвергнута заодно с СССР публичной «порке» и едкому осмеянию — как раз взявшей тогда верх антиРоссией, — потому и казалось, что наконец-то пришёл конечный конец России, которой уже не должно было быть, канувшей-де в Лету («Метили в СССР, а попали в Россию», — горькое признание от благонамеренного диссидентства!).

12 (307)

Однако, о-о, чудо — откуда-то из навской глубины вдруг буквально выперла Россия — прямо в российскую-де явь!

И пошло-поехало, как раз и самое тяжкое — вызревание *новой России*: без образа, без плана, без дорожной карты, почти вслепую, наугад, импровизационно, хоть и не на авось, да и почему же, собственно, не творчески?!

Само Бытие-История творит новую Россию, не без участия как субъективного людского фактора, так и объективного бытийно-исторического самохода, не говоря о несубъектной и необъективной трансценденции, действующей не произвольно и не по усмотрению, а и в самом деле незнамо как.

Да и сама Россия творит новую Россию — из себя творит и из контекста, всё более увлекаясь сим долгожданным и неожиданным самотворчеством.

Что ж, взбесившаяся от антироссийских «возможностей», антиРоссия, проводя свою антироссийскую «реформу-убийцу», не могла не выдавить из чертогов Бытия-Истории отчаянно защищавшуюся от полного уничтожения Россию, — и Россия восстала почти что из небытия, мало того, влекомая новым евразийским самовластьем, двинулась на подъём, не только кроя по дороге новую для себя одежду-облик, но и по сути превращаясь в новую Россию.

«Метили в Россию, а попали, увы, в самих себя — в анти-Россию!»

Любопытно, не правда ли? Сначала один исторический просчёт, он же облом, для кого-то и манна небесная, а затем другой исторический просчёт, он же облом, сию манну небесную прикрывающий, — так вот и творится Бытие-История — через игру ярых противоположностей!

Хочешь одного, а выходит другое, только-только пошло другое, а вслед ему уже движется третье, — и откуда же у Бытия-Истории столько невероятных возможностей?!

Здесь уместно кое-что выказать относительно властного переворота 1999 г. — года пяти девяток в цифрограмме автора сих строк (09.09. + 999 от 1999 г.) и ещё одной девятки — декабрьской (Юрьева дня) — дня нападения на автора сих строк очень злой силы, но, заметим, в месяц ожидажно-неожиданной смены кремлёвской власти.

Конечно, тут в ходу лишь случайности, а никакие не мистические сближения, которые как раз охотно признавал провиденциальный Александр Пушкин («бывают странные сближенья») — сам ходячая трансценденция, но так было, как и случился (?) приход в кремлёвские чертоги со всей полнотой власти едва обозначившегося на властной вершине «мистера Икс».

Да, у сего «мистера» есть имя, сейчас сей господин широко известен на всей Земле — как Мастер своего управленческого дела, первый из первых, но кто достоверно знает, несмотря на всю его тщательно изученную биографию, *кто, что и зачем* он — ОН, так непринуждённо вывернувший не один только российский, но, знаете ли, и весь мировой бытийно-исторический поток, опять же *как*, как он это сделал, почти ничего вроде бы и не делая, во всяком случае, не суеясь — ни на своём троне, ни во властных чертогах, ни на полях политических сражений, ни во всём земно-космическом пространстве?

Ставит неясные цели и ясно их... *достигает!*

Ничего себе!

Этакий макиавеллист постмодерновского кроя!

Подумаешь, сговор с сильными мира сего, вполне и ка-
бально-колониальный (Александр-де Невский, — из русской глу-
бинки, хотя ведь... *невский!*); подумаешь, мюнхенская речь, ко-
торую в мире никто тогда не понял и значения ей не придал, а
главное, не почувал... *поворота*, да и *куда?*, подумаешь, странный
и никудышный БРИКС с проблемными ЕврАзЭС'ом и ШОС'ом;
подумаешь, воссоединение Крыма — «наглое-де и бесцеремон-
ное», пусть и против-де нового от Запада Drangnachosten, теперь
уже натовского (опять, знаете ли, тут завитала тень славного
Александра Невского); подумаешь, вторжение в Сирию — бе-
зумная выходка возомнившего себя и впрямь Александром Нев-
ским невзрачного-де подполковника от невидимого фронта; по-
думаешь, современная-де боеспособная-де армия, лишь на треть
кое-как модернизированная с коррупционными-де генералами во
главе; подумаешь, новый-де флот морской, на порядки уступаю-
щий натовским армадам; подумаешь, самое-де влиятельное лицо
в мировом истеблишменте, и т. д., и т. д. — подумаешь, подума...
поду..., по...!

Ан-нет, тут ведь явно какой-то значительный, если не
большой, даже и очень большой... *феномен*, ежели беспристра-
стно подумать!

13 (308)

Россия — не просто *великая держава*, наследница и вопло-
тельница бытийно-исторического русо-российского велико-
державия, но держава, вдруг вышедшая, прямо как былинный
богатырь, на защиту и утверждение себя, своей независимости,
своего «Я», но при этом и... нет, не на защиту вовсе всего поло-
нённого Западом и полонимого ныне Востоком мира, а всего
лишь на защиту возможности у каждого географического субъек-
та быть и оставаться самим собой, пусть и в связке с другими

субъектами, среди которых и непременно более сильные, но лишь ведущие, а не господствующие.

Россия — мир, способный к самостоятельному, хотя и в деятельном дружестве с другими акторами бытия-истории, существованию, причём не физическому вовсе существованию, что и так ясно — без доказательств, а к существованию метафизическому, концептуальному, идеологическому, не пренебрегающему ни таинственным Трисмегистом, ни Платоном с Аристотелем, ни пророками и отцами христианской церкви, ни великим Мухамедом, ни теми же Конфуцием с Лаоцзы, ни Гегелем со Смитом и даже с Марксом, ни Ницше с Хайдеггером, но... обращённому более всего к отечественной мудрости — от преданий, сказок и былин до *русской софийной философии*, а теперь вот и до непосредственно *софиасофии*.

Россия восстаёт, поднимается, образуется, но с великим «процессуальным трением», через тернии, тяжко, с трудом преодолевая сопротивление внутренней и внешней антиРоссии, всё ещё сильной и дерзкой, борясь и с самою собою — затурканной, оболганной, униженной, а главное — ещё не уверовавшей довольно в саму себя, в своё избавление от давившего на неё длительное время бытийно-исторического пресса, в возможность возрождения и нового бытия.

Сколько вокруг лжи, корысти, ненависти, как и отрицания России, её откровенной диффамации!

Процесс идёт, но идёт не просто со скрипом, а с самым настоящим скрежетом, в скрытой, а моментами и местами в откровенной борьбе, ибо воспрявшая Россия страшна если и не всему миру, то уж многим сильным мира сего — точно! Как и тем, кто лелеет мечту занять их — этих сильных мира сего — место в будущем.

Независимая, самостоящая и сильная Россия страшна уже самим фактом своего наличия на планете Земля, не говоря о её

возможных в этом ещё мире невероятных приключениях, дозволяемых иномирьем и питаемых Софией.

Ни у кого на Земле нет столь действенной связи с Софией, как у России, её уникального размыслительного ядра!

А всё почему? Да вследствие открытости России Иномирию, Великой Неизвестности, Софии, самому Господу Богу! И последние становятся первыми, да не в очереди на господство над миром, а лишь в предстоянии перед уклончивым, но вполне вероятным шансом *преображения!*

О-о, какая нынче разыгралась в Евразии бытийно-историческая мистерия — *внезапного возвышения России*, и это после десятилетий идейно-практического гнёта в пользу «мирового коммунизма» и погибельной постсоветской деконструкции страны и диффамации её руссо-российского метафизического достояния!

Ничего подобного не бывает, — заявят энциклопедийные всезнайки, — а мы на это ответим: не бывает, конечно, но... *есть!*

Тут ведь покруче, чем через тернии к звёздам, тут почти что из адского медленного огня в адское быстрое полымя: Россия вырывается к себе имманентно раскалённое, преодолевая не просто противление среды, а её — этой среды — бешеный на себя натиск!

14 (309)

Натиск извне понятен: какая ещё самобытная и самоисторическая Россия среди торжествующей глобализации, надёжно уже окрашенной в западные неопрогрессивные цвета? Невдомёк пока глобализаторам, что не только американский глобализм впал в апокалиптический кризис, но и нынешняя всемирная глобализации уже трещит по швам, может, и не без влияния бунташ-

ной России, но вовсе не агентурного, а чисто метафизического — словесного, идейного, поведенческого.

Вовремя и к месту сделанный правильный, или же просто удачный, разумеется, характеристический, смысловой *жест* бывает сильнее любой затяжной игры, — а «мистер Икс» творить жест умеет, ибо за ним не одно знание и откуда-то вдруг взявшееся умение, а и правда — как раз «Русская Правда», она же и «Правда России».

Однако имеет место и внутренний антироссийский натиск, весьма солидарный с внешним парадигмальным и геостратегическим напором.

Отсюда сложное, непрерывное, тягостное, немало и лицедейное взаимо-противо-со-действие — как враждебное, так и... *компромиссное*, ибо оба борющиеся между собой фронта — про-российский и антироссийский — друг другу необходимы: анти-Россия нуждается в стране базирования, чтобы не стать вполне растворённой в глобальном контексте, а Россия не может не приспособливаться к глобализированной антиРоссии ради существования в современности.

Компромисс — софийная данность, которой всякий мудрый обязан следовать: худой мир, как известно, лучше взаимоистребительной войны.

Россия вынуждена воспринять что-то для себя исходно чуждое, но, воспринимая его, подгонять его под себя, обрусевать; антиРоссия обязана, уступая коренной России, обрусеваться, сохраняя себя в качестве инородной, но органически увязанной с коренной средой, силы.

Высшее руководство страны стремится, кажется, к сему важнейшему компромиссу, строя новую Россию — одновременно традиционную и новодельную. Это в общем-то правильно, это стоит попробовать, поощряя на данный момент вышедшую из нави Россию как Россию и не изгоняя из страны антиРоссии.

Страна живёт в ожидании какой-то новой экзистенциальной органики в виде осовремененной России.

Изменяющийся не в пользу диктатного глобализма из сверхимпериального центра внешний контекст благоприятствует ныне достижению сего внутринационального синтеза, начинающегося с вынужденного компромисса, а могущего завершиться целостной национальной органикой.

Утопия? Нет, не утопия, а вполне возможная на сегодня реалья, ибо, во-первых, куда теперь податься чужебной анти-России — к загнивающим противникам родной страны, выходящей на подъём, или же занять в России подходящую для себя нишу?; во-вторых, признанная, а негонимая, Россия готова к восприятию и чужебного, лишь переведённого на отечественный культуро-функциональный язык; в-третьих, что как раз и самое-самое, сей необыкновенный компромисс, как и возможный синтез взаимодействующих сторон осуществляется под опекой вполне уже заявившего о себе нового государства, располагающего реальной силой, включая и не слишком афишируемую, а потому компромисс с синтезом всё-таки лучше, чем борьба с пораженческим исходом — ясно ведь, что для России!

Пока верховная власть терпеливо ожидает внутринационального взаимопонимания, вполне и стратегического, а уж как далее развернётся «житуха», зависит не от мёртвых, а от живущих.

Вот откуда выдвижение в качестве национальной идеи... *патриотизма*, а не собственно *России* — ради общенационального единения всех... э-э... *понимающих*.

Что касается непонимающих, то либо им туда — на цветущий унынием Запад, либо им туда — на цветущий упорством Восток, — это уже в случае «цветущих революционных забав», столь никому сегодня не рекомендуемых, но зато столь кое для кого вождельных.

15 (310)

Идёт трудная, противленческая, кряжистая, тормозная *компоновка новой России* — для кого-то осознанная и желаемая, для кого-то неосознанная, но приемлемая, для кого-то вполне безразличная, для кого-то попросту окаянная, идёт через трудности, непонимание, презрение, а то и безумие — народец-то сейчас тот ещё, а уж элита немало и антиэлита, ещё и весьма бесноватая, — на дворе-то мягкий апокалипсис, укромный кризис человека как человека и весьма резвый кризис мира как мира, — подтягивается не слишком заметненько медленная, быть может, но зато верная экзистенциальная катастрофа.

Есть ли в современной России он — истинно человеческие материал, энергия, инициатива, отвага, — о-о, есть кое-что, конечно, но вот хватит ли всего этого для реализации столь невероятного бытийно-исторического действия?

Кто ж ответит, да ещё и определённо?

Выход был и остаётся один: опора на «Русский Орден», на патриотическое движение, верный Отечеству административный аппарат, чуткий корпоративный бизнес, национальный интеллигентизм, на армию с оборонкой, включая флот и ВКС, ну и, как водится, на специальные службы. Что касается родного населения, то каждый гражданин делает свой выбор сам, и, судя по всему, большинство всё-таки на стороне Родины, Отечества, России!

Любопытно, что в стране пока присутствует и действует прозападная «пятая колонна», не то дополненная, не то разбавленная, не то оснащённая антинациональным (антипочвенным, чужебесным) «эффективным менеджментом», готовым за материальный и карьерный гешефт изуродовать, перепутать, умертвить любой управляемый-де им объект, включая такие сферы, как медицина, образование, наука, искусство, ЖКХ, транспорт, лес-

ное хозяйство. энергосети, водоснабжение — что там ещё, подлежащее пагубной менеджеральной «оптимизации»?

Тут дают о себе знать наследие и продолжающееся влияние имперо-колониального глобализма (как будто договор с ним какой-то заключён кровный, не подлежащий до срока не то что отмене, но даже и заметной коррекции).

О разнообразной преступности и разностороннем торгово-искусственническом терроризме, включая рекламу, ТВ, радио, интернет, «музычку», шоу и т. д., мы уже не говорили: общество, люди, дети нуждаются в избавлении ото всего этого, которое, надо полагать, наконец-то вдруг и наступит.

Куда сложнее, запутаннее, неразрешимее *большая цивилизационная проблема*, ставшая действительно эсхатологической меткой времени: проблема дополнения и даже замещения мира человеческого, включая самого человека с его сознанием, некими вполне искусственными, неприродными, материально-механическими, виртуальными, оцифрованными, облаковыми «анти» и «пост» подобиями, что происходит как главный победный итог развития науки, техники, кибернетики, информатики, автоматки и т. д. с заменой человека — роботом (причём вовсе не только на тяжких, опасных, рискованных участках труда и бытия, а... вообще), а человеческого интеллекта — искусственным переборно-решающим устройством.

И что тут могут сказать Россия, её эгрегор, её София?

Вот вопрос, на который, видно, есть лишь ответ-пожелание: не заместить окончательно и бесповоротно натурально-человеческий мир техно-искусственным миром, а найти возможность и способ их эффективного *взаимосочетания с взаимодополнением* на просторах необъятной по нынешним меркам, да ещё и исходно неотмирной, страны.

Вот где и когда потребны *русская софийная философия*, отечественная *философия хозяйства*, а также возникшая из них,

через их посредство и в их русле обобщающая всю русскую мысль от изначалья до современности *неотмирная софиасофия!*

16 (311)

В России всё ещё длится кризисный хаос, но уже не разносный, как в те же реформные-де 1990-е, и не скрывающий, будто бы в густой пелене, жуткую разборку страны и бесстыжее её разграбление, а более всего уже *хаос творящий*, из которого, как из пены морской, выходит, как дива морская с мечом в одной руке и золотой короной в другой, *новая Россия*.

Хаос сей не столько в видимом бытии страны, хотя его тут хватает, сколько в сознании, ноосфере, метафизисе России, в её, так сказать, «мозгах», загаженных гуманитарной наукой, современным-де искусством, новейшей литературой, гадкими mass-media, пропагандой, враньём, вообще любым *патопостмодерном*; ну и вольно растекшимся по стране аморализмом с отвратительной падшестью самой России, ее народа, её элиты, её недавних лжеправителей.

Где хаос в мозгах, там ведь и экзистенциальное безумие, как, собственно, и наоборот!

Субстанция безумия, которую только одной сменой во власти из России не выдавить. Нужны большие коррекционные влияния в сознание и большие систематические деяния, преодолевающие и отгоняющие пагубное адовское небытие.

Нужна большая *экзистенциальная работа!*

Восстановительная, крепёжная, лечебная, живительная.

И она худо-бедно *идёт!*

Россия 2017 г. — это не Россия 2000 г., причём изменившаяся вовсе не в худшую сторону, наоборот, в лучшую, хотя ещё и чаящая новых позитивно-судьбоносных превращений.

Тут кое-что воедино, вполне и сакрально, как раз и сошлось: переворот в верхах, перебор и переориентация элиты, эк-

зистенциальный разворот в массах, выход на открытую историческую арену из-за или из-под несправедливо расставленных внеисторических кулис новой России.

России как России!

Какой же ей быть — этой *новой России*?

Для начала хотя бы не европейской, не американской, не азиатской, а... *российской!*

Россия — *сама себе проект!*

Так говорит софиасофия. Это не значит, что не надо ничего делать для становления новой России, но это значит, что не надо России навязывать ничего чуждого и чисто умозрительного: Россия лучше знает, что ей надо и что ей не надо, нужно лишь внимательно слушать Россию, голос её эгрегора, вибрацию её ноосферы, её метафизиса, разумеется, в их корневой, здоровой, жизнеспособной части.

Не раскодировывать Россию надо, а умело читать её код, чему как раз и служит софиасофия, она же и мудрость мудрости.

Стать ли, к примеру, России вновь монархической? Почему нет, можно и стать. Даже и нужно. Но вот какой же монархической? Нет, конечно, не самодержавной, не самовластной, а всего лишь *гарантной*, чтобы стабильность поддерживать, преемственность обеспечивать, целостность сохранять. Разумеется, с конституцией, народным собором и представительным парламентом, как и с действенным правительством, считающимся с парламентом, во главе с премьером, персонально подотчётным монарху-гаранту.

Тут возможны разные варианты. Можно и президентство сохранить с подотчётным ему или тому же парламенту правительством, а можно... разное тут возможно, если, повторяем, не так что-либо навязывать стране и её народу, как что-либо... *угадывать* — для неё и народа потребное, — как, собственно, и учит всё та же недоктриальная софиасофия.

Очень быгодились, помимо традиционных «Государственного совета» или того же «Совета безопасности» (органов по духу и деяниям административных), такие интеллектуальные единицы, как «Российский институт», думающий о России как о великом многоэтническом и поликультурном мире, имеющем свою интегральную специфику и резон для суверенного бытия, и «Русский совет», размышляющий над особенностями, проблемами и судьбой непосредственно русского мира (без которого и Россия ведь не Россия).

Что касается «Русского Ордена», то он был, есть и будет — и не как тайная или полуполигальная организация, а как бытокультурно-исторический феномен-факт, который как будто бы есть и которого вроде бы нет, а раз его явно нет, то значит, что он... явно *есть!*

17 (312)

Софиасофия, как и философия хозяйства, не занимается решением собственно прикладных задач, — её предназначение, ежели оно есть, в другом, о чём сказать можно следующее, да и то укромно — лишь для воспринимающих и понимающих.

Перво-наперво, надо уяснить, вполне и априорно, почти что и на веру, что софиасофия есть особого рода... *сознание* — не знание, как обычно представляется, а именно *сознание* — живое, действующее, работающее, — особенность которого состоит в его *софийности*, что не значит — правильности, ибо полнится такое сознание не разумом с разумностью, что как раз знаменует собою правильность, а интуицией с внутрисознаниевой чувственностью, мало того, полнится не так имманентным знанием, как... *трансцендентным незнанием*, а отсюда не так бодрым интеллектуализмом, как... *вкрадчивой мудростью*.

Признав сие первое аксиоматическое утверждение, можно попытаться признать вослед и другое: софиасофия — вовсе не

руководство к мышлению и действию, хотя в некотором роде и рекомендация ко всему этому, разумеется, не навязчивая, — это всего лишь возможность *иного* подхода как к онтосу, так и к гнозису, включая и само сознание, что даёт возможность *иного* представления о реальности, а за сим и *иного* отношения к реальности, включая и функциональное (деятельское).

Будучи *иным* сознанием, софиасофия обогащает сознание вообще, его в меру очищает от быто-рационалистических наслоений, включая и не оправдывающие себя собственно научные, радикально изменяет, давая возможность (шанс) *иных* по сути мнений, решений и действий — отличных от обыкновенных.

Софиасофия живёт не так логикой, как *металогикой* (или *сверхлогикой*, логикой без логики), ибо имеет дело с нелогичным, неразумным, неправильным миробытием, вовсе и не фантастическим, а вполне реальным, в котором присутствуют, работают и играют существенную роль такие невидимые и как бы не существующие «вещи», как *ничто*, *неизвестное*, *трансцендентное*, причём не как ещё человеком не узранные, не раскрытые, не познанные, а как именно незримые, невидимые, неизвестные, трансцендентные, о которых человеку можно и должно иметь суждение, однако гибкое, лабильное, открытое, и которые он может и должен учитывать в своих размышлениях, решениях и действиях, но которые, увы, он не может и не должен досконально знать.

Для софиасофии окружное бытие есть в то же время и *небытие*, причём не как могила бытия, что и так ясно, а как его неприменный зеркальный двойник, чуть ли не собрат, без которого никакого бытия нет и быть не может. Пресловутое *зазеркалье* — не миф, а реальность, чувствуемая человеком, но в умственное его распоряжение не дающаяся — как таковая, — вот потому-то она и ирреальность (реальная ирреальность).

Софиасофия тяготеет не к факту, хотя его не игнорирует, а к смыслу, который стоит за фактом, его нередко и игнорируя, ибо далеко не все факты соответствуют *метасмыслологии* реальности, как, к примеру, слово вовсе не всегда соответствует не только обозначаемой им вещи, но даже и самому себе. Это не значит, что софиасофия игнорирует слово, но это значит, что софиасофия не пренебрегает засловием, междусловием, предсловием и послесловием, наоборот, всё это весьма чтит и всем этим мудро пользуется. Софиасофия вообще молчалива, она не только видит молча, но и говорит молча, хотя и вынуждена обращаться к слову, разумеется, очень для неё условному.

Софиасофия не склонна вообще к радикальным утверждениям, точным определениям, незыблемым понятиям. Слово изречённое ведь — ложь! И софиасофия это хорошо знает, всячески уважая неложное *бессловесье*.

18 (313)

«Тогда, — заявит нам образованный университетский умник, — софиасофия не более чем очередной миф». А мы и спорить не будем, ибо мифами для нас является всё вообще бытие, сам человек-всезнайка, как и вся его точная-де наука. Иное дело, что что-то в бытии можно почитать за реальность, чем и занят человек-бытовик, он же и научник, но всё равно в бытии есть что-то, что реальностью никак не назовёшь, что ирреально, но так ирреально, что реальность без этого ирреального никак и не обходится.

Как ни странно для бытовика и ни обидно для научника, софиасофский мир ближе к бытию и реальности, чем самое что ни на есть практическое знание и самая что ни на есть точная наука (даже математика по большому счёту — миф, а что говорить о словесных гуманитарных выкладках!).

Умным «людьям» упорно и нескончаемо кажется, что можно-де было бы предотвратить те или иные уже реально свершившиеся неблагоприятные события, остановить негативные процессы, изменить дурные тренды, чего-то из зловредного не допустить, без чего-то ненужного обойтись, чего-то, наоборот, из доброго и полезного непременно совершить, в особенности, ежели сии умные персонажи оказались бы-де вовремя и как раз в том самом бытийно-историческом месте, где и когда сходились на какой-то момент решающие ту или иную ситуационную задачу смысло-функциональные координаты Бытия и Истории. О-о, каких только умных суждений, осуждений и советов от сих что кухонных, что дипломированных, что даже официально зарегистрированных «мыслителей» не услышишь. И войну бы они предотвратили, и революцию, и развал СССР, и немцев бы до Москвы не допустили, и Берлин бы в 1945 г. малой кровью взяли, и в энерго-сырьевой капкан не попали бы, и в Сирию воевать не пошли бы, и Украину бы не упустили, и т. д., и т. п. И невдомёк сим бытийно-историческим доброхотам, что сами они не так от бытия и истории, как от небытия и ничто, только не тех — реальных, а этих — криво-зеркальных — только и всего!

Нет, друзья, софийная мудрость не фатальна, она просто не столь самоуверенна, как те же наука с религией, это, во-первых; очень и очень реалистична — вплоть до признания непризнаваемого, это, во-вторых; мало того, она никого ничему не учит и ничего ни от кого не требует, это, в-третьих.

Софиасофию не изучают, в неё попадают — в процессе познания и самопознания, переходя установленные догматически пределы, обретая свободу мышления, ведомого высшей мудростью — *Софией!* Много званых, да мало избранных, ибо тут не великое удовлетворение, а громадный риск — что от сомнений, что от фантазий, что от открытий.

Софиасофия, повторяем — *софийное сознание*, продуцирующее колеблющее как огонь свечи *мнение* — то ли твоё, то ли не твоё, а вот чьё, если оно вдруг вовсе и не от Софии, — и где тут критерий истины, каков он?

Марксисты упорно утверждают, что критерий истины — практика, а мы склоняемся к другому варианту — *реальность*, в том числе и практическая, а вообще-то главным критерием служит... *София*, которая непременно даёт о себе знать — позитивно и негативно, поощрительно и осуждающе, «премиально» и «наказательно».

София — вовсе не добрая фея, хотя и не злая мачеха, она — *истина*, которая иной раз и нещадно обжигает, а, если что, и безжалостно сжигает, на огненном алтаре познания!

Недаром же в русских сказках и сказаниях, да и не только в русских, истина всегда надёжна сокрыта, да и бытует она всегда где-то в недоступье — то на вершине скалистой горы, то в глубине скользкого колодца, то на кончике Кошечевой иглы, — и даётся она не так смелому, бойкому и ловкому персонажу, как стойкому, волевому и терпеливому, вроде пушкинского финна, а нашему — *волхва!*

Не стоит лезть за истиной в гору или в тот же колодец, ибо София приходит к избраннику сама, как пришла она к повзрослевшему внезапно Пушкину, написавшему вдруг в 27 лет своего бессмертного «Пророка», не залезая в Гималаи, не погружаясь в морские глубины, не забредая в те же лесные чащобы, ибо точка софийного зренья, или источник истины, не где-то там — во внешнем недоступье, а в собственном сознании, либо открывшемся Софии, либо ею вскрытом, а потому и оказывающемся с Софией в искрящемся, а то и испепеляющем, познавательном и творческом контакте.

А кое-какие необычные мысли ведь сами приходят, ежели о чём-то упорно думать... э-э... не слишком и думая, как раз в

связке с Софией и с реальностью, которая вовсе не та, какой является оцивилизованному бытовика и ологиченному научнику.

19 (314)

Хорошо бы усвоить для начала, что реальность не просто полна ирреальности, а что ирреальность первее, могучее и резвее реальности, ибо пуста, свободна и вездесуща. Она вне пространства и времени, ибо нематериальна, а потому и вне феномена негэнтропии-энтропии. Именно ирреальность производит усилиями Господа Творца, его мыслью, реальность, а вот реальность не производит ирреальности, она лишь с ней взаимодействует и в неё по необходимости уходит, в ней растворяясь и исчезая.

Неизвестность объемлет известность, а не наоборот, а вот известность, всё более познавая и как бы от себя отодвигая неизвестность, лишь придвигает себя к samozавершению, выходя на конечную грань своего бытия — посредством онтологического сближения с неизвестностью, смыкания с ней, а потому и в ней растворения.

Не нравится это многим, но что делать, ежели таков неписанный основной закон познания, сознания и творчества — сразу!

Телеология Бытия-Истории смыкается тут с эсхатологией Бытия-Истории!

А пока неостановимое движение человечества вперёд, правда, с переменным успехом, непременными срывами и неизвестным концом.

Человек уже не изменится и не двинется — к лучшему: ни по заветам религий, ни по установкам идеологий, ни по желанию моралистов, а потому он и будет заменён на постчеловека, а то и вообще замещён иным существом, как раз и способным выйти в чаемый нынешним человекообразом космос.

Проект «*Человек*» явно завершается, ибо человек, кажется, уже сделал своё сакральное дело, доведя понимание себя, мира и своего бытия до... полного непонимания!

Ещё совсем недавно, аккурат после Великой войны, и в счастливые годы послевоенного научно-технического производительного процветания, даже и под нависшей над человечеством ядерной угрозой, всё или почти всё было для человека разумного не то чтобы ясно, но во всяком случае более или менее экзистенциально сносно, причём для человека любой идеологии и религии, включая и атеизм, и сциентизм с техницизмом, как и тот же марксизм, ибо живая жизнь, пусть и проблемная, и тяжкая, и беспощадная, имела на Земле место, уверенно длилась, имела несомненную перспективу.

Совсем не то, увы, сейчас!

Всё, почти всё или уж очень многое из судьбоносного вдруг заговорило словесно и немотно о... *конце!*

Факт!

Земная жизнь не только уж не кажется глубоко перспективной, но, пожалуй, не кажется и... собственно жизнью (?!).

Слишком уж много вокруг захватывающего воображение *безумия*, не просто наличествующего в бытии-истории, а в нём уже и главенствующего: *жизнь как безумие, а безумие — как жизнь*, — и это несмотря на великие достижения умной науки и заумной техники, всякой там информатики, кибернетики, автоматки, генетики, биотехники, высокой медицины, невидимой массовой техносвязи, скоростного транспорта, хайтека, телевидения, да мало ли ещё чего, служащего вроде бы человеку и делающего его... э-э... мало что господином в природе и на Земле, а то ведь и чуть ли не... *богом*... этого мира, уже по преимуществу искусственного, как раз вполне уже хомогенного.

Первое громадное негативное, что узрел вдруг человек демиургический — физические пределы своего физического (био-

логического) бытия, выражающиеся в ограниченности, нехватке, исчерпанности жизненных ресурсов на Земле; довелось человеку разумному почувствовать через главным образом философско-психолого-этико-эстетическое опознание и другое громадное негативное, а именно — метафизические пределы своего уже метафизического (умственно-душевно-осознаниенного) бытия, как раз и выражающиеся в натиске неограниченного субстанциального безумия (бессознания).

Вопрос тут один: всё это несмотря на отмеченные выше достижения или же, наоборот, благодаря им?

И так, видно, и эдак!

20 (315)

Бог милосерден, ибо чувствует свою вину перед человеком — этим своим насквозь порочным созданием, а вот София — *нет!*

София вовсе не обязана быть снисходительной к человеку, всё более пренебрегающему Премудростью Божией, то бишь самой Софией, и всё более отдаляющемуся от премудрого изначалья и всё более погружающемуся в свой искусственный мир, оснащённый правильной логикой и пустым числом и всё более лишаящийся всякой, даже и попросту словесной мудрости.

Университеты нынче бегут даже от научной философии, не то что от давно уже изгнанной из академий метафизической философии, как и всюю избавляются от теоретического знания, отводя ему лишь вспомогательную пропедевтическую роль.

Никому не нужна софиология, не говоря о софиасофии, причём ежели молодёжной университетской «зелени» София просто чужда, то у зрелой преподавательской «старшины», зацикленной на фактологии, логике и математике, София вызывает мало того, что аллергию, но даже и плохо скрываемую ненависть.

Не простое вовсе сегодня круговое помешательство, а созданное, культивируемое, лелеемое. Достаточно указать на «современное искусство» или на те же mass-media, особенно такие, как телевидение, которые лишь частью отражают реальность, а по преимуществу либо её намеренно искажают, либо создают вместо реальности свой собственный её виртуальный эрзац, мало того — ведут и вполне прицельный античеловеческий террор, в сравнении с которым тот же ИГИЛ не более чем «ребячество».

Главное — *осознание современного экзистенциального безумия, вполне уже субстанциального, институционализованного, цивилизационного.*

Осознать — значит понять и действовать — прямо-таки *на принципах МЧС!*

Мир обязан позаботиться о себе сам: Америка, Европа, Канада с Австралией, Япония, кто там ещё из «передовых», ну и Китай с Индией, латины, африканцы, как и все мусульмане. Разные тут пути, разные способы, разные возможные разрешения. Запад больше других сошёл с ума, ему и все козыри в руки, хорошо, если не все они уже вполне фальшивые. Обезумливая весь мир, Запад ещё более обезумливает себя. Западня! Хорошо, если «безумный» Трамп сумеет как-то подлечить Америку, так ведь не дадут же — *субстанциальные безумцы!*

Ах, как нужна Западу хорошенькая война в мировом, понимаешь ли, масштабе — и не холодная вовсе, а всюю горячая, — но... эта треклятая Россия со своим внезапным БРИКС'ом, как тут на войну пойдёшь, ежели вовсе не забытый никем хиросимский неостывший пепел назойливо постукивает прямо в поблекшие от страха американские мозги, напоминая о близко уже расположенном Конце Света!

Безумие, о котором речь, — штука серьёзная! Мало того, что это уже мировое безумие, но это ещё и безумие самого мира. Не безумие лишь распростёрлось в мире, а сам мир уже безумен,

причём безумен умно, рационально, планомерно, выдержанно, рассчитанно, стойко. Куда ни кинь свой блуждающий оторопело взгляд, везде оно — БЕЗУМИЕ!

Безумием оказалась поражена и Россия, может, даже самым откровенным, наглым и подлым, таким безумием в степени, так сказать, совсем уж безумным безумием.

И было от чего России сойти с ума, нет, конечно, не по-евроамерикански, не по-постмодерновому, а по-своему — по-российски.

Ах, эти безумные, безумные 1990-е гг., со своими безумными правителями, обезумевшей псевдо- и антиэлитой, с заметно спешшими с ума народными массами!

Тетрадь четырнадцатая, последняя

1 (316)

Всеобщее помешательство!

Открытый огненный контакт с откровенным безумием!

Невероятно, жутко, прискорбно!

И выход руссо-российского сознания на Софию, как раз третий, ежели первый в новейшем времени состоялся в конце XIX в. в связи с кризисом Российской империи и запоздалым подъёмом русского самосознания — через русскую софийную философию, второй — уже в связи с Революцией и гибелью Российской империи — при отступлении русского мира в навь и за рубеж — через русское софийное богословие, а третий пришёлся аккурат на крах СССР и кризисный поиск выхода из апокалиптического кризиса растерзанной, поруганной и обессиленной страны — через постнаучную метафизику и философию хозяйства.

К Софии обращаются, когда не к чему уже обратиться, когда уже всё идейно-концептуальное израсходовано, когда воцаряется безумие, точно так же, как обращаются к матушке сырой земле и к батюшке ясному небу, к самому Господу Богу, ибо надеяться на что-либо из чисто человеческого всё-ещё-человеку уже не приходится.

И что интересно: поначалу-то не слишком и осознанно, хотя в 1990-е гг. София как бы сама вошла в русское размыслительно-переживательное поле, хотя и не без посредничества явившейся вдруг из засады русской софийной философии и взбодрившегося православного церковного-иерархиата. Вошла и стала ждать — признания, а затем и творческого с ней контакта, что и увенчалось явлением *софиасофии*, преодолевшей первичную софиологию и вторичное софианство.

Однако София действует и непосредственно, вне какой-либо идейно-духовной осознанности и, тем более, оформленности. Загнанная в навь и за границу, яростно поругаемая, Россия, как оказалось, была нужна Софии, и София позаботилась о России, позволив ей вытащить себя же за свои же волосы из антироссийского апокалиптического болота, полного не одного только безумия, но и погибельной ядовитой пневмы.

Русская традиционная крепость (она же и крепкость) сыграла свою судьбоносную роль — Россия, призванная Софией к восхождению, отпрянула от небытийного края и пошла выбирать шаг за шагом из охватившей её погибельной бездны.

Нового типа глава государства с его неожиданными восстановительно-оздоровительными деяниями; нового типа лояльное к главе государства правительство с лояльным же парламентом; нового типа партии и общественные движения, тоже немало лояльные, призванные служению государству и нации; как и вообще нового типа имперская государственность с национальной гражданственностью, а также нового типа бодрая армия с очень подвижной «оборонкой»; нового типа административно-корпоративный хозяйствующий комплекс, ещё до конца не сложившийся и последнего своего слова ещё не сказавший; ну и всё новое поведение Российской Федерации на мировой арене — самостоятельное, весьма решительное, немало и последовательное — всё это тоже от Софии, а не одни лишь идейно-духовные

изыски, посещающие немногих из доверившихся Софии, её воспринявших и осознавших.

Не идеально всё это вовсе, но для начала нового пути и это неплохо.

София совсем не велеречива, она скорее даже немотна, — и она способна на всякое воздействие, преимущественно скрытое, незаметное, даже и конспиративное (любое сакральное дело тишину любит, сосредоточенность, благочестие), причём воздействует София как на отдельную особь, ею избранную, так и на группу, общность, массу людей, ей потребные, как и на эгрегор страны, её ноосферу, на присущий стране отроду и обогащённый исторически метафизис.

Ну, ладно, пусть так, а все эти чумные 1990-е и всё нынешнее пореформенное безумие — тоже, выходит, от Софии?

Почему нет, ежели иначе было и до сих пор нельзя — с *этой* страной и с *этим* её... э-э... «человеческим материалом» — с учётом, конечно, и кризисной, каверзной, огнеопасной обстановки в мире?

Не нам судить Софию и её тайные интенции, как и её попушения, даже и наказания, нам бы хоть что-то понять в этой непростой софийно-человеческой мистерии, называемой зёмной жизнью, а что-то поняв — не промахнуться бы слишком в собственных деяниях!

2 (317)

София не оставляет насовсем ни весьма обескураженной от собственного зазнайства Америки, ни роково уже подрастерявшейся Европы, посылая им на удачу Трампа или ту же Марин Лепен; ни возбужденного Китая, внушая ему не слишком-то мечтать о русской Сибири; ни той же озабоченной Японии, вразумляя её не претендовать на вожделенные ею Курилы. Если кого и оставила временно София, так это «центроверхи» Украины,

Польши, Прибалтики, как и некоторых других «новейших европейцев», да и то на Украине — убийство Крыма, восстание Донбасса, многотысячный и многодневный православный крестный поход на Киев, в Польше пошумливают гражданские протесты, а над Прибалтикой нелепо застыла пакостная «геостратегическая тишина».

Интересно, любопытно, занятно, не правда ли?!

Большой судьбоносный выбор Софии пал сегодня, как ни странно, на Россию — нравится это кому-то или нет — Софии, заметим, это абсолютно всё равно!

Человечеству (всё-ещё-человечеству) потребен новый мегаисторический старт, аналогичный по масштабу замысла и размаху деяний тому же христианско-европейскому, хотя и иной по сути и конечной цели, — и хотя в других судьбоносных местах планеты сей старт тоже имеет место, но вполне софийным по инициативе и покровительству он оказывается как раз в России — вместе с вышедшей из нави и возвышающейся сакральной субстанцией — Россией как Россией.

Перечисление могучих аргументов в пользу данного заключения нам тут никак не поможет, ибо у его противников на каждый из аргументов найдётся свехубедительнейшее опровержение; расчёт поэтому тут не на аргументацию, а на проникновенное видение происходящего, которое никак иначе, чем чередой чудес не обозначить: от распада СССР с последующей невероятнейшей «прихватизацией» до неожиданной перемены в верхах и в правящей элите с восстановлением торжественного гимна, победоносной армии и того же российского Крыма.

Что тут не чудо, скажите нам, господа?!

А самое большое чудо в виде воссоздания России как России и созидания России как уже новой России, а-а?

София действует всегда не суетно и целеположенно, различая опекаемые ею пространства и точки приложения своих ин-

тенций, такие, к примеру, как правитель с правительством, генштаб с его войском, боевой военачальник, добросовестный депутат, деятельный губернатор, действенный предприниматель, даже и банкир, деятель искусства, литератор, учёный, конструктор, инженер, врач, служитель фемиды, эффективный менеджер, мастер, священник, простой, как говорится, труженик, в общем — где угодно и на кого угодно воздействует София, — и их — этих избранных Софией и специально никак не обозначенных агентов — необозримое множество, — прямо как звёзд на небе!

Преувеличение, конечно, но зато *какое!*

Безумие, оно, конечно — безумие, а вот умение, оно всё-таки умение, не говоря о таких уже отходящих в небытие вещах, как сознательность, ответственность, совесть, ну и тот же патриотизм, мало того — любовь к Родине, Отечеству, России.

Пафосно, а ведь верно!

Не пафосно вовсе, но верно!

Верно и совсем не пафосно!

Так живут многие, очень многие в России, — и их — так вот вполне софийно живущих — великое множество, может, и большинство, разве лишь не заметное и никакой социологической службой не учтённое.

Один из важнейших пунктов приложения софийной интенции — учёный мир, мир мысли, мир гнозиса, мир самосознания, мир самоидентификации, мир человека как человека.

Русская мысль, подгоняемая общероссийским и общечеловеческим кризисами, вполне и апокалиптическими, включая и кризис мировоззренческий, решительно двинулась навстречу Софии — именно Софии Премудрости Божией, к Софии как таковой, — сначала в привычной христианской (православной) интерпретации, а потом и вне каких-либо уже существовавших идейных установлений — *момент того потребовал!*

Сие обращение непосредственно к Софии и увенчалось явлением в России *софиасофии*.

3 (318)

Софиасофия — не наука, не собственно философия, не религия с богословием. Это не исследовательский итог, не учебная дисциплина, вообще никакая не доктрина. Это — *откровение!*

Не будучи непосредственно функционально-практической, она вполне справляется с обозрением и осмыслением реальности, провинденциально мониторя её актуальное течение, мало того, вплотную соприкасаясь с бытийным метафизисом; она при этом способна оказывать влияние не только на сознание и поведение человека, но и на развёртывание самой бытийно-исторической реальности — не более и не менее!

София как бы делегирует софиасофии кое-что от себя, разумеется, при надлежащем исполнении софийных предрасположений.

Софиасофия — невидимая точка, вроде сингуляра, в которой всё сходится и из которой всё и выходит — *смысловое*, причём по всему смысловому пространству сразу, ибо сия точка — *вне пространства и вне обычной перспективы*.

Как же это софиасофия влияет на реальность, её движение?

Не внешним руководящим указанием, конечно же, как и не исполнением какого-либо умозрительного проекта, а через смысловое совмещение сознания с реальностью, её смысловой начинкой и смысловым током, что не есть простое угадывание присутствующего и движущегося в недрах реальности смыслоизвержения, а есть откровенческое всего этого восприятие — посредством пропускания имманентных реальности смысловых волн через *софийное сознание*, а вот какой при этом ценой — один лишь Бог ведает!

Соединение внешнего субъективного сознания с сознанием внутренним и как бы объективным как раз и даёт возможность не только адекватно судить о реально происходящем вокруг, но и влиять на это последнее, однако по возможности в соответствии с софийным смысловым током, ему в адекват.

Здесь не управление вовсе, а *со-*действие!

В открытии личности софиасофии и её погружении в софийные реалии есть момент некоторого самоотречения от своего «Я», но не юродливого, не монашеского, не пустынного, а вполне светского и житейского, когда личное в «Я» подчинено не так «Я», как мировскому «Мы», когда личная экзистенция подчинена в основном и главном мировой экзистенции, — а вот личностям, обращённым лишь к себе, закрытым в своём «Я», включая семью, дом, дачу, работу, кафедру, университет, комфорт, путешествия, приключения, нечего делать в зоне софиасофии, разве лишь не замечать её, отрицать да поливать, на всякий случай, грязью.

Думаете, господа, ничего такого нет, — нет, уважаемые всего и вся знатоки, ошибаетесь, очень даже есть: софиасофия ведь не безобидная красна-девица, а дерзкая воительница с мечом в одной руке и пальмовой ветвью в другой, что-то вроде древнегреческой Афины Паллады!

Софиасофия — что-то вроде дыры, но не чёрной и не провальной, а оконобразной, через которую идёт связь между бытием зёмным и Софией незёмной, причём ради бытия как раз зёмного.

Софиасофия не отрицает ни науки, ни обычной философии, ни религии с богословием, она лишь ими вполне не довольствуется, выходя за их догматные пределы, а вот наука, философия и богословие отрицают софиасофию как якобы неверный лжегнозис, но... говорит-то сегодня что-нибудь стоящее как раз лишь

софиасофия, да что сто́ящее или даже верное — всюю и *спасительное*, как и *животворное* тоже!

4 (319)

Гордыня?

Да нет тут никакой гордыни, ибо... *проверено*, так всё по сути и есть: и русскость поднялась, и великодержавие вдруг вспыхнуло, и имперскость воспылала, и то же социохозяйственное перестроение идёт посредством созидания новой России посреди кризисного российского пространства, мало того — Россия к России выходит, к самой себе выходит — и всё это, как и многое другое, являлось ментально, образно и провидчески в лоне как раз софиасофии, а не научных изысканий, не традиционно философических рассуждений, не в потоке то ли ещё имеющегося, то ли уже отсутствующего творческого богословия.

Да и какая-то гордыня в обстановке незамечания, непризнания, отвержения, если не фактического гонения: ни одобрения тебе, ни поддержки, ни, знаете ли, восхищения тобою, не говоря уже о гешефтах, наградах и иных приятных для тебя вещах.

Интересный вообще-то факт: круговое молчание, отчуждение, оборона, ибо закрыты, напуганы, скукожены. А всё почему? Да ради самосохранения, надувания силиконовых щёк, многозначительного закатывания глаз, ну и едва поддерживаемой профессиональной-де значимости. Текущее происшествие с официальной академией наук — ярчайшее тому подтверждение: академия есть, науки (гуманитарные, обществоведческие) вроде бы тоже есть, а адекватных реальности суждений от них что-то ни зги. То ли кризис тут, то ли уже катастрофа — кто знает?

Вот уже и 2017 г. звонко прокукарекал, да вот о чём? О переменах, вестимо, но вот о каких, ежели все сто́ящие перемены загодя всегда невероятны и случаются почему-то непременно внезапно?

Можно ли *такое* предвидеть?

И нет, и да!

События — не очень, а вот кое-какие смысловые разрешения — вполне!

Что же ждёт Россию в 2017-м петушином году¹? Внутренний фронт, прежде всего, хотя и на внешнем не будет сильно спокойно. Россия прёт вперёд, и всё, что ей в этом мешает, должно либо отходить в сторону, либо исчезать. Факт! Отсюда и перемены, с одной стороны — ожидаемые, а с другой — внезапные.

Таков стиль российского времени!

Россия идёт к России!

Россия рождает новую Россию!

Россию молодую!

И не надо, ребята, этому движению мешать, не то что препятствовать: Россия кроится (от кроить) самой Россией, и этому крою следует соответствовать, а ежели нет, то... нет, конечно, до новой опричнины дело, видно, не дойдёт, но защищать себя восходящая Россия непременно будет, тем более, что ещё недавно, почти что и вчера, мало что было ясно, а сегодня, увы, многое уже и понятно, а потому или «за», или... уж... как сподобится!

На повестке и впрямь сегодня новая Россия, как раз та самая, самой себе приятная, — но горе тому, кто этого не осознает вполне и пойдёт себе либо алкать другой, не очень-то и российской России — совсем не *этой*, либо уж вовсе вознамерится с удвоенной энергией тащить в Россию новую антиРоссию, пытаясь сделать из России какую-то неРоссию.

Время лихих страстей, претенциозных злоключений, безнаказанных «шалостей» прошло и прошло, надо полагать, навсегда — впереди великое российское бытие-история, на которое и сделала свою ставку божественная София!

¹ Январь тут 2017 г. — года Петуха.

5 (320)

Вот уж загадка, так загадка, — этот софийный геостратегический выбор!

Как это вообще возможно — увидеть в безобразной России позитивный прообраз будущего человечества?!

Да-а, образов всяких на Земле хватает, а Бытие-История, «задумавшись» над будущим, выбирает, вполне и софийно, в качестве прообраза будущего человечества несуразную-де Россию, ещё и, по мнению просвещённого-де человечества... *империю зла!*

Тут самое время задаться вопросом: «А что, собственно, злого совершила за последнюю четверть века страна, называемая Российской Федерацией, кроме того, что впустила в себя всё мировое просвещённое зло в евроамериканской упаковке, надругавшись при этом сама над собой, а также позволила всякой внутренней мерзости усилить сие над собой надругательство в ходе лукавой перестройки и лживого реформирования, проделанных не без западного, вполне и цивилизованного, соучастия?».

И выяснится при ответе на сей вопрос, что ничего злого, кроме вреда самой себе, Российская Федерация за двадцать пять неуютных для себя лет не совершила.

Вот тебе и «империя зла», лежащая в жиже как собственно-го, так и впущенного извне зла!

И в это-то времечко, не очень и очень приятное, если не попросту погибельное для России, ни о какой «империи зла» там, где всё хорошо и никакого зла вроде бы нет и в помине, речи почему-то не шло.

Когда же он вдруг поднялся, этот дружный западо-международный лай по поводу российской «империи зла», угрожающей-де своим злом всему цивилизованному миру?

Ясно когда — в момент начала (только всего лишь начала!) возвышения России и её возвращения к самой себе. Вот так! Хотя недоверчивые косые взоры из-за рубежа на Россию никогда не прекращались, даже и во времена G8, впрочем, и вполне обоснованно, ибо вера в Россию у большинства русских и россиян никогда не иссякала, служа залогом возрождения и подъёма родной страны.

Вырыв из глобалических придушающих объятий и защита своих кровных интересов поставили Россию не просто в разряд «злых пасынков» планеты, которых надо во что бы то ни стало благородной-де мировой цивилизации сдержать, если не уничтожить, но и выставили перед не то очень уж праведным ликом, не то скрыто звериной харей «гибридной» антироссийской войны, — совсем уж не какой-нибудь там игровой политконфронтации.

Итак: искусственное поражение СССР с его же развалом — глобалическая колониальная реформа с падением страны в экзистенциальную бездну — попытка вырыва из бездны и из «партнёрских» глобалических объятий — «заява» на реальный суверенитет, обретение собственного лица и возможность национального подъёма — новый ярлычок на Россию как на «империю зла» и ведение против России необъявленной, но зато весьма упорной «гибридной» войны!

Навскидку вроде бы всё это — по возвращении Крыма («аннексии»-де Россией своей исторической территории), а ежели всерьёз, то по явному уже возвышению России и её отходу от глобалического скопища (в первые 2000-е гг. Россия, между прочим, уже даже считалась кое-кем частью Американской империи!), что никак не устраивало всегда предосудительно, если не враждебно настроенных российских-де «партнёров» по зёмному бытию.

Так или иначе, но всё это происходящее с Россией можно понять лишь с учётом несгибаемости руссо-российского населения, обратившегося вдруг в большинстве своём не только к вере в Господа Бога, но и к вере в Россию тоже, не могло не сказаться на как будто бы и впрямь осознанном выборе Софии поставить геостратегически на Россию и вроде бы неосознанной склонности Бытия-Истории поддержать именно Россию.

Факт!

6 (321)

Россия при этом оказалась вдруг... *в центре мира!*

Но как всё-таки совместить сей софийный и бытийно-исторический выбор со вполне адовой по протекающей экзистенции Россией?

Уж лучше бы, наверно, Китай или та же Индия?

О-о, не нам судить Софию и Бытие-Историю, как и вообще не человеку, но не покидает мысль о сакральной силе духа внезапно павшего и немедля же восстающего народа — из грязи, из темени, чуть ли не из небытия, мало того, устремлённого в будущее, да ещё и импровизационно, вольно, без омертвевшего груза прошлого, но при этом с явной обращённостью к божественному изначально.

Завидовать тут нечему, ибо здесь вовсе не житейская удача, а невероятное бытийно-историческое тягло, которое надо ещё выдержать, пережить вполне и жертвенно.

Однако и самой России не стоит при этом завидовать ни давно уже удачливой и замечательно расцвеченной ЕвроАмерике — это с одной стороны, ни тому же удачливому и тоже хорошо ныне расцвеченному Китаю, ни кому-либо ещё из умело расцвеченных — это с другой стороны.

Удача — не российский улов, тут уделом именно тягло, но зато *какое*, как раз то самое — судьбоносное для мира в целом и

для России в центре этого мира, следственно, исключительное по софийному предназначению!

Если уж завидовать России кому-либо и чему-либо, то, во-первых, самой себе, а во-вторых — своей самоотверженности, выводящей Россию из бытийно-исторической ямы прямо на новую бытийно-историческую прямую, пусть и весьма извилистую, причём неведомую ни России, ни кому бы то ни было ещё в мире.

Как всё-таки оцепенел весь элитарный по нынешним меркам мир, лишившись дара разумной речи, увидев пред собою новую великодержавную Россию, ловко стоящую за себя и весь захваченный глобализмом планетарный мир, тоже устремившийся вслед за Россией к восстановлению своего естества!

Россия и мир, мир и Россия!

Проблема тут, точнее, тугой узел невыносимых проблем, однако способный вдруг ослабиться и неожиданно вообще распуститься, хотя для этого и должно произойти что-то совершенно неординарное, но, что особенно интересно, непременно и произойдёт, но лишь для того, чтобы завязать новый гордиев узел совершенно невыносимых проблем.

России надо быть начеку — как раз на софийном «чеку»!

В мировой политике нет друзей, как нет и абсолютно надёжных союзников, хотя есть и попутчики, и «споспешники», и даже «событийники». Развал СССР и международного соцлагеря, вынужденное самоотстранение Российской Федерации и последующие за всем этим «отношения» между независимыми и освободившимися из-под «гнёта» Москвы государствами (скорее и более всего квази-, пара-, а то и пато-государственными образованиями, а не собственно государствами — до сих пор!) очень многое показали насчёт «братьев», «союзников», «сотрудников» и т. д., да так, что отбросили за горизонт всякие прекраснотушные надежды на дружественное международное сообщество, на всемирную солидарность народов, на бескорыстную любовь зем-

лян друг к другу, на всеобщее планетарное счастье. Недаром всё-таки состоялся так дорого обошедшийся исторической России социальный эксперимент в виде социализма-коммунизма, оказавшийся в реально-построенческом плане совершенно утопическим.

Теперь другая на Земле эпоха, которой соответствует и *другая Россия* —настороженная, осмотрительная, реалистичная!

7 (322)

Америку губит её неимоверный эгоизм, замешанный ещё и на великой гордыне, что как раз и не позволило ей удержаться на посту единоличного мирового управителя: вместо поддержания вместе с ООН мирового согласия, Америка занялась извлечением для себя параколониальной выгоды, устраняя, как ей казалось, неугодных или попросту строптивых акторов мировой геостратегической игры, устраивая повсюду перевороты, революции, локальные войны, внедряя в мировой контекст вместо порядка самый обыкновенный хаос, немало уже грозящий миру глобальной катастрофой.

США — теперь уже великий в деле мирового лидерства неудачник, правда, сам и попавшийся, прельщённый безнаказанностью и «возможностями», в капкан бытийно-исторической управленческой невозможности.

Теперь Америке надо подзаняться собой, а то ведь не ровен час, прямо и в... тартарары, которые Америка так проникновенно желает то для России, то для Китая, то для Ирана, то для ещё кого — закон бумеранга ведь никто не отменял и отменить не может. Правильно говорят: «Не рой другому могилу, сам в неё же и попадёшь!» — да, видно, для взбесившейся американской анти-элиты сего благого наставления попросту не существует. Слава богу, что в США пошла-таки крупная межэлитная разборка, может, что-то и выйдет из неё в конце концов действительно благое,

хотя очень и очень вряд ли — уж больно сильно замешана Америка на деньгах, финансах, выгоде, корысти — и всё это, как когда-то очень здорово раскрыла незабвенная Роза Люксембург, за счёт колонизованного мирового контекста, его ресурсов, сил и обильной кровушки.

Шанс у Америки продлиться Америкой, конечно, есть, но... шанс какой-то очень уж катастрофный, да ведь и другой бы надо стать Америкой — не хищнической, а как же это хищному волчаре вдруг стать невинным агнцем, а-а?

Америка, как ни крути — неисправимый апокалиптический зверь!

Дыра, видно, большая поджидает Америку, вполне и чёрная, хотя, чем чёрт не шутит и чем Господь при случае не делится с человеком — поживём, увидим!

Что касается Европы, то она попала в большую для себя самой бытийно-историческую переделку, может, и не без помощи своего заокеанского сыночка, но по преимуществу всё-таки сама, явно переоценив свои не то что силы, а так... хотения, причём не столько даже физические, хотя и их тоже, сколько, увы, метафизические.

Метафизически, то бишь идейно-культурно-цивилизационно, как и сакрально, Европа себя вконец уже исчерпала — может, ЕС по виду и новый Рим, да Рим-то либо поздний, либо запоздалый, то ли попросту зазеркальный, в общем — не Рим уже вовсе, а трепещущая от самой себя, чересчур уж «римской», старушка Европа, сама себя и старательно похищающая — через те же неофитские центрально-европейские провинции — зачем они ей, право, понадобились, как и те же Северная Африка, Малая Азия, Кавказ, Украина?

Самоубийство ведь бывает разное, в том числе и от гордыни, и от обжорства, вообще от всякого излишества, включая и

новодряхлоевропейское — типа, к примеру, массовой *феминизации* и *инфантилизации* покорного европейского люда.

Европа более никому на Земле не пример, да и никому из здравомыслящих не союзник, а потому мирно бы ей коротать своё заканчивающееся время в допустимо благостном взаимодействии с окружающим контекстом, ан-нет, претензии у Европы на новую имперскость, на новое колониальное движение на восток и юг, даже на новое доминирование над миром. Полноте, господа европейцы, ничего *такого* уже не будет, никакая НАТО вам уже не поможет, а вот отвечать за содеянное Европой в той же Югославии или же в Северной Африке милейшей Европе ещё придётся. Вот почему, пока ещё не совсем поздно, только *панъевропейский компромисс* — прежде всего с Россией, а там, глядишь, при шарли-покаянии за недавно Европой содеянное, может, что-то у Европы и получится — своё, европейское, хотя и, увы... уже не первой молодости!

8 (323)

ЕвроАмерика в лице своих самоуверенных и весьма безответственных, если уже и не бездарных, элит бредит сегодня о большой горячей войне, что вполне и понятно — почва стремительно и безвозвратно уходит из-под ног закоренелых империалистов, вполне уже сегодня по смертному духу своему хомофобствующих.

Ладно была борьба у США с коммунизмом и СССР, когда один облачённый гигантской властью простачок из возродившихся после Сталина троцкистов даже грозился забить последний гвоздь в гроб капитализма, находясь при этом с официальным визитом прямо в сердце этого самого капитализма (до чего же мог довести наглого простеца дурно им понятый марксизм!), а то ведь вполне уже капиталистическая Россия, встроенная в глобальный мир, даже и дань заокеанскому смотрящему исправно

приносящая, вдруг оказывается в роли главного врага всемогущего Запада и, разумеется, первого из объектов его сокрушительного военного удара!

Хочется евроамериканцам большой войны, очень хочется, чтобы решить все свои запутанные хронические проблемы, включая и громадную избыточность американского внешнего долга и беспардонную чрезмерность мировой массы доллара, не говоря о возможности продления на века господства Запада над миром, как и о желании хорошо пожить за счёт богатой пространством и ресурсами России.

Вот и поднята безудержная русофобия, вот и утыкаются американо-натовские танки в российские рубежи, вот и торчат вдоль российских границ тревожные ракеты, вот и поднята безумная истерия по поводу Украины, Польши, Прибалтики.

Разразится сия война или нет, кто знает, может, и разразится, а может, и нет — всё тут в ведении самовольного бытийно-исторического процесса да, может, лишь Господа Бога — «Апокалипсис» Иоаннов ведь весьма по сему вопросу велеречив, хотя и не однозначен — так что «фифти-фифти» тут — и да, и нет!

Причём «да» видится куда как вероятнее «нет», но... в бытии-истории случается обычно почему-то самое невероятное, а что касается всемирного Армагеддона, так ведь он уже вовсю идёт, так что очередная горячая перестрелка ничего тут не прибавит и не убавит, — как уходит ныне в небытие ЕвроАмерика, так и будет уходить, как идёт на подъём Россия, так и будет идти!

Что же касается *мировых конечных проблем*, то они и без горячей перестрелки найдут вполне эффективное в своей беспощадности разрешение.

Неужели взбалмошная ЕвроАмерика-таки сделает Китаю с Индией, да ещё и Ирану с исламским миром, столь чудесный подарок — *горячую мировую войнушку*, о которой сии геосубъекты

вроде бы не грезят, но которой они, знаете ли, останутся вполне удовлетворёнными?!

9 (324)

Нет, самоубийственной войны между НАТО и Россией всё-таки не будет, а будет кое-что другое, опять же очень на сегодня невероятное, почти что и невозможное, а именно — *согласие*²!

А для чего же тогда в Москве бытует «мистер Икс», а в Вашингтоне явился «мистер Игрек»?

Для совместной разрушительной войны, что ли?

Нет, господа, компромисс всегда лучше войны, а война... война и так уже идёт, разве лишь пока не собственно войновская.

Какая же, спрашивается, война? Как раз та самая — уже между мирами, причём в основе своей уже как *метафизическая война*, причём между *метафизическими же по сути своей мирами*: теми же устаревающим новейшим и обновляющимся старым мирами, а также миром Божиим и миром сугубо человеческим, что почти то же самое, что между миром и антимиром, ну и миром естественным и миром искусственным.

Что рассуждать о войне между ЕвроАмерикой и Россией, ежели весь мир уже в войне, прямо с самим же собою; так что попробуем всё-таки обойтись без самоубийственной конфронтации между двумя мировыми центрами, способными договариваться и договориться — зачем же им война между собой на потеху и в угоду остальному зёмному миру?

Америка должна понять, как совсем ещё недавно поняла та же Великобритания, что империализм всемирный хорош, а вот простое лидерское существование всё-таки лучше, а Россия — что Россия? — она ведь на мировое лидерство не претендует, ибо

² Эти и нижеследующие строки были написаны в январе 2017 г., когда ни о какой взаимности между В. Путиным и Д. Трампом не было в политическом и медийном пространствах и речи.

никого за собой ни в какое светлое царство всё равно не приведёшь, а потому лучше уж идти самой — вперёд, да и вовсе не в светлое царство, а в само по себе ещё возможное для человека бытие, а уж ежели кто захочет вдруг России следовать, пусть тогда сам и следует.

Чуть ли не идиллия безвойновская выходит из-под софиасофского пера, не так ли?

А что напропалую разглагольствовать лишь об угрозах да страхах, ежели они и так уже надёжно вселены в людское сознание, — не лучше ли подумать об ином исходе, вовсе, правда, тоже не идиллическом?

Господь Бог устами прозорливого Иоанна никакой идиллии человечеству не сулил, скорее, наоборот — Второе пришествие Христа с Судом Страшным — вполне и беспощадным, — это-то как раз Господь и мог всерьёз человеку христианскому пообещать!

Не верится всезнающей учёной братии и суетной передовой миронаселенщине в такого рода «страшилки», а зря: Суд этот ведь уже идёт, непрерывно идёт, сосредоточиваясь прямо над безгрешно-беспорочными головами самых что ни на есть прогрессивных землян — «лучших из лучших» — как раз-то и в первую очередь!

Очень всё не просто затеяно в этом мире — никому из смертных так в меру и не известно!

Странно тут всё, очень странно, да, пожалуй что, и страшно, очень даже страшно, но разве может абсурдный мир спастись вне и без большого для себя и вполне сногшибательного *абсурда* — объясните-ка это нам, софиасофским абсурдистам, уверенные в себе знатоки всего и вся!

10 (325)

Абсурд, строго говоря, — достойный феномен-категория бытия, — и вовсе не такой уж негативный и издевательски потешный, вполне себе и «пользительный», а потому и необходимый, ежели... э-э... само бытие-то разве... нет, не абсурд, быть может, но ведь... разве оно органически не абсурдно? Да и как ему — бытию — быть-то... без абсурда, в особенности бытию цивилизованному, иерархическому, правовому, мало того — осознанию, окультуренному, интеллектуализированному?

Только абсурд и спасает, не выводя при этом бытие из абсурдного тупика, оставляя за собой возможность продолжения своего странно-страшного развлечения.

Абсурд держится абсурдом и за абсурд, но ведь бытие тоже — абсурдом и за абсурд!

Очень интересный сей феномен-категория — ужасный, смешной, гибельный и... *спасительный!*

Постмодерн буквально зиждется на абсурде, соответственно, и весь передовой Запад — на абсурде благополучия, излишеств, гедонизма, величия, первенства, совершенства, непонимания окружающих реальностей и сокрытия от них в виртуальных эмпириях, а в целом-то — на абсурде *антимира* и *античеловека*.

Тут уж не так и спасение через абсурд, как абсурдная гибель — не смех тут заразительный и оздоравливающий, а отчаянный Валтасаров пир с последним гомерическим хохотом!

Абсурд ради абсурда!

«Шарли-Эбдо»!

«Je suis Charly!»

Что ещё надо для абсурдистски потешной гибели?

Однако обратимся к иному абсурду — не то чтобы позитивному, но на кое-какой позитив всё-таки работающему. Тут уж нам без близкой и родной России не обойтись. Вот уж где абсурд-

да хватает — всякого, что негативного и погибельного, что позитивного и спасительного.

Абсурд — полная, так сказать, «непонятка», невозможная возможность, иной раз и необъяснимое чудо, а не только иррациональная нелепость или, как говорится, полная ерунда, замешанная на неполном сумасшествии.

Русский юродивый — крайний абсурдист, но зато устами его глаголит, как известно, истина, иной раз и весьма абсурдная! Или что может быть абсурднее сегодня абстрактного искусства, московского градостроительства или той же Академии наук, а они ведь все есть, ещё и всю абсурдируют, ничуть этим и не смущаясь.

Но мы всё-таки не об этом, не о явном абсурдизме, ибо есть и другие, не слишком явные, абсурды вроде той же Великой французской революции или того же похода Бонапарта в Россию, как собственно, и той же германской мечты о тысячелетнем рейхе. А в России что из уже происшедшего не подпадает под абсурд, кроме разве каких-нибудь Мамаева побоища, Бородинского сражения да Сталинградской битвы, хотя внутри и там всякого абсурда хватало?

Дело наше не в том, чтобы абсурды разные выискивать, их-то вокруг вполне предостаточно, а принять во внимание тот факт, что ежели вдруг и не вдруг случается абсурд, то это вовсе не обязательно плохо, не непременно смешно, да и не напрямую свидетельствует о действительном сумасшествии.

Разве знаменитая мюнхенская речь российского президента не казалась поначалу абсурдной, хотя бы для *тех* и *этих* западников; или то же возвращение Крыма в Россию; или явление Трампа, его избрание президентом США?

О-о, мы много чего найдём вполне абсурдного, включая чуть ли не весь феномен-бытие-историю России, как и практику советско-социализма, как и «реформу» 1990-х, которой, согласно

честным обывателям и честным учёным, вообще не должно было в столь жутком по степени изысканного аморализма быть!

Абсурд — козырь Бытия-Истории, который Бытие-История то умело, то не очень, то смело, то с опаской, то охотно, то нехотя, то с выгодой, то с ущербом, то с восторгом, то с огорчением, но непременно выбрасывает раз за разом на игорный бытийно-исторический стол, чтобы через очередной козырный ход достичь чего-нибудь из явно-де *невозможного*.

11 (326)

Не надо ждать ни от зёмного мира в целом, ни от США с Европой, ни, тем более, от России (о Китае с Индией мы тут молчим, ибо они сейчас менее всего рискуют, а потому на время они как бы безабсурдны), так вот не надо ждать ни очень уж рационально выверенного, ни основательно рассчитанного, ни, тем более, чего-то планомерно обустроенного в их движении в будущее: с иллюзиями века Просвещения, авансированно благосклонного к могуществу человеческого разума, надо полагать, уже навсегда покончено. Человечество в целом, США, Европу, Россию (о Китае с Индией мы пока молчим) если что и вытянет в будущее, то лишь какой-то и впрямь *великий абсурд*, о котором никто из здравомыслящих ныне и подумать не может.

Никто!

Ни один отрешённый от суеты земной прозорливец!

Но вот успеет ли явиться сей неожиданный феномен и с пользой для обезумленных землян сработать? Тут ведь не о Вальтасаровом пире речь, да и вообще не о карнавале, как и не о раскованном авангардном-де искусстве, тут речь о каком-то совсем уж невозможном происшествии, не подлежащем никакому априорно разумному обоснованию.

Ожидание неизвестности — залог величайшей мудрости!

А пока у нас та или иная работа на Россию, где что-то неожиданное и в самом деле вдруг явилось — ещё не вполне понятное, но что-то явно великое, судьбоносное.

Все геосубъекты так или иначе думают и заботятся о себе, только Россия печётся зачем-то о целом зёмном мире. Сама-то она едва-едва из «ямы», в самой-то творится чёрт знает что, сама-то ещё в поиске своего пути, а, подишь-ты, обо всём, знаете ли, мире печётся... вовсе о нём и не думая, а просто естественным своим необыкновенным с ним трансцендентно сочетаясь.

Интересно, не правда ли?

Откуда это вдруг, а может, вовсе и не вдруг?

Ведь и другие христианские страны вроде бы есть, в том числе и вполне ортодоксальные, как будто бы среди них есть и православные, ан-нет — только Россия, как раз в своей собственно русской ипостаси. Поразительно, но факт!

Тут, конечно, тайна, которую можно не без восхищения или даже возмущения констатировать, а вот разгадать — никак!

Почему это вдруг прозорливая Ванга на Россию ни с того, ни с сего указала как на залог мирового спасения, ничего при этом с расстановкой не обосновывая? Указала, и всё!

Может, сама Россия и есть тот самый судьбоносный *Абсурд*, из которого что-то в будущем потребно-непотребное и выйдет, вполне и... *спасительное*, — почему нет?

Откуда ж сие не то интуитивное предрасположение к России, не то убеждение в её странной особенности, вроде как и абсурдной, но практически-то очень важной, мало того — *вынесной* (всё вынесет Россия, себя из прорвы любой вынесет и других из любого полымя тоже).

Никакой своей особой мировой исторической миссии Россия вполне не осознаёт и уж, тем более, не формулирует. Просто Россия, бытуя вроде бы для себя, способна существовать и даже бескорыстно действовать и для других, не придавая этому ника-

кого особого значения. Коммунистическая идея, которой как будто бы жила Россия более полувека — не российская идея, а европейская, ей, России, попросту навязанная. Та же православная идеология, которой вроде бы много веков живёт Россия, тоже ведь по истокам своим не российская, хотя к России и немало уже приспособленная. Так что сей не слишком внятный альтруизм России сидит, по-видимому, в некоем первогенотипе Руси-России, теряющемся в глубине веков и на фактическом уровне давно уже затёртом временем, хотя и не стёртом из народного бессознательного, не отвергающего (долго не отвергавшего) древних сказаний и легенд, из которых и следовало что-то разъяснительное, поучительное, немало и поразительное.

Генетическая память — сила!

12 (327)

История страны, а лучше бы сказать этночеловеческого ядра, которая(ый) походя называется то Славянией, то Русью, то Россией — очень и очень древняя история, как раз восходящая к первым истокам человеческого бытия, первым брошенным в зёмную твердь живительным семенам, первым проросшим в зёмной почве корням и первым вышедшим из зёмной тверди росткам.

Всё первое давно ушло из фактической хронографии, а ведь были и Ария, и малая Азия с её Троей, и Аркаим, и Алтай, и Гиперборея, и Древняя Греция, и Скифия, и даже Древний Рим, не говоря о Византии — многое было, да вот куда-то исчезло из памятного оборота, не считая кое-каких абстрактных осколков в виде уже сказочных преданий.

Но что интересно: есть ещё этническая, или родовая, память, которая может не осознаваться отдельной особью как именно память, но тем не менее иметь место в племенном, ска-

жем так, эгрегоре и так или иначе присутствовать в архетипическом сознании что индивидов, что масс.

Постмодерновая попытка окончательно сnivelировать этносознания, обратив их в абстрактное общечеловеческое сознание, либо сама обречена на провал, либо на провал обречено уже само общечеловеческое сознание — вкуче, разумеется, с самим человечеством.

Этногенотип — сила!

Как раз та самая сила, которая, прячась где-то в глубинах этносознания, вдруг выходит в текущую жизнь, овладевая воображением отдельных персоналий и задевая при нужде коллективное настроение масс.

Русские люди!

О них говорят не часто, разве лишь когда явно по случаю «припрёт», да и сами русские не очень-то любят о себе разглазговать.

Есть даже особого рода русская немотность, нежелание и даже неумение велеречиво болтать.

Но при необходимости, чуть ли не трансцендентной, русские люди вдруг дают о себе знать как именно *русские люди*, как заставляя о себе проворно и обстоятельно заговорить, так и вдруг от себя высказываясь не хуже тех же европейцев, оказавшись на каком-нибудь жизненном краю, в кризисной, а то и отчаянно катастрофогенной ситуации.

Вот и сейчас, на рубеже тысячелетий, на стыке XX и XXI вв., русский человек вдруг сам веско заговорил и заставил о себе весь мир заговорить — и это в связи с русской катастрофой 1990-х и неожиданным из неё русским же вырывом.

Что же пробуждается ни с того, ни с сего в русских людях, как раз тех самых — коренных, вросших в родную почву, вырастающих под бескрайним евразийским небом?

А-а... не что иное, как совершенно загадочная... *русскость*, не подлежащая определениям, классификациям и научным трактованиям, зато подлежащая более всего либо безотчётной любви, либо столь же безотчётной ненависти — среднего тут не очень-то дано!

Откуда, почему, зачем — кто ж знает?

13 (328)

Никаким национализмом, всем на свете вроде бы понятным, тут и не пахнет: русские, может, и не отрицают своей особенности — как именно русские, но никаким плоским и дешёвым национализмом не болеют. Это не их и не для них, им это не надо, зачем это им — трансцендентным земным существам?

Достаточно только сказать: «Русские идут!» — и мир вокруг почему-то уже в тряске!

Выходит, что тут работают какие-то иные, не очень-то и земные, смыслы, а может, и какие-то высшие, уже космического порядка, замыслы. Какая она — мысль Божия о русских, для чего они — русские — нужны Господу, зачем с Русью-Россией та же София, отчего эти подъёмы и спады русскости в среде самих же русских, почему так мало покоя и счастья на Руси, что ещё великого и даже страшного должна совершить Россия?

Да и вообще: не пришло ли на Землю и в самом деле *русское время*, совершенно, знаете ли, невероятное, никому из здравомыслящих землян вроде бы и не нужное, но... зачем-то, — как призрак, чуть ли не как тать ночной — овладевающая зёмным бытием?

И не оттого ли столь шквальная истерика в евроамериканских элитах, только-только овладевших-де зёмным миром, его под себя подстроившим, а тут... какая-то дикая Россия во главе с «президентом-демоном» делает, что хочет, мало того — добивается своего, вовсе не евроамериканского; и не оттого ли сия ува-

жительная сдержанность и дружеское расположение к России со стороны древнеисторических и ныне активно развивающихся азиатских монстров; и не оттого ли исламский мир примиряется с Россией, как раз с этим беспокойным миром воюющей, пусть лишь и локально?

Россия меняет мир!

Ничего себе! Не Советский Союз, не Соединённые Штаты вкупе с Европой, не Китай, а именно... *Россия*, только что сидевшая чуть ли не в отхожей яме истории и вдруг выскочившая на передний край исторического действия. Как это всё понимать?

А никак и не надо понимать, ибо как Россию умом не понять, так и происходящее с Россией и в связи с Россией в целом мире тоже никаким умом не понять.

Трансценденция тут в работе, как раз та самая, что в тесной связке, с одной стороны, с русскостью, а с другой – с Софией!

Вот, собственно, и всё!

Магия тут, магия Бытия-Истории и магия самой России с её невнятной и непонятной русскостью, ну и магия Софии со своей неизбывной первоумудростью.

Вообще, мир человеческий живёт вовсе не одним физическим отправлением, а и, да и более всего, отправлением метафизическим — словесным, языковым, разговорным, текстовым, идейным, культо-культурным, знаниевым, то бишь не так материальным, как духовным.

Русскость насквозь духовна, точнее даже, вдвойне духовна — как дух и как особая духовность, что делает русскость основой и фактором особым образом одухотворённого сознания — *русского сознания*, способного вследствие неотмирности самого феномена русскости как к самоотрешению, так и к самовоскрешению.

Отсюда и единение русского сознания со Христом, его — русского сознания — *хриstopодобность!*

14 (329)

Не христианство сделало русского человека, а русское сознание сошло с Христом — вне всяких его — Христа — трактовок, включая и обрядовые.

Вот оно — великое таинство христовой русскости, как и, разумеется, русского Христа!

Самоотрешение, искупление, жертвенность — вот что накрепко соединяет русскость с Христом — явлениями мира зёмного и мира иного.

Русскость насквозь религиозна — уже сама по себе, а уж с Христом — в степени!

Что бы ни происходило на евразийской территории, занимаемой ныне или занимавшейся некогда Русью-Россией, какой бы ни складывалась тут цивилизация, какими бы ни были государство и правление, даже какой бы ни была главенствующая идеология, включая и религию, приоритет тут принадлежит русскости, восходящей к проторусскости, быть может, собственно «русской» когда-то и не именовавшейся.

Как от святых мощей или икон исходит животворящий дух, так и от проторусского семени (ядра) исходит русский дух, никогда не покидающий духовные хранилища (сусеки, загатники) русских людей, иной раз собственно русскими себя и не считающих.

Русскость передаётся от поколения к поколению, вселяется в русские души, хранится там, утешает, оберегает, но и тербит при нужде, волнует, зажигает. Именно русскость, выраженная в слове, языке, преданиях, текстах, образах поведения, в той же эстетике, обрусевает людей, делает их русскими, если не прямо по крови и наследию, то по органичной принадлежности к русскому миру.

«Что такое русскость?» — задаётся обычно вопрос, почти что и убийственный, ибо как на него ясно ответить, ежели русскость — некая трансцендентная субстанция, бытующая в русских душах, от которой русским людям никак и никогда не отделаться, а нерусским людям в русских душах не убить.

Русскость даже само христианство сделало в России русским, ибо православие не есть собственно само-себе-христианство, даже и ортодоксальное, — и не в догматах и обрядах тут дело, а в духе, или, если хотите, душе, русского христианства, пронизанного как раз русскостью. Не сами по себе догматы и обряды волнуют русского религиозного человека, а вхождение в дух, в переживание, в контакт с Богом, с Софией. Церковно-религиозный раскол, случившейся в XVIII в., был обусловлен не так формальной алексеевско-никоновской реформой, как попыткой реформаторов наступить, чуть ли не ценой новой большой смуты, на собственно русскую составляющую в православии, мешавшую правящей элите всецело идти на Запад. Управляемую жёстко и кроваво реформационную прозападную смуту потом как раз и провёл неистовый Пётр I.

И что поразительно: гонимая вашей русскость — правда, более всего из-за своего устоявшегося внешнеобразия и своей закосневшей-де обыденности — рано или поздно восстанавливала свои отринутые было смысловые координаты, пусть и в новых условиях и на новых принципах, и вновь превращала Россию в Россию, пусть и с разной степенью успешности — как раз для самой по себе русскости.

15 (330)

Русскость — жить собой, но не для себя!

Нет, конечно, тут не сплошная бескорыстность и не всеобщий альтруизм, как и не круговое хомофильство. Тут на поверку всякое, но... вряд ли где можно найти такую концентрацию спе-

цифического настроения, которое называется то «за наших», то «за други своя», то за... э-э... неизвестно и за что!

Наши! Где ещё сие словцо бытует с таким великим эмоционально-смысловым значением? Вряд ли где! Причём «наши» — вовсе не обязательно только русские, только близкие, только православные. Ничего подобного! Русский сам знает, кто «наши», а кто — «не наши», хотя и даёт шанс стать «нашим» любому человеку, народу, государству.

Шанс-то даёт, но обманывать себя не любит, да и не желает: горе тогда обманувшему! И не по причине какой-то там непременной русской мстительности, хотя и не без положенной в таком разе возмездности — по воле, как правило, вполне трансцендентного судии — случая, а то и по воле самого, знаете ли, Господа Бога. Русский в целом не мстителен, но зато... очень и очень *памятлив!*

Память народная хранит всё нужное и хранит надёжно; а потому русский люд хорошо знает «who is who», и от него ничего не скрыть — почему он и держится за свою совсем и не милую государственность — не милую, понимаешь ли, но... *свою!*

Никто не знает, что такое русскость, даже и сами русские, а она... *есть* — и, быть может, хорошо, что не знает — до поры; видно, время ещё не пришло узнать, хотя явно пришло уже время не пройти мимо феномена таинственной русскости — этого переполненного смыслами *ничто*, или же полного трансцендентной самости *нечто*.

Русскость сегодня уже не в советской нави, даже и не в православном облачении, она сама по себе — как именно *русскость* — и ей абсолютно... всё равно... что о ней думают и не думают в той же ЕвроАмерике, в Китае или даже в самой России, хотя как раз за границе-то вовсе уже не всё равно, что есть она — русскость, что она всю работу, а цели и итоги такой работы

ником, кроме незрячей, но прозорливой Ванги, достаточно не осознаются.

Евроамериканские «партнёры» России чувствуют какую-то громадную опасность для себя от подъёма русскости и её непреднамеренной работы в мире, а потому и пустились в войну против России, весьма и глупую, но понять их очень даже можно: тут ведь поднялась неизвестная, внезапная, непонятная, почему-то и невероятно мощная, сила, чуть ли не переворачивающая только что обустроенный под интересы Запада планетарный мир.

Как это могло вообще произойти, ведь русские войска не оккупировали Европу, Россия не разгромила США, русские армии не вошли в Китай, мало того, что такое сегодня Россия, этот обрубок, пусть и очень большой, от гигантского СССР, какая-то там пятая или седьмая экономика мира, страна, погрязшая в коррупции и бездорожье, во внутренних неурядицах, по-человечески совсем не обустроенная, и... вдруг... Москва вершит судьбу мира, причём вовсе не в интересах богатой, суперцивилизованной, передовой, прогрессивной... э-э... вполне и совершенной ЕвроАмерики?!

Вот уж абсурд, так абсурд!

16 (331)

Что ж, пора немного и подрабобаться с этой таинственной русскостью, которая, судя по вокруг происходящему, всё-таки есть, хоть и неизвестно что она, какая она, что в ней *такого*.

Возьмём сферу не обыденной жизни, не материально-физического жизнеотправления, не государственной и гражданской жизни, не социально-политического действия, а сферу, как широко принято понимать, культуры (искусства, литературы, mass-media), т. е. ту сферу, в которой культура выступает как бы в чистом, себе самой особенно соответствующем виде, и задумаемся над вопросом *культуры самой культуры*, но не в ракурсе

форм и концепций, а в аспекте гуманитарной сути культуры, её духовной начинки, даже и её души.

Речь так или иначе о *человечности* культуры в её глубинном, даже и сверхсмысловом, выражении. Вряд ли так вообще кем-нибудь, где-нибудь и когда-нибудь ставился вопрос, а мы вот ставим, ибо мы — русские, мы не от мира сего, и мы сегодня заняты своей характеристической самостью, её расшифровкой — пусть и для хотя бы что-нибудь из *такого* редких воспринимающих.

Возьмём, к примеру, Микельанджелову «Систину» и рублёвскую «Троицу»: есть между ними разница? Где там не просто больше духа, а где всего лишь изображение чего-то внешнего и где присутствие самого духа, если не его — *духа!* — «изображение»; опять же где концептуальное отображение концептуального понимания, сакральности, а где сама сакральность — «отображение»; где лишь что-то о человеке и Боге, а где сам Бог вкупе с человеком?

Нетрудно при желании догадаться где тут что и в чём разница между ренессансной «Систиной» (там царство Логоса) и поднимающейся «Троицей» (тут царство Софии).

Да, да, именно так: в «Систине» — ум, а в «Троице» — душа!

Вот вам и разница между европейскостью и русскостью: там Логос с умом, а ежели дух, то дух какой-то нечеловеческий (от католических соборов до Вагнера), но и не божественный, а какой-то другой, пусть сами европейцы и определяет какой же; здесь же София с душой, а ежели дух, то вполне человеческий, тесно сходящийся с божественным (от православных церквей до, к примеру, Чайковского).

И что интересно: так вот выходит по всему спектру, во всех ветвях, течениях и уголках европейской и русской культур; там — в Европе — всегда мысль, логика, размышления, концеп-

туальность, конструкция, форма, формула, стиль, даже и в бесформенном модернизме и безумном постмодернизме; здесь же — в России — более всего чувства, переживания, откровения, смысла или же бессмыслия, стихии, недосказанности, тайны, трансцендентности; там — иной, но иной всё-таки как чисто человеческий, мир, сотворённый человеком-демиургом, а здесь — всего лишь этот мир, может, и заслуживающий порицания и переделки, но мир-то Божий, в котором надо непременно быть — физически, экзистенциально, умственно, но которым, даже и переделанным, себя непременно не осчастливить, а потому душою надо быть более всего с *иным миром*, не этим, но и не тобою сотворённым, а с тобою лишь драматично солидарным.

Любопытно, что точно такие же различия обнаруживаются при сравнении русской культуры с другими культурами, бытующими на земном шаре. Русская культура, оплодотворяемая рускостью, в духовно-душевном плане совершенно уникальна, но не в типологическом аспекте, а в принципиальном: *русская культура воистину софийна!*

Причём софийна *творчески!*

¶ (332)

В русскую культуру входит, как и везде в мире, то, что обычно называется *мыслью* — в широкой, разумеется, трактовке. Что, в самом деле, почитать за собственно мысль, кроме, конечно же, всего высказываемого, печатаемого, текстуального, что присутствует в бытии той или иной страны. Наверное, всё-таки что-то из всего этого вываливаемого на головы народа, нации, элиты информационного «душа»... э-э... что-то особенное — особенно ценное, относящееся к сути бытия народа, нации, государства, страны, мира в целом, к какой-то бытийно-исторической концептуальности — то ли локальной, то ли общемировой.

Так вышло, что русская мысль как бы не имеет ясно выраженных собственных истоков (типа какой-нибудь «Махабхараты»), ибо волхвическая мысль либо сама ушла в небытие, не будучи передаточно зафиксированной в ведах, то ли была сознательно стёрта разного рода «господами земли русской», включая и пришедших из Византии обладателей конечной-де Господней истины.

«Повесть временных лет» хоть и относится к Руси, но вряд ли может считаться первоизданным и достоверным достоянием собственно русской мысли. Так или иначе, но до петровской реформы мысль Руси существовала, не считая древних знаний в виде сказок, былин, песен, пословиц, поговорок, как мысль, скажем так, воцерковлённая, в чём-то богословская, в чём-то и выходящая за пределы византийского по сути богословия.

Иларионово «Слово о законе и благодати» можно рассматривать как факт православного богословия, а потому и русской мысли, но с той существенной оговоркой, что это в основе всё-таки не собственно русская мысль, а мысль византийская, высказанная на Руси, и не более чем с русским, может быть, оттенком.

То же самое можно сказать о многих русских-де произведениях, могущих быть отнесёнными к размыслительной категории, как, к примеру, тот же Сильвестров «Домострой», хотя в нём содержалось уже много как бы и светского материала, но всё-таки в основе пронизанного всё тем же религиозным византийством.

И учение монаха Филофея о Московском царстве как Третьем Риме, хоть и касалось политической стороны русского бытия, но всё же тесно соприкасалось со всё тем же византийским наследием.

Такой великолепный памятник русского слова, как проповедные писания протопопы Аввакума, хоть и возникли на русской общественно-религиозно-политической почве, но тоже не вышли

за рамки доминировавшей религиозной идеологии, а потому вряд ли могут рассматриваться как оригинальное русское мышлеизъявление.

Кто действительно попал в точку собственно русских размыслительных координат, так это, надо полагать, великий и до сих пор недооцененный на родине И.Т. Посошков — уже не совсем религиозный и ещё не вполне европеизированный, энциклопедически целостный, вполне и донаучный, русский мыслитель.

М.В. Ломоносов тоже стался великим русским мыслителем в гуманитарной сфере: его источную историю Руси можно вполне принять за *первоисторию* Руси-России, что остаётся важным и сейчас (у нас до сих пор «наука» начинает историю с первых слов заказной «Повести временных лет», а не с превосходного труда Ломоносова; как Ломоносову когда-то пришлось сражаться с антирусскими версиями российской истории, так и его современным потомкам приходится делать то же самое; завидная тут близорукость наших доморощенных византо-европеистов относительно начальных истоков Руси-России — по сути и факту не византийских и не европейских, а... *собственных!*).

После атаки Петра I на Русскую православную церковь, его активной европеизации России и ухода с размыслительной арены великого Ломоносова, отечественная мысль долгое время бытовала по большей части как либо ученический филиал европейской мысли, восходившей по преимуществу к античной (прежде всего греческой) мысли, либо как вроде бы русская, но весьма европеизированная мысль, чему способствовали в значительной мере намертво европеизированные учебные заведения и та же Академия наук Российской империи.

Пока не пришли так называемые славянофилы, пробившие немалую брешь в европеизированной, а потому и вторичной, отечественной мысли, ту самую брешь, в которую в дальнейшем

устремилась собственно российская мысль, увенчавшаяся в конце концов *русской софийной философией*.

18 (333)

Чем интересна для непредвзятого пытливого ума, мила русскому сердцу и ненавистна разного рода русофобам и «русодурням» сакральная *русскость*? Э-э, ответ тут насколько прост, настолько и безответен, ибо русскость интересна, мила и ненавистна как раз своей... *русскостью*, которая не просто вещь (от вести) загадочная, но и самая из достоверных тайн... тайна, лишь по воле Божественной Софии вдруг промыслительно раскрывающаяся избранным на русском просторе необычным человекам, как она раскрывалась когда-то Пушкину и Тютчеву, потом Достоевскому и Вл. Соловьёву, Данилевскому и К. Леонтьеву, а затем и плеяде блистательных мыслителей Русского Ренессанса рубежа XIX—XX вв. — не европодобного Декаданса, который тоже возымел тогда в России место, совсем нет, а именно Ренессанса, восходившего уже не к Античности, как это происходило в Европе, а к проторусской Древности, но, разумеется, уже пережившего влияние европейских Ренессанса и Просвещения.

Именно в это время заиграла во всей красе *русская концептуальная мысль* мирового значения и уровня, выдавшая на гора не только обоснование самобытности Руси-России и особенности её бытийно-исторического пути в единении со всем планетарным миром, но и вышедшая, с одной стороны, к Софии, создав русскую софийную философию и русскую философию хозяйства вкупе с софиологией (Вл. Соловьёв, Флоренский, Бердяев, С. Булгаков, М. Скобцева), а с другой — к ноосфере и космосу (Фёдоров, В. Вернадский, Циолковский, Королёв), что как раз и придало современной размыслительной русскости веры в саму себя, даровало возможность иного видения реальности с различением её апокалиптических моментов и апокатастатических

перспектив всего текущего бытия-истории, включая и российское.

Вышло так, что резко вспыхнувший русский концептуальный ренессанс, о котором здесь речь, был насильно погашен внедрившимся в Россию революционным марксизмом, а герои сего Ренессанса либо изгнаны из отечества, либо личностно угнетены, а то и вообще ликвидированы, хотя некоторым повезло ещё как-то проявить себя на пользу России даже и практически (В. Вернадскому, к примеру).

За границей русская мысль весьма активно продолжилась, что позволило ей глубже встрять в мировую мысль, но прежнего творческого горения уже не было, что вполне и понятно, хотя отдельные русские люди внесли значительный вклад в мировую гносеологию (И. Ильин с его политологией, П. Сорокин с его социологией, Н. Пригожин с его синергетикой).

В чём же, как сейчас всё более принято говорить, парадигмальная специфика русской мысли, чем она отличается от любой другой бытующей в мире мысли?

Русская мысль, о которой мы говорим, течёт, минуя, с одной стороны, Сциллу наукообразия, а с другой — Харибду, скажем так, псевдоэзотерического мистицизма, всё равного какого по конкретному исполнению. Это, безусловно, целостная, или интегральная, мысль, не игнорирующая никаких сфер и отраслей действительного знания, как и никаких векторов размышления, держащая главный курс по линии *реальной метафизики*, а в настоящее время — возрождённой после сциентического гонения и освобождённой от общефилософской и религиозной догматики метафизики — *софийной метафизики*, или *софиасофии*.

Можно позволить себе сегодня выразиться даже так: мысль, идущая по курсу *русской метафизики*!

Не более и не менее!

19 (334)

Ясно, что для научно-обыденного, как и для традиционного философского и для догматического религиозного сознания всё это звучит не только крайне самонадеянно, но и вообще совершенно недопустимо.

Какой вообще русский имеет право на своё русское-де самосознание, да ещё и творческое, мало того, с выделяющимся какой-то своей особостью гнозисом, претендующим на какую-то *русскую метафизику*, если не прямо, смешно сказать, на некую *русскую истину*?!

Какие-либо аргументации в пользу русской мысли как оригинального и весьма самодостаточного феномена гносеологической реальности абсолютно бессмысленны: нарочито слепой ведь никогда не прозреет! Так что приходится идти ва-банк: есть она, русская мысль, да ещё в вышеприведённой парадигмальной интерпретации — есть, и всё тут!

А почему есть? Разумеется, не по причине «мирового» признания, а по мотивам её соответствия реальности, включая бытующие в реальности метафизис, сознание, ноосферу, трансценденцию, то самое-самое, что и делает реальность реальностью, причём познающей и познаваемой при одновременной непознаваемости и неперенном её непознании.

Русская мысль, имея генетическую связь с неотмирной рускостью, всегда стремилась не столько к познанию реальности, сколько к её осмыслению, вполне с ней и солидарному. И все хомогенные перемены в зёмной реальности русская мысль тоже рассматривает как реальность, с которой надо искать более всего экзистенциальное согласие, а не только демиургический деловой баланс.

Софийная метафизика потому и софийная, что питается она не гностическим умом человека-демиурга, а премудростью Бо-

жией, как раз и являющейся главным предшествующим критерием для познания и действий человека, осмеливающегося смело и непристойно демиургировать.

Нам непременно возразят, указав на то, что Россия, мол, вообще бы ничего не дала миру, не случись петровской реформации и последующей за ней европеизации страны. Верно, ответим мы, Русь не была призвана к антихристову перевороту, совершённом в Европе и высвободившему демиургические силы на поле брани человека с Природой вообще и своей собственной природой тоже: Русь была и остаётся, несмотря ни на что, Авелевым краем, это Европа впустила в себя Каина, что не значит, что одно хорошо, а другое плохо — просто так было и так до сих пор есть!

Русь, когда-то бывшая «передовее» и «развитее» Западной Европы, действительно отстала от ренессансной Европы вследствие своей затяжной тяжбы с Ордой и была вынуждена, частично европеизировавшись, догонять эту последнюю по уровню промышленного, научно-технического, экономического, а в чём-то и культурного развития, при этом не только не допустив колонизации себя Европой, но войдя в состав решающих европейских держав, определявших не только свою собственную судьбу, но и судьбу Европы и даже мира.

Русский размыслительный ренессанс, о котором говорилось выше, случился в момент, с одной стороны, активного развития Российской империи, его новой волны, а с другой — концептуального угасания Империи, её нараставшего проигрыша Революции, рождённой и вскормленной как раз в Западной Европе.

Советский период — эпоха, с одной стороны, отвержения русскости, а с другой — завуалированного её использования, что дало возможность русскости выжить и практически весьма и весьма отличиться (СССР выручила именно русскость, как раз

именно им — Советским Союзом — под него и подмятая). Русскость даже марксизм постаралась превратить не просто в советский, а в русский марксизм. Забавно, не правда ли... если б не было так горько!

20 (335)

Что сегодня? Да, конечно, новый подъём русскости, чуть ли не нео-ренессанс. Это замечательно! Но какая же против русскости и её подъёма идёт борьба, что внутри страны, что за рубежом, разумеется, как обычно, оттуда — с Запада!

Русскость в новой против неё и за себя войне!

Ненависть к русскости зашкаливает на любом любознательском социоприборе — что нашенском, что заграничном.

Могучий вроде бы СССР со всем своим обширным соцлагерем не был так страшен друзьям, партнёрам, противникам, врагам, как Россия со всей своей поднимающейся русскостью — вот что особенно поразительно!

Марксизм — «ихнее» изобретение, впрыснутое в Россию имперскую и овладевшее на срок страной советской; да-а, вышедшее в сталинских железных руках из-под западного контроля, но хотя бы понятное, даже и как-то... управлявшееся; а вот русскость... э-э... это уж, извините, что-то *такое*, чего ни понять, ни унять, ни подчинить чьему-либо эгоуправлению (это даже не то же в общем-то понятное и довольно-таки управляемое православие — как-никак часть всемирного христианства).

Непризнание, игнорирование, незамечание русскости, как и её непременно обгаживание — вовсе не так вопрос незнания, неведения, непонимания, как вопрос всего лишь животной, если не звериной... ненависти — вот в чём тут самая что ни на есть гнусенькая заковылочка!

Причём и в коренной русской среде тоже!

Всё дело тут в... ИНОМ!

ИНОЕ!

Иное, которое мало что другое, так ещё и неизвестное ОНО, которое не очень-то нравится образованному классу, и, как минимум, им отвергается, а как правило, попросту ненавидится. С этим ИНЫМ ведётся вовсе не какой-то там весёленький хоро-вод со скоморошьими сомнительными затеями, а жёсткая, беспощадная война, пусть и «гибридная», хотя почему-то тяготею-щая к войне не просто горячей, а прямо-таки ядерной. Страшит отчего-то правильных-де землян эта проклятая ими давно уже русскость, хотя многих из них не страшит почему-то ни колони-альный евроамериканизм, ни затаившийся китаизм, ни амбициоз-ный исламизм. Лучшим примером здесь служит, конечно, «брат-ская» Украина (о других «братьях» можно тут и промолчать) — вот уж где к русскости ненависть так ненависть, причём вовсе не только среди ангажированной на евроамериканизированное ук-раинство элиты!

Неприязнь к русскости переходит и на русскую культуру, русский язык, вообще на всё русское, включая и русскую концеп-туальную мысль, хотя, положи руку на сердце, а при отсутствии оно-го хотя бы на лысый череп, где же на свете сегодня она — более актуальная, содержательная и адекватная реальности мысль, да ещё и свежая, живая, работающая, чем та, которая не-смотря ни на что поднимается сегодня во всего лишь частично освобождённой от идейного догматизма, если не застарелого ум-ственного идиотизма, России?

21 (336)

Технологизм ныне вовсе не одолевает, ибо он этого сделать не может по определению, а попросту убивает концептуальную мысль. И это никакая не ошибка — это... *текущее преступление!*

Образованное человечество прощается не просто с концеп-туальной мировоззренческой мыслью, оно прощается уже с мыс-

люю вообще. На место мысли приходит простая отборочная когнитивная операция, связанная с соединением-разъединением уже не смыслов, а информационных знаков, несущих с собой не более чем «да» либо «нет».

Математика с информатикой добились-таки своего: мысль исчезает в информационной сумятице, а вместе с этим аннулируются и смыслы, мало того — и всякая осмысленная словесность тоже.

Сначала Логос отделился от Софии (Европейский Ренессанс), а теперь вот цифра, она же и шифр, отделяется от Логоса (Западный Мортиданс).

Занятно, не правда ли?

Куда теперь податься образованному (цивилизованному) человеку от оцифрованного мира-хаоса, в котором он вынужден ориентироваться не с помощью сознания, словесности, смыслов, а лишь через посредство знаков, цифр, шифров, причём уже не среди *бытия как игры*, а прямо в *игре как бытии*?

Очень важный момент: *не бытие как игра* (жизнь как театр), а именно *игра как бытие* (театр как жизнь).

И податься образованному современнику от оцифрованного хаоса-бытия уже некуда, кроме какой-нибудь явной архаики, под которую попали нынче не одни только религии, но и все философии вкупе со всеми тщательно разработанными теориями.

А что русскость, может ли она ответить на вызов научно-технического времени как-то иначе, то бишь сохранив мысль человеческую, да ещё и в её концептуально-мировоззренческой данности?

Несомненной уверенности тут нет, но предощущение кое-какого шанса есть: не случайно же в русском мире образовалась софийная философия, вылившаяся в итоге в софийную метафизику постдогматического образца — *софиасофию*. Да и сама попытка сохранить, обновить и обогатить мысль как мысль через

критику технологизма с его тотальным информатизмом вполне заслуживает одобрительного внимания.

Да, мало кто сегодня желает и попросту осмеливается в России думать — не о своём текущем жизнеотправлении, конечно, а о бытии, жизни, мире, России, Боге, о той же Софии. Таковых, безусловно, единицы, причём вовсе не обязательно, что это «профессоры-учители» или академики-бессмертники. Ничего подобного! Есть среди искомых единиц и профессора, но как особое исключение, а вот академиков уже ни зги тут не видно (была ещё недавно парочка-троечка, да и та уже исчезла по естеству своему). Так что ежели кто на Руси сегодня и думает, то это разного рода доброхоты, у которых почему-то на душе свербит от желания что-то узреть незримое, понять непонимаемое, осмыслить неосмыслимое, чем-то добытым и как-то словесно оформленным поделиться с другими землянами, увы, лишь такими же, как они, наивными доброхотами.

Безразличие сегодняшнего большинства образованцев к фундаментальной человеческой мысли, да ещё и вдохновляемой Софией, трудно переоценить — оно вполне тотально, как тотальным стало у новых технологистов увлечение шифровочной «игрой в бисер», в уморительный «кубик Рубика», в разного рода системно-виртуальную комбинаторику.

И дело тут не столько в приходе технологизма с информатизмом, что неизбежно и неотвратно, сколько в уходе насовсем или в лучшем случае в резервацию концептуально-мировоззренческой мысли.

Факт!

Что есть, то есть!

И кажется, что это всего лишь что-то из передового прогрессивного просто обгоняет и оставляет за собой что-то из уже никому не нужного — архаичного, что это всё тот же процесс развития и совершенствования человечества, разумеется, не все-

го, но зато передового и прогрессивного, способного к демиургическому самовозвышению.

И здорово, знаете ли, кажется!

22 (337)

Впереди и в самом деле что-то для человечества неведомое, невероятное, невозможное. Апокалипсис — вовсе не одно только крушение, это ещё и преображение, но вот кого и во что — вопрос, на который нет ясного ответа. Тут уже не мутация, а какой-то качественный перескок — от человека к... постчеловеку, когда человеческая демиургия должна-таки завершиться *человеческой теургией* — *полным преобразованием человека человеком... в нечеловека*.

Не слабо, не так ли?

Да-а, считать сегодня ведические (волхвические) предания, в которых не одни ковры-самолёты и скайпоподобные блюдечки с голубой каёмочкой, но и разного рода превращения чего-либо одного во что-либо другое, причём без всяких на то ограничений, как и превращения самих человек во что-угодно... так вот считать сии предания просто досужими сказочками, сочинёнными от нечего делать долгими зимними вечерами — верх невежества, замешанного на псевдоинтеллектуальной гордыне. То же самое можно сказать и о Библии, включая дивно пророческий «Апокалипсис»: принимать Библию за чуть ли не обыденное мифотворчество — ничего не понимать ни в самой Библии, ни в Софии Премудрости Божией, ни, пардон, в софиасофии с философией хозяйства, да и вообще в метафизике, конечно же, софийной!

Много званых и знающих, да мало избранных и зрящих: шестое чувство, внутреннее зрение, вещее око!

Что может сказать о России тот же русский, не чувствующий и не обнаруживающий ни грана русскости в самом себе?

Ничего!

А как ему во мгновение ока узреть в сем грани русскости дпящееся из покон веку русское бытие, обрамлённое бытием России?

Да никак!

А ведь всё именно там — в этом сакральном грани, вся суть, всё бытие, вся история, вся, как модно стало говорить, русско-российская информация — о русскости, русском мире, о Руси-России.

Каково, а-а?

В этом грани запечатлён *русский код*, которым надо уметь воспользоваться, если, конечно, его почувствовать, принять, раскрыть, что, увы, удаётся немногим, да и то ведь как исключительный дар свыше.

Этакий *ключик* от бытийно-исторического ларца, полученный прямо от предков — через кровь, предания, архетипы, однако ключик, который даётся не каждому, хотя и может быть дан любому, но вот кому же?

Да-а, трудно быть русским, а уж русским избранником — попросту невозможно, ибо всё это русское задевает, морочит, душит, хоть при этом и вдохновляет, и просвещает, и утверждает.

Сколько умолчаний, искажений, замалчиваний, пробелов, иллюзий, лжи!

Где она — Русь-Россия, кроме бытующего виртуально наименования, какова она на самом-то деле, да и есть ли она вообще?

Жить в России, среди русских, в гуще русского мира, и в то же время хулить всё это русское, охаивать, поливать грязью, в общем — ненавидеть!

Почему, за что, с какой целью?

Сколько в стране русофобов, сколько недоброжелателей, сколько ненавистников!

И все они чего-то хотят, что-то от страны ждут, чего-то от неё требуют, чем-то пользуются и... обвиняют, обвиняют, обвиняют!

И не допускают мысли о возможности собственно российской мысли, пусть и византизированной, пусть и европеизированной, но всё-таки *своей* — *русской*?

А ведь тут неземной кладезь, в который заглянуть-то даже из любопытства страшновато, не то что почерпнуть из него чего-нибудь... *неожиданного*.

Страшно!

Ибо нет на свете ничего страшнее, чем *правда*, а там — в кладезе, уходящем далеко к истокам Бытия-Истории, как раз правда и сокрыта, не очень-то показываясь на людях — зачем тревожить их робкое сознание, занятое выживанием, процветанием, раболепством, карьерой, той же необъяснимой гордыней, в общем — обыденно-обыденной жизнью.

23 (338)

«Зачем ты пришёл к нам?» — обратился к бродячему проповеднику Великий инквизитор. — «Зачем ты нас беспокоишь?»

И в самом деле: *зачем*?

Ради истины вроде бы, но Великий инквизитор давно и накрепко связан со *своей* истиной, а другая ни ему, ни его партнёрам, соглядатаям и поклонникам не нужна. И умный инквизитор совершенно прав, отгоняя своими вопросами бродячего мыслителя — наивного, по-своему и глупого, как и не по-своему очень вредного: «О какой ещё уникальной, неотмирной-де, русскости ты собираешься тут глаголить, когда вопрос уже давно решён и никем из здравомыслящих вообще не поднимается: патриотизм — не русскость, а русскость попросту фантом, что не требует даже никакого доказательства, и никто вокруг не собирается класть голову за какую-то там русскость, которой нет, или уже

нет, и которая, если и была, никогда уже не воскреснет. Поди ты прочь и не смущай образованных людей своими фантазиями, они и так хорошо знают, что на свете этом есть всё, кроме твоей русскости, хотя должен заметить, ты, безумец, безусловно прав, но правда сия не для нас, не для желающих хорошего гешефта, недюженного комфорта и ладного покоя, пойми ты это и удались!».

Бродячий философ, кивком головы признав правоту Великого инквизитора, а по совместительству Президента наук и, неторопливо развернувшись после этого спича Президента-Инквизитора и медленно пошёл прочь — пережить, если Господь позволит, своё поражение и глубоко осмыслить в тишине только что случившееся.

«Всё это так, — думал бродяга, — он, конечно, прав, но что делать, ежели и я прав, может, и не я вовсе, а что-то совсем другое, вдруг вселившееся в моё сознание, отвергнув лживый «Ящик Пандоры», которому все вокруг поклоняются, да и я тоже немало ему послужил, и открыв однажды для меня ларец софийной мудрости — то ли на радость мне, то ли на горе, но явно не на удачу, а мудрость открытая, вдруг сойдясь в брачном союзе с реальностью, открыла мне мир таким, какой он есть и каким он непременно станет, если не возродится Россия и не упрётся уже на краю — пред всеобщей когнитивной погибелью, да и не отпрянет от сего мрачного края, уйдя к себе и в себя да на тот же Север крайний».

«Да, — продолжал размышлять удрученный бродяга, — бесполезно что-либо говорить, объяснять, втолковывать, ибо это и в самом деле никому не нужно, кроме некоторых, увы, необыкновенных особей, как то было с тем же Платоном, Христом или тем же С. Булгаковым, а потому нет ничего мудрее, как и в самом деле оставить их всех в покое — пусть доигрывают свой последний, уже совершенно виртуальный и вполне уже изнаночный,

маскарад, а мы уж как-нибудь побудем, пока Господь дозволит, в сторонке — никого не судя и судимыми никем не будучи».

«Все эти так называемые учёные, — не переставал размышлять, несколько успокоившись, незаконнорожденный мыслитель-софиасоф, — что-то, конечно, знают — из поверхностного, фактического, показного, но они не знают и не могут знать главного — метафизического, эзотерического, трансцендентного, не говоря о софийном, как раз не знают того, что, где и как в Бытии-Истории на самом-то деле и решается, но вот деятели-то исторические должны вроде бы что-то такое понимать... должны... и учитывать это, всматриваясь в зияющую реальность и принимая свои судьбоносные решения. Одного делового опыта тут недостаточно, надо проникать в опыт самой реальности, наполненной метафизисом, металогией, метасмыслологией, которые при этом все ещё и “крипто”, куда надо входить «татами ночными», и в которые надо проникать через своё постоянно работающее в познавательно-размыслительном ключе сознание. Здесь требуется не одно единение личностного сознания с сознанием общественным, что более или менее понятно, а и единение иносознания с “сознанием” самого Бытия-Истории, что не столь уже понятно, но что, тем не менее, крайне необходимо».

Побыв некоторое время в недоуменной прострации, наш герой-неудачник продолжил своё размыслительное бдение: «Надо думать большими (агрегативными, интегративными, целостными) смысловыми блоками, за которыми и большие деяния, события, свершения, происшествия, любые иные данности, включая перемены, сдвиги, реконструкции, как и всё то, что выражает либо “ход вещей”, либо “ход неизвестности”, но от чего никогда, никому и никуда не убежать, не скрыться, от чего не избавиться. Надо слышать негромкий, но плотный гул Бытия-Истории, причём и самый глубокий, никем ещё и не слышимый, как и рассчитывать на внезапные вырывы невероятности, на крутые разворо-

ты, повороты, вывороты, не тушуясь ни перед самым нежелательным, ни перед самым ужасным».

«Страх Господень не в обращении к Премудрости Божией, — продолжал терзаться мыслию бродячий неугодник, — даже не ошибка, а самое настоящее преступление, хотя выглядит это вроде бы умно, обоснованно и даже в глазах учёной публики совершенно оправданно. Однако есть она — *завязь мира*, восходящая аккурат к Софии Премудрости Божией, и от этой завязи и через неё реализуется мир Божий — как *Роза мира*, — и ежели человеку осознаниенному приходится демиургировать в этом мире, то непременно бы в согласии с Софией Премудростью Божией, чего как раз и нет, или почти нет, ибо человек ныне очень уж материален, животен и зверен, а вот София — *нет!* Вот откуда упорное игнорирование образованным интеллектом Софии, как и бездний страх людской перед нею, как и посильное антисофийное оправдание человека как человека самим же человеком, ну и неприятие человеком разумным любой софийной метафизики».

Так думал незадачливый русский софиасоф, хотя и хорошо сознавал всю обыденную нелепость своих грустных раздумий.

24 (339)

В жилище своё отвергнутый высоким обыденным интеллектуализмом горе-мыслитель вернулся неожиданно спокойным и, как бывало после каких-нибудь внезапных потрясений, возжелавшим вдруг поработать. Выпив чаю, он лёг на неубранную с утра постель, прямо поверх клетчатого одеяла, и стал писать, как обычно, карандашом, в нечто похожее на тетрадку, им сооружённую из вдвое согнутых листочков чистой бумаги.

Заповеди софиасофа

— Будь умён, сообразителен и раздумчив как змий, а доверяя людям, не доверяйся людям, особенно близким — они непременно тебя подведут в главный момент твоей жизни, не простив тебе твоей трансцендентной самости.

— Ничему *такому* не удивляйся, ибо это совершенно законное возмездие за твою самость и за всё, тобою содеянное, проделываемое ими против их же любящей тебя воли.

— Не суди их, ибо они закрыты, и не их в том вина!

— Не верь ни глазам своим, ни ушам своим, ни одному умному слову, ибо всё вокруг на самом деле *иное*, не видимое и не слышимое, как и не обословленное.

— *Иное* имманентно реальности, но скрытно имманентно, ибо оно-то и правит весь бытийно-исторический бал.

— *Иное* вне времени и пространства, как и вне слов, оно есть, но так есть, что его как будто бы и нет, ибо оно вне любой явленности.

— *Иное* — смысловой сингуляр мира, его — мира — смысловая потенция, источник мировых смыслов, их воплощение. И вся бессмыслица мира там же. И безумие тоже.

— *Иное* софийно, ибо София — премудрость, первоумудрость, протомудрость, причём не во времени, а в вечности, не в пространстве, а в несуществующей сингулярной точке.

— *Иное* человеком не познаётся, в него попадают — единицы, избранные самим Иным для Иного, вовсе и не счастливы, хотя и не страдальцы, а так — страстотерпцы.

— Осмысленный смысл, или мысль о смысле, — тяжкая ноша, иной раз и гибельная — как для её носителя, так и многого окружения.

— Бытие-история делается человеком — как уж это у него получается, но оно делается и самим собой — в виде «хода ве-

шей», от человека независимым, а также ещё делается непременно *Иным*, или «ходом неизвестности», — неожиданно, внезапно, невероятно.

— Понимать как-то ход Бытия-Истории — учитывать всю троицу его главных ходов, трепыхаясь умственно в сети смыслов и кувыркаясь безумно в трясине бессмыслицы.

— Внизу — хаос,верху — космос, на земле же у человека — хаосмос (не хаос и не космос, но и не хаос с космосом, а... середина, вполне, надо полагать, и золотая).

— *Иное* творит через хаос, делая и его творящим, и не доводит человека до космоса, поддерживая жизнь, сознание, социальность, не забывая о тщетности, сроках, убывании и смерти.

— Мир насколько физичен — *физис*, настолько и метафизичен — *метафизис*, а по значению метафизис круче физиса, ибо от него всё в мире и идёт.

— Человек и его бытие — эксперимент, но не так в плане прикладного опыта, как в аспекте вольной импровизации, отчего и безумие, и бессмыслица, и все несурезицы с нелепостями. Какая же без всего этого весёлого и отчаянного негатива может быть вольная импровизация!

Философ явно подустал размышлять, сознание его несколько притуманилось, глаза невольно прикрылись, и он задремал, удовлетворённый, а в мозгу его, отключающемся от яви, крутилась невольная мысль: «Что-то ещё... что-то ещё... что-то... надо бы... ещё...», а вот что, он пока не знал, хотя и знал, что это *что-то* непременно придёт при его внезапном пробуждении.

25 (340)

«Ах, да-а... современность... надо что-то сказать о современности», — быстро осознал вдруг проснувшийся от краткого полусна недюжинный мыслитель, ибо самостоятельным был, с головой погруженным в открытую софийность, а не в замкнутые на себя учения — хорошие, но стиснутые логикой ради логики и догмами ради догм, а тут, понимаешь ли, везде не логика и не догмы, а сам чёрт не знает что!

Что же?

Мудрец взял карандаш и продолжил своё неторопливое писание в ученической тетрадке.

Мысли софисофа о текущей реальности

— Рубеж I и II тысячелетий от Р. Х., или XX и XXI вв. — время очень большой, прямо-таки мирозданческой, перемены, как эпохальной: от Модерна к Постмодерну и за него, так и мировой: с Запада на Восток, как и на Юг с Севером, как раз через посредство мирового, но при этом и межмирового центра — России и сопряженных с ней, скажем так, субъективированных территорий (не стран, не государств, не народов, а именно территорий, на которых и страны, и государства, и народы).

— Зёмный мир сегодня — мир из миров, как передового, но уже и апогейного Западного мира, так и остального мира — отставшего вроде бы, но энергично возвышающегося, который в свою очередь состоит из возрождающихся, возникающих, укрепляющихся и идущих вперёд миров, сопряжённых с той или иной традицией, как раз в отличие от Западного мира, уже порвавшего с традицией или её так и не заимевшего, как, к примеру, те же США, Австралия или Канада (исключая, видно, Японию, хотя...

как сказать, ибо и она тоже стремительно уходит от традиции, окончательно вестернизируясь).

— Зёмный мир сегодня целостно меняется, вполне и тектонически, и сию большую перемену мир избежать уже никак не может: от мира с концепцией и конфигурацией «А» к миру с концепцией и конфигурацией «В».

— Никто из ныне передовых на Земле субъектов уходит в тень или в небытие не хочет, как и никакой из поднимающихся субъектов не собирается отступать.

— *Большая тут общемировая коллизия!*

— *Мир-кризис!*

— Но и *мир-война* тоже!

— Большая миропереустроечная страда — дай бог, чтобы мир её пережил, перестроившись с модели «А» на модель «В».

— Если модель «А» обязана единоличной гегемонии США, окружённых союзным им Западом, то модель «В» лишь в проекте, да и то более всего самой по себе планетарной реальности — через многоцентровый (многополюсный) мир, — хватит ли на весь этот переход к новой модели, которая пока ведь и «Х» (неизвестная, хотя и возможная, данность) ума, терпимости и хладнокровия у зёмного мира, довольно-таки уже обезумленного, нестерпимого и взрывного?

— Трамп может обозначить, как это уже сделал глава Российской Федерации, желание новой конструкции мира и возможность движения к нему, но хватит ли у Трампа мудрости, воли и попросту удачливости, хотя за него — за Трампа — уже происходящий разворот мира, чему лучше умно и дальновидно покориться, чем неумно и близоруко противодействовать?

— Как Америке пережить сие самоунижение — добровольно-принудительно распрощаться со своей общемировой гегемонией, наверное, по примеру СССР с его внешне бездарной, но оказавшейся вдруг неизбежной, перестройкой и последующей

глобалической реформой — вовсе не в ближайшую пользу страны!

— Россия для Америки не могучий партнёр-противник, какими были те же США для СССР, — теперь всё по-другому — США более всего сами перед собой.

— Однако Россия — пример большой перемены.

— Воспользуется ли Трамп поддержкой России — не прямой, естественно, и не физической, а конспиративно-метафизической, как бы и идейной?

— Америка ведь уже в гражданской турбулентности, да и на грани распада.

— Трамп — спасительный шанс для Америки, который она вряд ли поймёт, примет и выдюжит: безумие элиты и бессмыслие населения зашли слишком далеко, — вот она расплата за мировую гегемонию, безудержный финансизм, массовые потребительство и элитарную праздность, просто «народную лень», разлагающие «меньшинства», неуёмный феминизм, дерзко-дурацкое искусство, ложный по преимуществу Голливуд, лживые mass-media, вообще за весь американский, вполне и тлетворный, *постмодерн!*

— Римский Карфаген, или карфагенский Рим, в образе глупой Америки должен быть разрушен — самой же Америкой!

— А Европа, уходя «под воду», под саму себя, чуть ли не в тартарары, пытается спастись через возврат к традиции; Англия сбежала с тонущего европейского корабля, но куда ей плыть-то, не разделив судьбы «Титаника»?

— Китай заново матерееет, наливаясь драконовой силой, ожидая на жёстком татами заносчивую и изнеженную Америку, теряющую свою магическую мощь; Индия тоже не спит, управляя скованные члены и зорко вглядываясь в будущее; исламский Восток бурлит, вступив в бессрочное и беспощадное сражение с Западом — его кровным обидчиком.

— В мировые экономические двери стучится большая финансовая катастрофа, которая покончит с гегемонией волшебного виртуального доллара и даст дорогу новой научно-технической революции — уже «цифровой», которую подхватит уже весь мир, если уцелеет, да и удачно с нею перестроится.

— Сегодня всю уже просится большая общемировая войнушка на уничтожение одного из полумиров, но она и невозможна из-за угрозы уничтожения всего мира в целом!

— *Армагеддон* — потребность, мечта и глухое отчаяние!

— А выход где? Он в тяжком, затяжном, целостном перерабатывании мира самим же собою, в некоем самоперемалывании — прямо в беспощадных жерновах мегаБытия-мегаИстории.

— Всякое возможно, всякое, а потому лишь один тут ориентир — на Софию, если это хорошенько осознать и ежели она — София — это дозволит!

— Бенефициаром станет тот геостратегический субъект-вершитель, который сможет не только противостоять клокочущему от удали, успеха и гнева *антимиру*, но и одолеет его.

— Борьба с разгулявшимся постмодерновым антимиром — основная задача современности, а вовсе не очередная научно-техническая революция: второе без первого мир никак не выручит!

«Да-а, — подумал несколько подуставший и обескураженный от собственных мыслей софиасоф, — о современности можно говорить и говорить. Бездна! А всё ведь оно — *Иное* — которого вроде бы нет, а которое прямо-таки здесь — в миру, мало того — работает, работает, работает...».

26 (341)

Пришло вскоре время снова засесть за рукопись удручённому окружающим, а главное — вполне и дружеским, невниманием софиасофу. И вышло у него нижеследующее.

О Европе

— Неверно, что Европейский союз, этот наследник Европейского экономического союза, создан ради мира в Европе, чтоб никто в Европе друг с другом не воевал, — это под НАТО-американским-то бдительным оком — кто б осмелился? Да и у кого в Европе нашли бы силы для новой войны?

— Европейский союз возник как практический прообраз новой европейской империи, а также как очередной, очень всегда в Европе желанный, призрак Римско-Карфагенской империи, покорно стоящий в очереди за ушедшими в небытие Папской империей, Священной Римской империей незабвенного Карла, за Французской империей блистательного Бонапарта, за тысячелетним Рейхом бесноватого фюрера, в общем — за всеми предшествовавшими попытками имперского объединения Европы, включая в него даже непутёвую Россию.

— ЕС — не слишком удачная попытка создать на добровольной-де основе новую всеевропейскую империю, — вот и всё!

— Великобритания, сама реальный призрак бывшей реальной империи, сбежала не откуда-нибудь, а из проекта новой европейской империи, из ЕС.

— Сегодня ЕС в воистину разрывном напряжении: уцелеет Союз или ему уже близится конец — вопрос близкого времени.

— Расчленение Югославии, бомбардировка Сербии, албанизация Косова и его отделение от Сербии, разгром Ливии и ещё

кое-какие преступные прегрешения аukaются Европе коварным для неё возмездием.

— Антироссийская позиция тоже, но даже не против России как таковой, а против тех же русских на Украине, против русского мира вообще — непростительная псевдоимперская «ошибка»!

— Европа, отдаваясь всё более дьявольскому антимиру в политике, культуре, образе жизни, активно суицидирует.

— Набирающий силу и обороты евроскептицизм, как и трампизм в США — шанс для Европы, её спасения, но... очень уж много тут всяких «но» — не поздно ли, удастся ли, ибо *Иное* уже развернулось против Европы, как, собственно, и Америки, а кто и что может поделаться против *Иного*?

— Европа, снабдившая мир христианско-антихристианской идеологией и культурой, а также экономизмом, индустриализмом и научно-техническим прогрессом, не считая империализма, колониализма и фашизма, уходит с актуальной и действенной бытийно-исторической арены: «Мавр сделал своё дело, мавр может уйти!».

— Европа растеряла свой концептуально-политический интеллект, а вместо европейской консолидации получила ослабленный брюссельский конгломерат, подтачиваемый наднациональной — европейской-де — бюрократией (странное это дело — «чистый менеджмент», пекущийся более о себе, чем о той же Европе).

— Объединённая Европа не смогла дать ничего даже сравнимого с национальными культурами, как раз и давшими миру продуктивную Европу; Объединённая Европа зато выдала Европе... антиЕвропу, как раз и занявшуюся похищением Европы; сегодня в Европе не так кризис ЕС, как... катастрофа уже самой Европы — как концептуально-культурного очага всемирного, если не космического, значения.

— В Европе уже нет собственно Европы, а есть параевропейская поляна для комфортного, если не роскошного, пребывания расслабленного гедонизмом... э-э... чуть ли уже не постчеловека, вовсю при этом теснимого прибывающими откуда-то варварами, ещё не растерявшими исходного естества с его звериным чутьём в адрес жирной поживы.

— Европа, когда-то эксплуатировавшая весь мир, пришла в итоге своей великой войны, послевоенного материально-технического подъёма и нараставшей постмодерновой антимировской экспансии к оригинальному суицидному состоянию, позволяющему агрессивному и паразитарному внешнему естеству эксплуатировать уже её саму — великую, славную и недостижимую-де Европу!

— Конец, а вовсе уже не закат, как было у Шпенглера, Европы — конец всемирного значения *европеизма*; на смену ему идёт уже что-то другое, но не восточное в привычном понимании, а... да-да... *российское*, однако с условием его непредвзятой *софийности*.

— Прискорбный казус с Украиной как кандидаткой в ЕС наряду с «приёмом»-де в ЕС бывших парасоветских и парасоциалистических сателлитов, невозможных к беспроblemному ни существованию, ни перевариванию кем-либо из «великих» — ярчайший показатель онтологической несостоятельности ни ЕС, ни современной Европы (трудно придумать что-либо более безумное, чем всё это «дрангнахостенное», понимаешь ли!).

— Ещё страшнее, конечно, возмездническая исламизация толерантной, постмодерновой и антимировской Европы, означающая уже не похищение буйной Европы, а покорение вполне

уже покорной Европы: сколько бы ни повторял Брюссель: «Европа, Европа...!», а Европа-то исчезает на глазах³.

— Европе потребно немедленное взаимодействие с Россией, которое могло бы лечь в основание *большого панъевропейского компромисса*, может, и спасительного для ЕС — в случае, разумеется, разворота Европы к самой себе, но уже по альтернативной нынешнему ЕС траектории, близкой евроскептицизму.

27 (342)

«Да-а, — подумал неприкаянный мыслитель, — а без России-то тут явно не обойтись».

Россия: terra incognita

— «*Неизвестная земля*». Факт! Кто и что знает что-либо достоверное о России, её сути, идее, бытии, истории? Никто и ничто! Даже о настоящем, происходящем непосредственно вроде бы на глазах и при ушах. Никто и ничего! *Terra incognita!*

— А кто и что может сказать о будущем России, даже и о ближайшем?

— Любое праведное суждение о России, не говоря о правдивом, подлежит критике и отрицанию, как и, разумеется, осмеянию, но только не критическое, не отрицательное, не разоблачительное. Кто и что, кроме немногих русских богоугодных праведников, может сказать что-то доброе о России как о людском скоплении, о государстве, о стране? Даже великая отечественная литература почти не находила добрых слов в адрес Родины — по разным причинам, включая и самые что ни на есть патриотические. Советская пропаганда тут не в счёт, ибо в одной ипостаси

³ Вот Европа уже и зашевелилась, пытаясь найти спасение в проекте Соединённых Штатов Европы для коренных западных европейцев и в обретении собственной европейской армии. Получится ли?

своей она вроде бы похваливала Русь-Россию, а в другой-то ведь зажимала и хулила её, как могла.

— Неудобно как-то образованным по-европейски и воспитанным на великой антирусской литературе «русичам» открыто и позитивно говорить о своей-де родной стране, к ним вовсе и не доброй, а уж всяких злопыхателей поминать, что грязный половик трясти.

— Так вот и бытует Россия, неся в своём метафизическом чреве большую о себе неизвестность, исключая, конечно, известность негативную, которой вблизи чрева её в избытке.

— Не от мира сего Русь-Россия, а потому она и не известна, не по правилам бытует, не к тому стремится, да и живёт как-то коряво, несуразно, если попросту не гнусно.

— И впрямь ведь так: Россия не для нервных слабаков и не для улыбчивых гедонистов; в войне, в трагедии да в лишениях ей как-то сподручнее, чем в мире, уюте и довольстве.

— Россия — *мистерия!* Сама по себе и сама для себя. Она же и *ад*, правда, не тот, а этот — зёмный. Почему так, никто не знает, хотя кое-кто и догадывается, что здесь какой-то мощный, космического ранга, первозданный конфликт — между этим миром и миром иным, как раз тем самым миром, ради которого и есть Россия.

— Россия и Иное — не полная вовсе органика, скорее, наоборот, но Иное сидит-таки в России, а Россия, не находя от этого себе покоя и брёдя Иным, ищет выхода из затяжного многовекового безысходья.

— Тут беда России, её бытийно-историческое тягло, но в этом и закалённая сила России, её надежда, а пока — *великая беспредельная странность*, включая и почти безотчётную (незнамо за что?) любовь к России. Безумие — великий вроде бы порок России, вполне и врождённый, но это и её достояние, если не достоинство, как раз то, что даёт России возможность быть

недостижимой ни для кого незнакомкой и совершать что-то совершенно немислимое, если не совершенно бессмысленное — на взгляд любого слишком уж умного что изнутри, что со стороны свидетеля.

— Не разгадать никому гадкой России, не смоделировать её безобразие — безумная тут хлещет импровизация, вдруг обращающаяся для России столь же безумным преимуществом.

— Ни понять, ни ухватить, ни покорить, ни раздавить её — Россию, и остаётся то ли терпеть, то ли надеяться, то ли даже во что-то верить, может, и в неё саму — Россию!

— Не надо ждать от России ничего такого, чем живёт и чему радуется мировая, включая и российскую, обыденность, ибо Россия не для этого мира, хоть и бытует в нём, а для иного мира, в котором никто и никогда бытовать не будет, но к которому Россия, тем не менее, стремится.

— *Миссия!*

— Сегодня, в январе месяце 2017 г. — года столетия бешеной русской-де (а по сути-то антирусской) революции, Россия уже не просто поднимается, а, поднимаясь, *творит* — и не одну лишь *новую Россию* (как раз отошедшую от итогов столетней давности революции и обратившуюся в новой обстановке к самой себе), а и, пардон, *новый планетарный мир*, уже постевроамериканский, хотя и в меру глобализованный.

— Что и как творит (или, быть может, вытворяет) эта бесполовая Россия, разрывая пути постмодерновой, глобалической, евроамериканской современности, куда же она, зараза, идёт?

— Ха-а, если б знать, если б знать, но ведь идёт и творит, мало того, творит и идёт!

— Игрок она, как и все на геостратегическую игру способные, но игрок, уж простите — *ключевой!*

— Не так даже великая держава, хотя она и великая держава, а именно... *ключевая* — КЛЮЧЕВАЯ ДЕРЖАВА! Что же за звание такое?

— Не могущественный мировой лидер, не высший для всех пример, не главный в мире архитектор, а всего лишь... обладатель ключей, но ключей-то от нового мира, который сам по себе почему-то не устроится, а, если ему посчастливится, лишь с поворотами волшебного в руках России геостратегического ключа, — вот она, суперзагвоздочка уже былой современности!

— Никто, нигде и никогда этого не поймёт и не объяснит, ежели не признает софийной метафизики России, а признать это никто, нигде и никогда не то что не сможет, а попросту не захочет, кроме разве бытующих ещё где-то законспирированных волхвов.

— Однако само по себе такое признание не так уж и важно, ибо тут решает Иное, сидящее зачем-то в России, мало того, в ней всё и решающее, не взирая на Россию фактическую — безумную, бессмысленную и безобразную!

— *Иная Россия в бытийно-исторической России* — сидит себе и работает — ради Иного!

— Да ещё и с магическим ключом от всего мирового будущего в своих несуразных руках!

— А в чём тут дело? Просто в том, что для себя и только для себя Россия в отличие от США до Китая, ничего из благого, кроме света для всего мира, не требует, ибо, увы, бескорыстна. За правду с корыстью в уме не постоишь!

— А Россию в России ведь никто так и не заметил — никто! Только Трамп, может, что-то заподозрил, но он не друг во все, что и хорошо, а вот на какое же судьбоносное деяние его хватит, ибо за ним-то... *корысть?*

28 (343)

«Да-а, — глубоко задумался горе-софиасоф, — ну и «ситуасьон» ныне в мире — *мире перемен*, — страшно, аж жуть!»

Запад во главе с необычной головой Трампа кое-что всё-таки понял: продолжение политики силового доминирования в мире самоубийственно для ЕвроАмерики и её грешных сателлитов вроде Австралии и Канады, ибо затратно, неэффективно и «бумерангово», опять же очень почему-то энтропийно, да и никто в мире уже Запада не боится, более того, остальной мир, становясь всё более и более антизападным, переходит (готовится или уже перешёл) в наступление, ловко используя обнажившиеся проблемы уже стареющего колосса.

Россия лишь передовой отряд, впрочем, нет, не передовой и не отряд, а первый по значению и роли игрок — наследник сверхдержавы и неудавшийся партнёр Запада. Ожидать от России полуколониальной покорности — бездарная ошибка Запада! Что-то другое, видно, должен предложить России Трамп; конечно, не союз, но, может, и в самом деле некое суверенное партнёрство.

Россия безо всякой большой войны, а лишь ловко обнажив острый меч, выказав миру верное слово да выставив слегка пред миром национальную гордость, кардинально изменила ситуацию в мире, пусть уже объективно и подготовленную, — и сделала это всего лишь не *правильным*, но *праведным поведением*.

Россия как таковая — не враг Западу, хотя и не беззаветный друг тоже, это — партнёр, однако в интересах не так Запада, как в своих собственных. С Россией Трамп будет явно договариваться: в её руках ведь ключ от будущего! От России же — внимание, осторожность, сдержанная игра!

Китай для Запада — не Россия, которая хоть и не вполне Запад, но совсем и не Восток, хотя она там и там; Китай — мало что Восток, это ещё и Китай, жаждущий, в отличие от России, и

кое-какого исторического реванша, да что реванша — великого вхождения в будущее, прямо в зёмное поднебесье; России не нужна никакая гегемония, кроме гегемонии как раз самой над собой, а вот Китаю... э-э... тому-то кое-какая гегемония прямо-таки как воздух — в мире, а то и над миром!

Это-то и уловила, надо полагать, умная голова Трампа, переклотившего своё имперское внимание с России на Китай — вот где враг так враг, — и не потому, что китайцы плохи, а потому, что они... *китайцы*, то бишь совсем *другие* земляне, не то что те же строптивые русские, вдоволь похожие на самих американцев, а вкрадчивые, трудолюбивые, целеустремлённые, совсем не американцы и даже не индийцы. За Китаем — *мировая экспансия*, вовсе и не имперская, не лидерская, а населенческая, проникающая, обхватническая.

Что может Америка противопоставить Китаю?

Попервах, конечно, саму себя, реально укрепившись, а вот во времени, увы... *ничего!*

Ах, эти глупцы из четвертьвекового гегемонического процветания Запада, оставшегося один на один уже не с СССР с его соцсистемой, а со всем миром сразу, казавшимся Западу окончательно им ослеплённым и вполне уже покорённым!

Какое роковое заблуждение, какая бездарная вера в доллар с его долговой и кабальной финансовикой, в технологический прогресс, в армию с её базами по всему миру и с оружием массового поражения, в ловкую дипломатию со вспомогательной агентурой по всему миру, в американский образ жизни и всесветский Голливуд с Мадонной впридачу!

Вот она — *расплата!*

Далеко не все это на Западе понимают, а проницательная голова Трампа, кажется, кое-что всё-таки поняла. И не только это — она поняла и кое-что пострашнее — что ЕвроАмерика крепко больна, пожалуй что, и неизлечимо, во всяком случае, без

большой оздоровительной встряски вряд ли что теперь с нею получится.

Антимир заполонил Евро-Америку настолько, что выбраться ей из-под него почти что и невозможно, — и на какое же спасительное чудо может рассчитывать ЕвроАмерика?

Разве лишь на проект под кодовым наименованием «Трамп»?

Что же это за проект?

Нет, конечно, не вместо Большого проекта, вот уже полтысячелетия осуществляемого ЕвроАмерикой, ибо ни Европа, ни Америка выйти из него не могут, что и доказали показательные поражения Бонапарта, Бисмарка (его последователей), Гитлера с Муссолини, да и самого товарища К. Маркса, не говоря о Ленине со Сталиным.

Проект «Трамп» — не более чем субпроект в пределах Большого проекта, так сказать — коррекционный проект, однако подлежащий исполнению уже не идейными романтиками вроде Обамы, а жёсткими концептуальными прагматиками вроде Трампа, причём из поколения послевоенных и даже совсем недавних нуворишей с миллиардными рейтингами, осознавших, что не может быть ни целого мира для ЕвроАмерики, ни ЕвроАмерики для целого мира, а может быть только переделанная и укреплённая ЕвроАмерика посреди мира, однако всё-таки первая, высшая, лучшая, если не попросту блестящая.

Тут уже проглядывает новое видение ЕвроАмерики, как и всего мира, включая и новый американский доллар — вполне уже реальный, а не фиктивный.

Трамп выбирает мощь, силу и авторитет Америки без траты мощи, силы и авторитета Америки в пользу кого бы и чего бы то ни было, а если уж сей траты не избежать, то только в угоду самой Америке.

Трампа — сначала *националист*, а уж потом глобалист, да и то в меру. Глобализм, конечно, не закрывается им насовсем, но он теперь более во вспоможении, чем в ударе (и в угаре тоже).

Первенство Америки — таков козырь Трампа, а «Трампа» по-английски как раз «козырь» и есть. Потому и надежда на выигрыш качества в мировой геостратегической игре — через следование отстающих стран американскому совершенству!

Однако нынешнее положение Америки и дела её текущие, прямо скажем, неважные, ибо источается она внутри себя, рассыпается, разделяется, а также испаряется вдруг как всемирный гегемон прямо на глазах изумлённого человечества.

Россия с её главой вовсе не причина ослабления Америки, этого сказочного Голиафа, хотя, может, и выполнила роль библейского Давида, попав выпущенным из правды едким словом прямо в третий мистический глаз заокеанского «партнёра», не поразив его вовсе замертво — задачи такой не было и быть не могло, а всего лишь выведя Голиафа из равновесия, точнее выведя на собственное же неравновесие, заставив весьма и вовсе не трепетно зашататься и... нет, не рухнуть вовсе во прах, ибо впереди ещё Трамп со своим недюжинным — да вот не тщетным ли уже? — шансом.

29 (344)

«Ничего, — размышлял, проснувшись от безысходного сновидения, бедный софиасоф, — когда-то ведь не признавали ни Трансмегиста с его герменевтикой, ни греческой философии, ни Христа с христианством, ни тех же волхвов и гностиков, да мало ли ещё кого и чего старательно отвергали, клеймили, высмеивали, как и сейчас не признают, искажают, поносят, а мысль-то человеческую, рождённую Богом и обогащаемую Софией не останавливать, а потому и признают в итоге, и пользуются, и даже восхищаются... как раз когда-то отринутым и порицаемым, так что

когда-нибудь придёт и очередь софиасофии вдруг стать понятой, принятой, потребной, ибо как же без неё — без Софии-то, хотя историческое время неумолимо сжимается, его всё меньше в распоряжении ещё думающих землян, оно всё менее к Земле лояльно».

«Легко сказать, что мир сегодня как-то по-особому турбулентен, если не хаотичен, — причём не в физическом выражении, не в резком движении своём, что понятно, а в метафизисе своём, в головах людских, в мыслях человеческих — о мире, о человеке, о будущем, ибо накатила неотрадно на сознание человеческое неизвестность, она же вроде и трансценденция, причём более всего созданные уже самим же человеком-демиургом, и всё смешалось в головах, заиграло бешено, а где беглое смешение и игра без правил, там сразу и мертвящая белизна, и предательская прозрачность, и бессильная пустота, в общем — *ничто!*»

«Вот они — *минуты* роковые, они же часы, дни, месяцы, годы: всё вроде бы хорошо у человекообразных, особенно у передовых, деловых, хватких, а что-то всё равно не так — *тотальное экзистенциальное беспокойство*, сопровождаемое у кого душевным и умственным оцепенением, у кого же, наоборот, чуть ли не паникой, так или иначе — экзистенциальное расстройство, атакуемое интернетом, электронными играми, музычкой, мобильниками, фитнесом, гламуром, туризмом, автогонками, байкерством, пьянством, ничегонеделаньем, хандрой, да мало ещё чем.

Знамение предательского времени — всё вроде есть, а пока, увы, нет!

А в чём же тут дело? В уходе Софии из бытия и заполнение освобождаемого ею места антисофией. Вот, собственно, и всё!»

«Софиасофия — не только не учение, не идеология и не образ жизни, это — некая пронизывающая сознание субстанция, или сознание в сознании, делающая сознание софийным — что

позволяет сознанию видеть, открывать и понимать себя, как и весь экзистенциальный контекст, по-особому трактовать человека, жизнь, бытие, хозяйство, историю, культуру, цивилизацию, государство, да мало ли ещё что, главное — проникать в суть, ощущать движение мировых недр, эссенциально (смысловó) оценивать и трактовать прошлое, настоящее и надвигающееся будущее, замечать невозможное, сопрягать реальность с трансценденцией, привлекать неизвестное, не страшиться Великого Неизвестного, быть с Богом и с Софией.

Однако это не всё: софиасофия не только субстанция в сознании, его принадлежность, — конечно, далеко не всякого сознания, а весьма и весьма редкого, — это ещё и субстанция Бытия-Истории, ибо без мудрости Бытию-Истории тоже ведь никуда, а тут ещё и без мудрости мудрости, как раз без софиасофии. Разумеется, это связано с сознанием, им обусловлено, но «держится» и вне сознания, непосредственно в среде Бытия-Истории, которое ведь тоже «мозг», оно тоже «думает» и тоже решает.

Софиасофия практическая — тот ещё феномен!

Не сплошняком, конечно, но местами такая вот стихийная софиасофия вполне бывает в экзистенциальном приоритете: в семьях, коллективах, сообществах, что делает носителей софиасофизма по-человечески чуть ли не совершенными. Что же касается больших социумов, то в них софиасофия если себя и проявляет, то более всего частично и как бы мерцающая — то есть она где-то и по какому-то поводу, то её вдруг и нет, то она внезапно возвращается, а то и надолго или совсем пропадает.

Хотя и бывают моменты, когда софиасофия явно оказывается в ведущем приоритете даже в большом социуме — чему примером может послужить тот же СССР послевоенного времени — не более, правда, четверти века весьма добротного бытия и явного процветания».

30 (345)

«Да-а, — записывал не слишком-то довольный своими текстами мыслитель, — всего каких-нибудь четверть века, — аккурат по Н. Кондратьеву (жертве сталинизма), отводившему на социохозяйственное процветание как раз двадцатипятилетие — не более, с последующим двадцатипятилетием застоя, а то и деградации, с назойливо и долгим кризисом».

«Нет, не зря был помянут именно послевоенный период бытия-истории СССР, именно тогда софиасофия удачнее всего вписалась в жите страны, испытавшей после десятилетий невероятных происшествий, тяжких напряжений, непомерных лишений, массовых репрессий, как и, разумеется, массового самотверженного труда вкупе со страшной по античеловечности и людским потерям Великой войной... э-э... страны, заполучившей вдруг весьма софийные общежитие, труд, творчество, разного рода достижения и победы, включая и невероятный прорыв в космос. Да-а, всё это случилось после переворотов, выворотов, колоссальных жертв, но... ведь случилось же!

Ничего подобного не было и никогда уже не будет: *человеческий социум и людская жизнь*; когда один ценит другого, а все другие — одного; не богато, но и не бедно; с полной уверенностью не только в завтрашнем дне, но и в отдалённом будущем; с любовью к Родине, уважением соотечественника, приоритетом товарищества; бескорыстно, по совести, морально.

Зачем об этом? Ради не одной лишь правды, хотя это и важно, а чтобы обратить внимание на три момента: 1) всё-таки *это* реально было; 2) длилось это лишь четверть века, а это ведь не более, чем *миг!*; 3) на большее время уже духа не хватило, пошли эрозия, порча, гниение, а верх в стране взял-таки *антимир* со всем своим дьявольским негативом — что внешним де облагороженным, что внутренним — вполне и обезображенным.

Софийность уступила-таки место *антисофийности* — аморальной, растлевающей, коварной, уродливой, разнузданной, безумной, но при этом и решительной, радикальной, действенной, даже и весьма умной, расчётливой, рассудочной.

Мало того, что зло сохранилось и дождалось своего ренессансного часа, оно ещё и получило благоприятствование для своего взлёта и неудержимого расцвета прямо в среде софийного народного бытия, — вот что было тогда особенно поразительно!»

«Сегодня уже нет, — продолжал записывать слегка расстроенный софиасоф, — совсем уже не поразительно, хотя и очень, очень грустно!

Выходит, что хомо-социумный позитив, вполне и софийный, возможен, причём то ли как результат, то ли как противодействие большому насилию, тяжким испытаниям, даже и массовому кровопусканию (неважно, по каким конкретно причинам, а просто как апокалиптический жертвенный выплеск), но он, этот позитив, не только не может стать долговременно воспроизводимым, но и не может не дать дороги своей негативной противоположности, в нём — позитиве — инкубационно наливающейся силой.

В человеке и социуме всегда наличествует заряд античеловечности и асоциальности, в благоприятный для себя момент лишь расцветающий своим махровым (чертополошным) цветом.

Что это за момент? Надо полагать — *момент усталости от позитива и даже нарастающего от него неудовлетворения*: не могут человек и социум продержаться более одного по факту бытийно-исторического поколения, на которое как раз и выпадает ни с того, ни с сего миссия несения в себе и на себе хомо-социумного позитива — как во времена тяжких испытаний и больших потерь, так и во времена отдохновения, миролюбия и наслаждения жизнью, трудом, творчеством, а также товариществом, солидарностью, взаимопомощью, вообще всем позитивно человеческим и социальным.

Софийное бытие — для сильных духом, целостно себя держащих, самоотверженных, а вовсе не для слабых, эгоцентричных, уродливых, авантюрных, как раз тех, кому милее в себе скот, зверь, бес, но никак не человек в его божественно-софийной интерпретации.

Да, в том же падении советского «людского материала» вниз, в антимировскую бездну, можно искать и находить разные бросающиеся в глаза поверхностные мотивы, причины и обоснования вроде ошибок, недоработок, предательств, но главным тут всё-таки оказывается некая качественная трансгрессия нового поколения, идущего как раз на смену позитивному поколению — из позитива в негатив.

Новое историческое поколение не может и не хочет софийного позитива, ему оказывается доступнее и желаннее антисофийный негатив, — и фактом становится не то массовое превращение людей в нелюдей, не то массовое нашествие нелюдей чуть ли не из преисподней, соответственно превращение общества — в *населенческую массу*, культуры — в *антикультуру*, мира — в *антимир*.

Такова замысловатая *апокалиптика* Бытия-Истории, зачем-то требующая непременно мутационного перехода от позитива к негативу (сколько тут всяких реальных примеров!), а потом... потом, по прошествии времени, да ещё ежели повезёт (если София не отвернётся!), мучительное возвращение к новому позитиву.

Можно легко показать и доказать, что советский послевоенный позитив не был по сути софийным, а был, скорее, апокалиптическим выбросом Бытия-Истории как платы за Великую Победу, что он не был закономерен и сакрален, что на предшествовавшем ему насилии, крови и поте, как и сопутствующей ему мечте о некоем счастливом «коммунизме», никакого истинного и прочного позитива не построить, — всё это так, и со всем этим можно согласиться, если не одно «но», а именно... *но* ведь он —

этот позитив — *был*, а сегодня его либо вообще нет, либо почти нет, а если он и есть, то в какой-то бытийно-исторической резервации, а никак не на передовой российского Бытия-Истории. То же ведь факт!»

«Все эти и им подобные кульбиты Бытия-Истории (почти что и гегелевского Абсолютного духа), вполне и творящего, ибо в нём (или с ним) и Концепция, и Проект, и Свобода, и Необходимость, в общем — замысел Божий, вполне и софийный, однако с большой антисофийной возможностью, сидящей в том же Духе или же с ним споро взаимодействующей.

Вот и сегодня Дух творит на Земле (может, походя даже и вытворяет) что-то новенькое, — и дело тут не в одном только научно-техническом прогрессе, что понятно, но и во всём «человеческом гнездовище»: в России, в США, в Европе, в Китае, в Индии, в исламском мире, в Африке, в Латинской Америке, в Японии, на Филиппинах, в Сирии или на той же Украине, в общем — всюду!

Все теперь станут *другими*, если, конечно, уцелеют, и весь мир станет *другим*, если, конечно, уцелеет, а ведь все эти перемены начались с большой перемены в СССР, не считая хомейнистского переворота в Иране — более раннего, но заметно менее для мира тогда значимого, с его — СССР — трансгрессии во что-то совсем уж другое — с рассыпанием целого и мутациями отколовшихся частей; потом пошёл Китай — вверх, за ним уже остальные, вплоть до старушенции Европы, вознамерившейся поимперски вдруг встряхнуться и... не будем пока ничего предвещать относительно поставившей саму себя под вопрос Европы, а лучше обратим внимание на США, которые тоже ведь оказались прямо на краю кризисной мутационной фазы, это в лучшем случае, а то ведь и перед трансгрессией в... *густое неизвестное!*

Да, НТП, конкуренция, империализм, колониализм, борьба за ресурсы и саму жизнь делают своё дело, меняя мир и его субъектов, но все эти факторы и моменты лишь участники глобально-

го переменного процесса, а вот основным вершителем одного является метафизический, трансцендентный и софийный по природе и сути Вещий Дух, он же и Творящий Дух, способный увлекаться вовсе не только созиданием и добрыми свершениями, но и... разрушениями вкупе со злыми делами, ибо он строитель, врачеватель, прокурор и воин, отягчённый грузом сакральной ответственности за всё на Земле происходящее».

«Бытие-История — *поток*, причём поток духовно-материальный, светло-тёмный, созидательно-разрушительный, переменчивый, турбулентный, выворачивающийся, что-то выбрасывающий вдруг наверх, а что-то внезапно поглощающий, что-то вольно рождающий, а что-то произвольно умерщвляющий, захватывающий жизнь и смерть, мир и антимир, бытие и небытие, Нечто и Ничто.

И в этом турбулентном потоке, причём в самом его эпицентре, ныне Россия, сама весьма турбулентная, ищущая саму себя, не примыкая доверчиво и тесно ни к западной Сцилле, ни к восточной Харибде, а продвигаясь меж ними ради самой себя и мира в целом, ибо у неё в сердце *русская софийная правда*, она же *софиасофия*, а за ней возведённый не без участия Софии *российский многонациональный и многоконфессиональный Дом*, он же и *бесподобная геокосмостратегическая Крепость* — действенный оплот и дерзновенный источник животворного *Иного!*»

На этом (не)учёные записки, непреднамеренно писавшиеся с августа 2016 по январь 2017 г., а затем лишь авторски обрабатывавшиеся, заканчиваются, чтобы, уйдя, как водится, в небытийную неизвестность и по ней изрядно побродив, вернуться с обогащённой смысловой нагрузкой в текущую явь, а может... кто ж знает вещую судьбу не впопыхах высказанного сокровенного слова?

Оглавление

Тетрадь первая	6
Тетрадь вторая	20
Тетрадь третья	38
Тетрадь четвёртая	63
Тетрадь пятая	93
Тетрадь шестая	123
Тетрадь седьмая	159
Тетрадь восьмая	193
Тетрадь девятая	226
Тетрадь десятая	260
Тетрадь одиннадцатая	292
Тетрадь двенадцатая	329
Тетрадь тринадцатая	361
Тетрадь четырнадцатая, последняя	403

Научное издание

Ю.М. Осипов

**Софиасофские тетради
(Не)Ученые записки**

Редакторы

Е.С. Зотова, Т.Г. Трубицына

Оригинал-макет С.С. Нипа
Дизайн обложки А.В. Осипова

Подписано в печать 29.01.2018.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 18,3. Тираж 200 экз. Зак. №

Издательство «ГЕИС»

115407, Москва, Судостроительная ул., 59

Тел. (495) 939-32-28

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6